Проф. В. Е. ТИМОНОВЪ.

Почетный предсѣдатель Ассоціаціи Инженеровъ Гражданскихъ Сооруженій Франціи, Почетный членъ Общества Гражданскихъ Инженеровъ Франціи, Почетный членъ Генеральной Ассоціаціи Муниципальныхъ Гигіенистовъ и Техниковъ Франціи, Алжира-Туниса, Бельгіи, Швейцаріи, Люксембурга, Почетный членъ Американской Академіи Искусствъ и Наукъ, Пожизненный членъ Постоянной Комиссіи Международной Ассоціаціи Судоходныхъ Конгрессовъ, Членъ Постоянной Комиссіи Международной Ассоціаціи Шоссейно-Дорожныхъ Конгрессовъ и др.

СЪ МЕЖДУНАРОДНАГО КОНГРЕССА

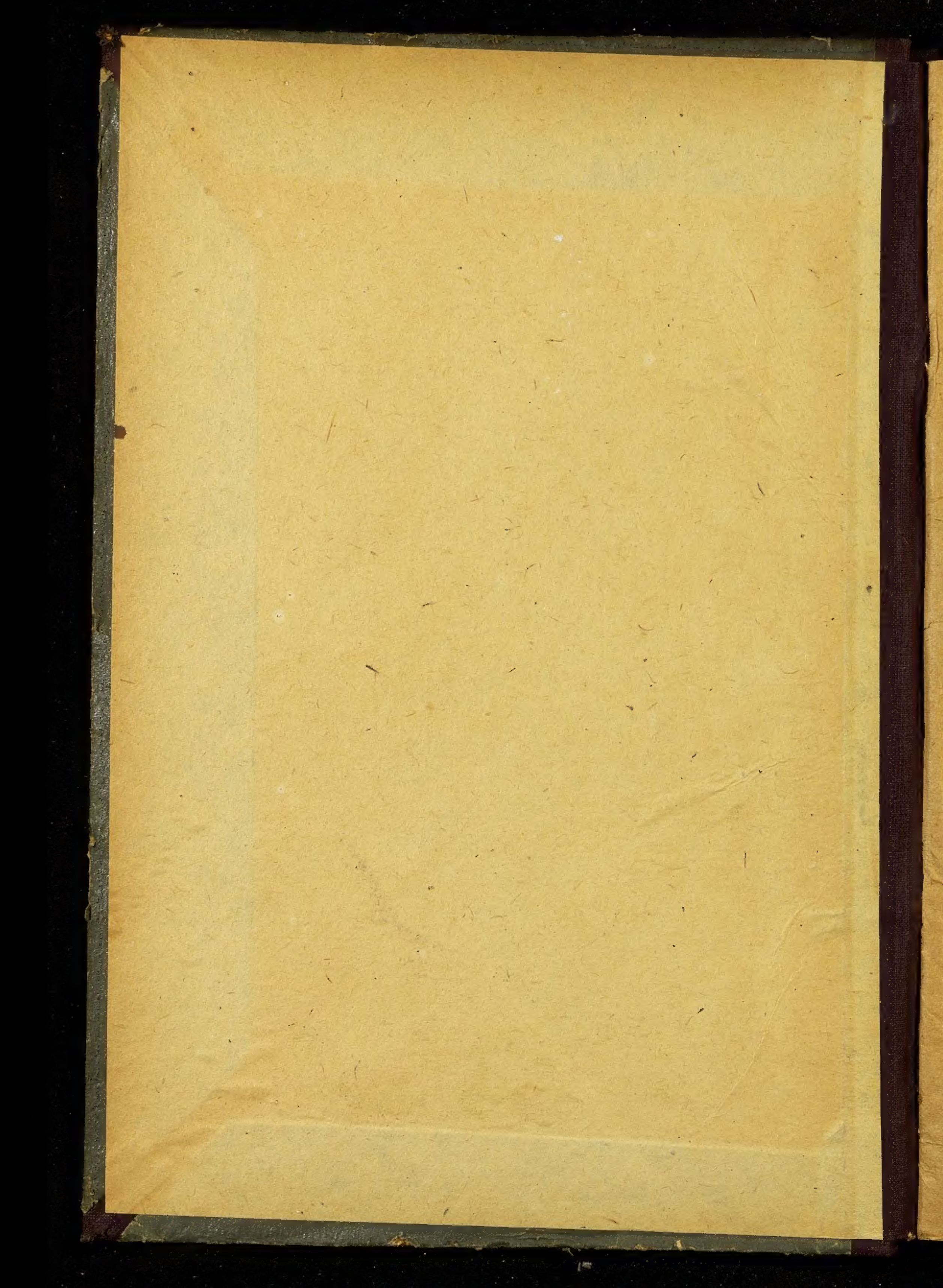
ВЪ ГЕРМАНСКІЙ ВОЕННЫЙ ПЛѢНЪ.

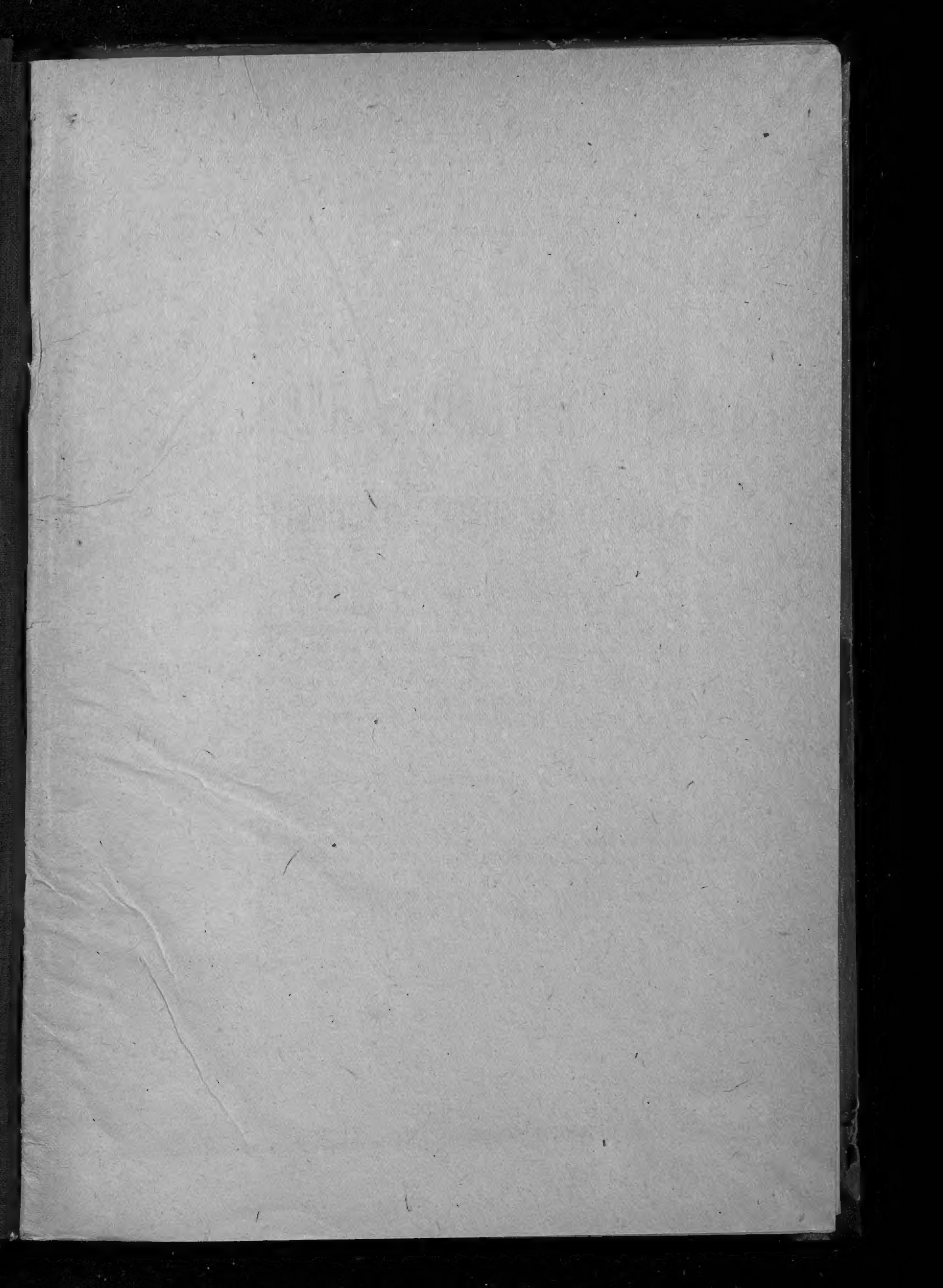
За границей въ іюлѣ 1914 года.—Балтійскій Инженерный Конгрессъ, его организація и техническіе доклады.—Охрана природы при инженерныхъ работахъ и автомобильное движеніе на дорогахъ по даннымъ Балтійскаго Инженернаго Конгресса.—Осмотры и экскурсіи Балтійскаго Инженернаго Конгресса.—Въ германскомъ курортѣ передъ войной.—Неудавшійся отъѣздъ въ Россію.—Арестъ въ Берлинѣ и первая тюрьма. — Вторая тюрьма. — Еще вторая тюрьма. — Освобожденіе изъ-подъ ареста.—Подъ полицейскимъ надзоромъ въ столицѣ Германіи.— Освобожденіе изъ германскаго плѣна.—На родину кружнымъ путемъ.

Съ 25 рисунками на шестнадцати таблицахъ.

Доходъ отъ изданія поступаетъ въ распоряженіе вѣдомства путей сообщенія и присоединяется къ учрежденному авторомъ въ петроградскомъ институтѣ инженеровъ путей сообщенія въ память начавшейся въ 1914 году войны капиталу для выдачи стипендій недостаточнымъ студентамъ сего института.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1917.

Проф. В. Е. ТИМОНОВЪ.

Почетный предсѣдатель Ассоціаціи Инженеровъ Гражданскихъ Сооруженій Франціи, Почетный членъ Общества Гражданскихъ Инженеровъ Франціи, Почетный членъ Генеральной Ассоціаціи Муниципальныхъ Гигіенистовъ и Техниковъ Франціи, Алжира-Туниса, Бельгіи, Швейцаріи, Люксембурга, Почетный членъ Американской Академіи Искусствъ и Наукъ, Пожизненный членъ Постоянной Комиссіи Международной Ассоціаціи Судоходныхъ Конгрессовъ, Членъ Постоянной Комиссіи Международной Ассоціаціи Шоссейно-Дорожныхъ Конгрессовъ и др.

СЪ МЕЖДУНАРОДНАГО КОНГРЕССА

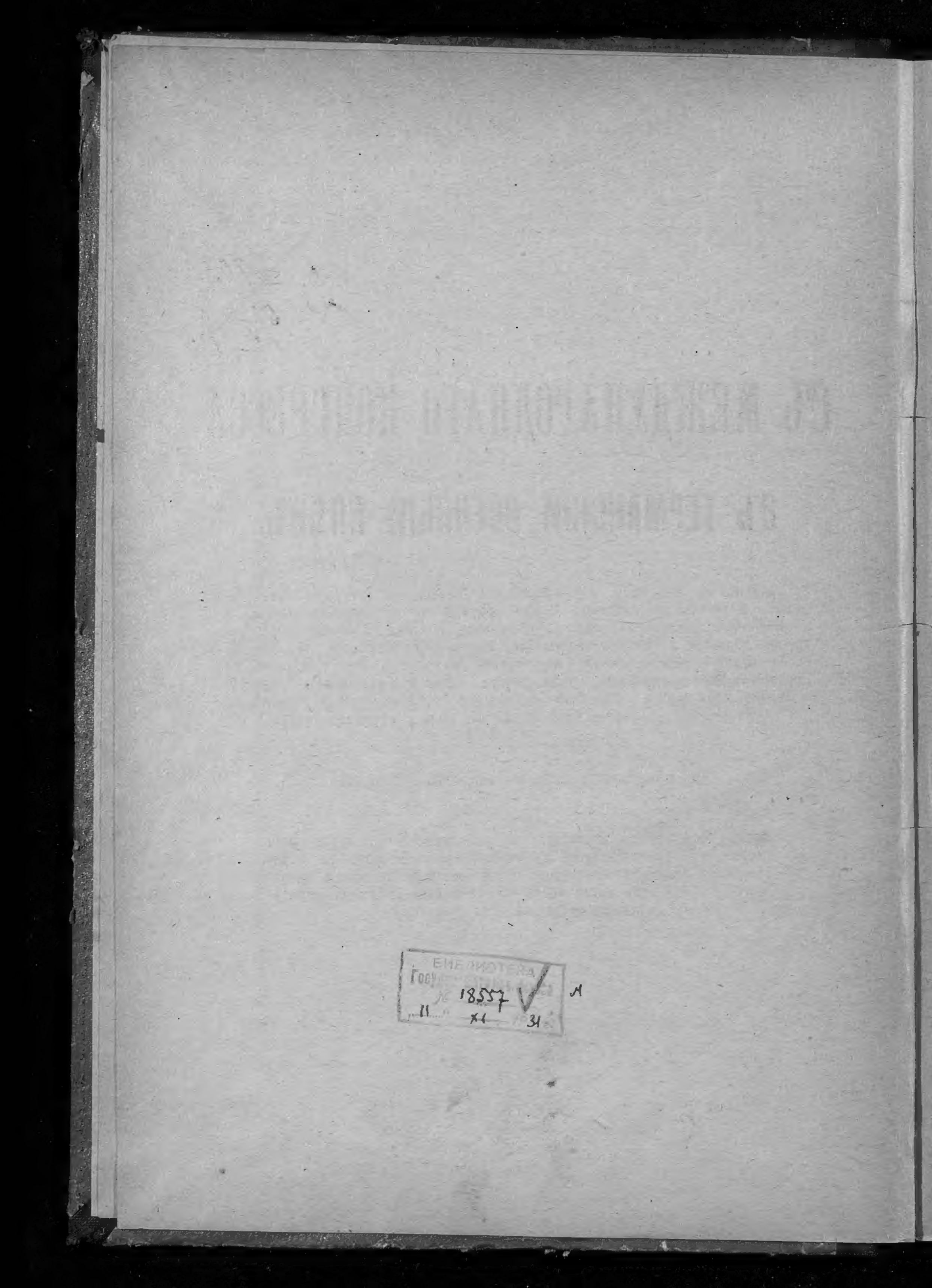
ВЪ ГЕРМАНСКІЙ ВОЕННЫЙ ПЛѢНЪ.

За границей въ іюлѣ 1914 года.—Балтійскій Инженерный Конгрессъ, его организація и техническіе доклады.—Охрана природы при инженерныхъ работахъ и автомобильное движеніе на дорогахъ по даннымъ Балтійскаго Инженернаго Конгресса.—Осмотры и экскурсіи Балтійскаго Инженернаго Конгресса.—Въ германскомъ курортѣ передъ войной.—Неудавшійся отъѣздъ въ Россію.—Арестъ въ Берлинѣ и первая тюрьма.—Вторая тюрьма.—Еще вторая тюрьма.—Освобожденіе изъ-подъ ареста.—Подъ полицейскимъ надзоромъ въ столицѣ Германіи.—Освобожденіе изъ германскаго плѣна.—На родину кружнымъ путемъ.

Съ 35 рисунками на шестнадцати таблицахъ.

Доходъ отъ изданія поступаетъ въ распоряженіе вѣдомства путей сообщенія и присоединяется къ учрежденному авторомъ въ петроградскомъ институтѣ инженеровъ путей сообщенія въ память начавшейся въ 1914 году войны капиталу для выдачи стипендій недостаточнымъ студентамъ сего института.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщеній
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117
1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Lose no time; be always employed in something useful. Keep out of all unnecessary action.

R. Franklin.

ГЛАВА I.

Заграницей въ началѣ іюля 1914 года.

Берлинъ.—Фленсбургъ.—По Даніи.—Копенгагенъ.—Мальмё.—Балтійская выставка. — Балтійскій Инженерный Конгрессъ.—Варнемюнде.—Ростокъ.—Лейпцигская выставка.—Памятники войны 1813 года.

Я выѣхалъ изъ Петрограда 24 іюня (7 іюля) на Берлинъ. Цѣль такого направленія моей поѣздки за границу въ этотъ разъ—была собрать нѣкоторые новые матеріалы для читаемыхъ мной въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія курсовъ строительнаго искусства.

Такая задача требовала посѣщенія нѣскольких высшихъ учебныхъ заведеній, лабораторій и портовъ въ Германіи, Даніи и Швеціи, а также присутствія на Балтійскомъ Инженерномъ Конгрессѣ.

По окончаніи этой работы я предполагалъ воспользоваться разрѣшеннымъ мнѣ отпускомъ для леченія въ Киссингенѣ.

Поѣздъ Варшавской дороги въ новомъ скоромъ и удобномъ сообщеніи перенесъ меня въ теченіе немного болѣе сутокъ на вокзалъ Фридрихсштрассе въ Берлинѣ. Знакомый путь промелькнулъ безъ приключеній. Все было, какъ всегда, хотя нѣмцы увеличили паспортныя строгости на границѣ и одного моего знакомаго пригласили, даже, для длительнаго допроса въ Эйдкуненѣ въ жандармскую комнату.

Вокзалъ Фридрихсштрассе, столь извѣстный всѣмъ русскимъ, по своей тѣснотѣ, сутолокѣ, неудобству и мрачности, былъ неузнаваемъ: настолько всѣ его отрицательныя качества возрасли. Шли работы по его перестройкѣ. Снимались при помощи высокихъ крановъ огромныя фермы вокзальной крыши. Внутри зданія ломались стѣны и возводились новыя. Для выхода и входа были устроены деревянные туннели, чтобы защитить публику отъ падающихъ камней и кусковъ желѣза. Въ разныхъ мѣстахъ провели неудобныя временныя лѣстницы. Вездѣ было тѣсно и грязно.

Найти помѣщеніе удалось не сразу. Берлинъ оказался переполненнымъ пріѣзжими. Поселившись въ гостинницѣ противъ вокзала, я изъ оконъ моей комнаты могъ наблюдать, какъ при помощи огневыхъ ножей, изъ струи ацетилена и кислорода, разрѣзывались фермы и связи крыши. Части желѣзнаго строенія быстро большими кусками спускались внизъ на увозившія ихъ повозки. А подъ этой ломающейся крышей непрерывно неслись поѣзда сотнями въ каждую сторону, съ автоматической правильностью, принимая и выпуская миріады пассажировъ и символизируя германскую настойчивость и методичность.

На улицахъ въ вечерніе часы царило обычное оживленіе, которое быстро стихало съ приближеніемъ ночи. Только у яркихъ оконъ автомобильнаго склада одной германской фирмы долго задерживалась публика, читая телеграммы объ одержанной германцами побѣдѣ на всемірномъ состязаніи автомобилей въ Ліонѣ. Тамъ эта фирма взяла первый призъ, благодаря высокому качеству машинъ и въ особенности физической силѣ и выдержкѣ шофферовъ. Увѣренные въ своихъ машинахъ и превосходно тренированные, германскіе шофферы съ заранѣе установленной скоростью дѣлали непрерывно кругъ за кругомъ, покрывая все большее и большее пространство, въ то время, какъ ихъ пылкіе соперники старались сразу обогнать противниковъ, ломали автомобили, задерживались въ пути и, будучи сначала далеко впереди, оказались въ концѣ побѣжденными.

Это наводило на грустныя размышленія. Французы, геніальные изобрѣтатели автомобиля и создатели автомобильной промышленности, побивались въ практическихъ примѣненіяхъ на своей же территоріи менѣе талантливымъ, но болѣе систематическимъ противникомъ. Французское изобрѣтеніе германцы подвергли въ спеціальныхъ лабораторіяхъ всестороннему изученію и многочисленнымъ опытнымъ изслѣдованіямъ, обративъ особое вниманіе на то, чтобы сдѣлать автомобиль достояніемъ многихъ, а не избранныхъ, и создать большіе кадры людей, въ совершенствѣ владѣющихъ этимъ новымъ средствомъ сообщенія.

Слѣдующій день я провелъ въ Берлинѣ и посвятилъ посѣщенію королевской прусской гидротехнической лабораторіи, музея путей сообщенія, сельско-хозяйственнаго музея, новыхъ аквaріума, инсекторіума и террaріума въ Зоологическомъ Саду, и нѣкоторыхъ другихъ научныхъ учрежденій.

Прусская королевская гидротехническая лабораторія помѣщается подъ одной изъ арокъ городской желѣзной дороги въ Тиргартенѣ на такъ называемомъ Шлюзномъ островѣ. Она изслѣдуетъ при посредствѣ опытовъ на моделяхъ вопросы, относящіеся до улучшенія рѣкъ и портовъ, устройства каналовъ и постройки судовъ. Я съ давнихъ поръ состоялъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ ея администраціей.

Ея нынѣшній директоръ, инженеръ Крей, съ которымъ я знакомъ уже нѣсколько лѣтъ, встрѣтилъ меня съ обычнымъ радушіемъ и показалъ новѣйшіе опыты, въ области рѣчной гидротехники. Я получилъ отъ него экземпляръ его послѣдней печатной работы, выслушалъ предположенія о ея развитіи, заручился согласіемъ на допущеніе къ занятіямъ въ лабораторіи моего ассистента и унесъ пріятныя воспоминанія и полезныя свѣдѣнія.

Пока я былъ въ лабораторіи туда пришелъ съ большой группой студентовъ профессоръ судостроенія Фламмъ, съ которымъ я также давно знакомъ по международнымъ судоходнымъ конгрессамъ и германскому союзу внутренняго судоходства. Встрѣча была радушная, хотя и кратковременная, такъ какъ профессору Фламму надо было спѣшить къ своимъ студентамъ.

При посѣщеніи части лабораторіи, посвященной судостроенію, я замѣтилъ, что инженеръ Крей какъ то стѣсняется, чего никогда не было прежде. Зная, что тутъ всегда могутъ быть военныя тайны, такъ какъ изслѣдуются преимущественно модели корпусовъ и винтовъ боевыхъ судовъ, и думая, что безпокойство въ директорѣ лабораторіи вызываетъ присутствіе моего ассистента, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ, я очень сократилъ эту

часть осмотра, къ явному облегченію инженера Крея. Можетъ быть, въ этотъ разъ у него были и опыты особой важности...

Послѣ этого мы еще долго сидѣли въ его кабинетѣ и разстались, обѣщая другъ другу поддержку на конгрессѣ 1915 года, гдѣ, по моему предложенію, должны были слушаться доклады о дѣятельности всѣхъ гидротехническихъ лабораторій, въ томъ числѣ Берлинской и состоящей въ моемъ завѣдываніи Петроградской.

Въ Берлинѣ стояла та чудная погода, которой вообще отличалось лѣто 1914 года и которая потомъ сыграла такую важную роль при быстромъ наступленіи германскихъ и австрійскихъ армій. Тиргартенъ сверкалъ яркой зеленью своихъ вѣковыхъ деревьевъ. На всѣхъ его многочисленныхъ дорожкахъ гуляли люди. По пересѣкающему паркъ каналу плыли длинныя барки, которыя служатъ для перевозки товаровъ изъ одного конца Германіи въ другой и даже выходятъ нерѣдко за ея предѣлы.

Хозяинъ такого судна живетъ съ семьей на немъ постоянно, и на палубѣ можно видѣть членовъ семьи за самыми разнообразными занятіями. Мать готовитъ обѣдъ. Сынъ учитъ уроки. Дочь держитъ руль. Маленькія дѣти бѣгаютъ взапуски съ собакой. Мы стояли на мостѣ надъ каналомъ и смотрѣли на эти мимо плывущія картины спокойнаго благополучія. Тихо подвигаясь при посредствѣ упирающихся въ дно шестовъ, барки слѣдовали одна за другой подъ сѣнью нависшихъ деревьевъ, оставляя впечатлѣніе спокойно и неторопливо исполняемаго долга.

Берлинскій музей путей сообщенія посѣщаетъ мало кто изъ русскихъ,— не только изъ обыкновенныхъ путешественниковъ, но даже изъ профессіоналовъ техники и экономики. Изъ множества извѣстныхъ мнѣ людей я могу назвать только 3—4, которые тамъ были, но я не знаю ни одного, который не посѣщалъ бы, напримѣръ, магазиновъ Вертгейма или имъ подобные, въ томъ же Берлинѣ, для покупки болѣе или менѣе ненужныхъ вещей и, даже, просто для удовольствія побывать въ этихъ громадныхъ базарахъ.

Въ обширномъ зданіи упраздненнаго вокзала помѣщается этотъ музей, не имѣющій себѣ равнаго въ мірѣ, съ многочисленными и превосходными моделями сооруженій, которыя такъ преобразили весь строй человѣческой жизни, сокративъ пространство и удлинивъ время. Шоссе, желѣзныя дороги, рѣки, порты, мосты, пароходы, паровозы, паромы, элеваторы—чего только нѣтъ въ этомъ музеѣ! И какъ все представлено. Многія модели движутся, живутъ, освѣщаются огнями, давая ясное представленіе о предметѣ. Толковые и разумные надзиратели объясняютъ экспонаты. Музей безплатный, открытый для всѣхъ, воспитываетъ и учитъ, внося сознательное отношеніе къ дѣлу сообщеній страны, какъ къ величайшему средству экономической и военной мощи.

Такихъ или подобныхъ музеевъ въ Германіи въ разныхъ областяхъ знанія много. Главная ихъ черта—служить не просто хранилищемъ орудій знанія, куда допускаются только иногда и не многіе, а широко открывать свои двери всѣмъ и каждому, не боясь, что это обременитъ хранителей или можетъ повлечь за собой порчу или утрату хранимаго. Яркое пониманіе національно-воспитательныхъ задачъ сказывается здѣсь повсюду. Въ Мюнхенскомъ Нѣмецкомъ Музеѣ (Deutsches Museum) каждый посѣтитель можетъ самъ дѣлать опыты съ моделями, включительно до пусканія монгольфера.

Трогайте все, вертите ручки, открывайте краны, не бойтесь что нибудь испортить, но только вдумывайтесь, учитесь и развивайтесь, чтобы быть въ состоянiи дать странѣ максимумъ того, на что вы способны.

Внѣшняя физiономiя Берлина въ этотъ день 9 iюля была самая обычная, всѣмъ хорошо извѣстная и не выдававшая ничѣмъ той внутренней работы, которая велась здѣсь по послѣднимъ подготовленiямъ къ задуманной войнѣ. Вѣдь въ это время Австрiя съ согласiя и вѣдома Германiи, а можетъ быть, и по ея требованiю, уже точила ножъ, который собиралась приставить къ горлу Сербiи; но это дѣлалось съ такой осторожностью, что звуки точильнаго бруска не доносились ни до чьего посторонняго слуха, а газеты непрерывно распространяли извѣстiя о крайне спокойномъ и скромномъ тонѣ, въ которомъ будетъ выдержана нота къ Сербiи со стороны ея сосѣдки по поводу Сараевской катастрофы.

10 iюля (н. с.) я уѣхалъ въ Фленсбургъ, Фредерицiю и Ольборгъ, минуя пока Гамбургъ и другiе большiе порты Германiи. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть сначала порты Ютландiи, лежащiе въ глубокихъ бухтахъ или проливахъ, съ ихъ оживленнымъ мѣстнымъ движенiемъ и своеобразной жизнью.

По пути въ окна вагона мелькнулъ Кильскiй каналъ, давно мной изученный и описанный, но съ тѣхъ поръ получившiй новые значительно увеличенные размѣры. Онъ углубленъ съ 9 до 11 метровъ и уширенъ съ 22 до 44 метровъ по дну, а желѣзнодорожный мостъ низкаго уровня съ поворотными частями перестроенъ и замѣненъ грандiознымъ вiадукомъ, проходящимъ выше вершинъ самыхъ высокихъ мачтъ судовъ.

Этотъ новый переходъ въ Рендсбургѣ я и видѣлъ. Желѣзная дорога поднимается на огромную насыпь и потомъ пересѣкаетъ на вiадукѣ каналъ. На другомъ берегу насыпь и вiадукъ образуютъ винтовую линiю и рельсовый путь проходитъ подъ самимъ собой, спускаясь на низменную равнину Шлезвига. Все это сооруженiе, очень импозантное, хотя и не красивое, даетъ наглядный масштабъ тѣхъ усилiй, которыя сдѣланы Германiей, чтобы спѣшно и срочно обезпечить своему боевому флоту полную свободу передвиженiя между Балтiйскимъ и Нѣмецкимъ морями.

Въ Фленсбургъ я прiѣхалъ къ вечеру засвѣтло и успѣлъ осмотрѣть портъ и городъ. Городъ прiютился въ самой вершинѣ живописнаго фiорда, по берегамъ котораго расположено нѣсколько купальныхъ и дачныхъ мѣстъ. Улицы довольно круто спускаются къ водѣ. Много зелени, изъ которой выдвигаются яркiя красныя крыши домовъ и церковныя башни.

Портъ, когда я его увидалъ, дремалъ въ лучахъ вечерней зари. Пароходы и парусники стояли у набережныхъ. Работы уже были прекращены и большая верфь, на которой строились паровыя суда значительнаго тоннажа, молчала. Угольный складъ съ новѣйшими приспособленiями для выгрузки угля чернѣлъ большимъ пятномъ въ сумеркахъ потухающаго дня. Было тихо. На берегу сидѣли мальчики рыболовы. Они терпѣливо слѣдили за поплавками своихъ удочекъ, лишь изрѣдка вступая въ ссору, когда лесы запутывались. Маленькiй мѣстный пароходикъ высаживалъ послѣднихъ пассажировъ, вернувшихся съ морского купанья. Мирная ночь спускалась среди нароставшей тишины.

На слѣдующее утро я объѣхалъ Фленсбургскiй фiордъ на пароходѣ и посѣтилъ курортъ Глюксбургъ. Мы проплыли мимо величественнаго зданiя

Германскаго морского кадетскаго корпуса, расположеннаго въ маленькомъ городкѣ Мюрвикѣ надъ самой водой.

Характерная особенность Германскихъ военныхъ корпусовъ—ихъ расположеніе внѣ городовъ—ясно вырисовывается здѣсь. Главное зданіе морского корпуса съ окружающими его флигелями и особняками представляетъ отдѣльный поселокъ. У его подошвы виднѣлись купальни, школа плаванья и цѣлая флотилія учебныхъ судовъ разныхъ наименованій. Германскій морской кадетскій корпусъ—это дѣйствительно морская школа, гдѣ мальчики живутъ и воспитываются въ непосредственной близости отъ того элемента, на которомъ имъ суждено дѣйствовать. Они постоянно видятъ море, дышутъ непрерывно морскимъ воздухомъ, купаются, плаваютъ, гребутъ, управляютъ парусами, ходятъ на катерахъ, миноносцахъ и пр. Какъ это мало похоже на жизнь нашихъ маленькихъ моряковъ на набережной Васильевскаго Острова. Тутъ же невдалекѣ я видѣлъ большой четырехъ-трубный крейсеръ. Онъ стоялъ на якорѣ и его изящныя линіи вырисовывались на фонѣ утренняго свѣтлаго неба.

Хорошій климатъ окрестностей Фленсбурга и отлично устроенныя купальныя мѣста привлекаютъ сюда множество людей изъ разныхъ мѣстъ Германіи и изъ-за границы. Я видѣлъ въ спискахъ фамилій даже прибывшихъ изъ Сибири. Только датчанамъ здѣсь жить запрещено. Категорическое требованіе германскихъ властей обязываетъ всякаго датскаго подданнаго уходить изъ Сѣвернаго Шлезвига послѣ семидневнаго пребыванія. Такъ мало еще взаимнаго довѣрія между побѣдителями и побѣжденными 1864 года. Полъстолѣтія не прекратили вражды и не создали нормальныхъ отношеній.

Фредериція, нѣкогда сильная датская крѣпость, лежитъ на берегу Малаго Бельта и паровой паромъ соединяетъ ее съ островомъ Фюненъ. Я посѣтилъ ея портъ и паромныя пристани, извѣстныя мнѣ уже по прежнимъ путешествіямъ. Затѣмъ поѣздъ понесъ меня чрезъ зеленые поля и луга къ сѣверу Ютландіи.

Данія удивительно сумѣла сохранить сельскій характеръ страны. Хотя у нея есть и промышленные центры съ фабриками, заводами и прочими принадлежностями современной культуры, но все это гдѣ то въ сторонѣ, на заднемъ планѣ. А на первомъ—хутора, фермы, имѣнія съ отлично обработанными полями. Отъ всего вѣетъ миромъ, спокойствіемъ и здоровьемъ.

Желѣзнодорожныя станціи крайне оживлены. Вездѣ множество молодыхъ людей, дѣвушекъ, дѣтей. Большинство пріѣзжаетъ на велосипедахъ и устанавливаетъ ихъ тутъ же въ багажный вагонъ, или кладетъ въ ожиданіи поѣзда на станціонную платформу. На большихъ вокзалахъ велосипедовъ скопляются цѣлыя горы.

Этотъ способъ передвиженія пользуется въ Даніи огромной популярностью. Видно, что это не спортивное увлеченіе, а обычное полезное дѣло. Ѣздятъ на велосипедахъ милліоны людей всѣхъ возрастовъ, и въ городахъ и по деревенскимъ дорогамъ. Ѣздятъ всѣ превосходно, мужчины и женщины, взрослые и дѣти, не боясь трамваевъ, автомобилей и экипажей. При переѣздѣ по желѣзной дорогѣ берутъ велосипеды съ собой и, прибывъ на новое мѣсто, не нуждаются въ услугахъ извозчика, чтобы добраться до цѣли путешествія. Я видѣлъ, даже, ловкаго юношу, который ѣхалъ на велосипедѣ по станціонной платформѣ отъ багажнаго вагона, гдѣ онъ его взялъ, къ выходу изъ вокзала,

искусно лавируя между пассажирами и ихъ вещами. Сколько при этомъ вездѣ добродушной и непринужденной веселости, ясности духа, душевной простоты.

Особеннаго оживленія достигаетъ внутреннее движеніе въ Даніи въ лѣтніе воскресные дни. Вся страна обращается въ какую то огромную семью, весело встрѣчающую и проводящую праздникъ. Всѣ пріодѣты. Дѣвушки и дѣти въ бѣлыхъ платьяхъ. У многихъ въ рукахъ цвѣты. Ѣдутъ въ ближайшіе городки или къ знакомымъ въ деревню цѣлыми семействами или группами друзей, везутъ съ собой музыкальные инструменты, мольберты и краски, охотничьи и рыболовныя принадлежности, и, конечно, велосипеды. Солнце заливаетъ веселымъ свѣтомъ мягкую зелень полей и луговъ. Хорошія дороги змѣятся среди нихъ. Куда ни взглянетъ глазъ, видишь несущихся велосипедистовъ и велосипедистокъ. И надъ всѣмъ развѣваются, похожіе на лепестки тюльпановъ, безчисленные, ярко-красные датскіе флаги съ бѣлымъ крестомъ— символъ единенія націи и любви къ родинѣ.

Въ Ольборгѣ я пробылъ два дня, знакомясь съ этимъ интереснымъ портомъ и его фіордомъ. Сѣверная часть Ютландіи прорѣзывается здѣсь длиннымъ проливомъ отъ Каттегата до Нѣмецкаго моря. Это Лимфіордъ. Противъ Ольборга проливъ суживается до 150 саж. и пересѣкается двумя мостами—желѣзнодорожнымъ и экипажнымъ. На другой сторонѣ лежитъ городокъ Нёрресюндбю, который также является значительнымъ портомъ. Въ Ольборгѣ много старинныхъ зданій и улицы средневѣковаго типа тянутся въ двухъ шагахъ отъ бульваровъ съ современными красивыми домами.

На пути въ Копенгагенъ я былъ въ Нюборгѣ и Корсёрѣ. Они лежатъ на большомъ Бельтѣ въ разстояніи 23 километровъ другъ отъ друга и между ними работаетъ желѣзнодорожная паромная переправа, подобная той, которая обслуживаетъ Малый Бельтъ между Фредериціей и Стрибомъ. Такія переправы составляютъ давнишнюю особенность желѣзнодорожнаго движенія Даніи и принадлежатъ датскимъ казеннымъ дорогамъ. Самая значительная находится между Едзеромъ и Варнемюнде для соединенія германской желѣзнодорожной сѣти съ датской. Огромные пароходы-паромы принимаютъ цѣлые поѣзда на свои палубы и перевозятъ ихъ съ одного берега на другой нѣсколько разъ въ день. Главное значеніе паромныя переправы имѣютъ для грузового движенія, но и для пассажировъ онѣ очень удобны, давая возможность слѣдовать безъ пересадки и, даже не просыпаясь, въ купэ спальныхъ вагоновъ съ континента на датскіе острова. Подобная же переправа, еще болѣе значительная по размѣру пароходовъ, между Зассницемъ въ Германіи и Треллеборгомъ въ Швеціи, пріобрѣла въ 1914 году большое значеніе для русскихъ, какъ единственный путь для исхода изъ германскаго плѣна.

Переправы Варнемюнде—Едзеръ и Засссницъ—Треллеборгъ возникли при денежномъ содѣйствіи Германіи, повидимому очень крупномъ, и создали тѣсную связь этой страны съ скандинавскими государствами. Правильно работающее лѣтомъ и зимой желѣзнодорожное сообщеніе черезъ море какъ бы уничтожило естественное водное пространство между Германіей и этими государствами. Они приблизились и прикрѣпились къ тевтонскому материку, а вмѣстѣ съ экономической зависимостью возросло сильно и духовное подчиненіе.

Когда я подъѣзжалъ къ Копенгагену послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ пути, уже вечерѣло. Огромный новый копенгагенскій вокзалъ былъ наполненъ воскресной толпой возвращавшихся горожанъ и отъѣзжавшихъ изъ столицы жителей окрестностей. Стоялъ многоголосный шумъ. Тысячи велосипедовъ занимали обширную площадь помѣщенія для храненія пассажирскихъ вещей. Мелькали бѣлыя платья, соломенныя шляпы, свѣжія лица. На улицахъ также было много народа, стремившагося въ сосѣдній Тиволи—величайшій въ Европѣ увеселительный садъ.

Лѣтомъ Копенгагенъ вообще переполненъ путешественниками. Въ настоящемъ году ихъ было еще болѣе обыкновеннаго изъ-за выставки въ Мальмё. Эрезундъ отдѣляетъ эти два города полосой воды, которую пароходъ или желѣзнодорожный паромъ пробѣгаетъ въ $1^1/_2$ часа. Посѣтители выставки въ Мальмё не могутъ не побывать въ Копенгагенѣ. Многіе изъ нихъ, не найдя себѣ помѣщенія въ Мальмё, жили въ Копенгагенѣ и отсюда ѣздили на выставку. Такъ сдѣлалъ и я, хотя и въ Копенгагенѣ мнѣ удалось устроиться только послѣ продолжительныхъ поисковъ мѣста въ нѣсколькихъ гостиницахъ. Все было занято. Въ одной гостиницѣ мнѣ предложили помѣститься въ ванной комнатѣ, въ другой въ небольшомъ чуланѣ съ дверью въ пивную залу. Было уже очень поздно, когда, наконецъ, я получилъ сносную комнату въ какомъ то пансіонѣ.

Я бывалъ въ Копенгагенѣ неоднократно и его художественныя особенности мнѣ были хорошо знакомы, но въ нихъ такъ много интереса и красоты, что я не могъ не посѣтить наиболѣе любимыхъ музеевъ. Посѣщеніе и осмотръ порта входили въ прямую программу моего пребыванія здѣсь. Особенность Копенгагскаго порта — обширная вольная гавань, хорошо устроенная и оборудованная, съ все возрастающимъ торговымъ значеніемъ. Она могла бы быть хорошимъ примѣромъ подобнаго сооруженія у насъ. Наша торговля нуждается, и на Балтійскомъ и на Черномъ морѣ, въ вольныхъ гаваняхъ, т. е. гаваняхъ, лежащихъ внѣ таможенной черты.

Изъ числа техническихъ осмотровъ должно отмѣтить еще посѣщеніе Земледѣльческо-Ветеринарнаго Института. Это высшее учебное заведеніе занимаетъ большую усадьбу въ самомъ городѣ близко отъ его центра. Въ хорошо и компактно построенныхъ зданіяхъ соединены двѣ школы, столь далекія по дисциплинамъ, но столь близкія по своей дѣятельности,—сельскохозяйственная и скотолечебная. Такое соединеніе оказывается практичнымъ и плодотворнымъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ успѣшные результаты многолѣтней работы этого учрежденія. Въ Институтѣ учится около 600 студентовъ; въ числѣ ихъ есть, кромѣ датчанъ, норвежцы, шведы, финляндцы и даже русскіе.

Въ Мальмё я уѣхалъ съ первымъ пароходомъ. Было очень тихо. Надъ спокойной гладью моря чуть поднимался легкій туманъ. Дома и башни Копенгагена, освѣщенные восходящимъ солнцемъ, быстро удалялись по мѣрѣ движенія парохода и постепенно таяли въ дымкѣ тумана. Другой берегъ еще не былъ видѣнъ. На пути обрисовывались силуеты нѣсколькихъ островковъ. Два три грузовика пересѣкли нашъ курсъ, слѣдуя къ Зунду. Слышались отдаленные гудки. Нашъ пароходъ, небольшой и довольно грязный, несмотря на ранній рейсъ, былъ набитъ публикой. Это были дѣловые люди, которые спѣшили къ своимъ занятіямъ въ Мальмё или на шведскій поѣздъ, чтобы ѣхать вглубь страны. Они не теряли времени и переѣздъ использовали для

завтрака. При приближеніи къ шведскому берегу фарватеръ суживается и въ разныхъ мѣстахъ появляются указательные знаки. Предъ самымъ Мальмё онъ искусственно углубленъ и проходитъ среди аллеи буевъ, ограждающихъ его съ обѣихъ сторонъ.

Мальмё старый городъ, третій въ Швеціи по числу жителей, столица Сконіи, не отличается особой красотой, но энергія его населенія замѣчательна и ярко проявилась въ созданіи Балтійской выставки. Мальмійцы сумѣли найти средства, конечно, при поддержкѣ правительства, чтобы устроить выставку очень значительныхъ размѣровъ и серьезнаго содержанія. Выставочныя зданія построены по общему, хорошо обдуманному плану, въ оригинальномъ стилѣ старыхъ прибалтійскихъ городовъ. Только павильоны Россіи, Даніи и Германіи имѣютъ другой характеръ и нарушаютъ единство впечатлѣнія. Интересъ выставки сосредоточивается, конечно, на Шведской промышленности, сдѣлавшей большіе успѣхи въ разныхъ направленіяхъ и широко представленной въ „самомъ большомъ деревянномъ“ зданіи міра. Выставки Германіи и Даніи содержательны, особенно первой. Какъ и вездѣ, обдуманно и методично, Германія устроила свой выставочный отдѣлъ въ ясномъ сознаніи отечественныхъ торгово-промышленныхъ задачъ и убѣжденіи въ необходимости импонировать культурой и силой. Русскій отдѣлъ производилъ, даже независимо отъ такого сосѣдства, жалкое впечатлѣніе и служилъ доказательствомъ недостаточной умѣлости въ выставочномъ дѣлѣ его устроителей.

— Въ русскомъ отдѣлѣ есть только резиновыя калоши, говорили громко иностранные посѣтители нашего павильона.

Дѣйствительно, огромная часть пространства была занята экспонатами двухъ резиновыхъ фирмъ, разставленными внутри спеціально созданныхъ колоннадъ. Для всего остального отведены какіе то углы, и какъ слабо все это остальное, напримѣръ, выставка лѣсныхъ матеріаловъ, муки и проч.! Нѣкоторую новую и разумную ноту внесъ стандъ холодильнаго дѣла, единственная часть нашей выставки, на которую обратилъ вниманіе Балтійскій Инженерный Конгрессъ.

— Если вы хотите, чтобы участіе Россіи въ заграничныхъ выставкахъ служило для вашей пользы, а не вреда, помогало развитію вашей торговли, увеличивало бы вашъ престижъ, то для этого нужно, чтобы выставочное дѣло имѣло у васъ постоянную организацію, которая работала бы непрерывно и спокойно, а не лихорадочно въ мѣсяцъ, предшествующій выставкѣ, и чтобы устройство выставокъ поручалось людямъ, располагающимъ широкимъ знаніемъ выставочнаго дѣла и данной страны, свободнымъ временемъ и международной извѣстностью. — Такъ говорилъ мнѣ во время моего пребыванія въ Мальмё одинъ изъ моихъ иностранныхъ друзей, искренній доброжелатель Россіи.

При мнѣ на выставку въ Мальмё прибыли мальчики нашей русской экскурсіи, организуемой особымъ комитетомъ. Это полезное и хорошее предпріятіе вызвало къ себѣ симпатичное отношеніе со стороны русской администраціи выставки. Экскурсантовъ принимали и угощали въ русскомъ павильонѣ, и поэтому русскій павильонъ былъ на долго закрытъ для публики. Распоряженіе это не было объявлено. Никакого аншлага на дверяхъ сдѣлано не было. Множество иностранцевъ подходили и ихъ не пускали. Это давало поводъ къ справедливому неудовольствію и недоумѣнію.

Мальчики-экскурсанты разбрелись потомъ по выставкѣ. Одѣтые въ матросскіе форменные костюмы, но не имѣя ни военной выправки, ни военной дисциплины, съ папиросами въ зубахъ, нѣкоторые изъ нихъ вызывали ироническія замѣчанія въ публикѣ.

— И это русскіе морскіе кадеты!—говорили вокругъ меня, предполагая, что предъ ними ученики русскаго морского кадетскаго корпуса.

Думается, что военная форма не должна быть предметомъ маскарада, даже и съ хорошими намѣреніями, въ особенности за границей.

Въ связи съ Балтійской выставкой и былъ организованъ въ Мальмё Балтійскій инженерный конгрессъ, подъ покровительствомъ Наслѣдника Шведскаго престола Густава-Адольфа и предсѣдательствомъ губернатора Сконіи графа де ла Гарди. Организаціонный комитетъ этого конгресса имѣлъ предсѣдателемъ инженера Пегелова. Генеральнымъ секретаремъ конгресса былъ инженеръ Петерсонъ. Конгрессъ соединялъ въ себѣ представителей техники Швеціи, Россіи, Германіи и Даніи. Задолго до его открытія я былъ приглашенъ организаціоннымъ комитетомъ принять на себя обязанности вице-предсѣдателя отъ Россіи съ Финляндіей. Ознакомившись съ проектомъ статута конгресса, я увидѣлъ, что международнымъ языкомъ его признается нѣмецкій, причемъ допускается употребленіе шведскаго и датскаго, но возбраняется говорить на русскомъ и финскомъ. Я, конечно, долженъ былъ, прежде всего отстоять наши права, что мнѣ и удалось, хотя и не въ полной мѣрѣ. Комитетъ принялъ мои предложенія о равноправіи всѣхъ балтійскихъ языковъ, но при условіи перевода рѣчей съ русскаго и финскаго на другіе.

Для засѣданій Конгресса въ Мальмё было отведено зданіе мѣстнаго реальнаго училища, въ которомъ нашелся для общихъ собраній прекрасный залъ съ хорами и нѣсколько залъ для секцій. Балтійскій инженерный конгрессъ далъ рядъ интересныхъ докладовъ, въ особенности, по отношенію къ развитію шведской техники въ разныхъ областяхъ промышленности. Онъ имѣетъ, независимо отъ своей профессіональной цѣнности, интересъ историческаго момента, такъ какъ на немъ съ 13 по 20 іюля (н. с.), за нѣсколько дней до всеевропейской катастрофы собрались для мирной международной бесѣды представители всѣхъ націй, владѣющихъ Балтійскимъ моремъ.

Ничто не предвѣщало грядущихъ событій. Въ изящной рамкѣ выставки широко развернулись научныя засѣданія и традиціонное шведское гостепріимство. Офиціальныя рѣчи торжественныхъ собраній и привѣтствія за обѣденнымъ столомъ говорили о взаимномъ уваженіи балтійскихъ народовъ, о связывающей ихъ дружбѣ, о совмѣстной культурной работѣ на пользу всего человѣчества.

Особое вниманіе мнѣ, какъ представителю Россіи, было оказано не только со стороны шведовъ, но и со стороны германскаго вице-предсѣдателя г. Маттіесъ, съ которымъ я былъ давно знакомъ по прежнимъ международнымъ встрѣчамъ. Онъ бывалъ и въ Россіи, присутствовалъ на большомъ судоходномъ конгрессѣ, состоявшемъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государя Императора и моимъ предсѣдательствомъ въ 1908 г. Его рѣчь, гдѣ онъ вспоминалъ объ этомъ, была полна живого чувства.

Большой банкетъ конгресса происходилъ на выставкѣ въ нѣмецкомъ ресторанѣ, помѣщавшемся въ павильонѣ Германіи. Занявъ на Мальмійской

выставкѣ доминирующее послѣ Швеціи положеніе по полнотѣ и разнообразію своихъ экспонатовъ, Германія сумѣла сдѣлать въ своемъ павильонѣ особенно притягательный центръ въ видѣ превосходнаго ресторана, лучшаго на выставкѣ, съ богатымъ погребомъ пива и вина. Ресторанъ этотъ торговалъ на славу, отчисляя часть своихъ доходовъ въ распоряженіе германскаго выставочнаго комиссаріата. Во главѣ послѣдняго стоялъ г. Маттіесъ, о которомъ я упоминалъ. Проводя широко принципъ платы экспонентами за участіе въ выставкѣ, онъ достигъ того, что при небольшой субсидіи правительства, создалъ многомилліонный германскій отдѣлъ. Но онъ никому не дѣлалъ уступки и правительственныя учрежденія платили наравнѣ съ остальными экспонентами.

Покинувъ гостепріимный Мальмё, гдѣ въ послѣдній разъ предъ войной, пришлось провести нѣсколько времени въ мирномъ международномъ общеніи, я уѣхалъ чрезъ Копенгагенъ и Едзеръ въ Варнемюнде.

Въ Варнемюнде я провелъ нѣсколько утреннихъ часовъ, изучая его портовыя сооруженія. Весь городъ спалъ еще, когда я вышелъ изъ вокзала, къ которому меня привезъ гигантъ-паромъ. Занималась заря тихаго лѣтняго дня. На улицѣ я встрѣтилъ группу изъ нѣсколькихъ мужчинъ и дамъ, засидѣвшихся въ ресторанѣ. Обширный купальный берегъ былъ густо заставленъ корзинами—защитами отъ вѣтра. Вдоль берега тянется красивая улица съ дачами и садами. Входъ въ портъ ограждаютъ хорошо построенные каменные молы. Я прошелъ до конца одного изъ нихъ и здѣсь у подошвы высокаго маяка потревожилъ какого-то молодого мечтателя. Онъ стоялъ безъ шляпы, подставляя свое лицо дыханію моря и смотря въ даль. Мой приходъ, совершенно неожиданный въ этотъ ранній часъ, смутилъ юношу, проводившаго здѣсь остатокъ ночи, и онъ поторопился уйти. Я долго сидѣлъ, наблюдая картину просыпающагося порта. Мимо меня прошелъ въ Данію первый утренній паромъ. Появились возвращающіеся съ ночной ловли рыбаки. Задымили буксирные пароходы. А съ берега несся шумъ передвигаемыхъ вагоновъ и тяжелое пыхтѣніе паровоза. Съ восходомъ солнца городъ сталъ быстро оживляться.

Вездѣ въ Германіи трудовой день для всѣхъ слоевъ населенія начинается очень рано. Здѣсь, какъ нигдѣ, умѣютъ использовать утренніе часы для работы. Занятія въ школахъ и даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, идутъ съ 7 часовъ утра. Въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ работаютъ уже въ 9 часовъ. Если сравнить германскіе порядки въ этомъ отношеніи съ нашими, нельзя не поражаться колоссальнымъ количествомъ теряемаго у насъ безплодно времени и происходящимъ отъ этого національнымъ ущербомъ,

Городъ Ростокъ, куда я пріѣхалъ изъ Варнемюнде по желѣзной дорогѣ. лежитъ на берегу рѣки Варнова и имѣетъ значительный портъ съ складочными мѣстами и верфями, который я посѣтилъ. Городъ со старыми церквями, остатками укрѣпленій и нѣсколькими новыми красивыми зданіями, довольно живописенъ, но до сихъ поръ былъ мало знакомъ русскимъ туристамъ. События 1914 года отвели ему въ этомъ отношеніи совершенно новую и печальную роль, сдѣлавъ изъ него мѣсто сосредоточенія нашихъ соотечественниковъ, захваченныхъ нѣмцами въ плѣнъ во многихъ балтійскихъ курортахъ. Мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей держали здѣсь въ большой тѣснотѣ и еще большей обидѣ, оставивъ въ нихъ самыя мрачныя воспоминанія о ростокскомъ сидѣніи.

На дальнѣйшемъ пути по Германіи я посѣтилъ еще Лейпцигъ и его выставку книжнаго дѣла и графики, на которой я уже былъ въ томъ же году ранѣе, еще въ маѣ мѣсяцѣ. Благодаря множеству корреспонденцій, напечатанныхъ въ нашихъ газетахъ, Лейпцигская выставка хорошо извѣстна у насъ. Говорить о ней еще не приходится. Слѣдуетъ, однако, сказать, что русскій отдѣлъ Лейпцигской выставки производилъ хорошее впечатлѣніе и своимъ общимъ видомъ, и подборомъ экспонатовъ. Его создатель, сенаторъ А. А. Бельгардъ, сумѣлъ съ достоинствомъ представить Россію на международномъ состязаніи книжнаго дѣла и графики и съ неменьшимъ достоинствомъ представлять ее и лично въ Лейпцигѣ въ лѣто 1914 года. Его большой престижъ среди высшей администраціи провинціи и города и всеобщее къ нему уваженіе не уберегли его, однако, отъ ареста и тюремнаго заключенія, хотя и кратковременнаго, которымъ германскія военныя власти признали нужнымъ ознаменовать въ Лейпцигѣ начало войны съ Россіей. Наряду съ А. А. Бельгардомъ былъ арестованъ и весь персоналъ его комиссаріата. Такъ было нужно по плану кампаніи, чтобы разжечь гнѣвомъ сердца германцевъ противъ русскихъ соглядатаевъ, будто бы проникающихъ подъ невинной личиной выставочныхъ дѣятелей въ самое сердце страны.

Мое посѣщеніе Лейпцигской выставки въ этотъ разъ имѣло исключительно дѣловое значеніе, такъ какъ управляемый мной отдѣлъ статистики и картографіи русскаго министерства путей сообщенія являлся на ней экспонентомъ и я хотѣлъ убѣдиться въ томъ, что наши экспонаты помѣщены какъ слѣдуетъ, а въ случаѣ ошибки принять мѣры къ ея исправленію. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я, подъ палящимъ солнцемъ, пошелъ пѣшкомъ въ городъ по тому пути, по которому сто лѣтъ назадъ наступали русскіе въ союзѣ съ пруссаками и австрійцами. Было очень жарко, но мнѣ хотѣлось пройти чрезъ это поле пѣшкомъ, чтобы яснѣе представить себѣ малый масштабъ гигантскихъ битвъ прошлаго вѣка.

За мной поднималась уродливая громада созданнаго неуклюжей фантазіей тевтона — „памятника битвы народовъ", а впереди сверкалъ золотой куполъ русской церкви, поставленной во славу погибшихъ здѣсь въ 1813 году 22.000 русскихъ воиновъ.

Лейпцигъ въ этотъ мой пріѣздъ показался мнѣ по сравненію съ тѣмъ, какимъ я его видѣлъ въ маѣ этого же года, малолюднымъ. Выставка также представлялась пустыней. Было ли это результатомъ лѣтней жары или другихъ причинъ, я узнать не могъ, такъ какъ долженъ былъ спѣшить далѣе.

„Med all säkerhet kommer historieskrifvaren, när han blickar tillbacka på den minnesvärda tid, då det var oss förunnad att lefva och när han söker ett namn för denna period, som är lika talanda och uttrycksfullt som tidsdeckningarna „renässans“ och „reformation“ voro för andra tidsåldar af väldig nydaning, helt visst att nämna denna tid „ingeniörs vetenskapens“ tidehvara“.

Grefve de la Gardie.

ГЛАВА II.

Организація Балтійскаго Инженернаго Конгресса.

Цѣль Конгресса.—Организаціонный Комитетъ.—Президіумъ. — Программа.—Правила внутренняго порядка.—Мѣсто собранія.—Составъ Конгресса.—Отсутствіе постановленій.—Изданія.—Выставка.

Что такое Балтійскій Инженерный Конгрессъ? На такой вопросъ генеральный секретарь Конгресса Ингемаръ Петтерссонъ далъ отвѣтъ, полный жизнерадостнаго убѣжденія въ особомъ значеніи этого международнаго собранія и его цѣлей.

„Прежде всего, — говоритъ онъ, — Балтійскій Инженерный Конгрессъ есть средство для дальнѣйшаго сближенія между собой народовъ, берега чьихъ странъ омываются Балтійскимъ моремъ и кои ведутъ между собой оживленныя торговыя сношенія. Чрезъ личныя встрѣчи и возникающій при этомъ обмѣнъ мнѣній народы знакомятся лучше, чѣмъ какимъ бы то ни было инымъ способомъ, — съ привычками, потребностями, стремленіями и возможностями развитія другъ друга. Еще плодотворнѣе обмѣнъ мыслей, когда, онъ происходитъ въ Инженерномъ Конгрессѣ, такъ какъ представители различныхъ народовъ имѣютъ приэтомъ болѣе или менѣе одинаковое общественное положеніе и работаютъ на томъ же полѣ.

„Но Балтійскій Инженерный Конгрессъ имѣетъ большее значеніе! Онъ въ извѣстной степени является чрезвычайной академіей, въ которой новыя техническія открытія и усовершенствованія будутъ сообщены, обсуждены и оцѣнены, гдѣ добытыя усерднымъ и сознательнымъ трудомъ свѣдѣнія изъ техническо-хозяйственной области будутъ изложены въ освѣщеніи статистическихъ данныхъ. И все это будетъ сообщено наиболѣе выразительнымъ изъ всѣхъ способовъ—чрезъ живое слово, со всѣми его настроеніями, тонкостями и интонаціями, не передаваемыми на письмѣ, со всѣми личными воззрѣніями, которыя ораторъ безсознательно сообщаетъ слушателямъ, со всѣми вспомогательными средствами въ видѣ свѣтовыхъ проекцій и моделей, которыми можетъ пользоваться современный докладчикъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, слушатель получаетъ болѣе совершенное понятіе о предметѣ, чѣмъ при самостоятельномъ ознакомленіи съ нимъ, хотя бы и изъ обстоя-

тельнаго отчета, подобнаго тѣмъ, которые дастъ Балтійскій Конгрессъ. Но еще болѣе! Значительная часть замѣчаній, сдѣланныхъ во время преній, ускользаетъ отъ занесенія въ отчетъ и во всякомъ случаѣ становится извѣстной много позднѣе, а между тѣмъ одно замѣчаніе вызываетъ другое. Изслѣдователю для полной передачи своихъ мыслей другимъ нужна возбуждающая среда, которой нѣтъ въ его рабочемъ кабинетѣ.

„Особенно плодотворное вліяніе на успѣхъ Конгресса должна имѣть Балтійская выставка. Принятое на ней новое въ выставочномъ дѣлѣ распредѣленіе экспонатовъ въ большія единицы ставитъ различныя произведенія фабрикъ въ условія особой наглядности при ихъ сравненіи и доставляетъ возможность широкаго сравнительнаго обозрѣнія. Для участниковъ Конгресса это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что главныя выставочныя группы будутъ демонстрироваться въ связи съ ходомъ занятій Конгресса.

„Итакъ, посмотримъ, что можетъ намъ принести Балтійскій Инженерный Конгрессъ. Онъ принесетъ намъ много, благодаря разумному вниманію всѣхъ націй, неразрывно связанныхъ Балтійскимъ моремъ. Эта давняя связь никогда не состарѣется, никогда не станетъ слишкомъ тѣсной, но будетъ все тѣснѣе и тѣснѣе по мѣрѣ того, какъ владѣющіе Балтійскимъ моремъ народы будутъ лучше использовать чрезъ техническіе успѣхи своихъ инженеровъ неизсякаемые источники силъ природы“.

Осуществленіе тѣхъ широкихъ цѣлей, которыя были поставлены Балтійскому Инженерному Конгрессу, было возложено прежде всего на особый организаціонный комитетъ, открывшій заблаговременно свою дѣятельность въ Стокгольмѣ. Ставшій во главѣ его инженеръ Пегеловъ (E. W. H. Pegelow), бывшій генеральный директоръ и начальникъ управленія казенныхъ дорогъ въ Швеціи (1908—1913), а нынѣ членъ комитета по судоходному сообщенію съ Россіей и глава крупной коммерческой фирмы, проявилъ много иниціативы и сумѣлъ придать Мальмійскому Конгрессу оригинальный отпечатокъ. Его ближайшіе сотрудники — вице-предсѣдатель Сведбергъ (I. F. L. Svedberg) также принадлежитъ къ промышленному міру; онъ состоитъ (съ 1904 г.) главнымъ инженеромъ цѣлаго ряда горнопромышленныхъ обществъ, каковы Höganäs-Billesholm, Skromberg, Skånska Kolbrytnings угольныя (копи Сконіи) и друг. Секретарь организаціоннаго комитета Петтерссонъ (I. Pettersson), напротивъ, являлся представителемъ правительственной инженерной службы; капитанъ корпуса инженеровъ дорогъ и водяныхъ сооруженій, онъ давно участвовалъ въ качествѣ активнаго дѣятеля въ шведскомъ національномъ союзѣ по сооруженію дорогъ, являясь въ то же время членомъ Королевской комиссіи зоологическаго сада и начальникомъ ея техническаго отдѣла, членомъ Королевской комиссіи о перестройкѣ дорогъ, представителемъ правительства и техническимъ руководителемъ въ дѣлѣ сооруженія жилищъ для служащихъ въ Мёрбю и гражданскимъ инженеромъ-консультантомъ.

Иниціатива Конгресса принадлежитъ инженеру Сведбергу въ качествѣ предсѣдателя Сконскаго инженернаго клуба (Skånska Ingenjörsklubben), который образовалъ для первоначальной разработки этой мысли особую комиссію и, только выяснивъ возможность участія въ Мальмійскомъ Конгрессѣ всѣхъ Балтійскихъ государствъ, передалъ дѣло упомянутому выше особому организаціонному комитету.

При организаціонномъ комитетѣ дѣйствовалъ рядъ спеціальныхъ комиссій, имѣвшихъ отдѣльныя задачи, а именно исполнительная подъ предсѣдательствомъ инженера Пегелова, финансовая — подъ предсѣдательствомъ инженера Сведберга, квартирная—подъ предсѣдательствомъ инженера Циккермана (C. C. Zickermann), пріемная—подъ предсѣдательствомъ архитектора Арвидіуса (L. Arwidius), по помѣщенію для засѣданій—подъ предсѣдательствомъ архитектора Мелина (C. C. Melin) и редакціонная—подъ предсѣдательствомъ инженера Аттерберга (A. I. Atterberg).

Приглашенія принять участіе въ Балтійскомъ Инженерномъ Конгрессѣ были посланы во всѣ Балтійскія государства техническимъ и инженернымъ обществамъ, стоящимъ въ сношеніяхъ съ Шведскимъ Технологическимъ Обществомъ (Svenska Teknologföreningen). Многія изъ нихъ прислали въ Конгрессъ своихъ представителей.

Конгрессъ въ Мальмё не имѣлъ, такимъ образомъ, оффиціальнаго международнаго характера, такъ какъ представителей государствъ, командированныхъ вслѣдствіе дипломатическихъ сношеній, на немъ не было. Возникшій по частной ининіативѣ, Балтійскій Инженерный Конгрессъ, не смотря на высокое покровительство, ему оказанное Его Королевскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Шведскаго престола, и на то, что почетное предсѣдательство въ немъ принялъ на себя губернаторъ провинціи графъ де ла Гарди, остался собраніемъ спеціалистовъ Швеціи, Россіи, Германіи и Даніи въ области техническихъ знаній, соединившихся для совмѣстнаго обсужденія интересующихъ ихъ вопросовъ внѣ какой-либо правительственной регламентаціи или оффиціальныхъ директивъ.

Президіумъ Конгресса получилъ вполнѣ международный характеръ. Въ него вошли отъ Швеціи графъ де ла Гарди и инженеръ Пегеловъ—какъ предсѣдатели, и инженеры Гансенъ (Ofverste F. V. Hansen) и Сведбергъ—какъ вице-предсѣдатели. Другія страны, согласно международнымъ обычаямъ, имѣли въ составѣ президіума только вице-предсѣдателей, а именно Россія съ Финляндіей инженеровъ В. Е. Тимонова и Мэклина, Германія—инженеровъ Маттіесъ (Geheimer Baurat Matties) и Деттмара (Georg Dettmar) и Данія—инженеровъ Мёллера (Havne Direktor L. C. V. Möller) и Петерсена (Ingenieur Captain A. G. V. Petersen). Всѣ эти лица вошли въ составъ президіума Конгресса по спеціальному приглашенію Организаціоннаго Комитета.

Г. Мэклинъ, директоръ бумагопрядильной мануфактуры въ Таммерфорсѣ, инженеръ-механикъ по спеціальности, окончившій въ 1888 г. курсъ Политехническаго Института въ Гельсингфорсѣ, явился представителемъ Техническаго Общества Финляндіи, котораго онъ состоитъ предсѣдателемъ.

Г. Маттіесъ, членъ Прусской палаты депутатовъ, состоялъ съ 1902 по 1910 годъ, послѣ оставленія правительственной службы, директоромъ „Union Aktiengesellschaft der Bergbau — Eisen und Stahlindustrie“ въ Дортмундѣ; въ Мальмё въ 1914 году онъ игралъ большую роль, о которой уже упоминалось выше, въ качествѣ генеральнаго комиссара Германіи на выставкѣ.

Г. Деттмаръ — электро-инженеръ и генеральный секретарь Общества Электротехниковъ въ Берлинѣ, извѣстенъ, какъ выдающійся спеціалистъ въ области электроанализа и авторъ образцоваго труда подъ заглавіемъ „Explanations of the specifications for Rating and Testing of Electric Mashinery and Transformers“.

Г. Мёллеръ съ давнихъ поръ тѣсно связанъ съ работами по преобразованію и развитію Копенгагенскаго порта, на которыхъ онъ, начиная съ 1881 года, непрерывно состоялъ въ разныхъ должностяхъ до начальника порта включительно; онъ пользуется большой популярностью въ техническомъ мірѣ Даніи и занимаетъ выдающееся мѣсто въ спеціальныхъ обществахъ— Danske Tekníske Vörening, Dansk Ingeniörsförening, Dansk Industrieförening, состоя въ настоящее время предсѣдателемъ второго изъ нихъ.

Г. Петерсенъ принадлежитъ къ корпусу датскихъ военныхъ инженеровъ, въ которомъ состоитъ въ чинѣ капитана. Онъ принимаетъ издавна участіе въ международныхъ техническихъ работахъ и былъ генеральнымъ секретаремъ Сѣвернаго техническаго и гигіеническаго конгресса въ Копенгагенѣ въ 1903 году и завѣдывающимъ бюро Международнаго Конгресса по испытанію матеріаловъ тамъ же въ 1909 году.

Г. Гансенъ, состоявшій ранѣе полковникомъ въ корпусѣ инженеровъ дорогъ и водяныхъ сооруженій Швеціи и извѣстный своимъ близкимъ участіемъ въ работахъ по использованію гидравлической энергіи Троллгэтанскихъ водопадовъ, въ настоящее время является директоромъ управленія правительственныхъ водопадовъ въ Швеціи; онъ давнишній участникъ международныхъ техническихъ конгрессовъ и членъ отъ Швеціи въ постоянной международной комиссіи судоходныхъ конгрессовъ.

Балтійскій инженерный конгрессъ не имѣлъ опредѣленной программы вопросовъ, которые были бы поставлены заранѣе для ихъ освѣщенія съ точки зрѣнія различныхъ представленныхъ въ конгрессѣ странъ. Онъ имѣлъ рядъ докладовъ по разнымъ отраслямъ техническаго знанія, распредѣленныхъ между общими и спеціальными засѣданіями для слушанія и частью для обсужденія. Тѣ доклады, по которымъ обсужденіе предполагалось и допускалось, были указаны особо. Остальные должны были имѣть характеръ сообщеній. Распредѣленіе занятій конгресса и чередовавшихся съ ними пріемовъ и экскурсій организаціонный комитетъ считалъ, однако программой конгресса. Вотъ эта программа.

I часть. Сообщенія и доклады въ засѣданіяхъ Конгресса въ помѣщеніи Реальнаго Училища.

Понедѣльникъ 13 іюля (вездѣ новый стиль).

A. Электротехника (10 ч. утра). K. G. Sjöberg.—Введеніе единицы киллоуатта вмѣсто лошадиной силы (по шведски); сообщеніе. S. A. Faber—Распредѣленіе электрической энергіи по странѣ (по нѣмецки); сообщеніе. A. R. Angelo—Передача силы подъ водой въ морѣ (по датски); сообщеніе. A. Westberg—Пожарная безопасность домовыхъ электрическихъ проводовъ (по нѣмецки); докладъ съ преніями.

B. Тепловая техника (10 ч. утра). Частное засѣданіе членовъ Шведскаго Общества Тепловыхъ Техниковъ (Svenska Värmetekniska föreningen). H. Theorell—О вентиляціи (по шведски).

C. Желѣзныя дороги. Спеціальное собраніе (10 ч. утра). Частное засѣданіе членовъ Шведскаго Желѣзнодорожнаго Союза (Järnvägarnas Ingenjörsförbund).

Вторникъ 14 іюля.

A. Дорожное и водяное строительство (10 ч. утра). Bürning E. Windahl—Приспособленія для увеличенія безопасности на желѣзныхъ дорогахъ (по нѣмецки); докладъ съ преніями. I. Munch Petersen—Защита береговъ (по нѣмецки); сообщеніе. R. Smedberg—Использованіе шведскихъ рѣкъ для сплава (по нѣмецки); сообщеніе со свѣтовыми картинами. G. Malm—Устройства для временныхъ рабочихъ лагерей (по шведски); докладъ съ преніями.

B. Тепловая техника (10 ч. утра). W. Fagerström—Народныя бани (по шведски); сообщеніе. Klàs Sonden—Новый аппаратъ для контроля теплоспособности (по шведски); сообщеніе. J. G. Rickert—Развитіе холодильной техники (по нѣмецки); сообщеніе.

C. Общее собраніе ($6^1/_2$ ч. дня). Ivar Svedberg—Развитіе шведской промышленности и предположенія о ея дальнѣйшемъ развитіи (по шведски); популярное сообщеніе.

Среда 15 іюля.

A. Общее собраніе (10 ч. утра). Оффиціальное открытіе Конгресса. W. Dahlgren, Th. Teisen, H. Zadek и Steinhardt—Электрическое отопленіе (по нѣмецки); докладъ съ преніями. H. C. W. Möller—Копенгагенскій портъ и его значеніе для Балтійскихъ странъ (по нѣмецки); сообщеніе.

B. Общее собраніе (3 ч. дня). Uno Forsberg—Сопротивленіе тренію въ подшипникахъ (по нѣмецки); сообщеніе.

Четвергъ, 16 іюля.

A. Общее собраніе (10 ч. утра). H. Conwentz и K. Starbäk—Охрана природы при проектированіи и исполненіи промышленныхъ сооруженій (по нѣмецки); докладъ съ преніями. W. Borquist—Использованіе шведскихъ водяныхъ силъ (по нѣмецки); сообщеніе. R. W. Winkel и Walter Kes—О регулярномъ автомобильномъ сообщеніи (по нѣмецки); докладъ съ преніями.

B. Спеціальное собраніе (12 ч. дня). Частное засѣданіе Шведскаго Общества Бумажныхъ и Целлулозныхъ Инженеровъ (Svenska Pappers-och Cellulosa Ingenjörsföreningen).

Пятница, 17 іюля.

A. Горное дѣло и химія (10 ч. утра). A. Ramen—Извлеченіе рудъ мокрымъ путемъ (по шведски); докладъ съ преніями.

B. Горное дѣло (11 ч. утра). O. Gallander—Объ опредѣленіи неоднородности и удѣльнаго вѣса тѣлъ произвольной формы (по нѣмецки); сообщеніе. P. Larsson—Новѣйшіе шведскіе способы добыванія руды (по шведски); докладъ съ преніями.

C. Химія (11 ч. утра). A. Hellström—Полученіе и очистка нѣкоторыхъ побочныхъ целлулозныхъ продуктовъ (по шведски); докладъ съ преніями. B. Calson—Известковый азотъ (по шведски); сообщеніе.

D. Судостроеніе (10 ч. утра). A. Jacobi.—Подводныя лодки и способы ихъ спасанія (по шведски); сообщеніе. I. A. Sjöström—Затворъ новаго сухого дока въ Мальмё (по шведски); сообщеніе. Ivar Knudsen и Gust. Seth—Современное положеніе вопроса объ употребленіи двигателей внутренняго сгоранія въ торговомъ судоходствѣ (по нѣмецки); докладъ съ преніями.

E. Общее собраніе (7 ч. 30 мин. вечера). Uno Grönvall и H. Berggen— Примѣненіе свѣта „Aga“ (по шведски); популярное сообщеніе.

Суббота, 18 іюля.

A. Механика (10 ч. утра). H. Föttinger — Турботрансформаторы (по нѣмецки); сообщеніе. O. Rohde—Система премій для достиженія экономической топки паровыхъ котловъ (по шведски); сообщеніе. Hermann Beck—Безпламенное сжиганіе (по нѣмецки); сообщеніе.

II часть. Сообщенія и доклады Шведскаго Строительнаго Съѣзда въ помѣщеніи театра Метрополь.

Пятница, 17 іюля (11 ч. утра). Открытіе Съѣзда. H. Boklund— Строительное дѣло въ древности, въ настоящее время и въ будущемъ (по шведски); сообщеніе.

Пятница, 17 іюля (2 ч. дня). H. Gustafsson—Условія для постройки домовъ (по шведски); докладъ съ преніями.

Суббота, 18 іюля (10 ч. 15 мин. утра). W. Klemming—О нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктахъ Строительнаго Устава, въ особенности въ отношеніи къ новымъ постановленіямъ о городскихъ постройкахъ (по шведски); докладъ съ преніями.

Суббота, 18 іюля (2 ч. дня). C. Melin—Критическое освѣщеніе новѣйшихъ строительныхъ пріемовъ и матеріаловъ (по шведски); сообщеніе. A. W. Starup—Государственные размѣры кирпича (по шведски); докладъ съ преніями. Karl Berlin—Эстетическое развитіе жилища (по шведски); сообщеніе. Закрытіе Съѣзда.

III часть. Осмотры выставки подъ руководствомъ спеціалистовъ и съ демонстраціей машинъ въ дѣйствіи.

Понедѣльникъ, 13 іюля (4—6 ч. дня). Германская выставка тепловой техники. Электрическія желѣзнодорожныя установки на Германской выставкѣ. Шведская желѣзнодорожная выставка.

Вторникъ, 14 іюля (отъ 4 до 6 ч. дня). Выставка Шведскихъ Инженеровъ. Шведская выставка тепловой техники. Выставка города Мальмё.

Среда, 15 іюля (4—6 час. дня). Выставка Копенгагенскаго порта. Русская выставка холодильнаго дѣла. Шведская выставка писчебумажныхъ фабрикъ.

Пятница, 17 іюля (4—6 ч. дня). Выставка Höganäs'a. Германская машинная выставка. Шведскія выставки сахарной, цементной, мѣдной и сѣрнокислотной промышленности. Демонстрація свободныхъ (безтрубныхъ) водолазныхъ приборовъ.

Кромѣ техническихъ осмотровъ выставки были организованы особые осмотры для Конгрессныхъ дамъ тѣхъ частей выставки, которыя могли представлять для нихъ спеціальный интересъ, каковы домашняя промышленность, художественный отдѣлъ и пр. При этомъ для дамъ были устроены пріемы съ угощеніемъ въ разныхъ павильонахъ.

V часть. Осмотры общественныхъ учрежденій, фабрикъ и заводовъ въ г. Мальмё.

Эти осмотры производятся по особымъ частнымъ программамъ или совершаются индивидуально по спеціальнымъ указаніямъ Бюро Конгресса.

VI часть. Развлеченія.

Вторникъ, 14 іюля (8 час. веч.). Вечеръ для взаимныхъ привѣтствій въ Сконскомъ Инженерномъ Клубѣ (Skånka Ingeniörsklubben).

Среда, 15 іюля (1 ч. дня). Совмѣстный завтракъ въ Королевскомъ паркѣ.

Среда, 15 іюля (3 ч. 20 м., 4 ч. 15 м. и 5 ч.). Поѣздка по желѣзной дорогѣ въ Falsterbo (морскія купанья).

Среда, 15 іюля (7 ч. веч.). Ужинъ въ Falsterbohus (за особую плату въ 2 кр. 75 ёре).

Четвергъ, 16 іюля (1 ч. 39 мин. дня). Совмѣстный завтракъ въ Королевскомъ паркѣ.

Четвергъ, 16 іюля (3 ч.—5. ч. 30 мин. дня). Прогулка на паровомъ паромѣ по Эрезунду.

Четвергъ, 16 іюля (7 ч. 30 м. веч.). Конгрессный обѣдъ по подпискѣ, входящій въ стоимость членскаго билета.

Внѣ программы стоялъ парадный завтракъ, предложенный нѣкоторымъ членамъ президіума генеральнымъ секретаремъ Конгресса въ понедѣльникъ 13 іюля въ Германскомъ ресторанѣ на выставкѣ.

VII часть. Экскурсіи.

Среда, 15 іюля и четвергъ, 16 іюля—см. въ части V-й.

Суббота, 18 іюля (1 ч. 45 м. дня). Поѣздка въ Копенгагенъ съ слѣдующимъ распредѣленіемъ времени:

а) 1 ч. дня—отплытіе (особая плата за проѣздъ);

б) 2 ч. 15 м. дня—осмотръ вольной гавани;

в) 3 ч. дня—отплытіе на пароходѣ на заводъ Burmeister & Wain;

г) 9 ч. вечера—пріемъ въ ресторанѣ „Nimbs“ Датскимъ Инженернымъ Обществомъ (Dansk Igneniörförening).

Для Конгресса были установлены, по сношенію Шведскаго Организаціоннаго Комитета съ вице-предсѣдателями изъ другихъ странъ, правила слѣдующаго содержанія:

„При докладахъ и преніяхъ въ общихъ собраніяхъ имѣетъ примѣняться преимущественно нѣмецкій языкъ. Въ секціонныхъ засѣданіяхъ ораторамъ предоставляется дѣлать доклады на ихъ родномъ языкѣ, съ условіемъ, однако, чтобы рѣчь каждаго изъ нихъ была немедленно переведена ими же или другими лицами на нѣмецкій, шведскій или датскій языки.

„Продолжительность доклада не должна превосходить 45 минутъ. Во время преній докладчикамъ предоставляется не болѣе 30 минутъ каждому, а прочимъ участникамъ не болѣе 10 минутъ.

„Доклады и сужденія членовъ не будутъ напечатаны до Конгресса, а должны быть по прочтеніи въ засѣданіяхъ передаваемы соотвѣтственному секретарю для включенія въ отчетъ о Конгрессѣ.

„На Конгрессѣ имѣетъ быть розданъ членамъ промышленный обзоръ, составленный организаціоннымъ Комитетомъ, а также подробныя программы Конгресса.

„За участіе въ Конгрессѣ, съ правомъ на вечерній пріемъ, два завтрака и обѣдъ, уплачивается 20 шведскихъ кронъ или 22 марки 25 пфенниговъ; членскіе билеты въ случаѣ желанія высылаются по почтѣ. Билеты для экскурсій выдаются секретаріатомъ во время Конгресса за особую плату.

„Нежелающіе участвовать въ организуемыхъ Конгрессомъ завтракахъ и обѣдѣ уплачиваютъ только 10 кронъ.

„Для участвующихъ въ Конгрессѣ дамъ устанавливается особая программа. Членскій взносъ дамъ также 20 кронъ.

„Дамы могутъ участвовать въ общихъ завтракахъ и обѣдѣ, но не получаютъ трудовъ Конгресса. Всѣ члены Конгресса получаютъ особый знакъ.

„Члены Конгресса имѣютъ право безъ особой платы участвовать въ засѣданіяхъ Шведскаго Строительнаго Съѣзда и наоборотъ.

„Квартиры для членовъ Конгресса могутъ быть приготовлены распоряженіемъ особой Квартирной комиссіи, если заявленіе объ этомъ будетъ сдѣлано до 1 іюля.

„Временные билеты для входа на Балтійскую Выставку съ 13 по 18 іюля выдаются членамъ Конгресса за 4 кроны.

„Членамъ Конгресса предоставляется свободный входъ на Выставочную спортивную площадь, когда она не занята какими либо спортивными союзами или другимъ порядкомъ“.

Засѣданія Конгресса происходили, какъ уже говорилось выше (§ 1), въ зданіи Реальнаго училища. Это обстоятельство заслуживаетъ особаго упоминанія, потому, что даетъ представленіе о размѣрахъ и устройствѣ такой школы въ Швеціи. Въ нижнемъ вестибюлѣ были помѣщены бюро Конгресса для выдачи билетовъ, изданій, знаковъ, справокъ и пр. Двѣ большія лѣстницы ведутъ въ вестибюль второго этажа, обращенный въ гостиную. Отсюда открывается входъ въ главный залъ училища, двухсвѣтный, съ хорами и органомъ, предназначенный для общихъ собраній Конгресса. Залъ этотъ могъ вмѣстить 1.500 человѣкъ. Въ томъ же этажѣ имѣлся залъ для секціонныхъ засѣданій на 150 человѣкъ. Въ третьемъ этажѣ обширный вестибюль былъ обращенъ въ залъ корреспонденціи членовъ Конгресса и тамъ же былъ отведенъ залъ на 250 человѣкъ для секціонныхъ засѣданій. Всѣ залы засѣданій были оборудованы приспособленіями для демонстраціи свѣтовыхъ картинъ.

Число участниковъ Балтійскаго Инженернаго Конгресса равно 830, считая и приглашенныхъ гостей,

Одну изъ особенностей Мальмійскаго Конгресса составляетъ, что оффиціальное открытіе его послѣдовало послѣ того, какъ Конгрессъ уже нѣсколько дней уже занимался дѣлами.

Въ понедѣльникъ 13 іюля съ ранняго утра члены Конгресса стали прибывать въ его помѣщеніе, и къ 9 часамъ утра въ большемъ залѣ засѣданій собралось довольно много лицъ. Здѣсь произошло представленіе членовъ президіума почетному предсѣдателю графу де ла Гарди, сказано краткое привѣтствіе предсѣдателемъ Пегеловымъ, сообщены нѣкоторыя спра-

вочныя свѣдѣнія генеральнымъ секретаремъ Петтерссономъ, возобновлены старыя знакомства, сдѣланы новыя, и Конгрессъ перешелъ къ текущимъ дѣламъ по программѣ.

Затѣмъ состоялся упомянутый ранѣе банкетъ-завтракъ, на которомъ хозяиномъ былъ генеральный секретарь Конгресса и гдѣ присутствовали только члены президіума и организаціоннаго Комитета. Тутъ произошелъ первый обмѣнъ рѣчей и тостовъ. Моя рѣчь, въ которой я привѣтствовалъ дружественную Швецію и отдавалъ должное Выставкѣ и Конгрессу въ Мальмё и ихъ устроителямъ, была встрѣчена общимъ сочувствіемъ.

Послѣ неоффиціальнаго открытія Конгресса очередныя занятія его шли до среды, 15 іюля, когда произошло то, что программа называетъ оффиціальнымъ открытіемъ Конгресса.

Въ большомъ залѣ засѣданій собрались члены и приглашенные гости — высшіе чины правительственной и общественной администраціи, представители Балтійской Выставки, представители промышленности, представители прессы и пр.

Засѣданіе открылъ предсѣдатель Пегеловъ вступительной рѣчью, въ которой сообщилъ обстоятельства созыва Балтійскаго Инженернаго Конгресса и обратился къ почетному его предсѣдателю губернатору Сконіи графу де ла Гарди съ просьбой открыть его.

Графъ де ла Гарди сдѣлалъ это въ краткой рѣчи слѣдующаго содержанія:

„Часто обращалось вниманіе на замѣчательное сходство въ культурномъ развитіи древняго міра и нашего времени, въ особенности по отношенію къ стремленію управлять силами природы на пользу человѣка. Классическій періодъ даетъ примѣры трудныхъ и величественныхъ работъ, которыя вызываютъ наше удивленіе.

„Но еще гораздо выше должны быть поставлены успѣхи послѣднихъ семидесяти лѣтъ, такъ какъ этотъ періодъ съ полнымъ правомъ является самымъ выдающимся въ исторіи человѣчества. Этотъ прогрессъ вызванъ прежде всего инженерной наукой; геній изобрѣтателя, смѣлость конструктора и точность исполнителя создали, дѣйствительно, новыя основы почти для всей внѣшней обстановки человѣческой жизни и тѣмъ самымъ и для ея внутренняго содержанія.

„Съ полнымъ правомъ будетъ названъ временемъ инженерной науки тотъ памятный періодъ, въ который было дано жить нашему поколѣнію, когда, оглянувшись назадъ, историкъ станетъ искать для этого періода такое имя, которое само говоритъ за себя, подобно названіямъ Ренессанса и Реформаціи, присвоеннымъ другимъ періодамъ величественныхъ новыхъ движеній (см. эпиграфъ этой главы).

„Здѣсь, на берегахъ Балтійскаго моря, народы давно ясно понимали значеніе техническаго умѣнья, и, вѣроятно, не случайно нашъ великій Густавъ Адольфъ уже въ 1630 году создалъ въ своей арміи особый инженерный корпусъ, которому предшествовалъ только одинъ французскій и за которымъ послѣдовали многіе подобные у другихъ народовъ. Но то, что сначала служило главнымъ образомъ для усовершенствованія военнаго и крѣпостнаго дѣла или касалось добыванія руды и изготовленія металла, постепенно развилось въ столь невѣроятныхъ размѣрахъ, что для неспеціалиста область,

которую охватываетъ и которой владѣетъ инженерная наука, представляется необозримой. И понятно, что народы береговъ Балтійскаго моря въ своемъ состязаніи, въ своемъ истинно олимпійскомъ стремленіи къ поставленной цѣли, ея достигали, часто первыми, всегда съ честью. Потому что эти народы имѣютъ много естественныхъ преимуществъ: неизмѣримость и громадное превосходство въ чисто стихійной силѣ, какъ Россія, богатство различныхъ вспомогательныхъ средствъ природы, какъ въ Германіи и Швеціи, обиліе плодородной земли и сильное развитіе водныхъ сообщеній, какъ въ Даніи, а сверхъ того вездѣ, и это самое важное, надлежащій народный матеріалъ, являющійся неисчерпаемымъ источникомъ интеллигентности и бодрости духа.

„Мнѣ кажется поэтому, что Балтійскій Инженерный Конгрессъ будетъ имѣть большое міровое значеніе, соотвѣтствующее общепризнанному высокому культурному уровню Балтійскихъ народовъ. Я позволяю себѣ надѣяться, что данная нынѣ возможность встрѣчи представителей различныхъ Балтійскихъ странъ вызоветъ предложенія и ученыя указанія, которыя приведутъ къ открытію новыхъ цѣнныхъ даровъ природы, къ новому использованію ея силъ, къ новымъ техническимъ средствамъ для освобожденія и улучшенія человѣческаго рода.

„Въ такомъ ожиданіи и принося благодарность отъ имени Швеціи и прежде всего отъ города Мальмё и Балтійской Выставки всѣмъ собравшимся изъ иныхъ странъ и изъ самой Швеціи на Балтійскій Инженерный Конгрессъ, я объявляю его открытымъ".

На эту рѣчь перваго представителя Швеціи послѣдовали обычные отвѣты со стороны вице-предсѣдателей другихъ Балтійскихъ государствъ, сопровождавшіеся исполненіемъ національныхъ гимновъ.

Музыка и хоровое пѣніе, въ которомъ участвовали и многіе члены Конгресса, вообще составили существенную долю церемоніи открытія его, закончившейся снятіемъ общей фотографической группы.

Послѣ короткой паузы Конгрессъ снова вернулся къ своимъ спеціальнымъ трудамъ, которые оффиціальное открытіе лишь прервало въ срединѣ на недолгое время.

Сообщенія и доклады слушались со вниманіемъ, при чемъ пренія по докладамъ, гдѣ они были предусмотрѣны программой, происходили въ очень скромныхъ предѣлахъ, и не дали никакихъ постановленій. Причины этого прежде всего, заключаются въ томъ, что Балтійскій Инженерный Конгрессъ не имѣлъ, какъ упоминалось уже, программныхъ вопросовъ, въ противоположность тому, что считаютъ необходимымъ дѣлать постоянныя международныя ассоціаціи. Было ли это сдѣлано нарочно или явилось случайнымъ результатомъ особенностей организаціи,—осталось неизвѣстнымъ. Равнымъ образомъ неизвѣстно, почему докладывались тѣ, а не другіе вопросы, почему докладчиками были тѣ, а не иныя лица.

Другая причина скудости преній—ограниченность времени: для преній при большомъ числѣ сообщеній и докладовъ его оставалось очень мало.

Тѣмъ не менѣе Мальмійскій Конгрессъ далъ рядъ интересныхъ матеріаловъ, которые были до открытія Конгресса сообщены членамъ въ видѣ краткихъ рефератовъ, а по окончаніи работъ напечатаны полностью съ сдѣланными по поводу нихъ въ засѣданіяхъ замѣчаніями.

Рефераты, сообщенные до Конгресса, сгруппированы въ отдѣльномъ

№ Техническаго Журнала—„Teknisk Tidskrift“ отъ 4 іюля 1914 года, посвященномъ Балтійскому Инженерному Конгрессу и техническимъ отдѣламъ Балтійской Выставки и имѣющемъ значительный объемъ въ 174 стр. in 4° съ портретами всѣхъ членовъ президіума, организаціоннаго комитета и докладчиковъ, а также съ краткими біографическими данными относительно этихъ лицъ. Весь текстъ напечатанъ на двухъ языкахъ—шведскомъ и нѣмецкомъ. Рефераты изложены кратко и ясно, заключая въ себѣ всѣ основныя данныя сообщеній и докладовъ. Этотъ способъ предоставленія членамъ Конгресса матеріаловъ, до него относящихся, слѣдуетъ признать очень удачнымъ и заслуживающимъ вниманія.

Кромѣ того, до открытія Конгресса его членамъ былъ розданъ особый № того же Журнала, заключающій въ себѣ рядъ описаній Шведскихъ заводовъ, фабрикъ и другихъ промышленныхъ предпріятій и служащій очень существеннымъ поясненіемъ къ экспонатамъ Мальмійской Выставки.

Труды Балтійскаго Инженернаго Конгресса выходятъ въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, также на двухъ языкахъ, съ параллельно напечатаннымъ шведскимъ и нѣмецкимъ текстомъ. Въ настоящее время вышли четыре части подъ общимъ наименованіемъ „Förhandlingarne vid Baltiska Ingenjörskongressen i Malmö dèn 13—18 Juli 1914 redigerade af Ingemar Pettersson, Baltiska Ingenjörskongressen Generalsekreterare och Gunnar Tisell, Teknisk Tidskrift Hufvudredaktor“.

Первая часть, заключая въ себѣ общій отчетъ о Конгрессѣ и журналы общихъ собраній, называется: „Afdelning I. Redogöredse öfver Kongressen jämte protokollen från allmänna sammanträdena“.

Вторая часть касается засѣданій по отдѣламъ химіи и горнаго дѣла—„Afdelning II. Protokoll från sammanträdena inom afdelningen för Kemi och Bergsvetenskap“.

Третья часть заключаетъ въ себѣ отчетъ по отдѣлу судостроенія и называется—„Afdelning III. Protokoll från sammanträdena inom afdelning för skepps byggnadskonst.

Четвертая часть обнимаетъ собой труды Конгресса по дорожному и водяному строительству, называясь—„Afdelning IV. Protokoll från sammanträdena inom afdelningen för väg—och vatten byggnadskonst.

Это изданіе также принадлежитъ журналу Teknisk Tidskrift.

Балтійская Выставка въ своихъ техническихъ частяхъ явилась очень цѣннымъ дополненіемъ къ Балтійскому Инженерному Конгрессу. Объ этомъ ея значеніи будетъ сказано далѣе при характеристикѣ осмотровъ и экскурсій Конгресса.

None but an author knows an author's cares,
Or Fancy's fondness for fhe child she bears.
William Cowper.

ГЛАВА III.

Техническіе доклады Балтійскаго Инженернаго Конгресса.

Общій обзоръ.—Обыкновенныя дороги.—Желѣзныя дороги.—Гидротехника.—Судостроеніе.—Тепловая техника.—Электротехника.—Химія и горное дѣло.—Разные вопросы.

Изъ перечня техническихъ докладовъ Балтійскаго Инженернаго Конгресса, приведеннаго въ его программѣ (гл. II), видно, что они касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ техники въ ея научныхъ и практическихъ приложеніяхъ. При такомъ обиліи темъ нельзя, конечно, было бы ожидать, чтобы онѣ были разсмотрѣны со сколько нибудь исчерпывающей полнотой. Устроители Конгресса, повидимому, и не имѣли этого въ виду. Придавъ Конгрессу по преимуществу характеръ информаціонный и намѣтивъ пренія лишь по нѣкоторымъ вопросамъ, и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, они стремились дать возможность собравшимся членамъ Конгресса выслушать рядъ сообщеній о болѣе или менѣе новыхъ вопросахъ и возбудить интересъ къ нѣкоторымъ практическимъ задачамъ. Такъ какъ Конгрессъ не раздѣлялся на секціи, то въ особенно правильной классификаціи докладовъ не было нужды. Тѣмъ не менѣе нѣкоторая, хотя и довольно условная, классификація была введена въ программу. Въ дальнѣйшемъ обзорѣ докладовъ мы придерживаемся именно этой классификаціи съ незначительнымъ сокращеніемъ ея, выражающемся въ томъ, что въ рубрику тепловой техники включены всѣ доклады, стоявшіе въ отдѣлѣ механики. Такимъ образомъ, далѣе послѣдовательно разсматриваются доклады по обыкновеннымъ дорогамъ, желѣзнымъ дорогамъ, гидротехникѣ, судостроенію, тепловой техникѣ, электротехникѣ, химіи и горному дѣлу и по разнымъ вопросамъ.

Обыкновенныя дороги остановили на себѣ вниманіе Конгресса въ отношеніи тѣхъ требованій, которыя къ нимъ предъявляетъ автомобиль, и этимъ вопросамъ были посвящены два доклада—Винкеля и Кеса. Мы не будемъ останавливаться на нихъ здѣсь, предполагая посвятить имъ особую главу.

Изъ многочисленныхъ вопросовъ, относящихся до желѣзныхъ дорогъ, на Балтійскомъ Инженерномъ Конгрессѣ былъ разсмотрѣнъ только одинъ, касающійся устройствъ по улучшенію условій безопасности движенія, по докладу Виндаля. E. G. Windahl—инженеръ, директоръ-распорядитель акціонернаго общества Стокгольмскихъ телефоновъ—разсматриваетъ вопросъ о безопасности движенія далеко не въ его цѣломъ, а лишь по отношенію къ сигнализаціи. Считая сигнализацію однимъ изъ важныхъ факторовъ безопасности движенія, докладчикъ объясняетъ, что усовершенствованія въ этой области встрѣчаются съ очень большими затрудненіями, частью вслѣдствіе неустойчивости взглядовъ относительно требованій, которыя слѣдуетъ предъявлять къ сигнализаціи, частью вслѣдствіе того, что всякія измѣненія существующей сигнализаціи сопряжены съ большими расходами. Одинъ изъ частичныхъ вопросовъ сигнализаціи, уже давно оживленно обсуждаемый,

производства до момента потребленія. Рыба, вынутая изъ воды, должна, немедленно попадать въ судовой холодильникъ, оттуда въ рыбачьемъ портѣ— въ холодильникъ береговой, затѣмъ въ холодильникъ-вагонъ или автомобиль и, наконецъ, въ холодильный шкапъ потребителя. То же должно дѣлаться съ фруктами, яйцами и вообще легко портящимися продуктами. Этимъ путемъ будутъ спасены милліоны, которые теперь ежегодно теряются отъ ухудшенія качества и уменьшенія количества этихъ товаровъ при ихъ храненіи и неблагопріятныхъ условіяхъ. Другая область прогресса—въ домахъ, гдѣ съ дальнѣйшими успѣхами холодильнаго дѣла, можно будетъ въ жаркое время или въ жаркомъ климатѣ понижать температуру въ спальняхъ и рабочихъ помѣщеніяхъ, увеличивая трудоспособность и производительность населенія. Иной вопросъ—стоитъ ли тратить значительныя суммы денегъ, чтобы вызвать новыя потребности, тогда какъ уже и теперь потребности сильно развиты. На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что прогрессъ долженъ быть непрерывенъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы соблюдалось соотвѣтствіе между новыми затратами и ихъ результатами.

Нельзя забывать, что промышленность, добывающая съѣстные продукты, самая большая и цѣнная въ мірѣ, и что она даетъ наибольшій доходъ на затраченный капиталъ. Міровой рынокъ находится въ большей зависимости отъ запаса съѣстныхъ продуктовъ, чѣмъ отъ запаса золота. Какъ бы ни были полны кассы банковъ и трестовъ, неурожайный годъ производитъ ослабляющее дѣйствіе. Уменьшеніе запасовъ продовольствія можетъ поколебать основы общественной жизни; перерывъ въ подвозѣ можетъ разрушить міровую державу. Вотъ почему вопросъ объ искусственномъ холодѣ является однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современности, дальнѣйшее изученіе коего стоитъ труда и денегъ.

O. Rohde, горный инженеръ въ Стокгольмѣ, называетъ свой докладъ „система премій для достиженія сбереженія угля". Въ этомъ докладѣ онъ описываетъ особый автоматическій контрольный приборъ, называемый „Mono System" для опредѣленія содержанія углекислоты въ газахъ, вытекающихъ въ дымовую трубу изъ паровыхъ котловъ. Признавая, что наивыгоднѣйщему тепловому эффекту соотвѣтствуетъ опредѣленное содержаніе углекислоты въ дымовыхъ газахъ, авторъ находитъ, что по указаніямъ контрольнаго прибора могутъ быть выдаваемы преміи кочегарамъ, что, какъ показываетъ практическій опытъ въ Швеціи, можетъ дать до 15% экономіи топлива.

Докладъ H. Föttinger'a, профессора механики въ Данцигской Высшей Технической Школѣ, о новѣйшихъ успѣхахъ въ постройкѣ и примѣненіи турбо-трансформаторовъ, основанъ на практическихъ результатахъ, достигнутыхъ въ этой области судостроительной верфью „Вулканъ" въ Штеттинѣ. Авторъ указываетъ предѣлы примѣнимости выработанныхъ пріемовъ, описываетъ опыты, произведенные надъ первой машиной въ 10.000 HP. для товаро-пассажирскаго парохода „Tirpiz", результаты эксплоатаціи пассажирскаго парохода „Königin Luise" въ 6.000 HP. и приводитъ данныя относительно 21 машины, нынѣ (1914) находящихся въ постройкѣ для военнаго флота Германіи, въ томъ числѣ 2 установокъ въ 26.000 HP. въ каждой турбинѣ. При этомъ онъ особенно останавливается на новѣйшихъ улучшеніяхъ, принятыхъ для военныхъ судовъ, а именно на примѣненіи трансформаторовъ для полнаго хода и перегрузки и на примѣненія турбинъ съ зубчатой

передачей, которыя включаются при $^1/_{10}$ части нагрузки—ранѣе главныхъ турбинъ, что даетъ экономію въ 30—40%.

Доклады по электротехникѣ представили: Шебергъ—о введеніи, какъ единицы, килоуатта вмѣсто лошадиной силы, Фаберъ—о снабженіи электрической энергіей деревень, Ангело—о подвижной передачѣ энергіи, Вестбергъ—о пожарной безопасности домовыхъ электрическихъ проводовъ и Дальгренъ, Тейссенъ, Цадекъ и Штейнгардтъ—объ электроотопленіи.

K. G. Sjöberg, главный инженеръ въ акціонерномъ обществѣ Nya förande elektr. A. G. въ Ludvika, предлагаетъ повсемѣстно и во всѣхъ случаяхъ принять для обозначенія работы машинъ всякаго рода, а не только электрическихъ, единицу килоуатта, совершенно исключивъ изъ употребленія лошадиную силу. Онъ находитъ, что одна единица, а не двѣ разныя, нужны въ этомъ случаѣ по соображеніямъ практическаго удобства, и что килоуаттъ долженъ быть предпочтенъ, какъ связанный съ общепринятой въ наукѣ системой единицъ граммъ-сантиметръ-секунда. Въ Германіи инженерныя общества, въ томъ числѣ и спеціально механическія, уже рѣшили впредь пользоваться только единицей килоуатта для измѣренія количества работы машинъ. Въ этомъ направленіи выступилъ также электротехническій отдѣлъ Шведскаго Технологическаго Общества (Svenska Teknologiföreningen), стремясь къ возможно скорому исключительному употребленію килоуатта. Главныя германскія электрическія фирмы уже рѣшили на изготовляемыхъ ими электрическихъ машинахъ указаній на число лошадиныхъ силъ совсѣмъ не помѣщать. Докладчикъ надѣется, что полное исключеніе изъ употребленія лошадиной силы во всѣхъ странахъ не заставитъ себя ждать.

S. A. Faber, инженеръ-электротехникъ въ Берлинѣ, останавливается на вопросѣ объ экономическомъ снабженіи электрической энергіей мелкихъ потребителей внутри страны. Въ то время, какъ для большихъ промышленныхъ центровъ вопросъ уже нашелъ свое рѣшеніе въ устройствѣ мощныхъ центральныхъ станцій, для земледѣльческихъ районовъ съ разбросаннымъ населеніемъ, крайне нуждающимся въ электрической энергіи для своихъ производствъ, выгодное рѣшеніе еще не найдено. Оно затрудняется большими разстояніями, малымъ использованіемъ энергіи въ отдѣльныхъ пунктахъ и другими причинами. Рѣшеніе слѣдуетъ искать въ станціяхъ центральныхъ, но построенныхъ съ крайней бережливостью и при условіи, что тарифы и способы финансированія будутъ допускать выгодное использованіе устройствъ, потребляющихъ электрическую энергію.

A. R. Angelo, директоръ Акціонернаго Общества „Nordsjällands Electricitets og Sporvejs“ въ Копенгагенѣ, въ своемъ докладѣ сообщаетъ о проектѣ передачи посредствомъ подводнаго кабеля, имѣющаго быть уложеннымъ на днѣ моря между городомъ Гельзинборгомъ въ Швеціи и городомъ Гельзингеромъ въ Даніи, электрической энергіи отъ шведской гидравлической установки на р. Lagan въ Копенгагенъ. Напряженіе въ воздушномъ проводѣ въ 50.000 вольтъ трансформируется для кабеля въ 25.000 вольтъ. Подземная часть кабеля изолируется именно для этого напряженія, а подводная для 35.000 вольтъ, чтобы возможные прорывы не имѣли мѣста подъ водой. Для охраны кабеля отъ дрейфующихъ якорей судовъ, входящихъ въ Зундъ съ сѣвера при вѣтрѣ, укладывается въ 200 метрахъ предохранительный кабель въ 40 тоннъ.

Снабженіе судовъ углемъ обезпечено изъ обширныхъ складовъ на набережной, глубина у коей равна 7,5 метра; она оборудована электрическими погрузочными кранами. Портъ снабженъ различными вспомогательными судами—ледоколами, буксирами, пожарными и другими. Набережныя имѣютъ рельсовые пути, соединяющіе ихъ со всей сѣтью желѣзныхъ дорогъ Даніи.

Вольная гавань, составляющая важную принадлежность Копенгагенскаго порта, построена на средства Портоваго Управленія и акціонернаго общества „Kjöbenhavns Frihavns Aktieselskab". Управленіе устроило собственно гавань съ расходомъ до 14 милліоновъ кронъ, общество оборудовало ее складами, кранами и рельсовыми путями. Гавань эксплоатируется на концессіонныхъ правахъ этимъ обществомъ, которое уплачиваетъ Портовому Управленію часть своихъ прибылей, что составляетъ около $1^1/_2$% на затраченный капиталъ. Общая площадь гавани 60 гектаровъ, изъ коихъ 36 суши, а остальное воды; набережныхъ 4.100 метровъ. Вся площадь гавани окружена двойной желѣзной рѣшеткой, и всѣ ея входы охраняются таможенной стражей. Построенная въ 1891—1894 годахъ Копенгагенская вольная гавань съ своими складами и другими устройствами уже не удовлетворяетъ требованіямъ безпошлинной торговли, и ее предполагаютъ увеличить.

Вообще, Копенгагенскій портъ по своему положенію у входа въ Балтійское море, непродолжительному замерзанію, удобствамъ для ремонта и снабженія судовъ и проч. привлекаетъ къ себѣ торговый флотъ всѣхъ націй. Въ 1913 году въ него вошло 13.208 пароходовъ съ тоннажемъ въ 5.282.000 регистровыхъ тонны и 9.979 парусниковъ съ 358.412 регистровыхъ тоннъ. Изъ этихъ судовъ иностранныя распредѣляются такъ: 15,7% — шведскихъ, 7,1% — русскихъ, 6,6% — англійскихъ, 5,5% — германскихъ, 1,6% — норвежскихъ, 1,9% — иныхъ націй, всего не датскихъ судовъ 38%.

Портовые сборы слагаются изъ сбора за стоянку (6 ёре съ чистой регистровой тонны и за каждый начатый мѣсяцъ), сборъ съ принятаго на бортъ или снятаго съ судна груза (10 ёре съ тонны у набережной и 5 ёре на водѣ), сборъ съ заграничныхъ товаровъ (въ среднемъ 30 ёре съ тонны), каковой возвращается, если они вывозятся въ срокъ менѣе 3 мѣсяцевъ обратно за границу.

Административно и хозяйственно Копенгагенскій портъ (законъ 29 апрѣля 1913 года) является автономнымъ, имѣетъ свое собственное управленіе и финансы и только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчиненъ министру общественныхъ работъ. Портовое Управленіе состоитъ изъ предсѣдателя, оберъ-президента Копенгагена и 16 членовъ. Одинъ членъ назначается министромъ общественныхъ работъ, одинъ—министромъ торговли и судоходства, два избираются нижней и два верхней палатой, два избираются Копенгагенскимъ магистратомъ, два — муниципальнымъ совѣтомъ, два — отъ старшинъ купечества, два—представители судоходства и два—представители промышленности. Исполнительная власть сосредоточена въ лицѣ начальника порта, которому подчиняются, какъ техническая, такъ и полицейская службы, имѣющая каждая своего начальника въ видѣ инженера порта (hamningenjören) и командира порта (hamnmästaren).

Вопросы, относящіеся до рѣкъ, заключаются въ докладахъ Смедберга—о сплавѣ на шведскихъ рѣкахъ и Сюлвана—объ использованіи шведскихъ водныхъ силъ.

M. A. R. Smedberg, инженеръ-консультантъ по рѣчному строительному дѣлу и редакторъ спеціальнаго журнала по сплаву (Flottningstidskrift), озаглавилъ свой докладъ — Sveriges Flottledsbyggnader — постройка сплавныхъ путей въ Швеціи. Цѣль доклада—указать на необходимость серіознаго улучшенія сплавныхъ путей Швеціи, имѣющихъ общее протяженіе въ 29.000 километровъ и доставляющихъ сырые продукты для половины шведской промышленности. Значительная часть этихъ продуктовъ—лѣсъ, но есть еще и другіе, количество коихъ все возрастаетъ. Сплавная сѣть настолько густа, что разстояніе отъ мѣста рубки лѣса до воды рѣдко превосходитъ 10 километровъ. Главная масса воды направляется къ Балтійскому морю, причемъ водные потоки имѣютъ равномѣрные уклоны въ 1—2 метра на километръ. Они хорошо врѣзаны въ землю и не разливаются. Условія вскрытія очень благопріятны—отъ устья къ истоку.

Техническія работы по улучшенію сплавныхъ путей производятся обыкновенно зимой, когда вода стоитъ низко и доставка матеріаловъ облегчается снѣговымъ покровомъ, а рабочіе не заняты сплавомъ. Работы состоятъ въ расчисткѣ дна, укрѣпленіи береговъ, устройствѣ направляющихъ дамбъ, запрудъ и лотковъ, устройствѣ мертвыхъ якорей и проч. Матеріалъ по преимуществу—дерево и камень, рѣдко—бетонъ и желѣзо.

E. Sylwan, инженеръ электротехническаго бюро Шведскаго Королевскаго Управленія Водопадовъ, представилъ одинъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ докладовъ Балтійскому Инженерному Конгрессу—съ многочисленными рисунками и картой гидроэлектрическихъ установокъ Швеціи. Докладъ этотъ, за отсутствіемъ времени, не былъ прочитанъ на Конгрессѣ, что явилось почти единственнымъ нарушеніемъ программы, и тѣмъ менѣе могли быть по нему какія либо пренія. Онъ полностью напечатанъ въ трудахъ Конгресса (см. гл. II) и заслуживаетъ перевода въ цѣломъ со всѣми его техническими деталями. Здѣсь приходится ограничиться только нѣкоторыми общими указаніями статистическаго характера.

По даннымъ Шведскаго министерства торговли, промышленности и труда (Kommerskollegium) въ 1912 году 60—65% всей производившейся въ Швеціи стаціонарной движущей полезной силы давали водопады. По мнѣнію докладчика, это соотношеніе еще выше и достигаетъ 80%, такъ какъ использованіе водяныхъ силъ длительнѣе, чѣмъ паровыхъ. Это показываетъ огромное значеніе водяныхъ силъ для народнаго хозяйства страны, а также въ какой мѣрѣ Швеція, благодаря своимъ водопадамъ, освободилась отъ нужды въ иностранномъ горючемъ матеріалѣ.

Использованіе энергіи падающей воды идетъ въ Швеціи впередъ быстрыми шагами, при чемъ непосредственно использованная энергія растетъ относительно медленно, составляя около 3.000 лошадиныхъ силъ прироста въ годъ, тогда какъ обращенная въ электрическую даетъ для 1907—1913 годовъ въ среднемъ около 60.000 лошадиныхъ силъ (HP) въ годъ. Машинныя установки достигли при этомъ единицъ въ 10—20 тысячъ HP, а напряженіе въ электропередачахъ—40.000—150.000 вольтъ.

Общее количество силъ, доставляемыхъ водопадами Швецiи, составляетъ для 1913 года—740.000 НР; если къ этому присоединить мощность установокъ, нынѣ находящихся въ постройкѣ, то къ концу 1915 года общая производительность должна была быть 900 тысячъ НР. Это составляетъ около $^1/_7$ части всѣхъ водяныхъ силъ Швецiи, исчисляемыхъ въ 6.000.000 НР.

Не все это количество можетъ быть использовано съ выгодой. По мнѣнiю докладчика, послѣ надлежащаго регулированiя озеръ, можно выгодно использовать $3^1/_2$ миллiона НР, изъ коихъ 700.000 приходится на долю правительственныхъ установокъ.

Добывавшаяся энергiя въ 1913 году, изъ коей на долю правительственныхъ установокъ приходится около $^1/_5$ части, распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: 175.000 НР. служило желѣзной промышленности, изъ коихъ 60.000 НР. въ электрическихъ желѣзо-плавильныхъ печахъ; 250.000 НР.—дерево-обрабатывающей и бумажной промышленности; 60.000 НР.—мельничному дѣлу; 40.000 НР.—текстильной промышленности; 120.000 НР.—для общихъ потребностей и 35.000 НР. оставались безъ употребленiя.

Къ концу 1915 года доля водяной энергiи, добываемая въ правительственныхъ установкахъ, достигла $^1/_3$ общаго количества производимой въ странѣ.

Одной изъ причинъ, задерживающихъ въ Швецiи развитiе использованiя водяныхъ силъ, заключается въ несовершенствѣ существующаго законодательства, въ которомъ отсутствуетъ право заставить отдѣльное лицо подчинить свои интересы интересамъ общимъ въ дѣлѣ обстройки водопадовъ или регулированiя озеръ. Не мало вредитъ дѣлу и неопредѣленность права собственности на многiе важнѣйшiе водопады, вызывающая споры между частными лицами или предпрiятiями съ государствомъ.

Докладовъ по вопросамъ, относящимся до судостроенiя, было три: Якоби—о подводныхъ лодкахъ и ихъ спасанiи, Шёстрёма—о доковомъ затворѣ въ Мальмё и Нудсена и Сета—о примѣненiи двигателей внутренняго сгоранiя для торговаго флота.

Якоби, капитанъ-лейтенантъ Королевскаго Шведскаго Флота и преподаватель Королевской Шведской Морской Академiи, далъ въ своемъ докладѣ общую характеристику подводныхъ лодокъ въ ихъ развитiи, начиная съ 80-хъ годовъ XIX вѣка и до нашего времени, и, указавъ особенности нынѣшнихъ типовъ, примѣняемыхъ во флотахъ разныхъ государствъ и пути къ ихъ дальнѣйшему усовершенствованiю, остановился съ особымъ вниманiемъ на несчастныхъ случаяхъ съ судами этого рода. Онъ раздѣляетъ эти случаи на слѣдующiя группы:

1) столкновенiя во время хода въ непогруженномъ состоянiи,

2) столкновенiя во время хода въ погруженномъ состоянiи,

3) крушенiя, вслѣдствiе недостатковъ конструкцiи или дурного качества матерiаловъ,

4) взрывы.

Приспособленiя для оказанiя помощи затонувшимъ подводнымъ лодкамъ имѣютъ цѣлью:

1) дать возможность лицамъ команды оставаться въ лодкѣ, пока имъ не будетъ подана помощь извнѣ, или

2) позволить имъ оставить утонувшую лодку, или

3) поднять утонувшую лодку вмѣстѣ съ людьми.

Описавъ разные типы приспособленій, отвѣчающихъ оказаннымъ требованіямъ, Якоби указываетъ на необходимость для уменьшенія несчастныхъ случаевъ съ подводными лодками строить возможно совершеннѣе, обращая вниманіе на прочность и хорошую управляемость всѣхъ элементовъ, отъ которыхъ зависитъ безопасность.

Шёстрёмъ, инженеръ-судостроитель фирмы Kockums Mek. Werkstad A. G. въ Мальмё и преподаватель машиностроенія въ Техническомъ училищѣ тамъ же, далъ описаніе батопорта новаго сухого дока въ Мальмійскомъ портѣ. Этотъ батопортъ имѣетъ одну сторону плоскую, а другую—выпуклую, При обыкновенныхъ условіяхъ плоская сторона обращена въ сторону дока, чтобы можно было использовать все протяженіе камеры; для окраски батопортъ поворачивается. Авторъ рекомендуетъ для большихъ батопортовъ подобныхъ описанному имъ, строить діаграммы давленій воды, которыя позволяли бы для всякаго погруженія наглядно видѣть, какъ надо регулировать балластъ, чтобы при опоражниваніи или наполненіи камеры сохранять необходимую устойчивость затвора.

Вопросу о примѣненіи двигателей внутренняго сгоранія въ торговомъ флотѣ были посвящены два доклада Нудсена и Сета.

Въ первомъ изъ нихъ Nudsen директоръ судостроительнаго завода Burmeister u. Wain въ Копенгагенѣ, выставилъ слѣдующій тезисъ: Дизельмоторы" по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, который мы имъ придаемъ, могутъ во всѣхъ отношеніяхъ почитаться равными паровой машинѣ, а именно какъ въ отношеніи обезпеченности правильной работы, такъ и въ отношеніи экономичности. При длительныхъ плаваніяхъ установлено, что теплоходъ далеко превосходитъ пароходъ, такъ какъ онъ сберегаетъ топливо и потому допускаетъ большую полезную нагрузку судна".

Второй докладъ инженеръ-механика Seth'а, инспектора Германскаго Ллойда и преподавателя въ Мореходномъ Училищѣ въ Гетеборгѣ, входилъ въ бóльшія подробности относительно самихъ двигателей внутренняго сгоранія. Эти двигатели дѣлаютъ медленные, но вѣрные успѣхи, приближая то время, когда торговому мореплаванію придется сдѣлать рѣшительный выборъ между ними и паровыми машинами. Если это время еще не настало, то причину нужно видѣть не въ недостаткахъ двигателей, которые все болѣе и болѣе совершенствуются, а въ слишкомъ высокихъ цѣнахъ на нефть, въ предразсудкахъ и недовѣріи къ новизнѣ, въ недостаточномъ практическомъ опытѣ. Еще не установились вполнѣ опредѣленные взгляды относительно всѣхъ деталей механизмовъ и обезпеченія ихъ прочности, цѣлесообразности и дешевизны. Въ особенности оставляетъ желать еще много послѣдній факторъ. Первоначальная стоимость судовъ съ дизельмоторами все еще значительно выше паровыхъ соотвѣтсвующаго типа и величины. Что же касается обезпеченности плаванія, то здѣсь уже нѣтъ сомнѣній, такъ какъ въ послѣдніе годы вполнѣ установлено, что океанскіе корабли, снабженные дизельмоторами, совершаютъ свои рейсы въ далекомъ плаваніи такъ же пунктуально, какъ и пароходы.

Докладовъ по вопросамъ, относящимся къ тепловой техникѣ, было относительно больше другихъ. Это можетъ быть, отчасти, объяснено тѣмъ, что во время Балтійскаго Инженернаго Конгресса было назначено собраніе Шведскаго Общества Тепловой Техники (Svenska Värmetekniskaföreningen).

Эти доклады принадлежали слѣдующимъ лицамъ: Теорелю—о вентиляціи зданій, Фагерштрему—о народныхъ баняхъ, Сондену—о контролѣ теплоспособности, Рикерту—о холодильномъ дѣлѣ, Роде—о преміяхъ при топкѣ паровыхъ котловъ, Беку—о безпламенномъ сжиганіи и Феттингеру—о турботрансформаторахъ. Послѣдніе три доклада были, впрочемъ, выдѣлены въ Конгрессѣ въ особый отдѣлъ механики.

H. G. T. Theorell, владѣлецъ техническаго бюро по отопленію и вентиляціи въ Стокгольмѣ, въ своемъ докладѣ о вентиляціи зданій указываетъ, что вентиляція зданій не идетъ въ своемъ техническомъ развитіи параллельно съ дѣломъ отопленія. Успѣхи послѣдняго несомнѣнны, тогда какъ вентиляціонная техника отстаетъ. Причины этого, помимо большой трудности самой задачи, заключаются прежде всего въ неустойчивости взглядовъ гигіенистовъ относительно количественной и качественной стороны вентиляціи. Нѣтъ нормъ для количества воздуха. Утверждается многими, что воздухъ должнаго качества можетъ доставляться только черезъ оконныя отверстія, а отнюдь не черезъ длинные каналы, что оспариваются другими. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ цѣломъ рядѣ зданій должная вентиляція требуетъ спеціальной канализаціи наружнаго воздуха, и сообщеніе ему искусственно должной температуры, влажности, и пр. При этомъ техника, несмотря на отсутствіе полнаго единомыслія у строителей, даетъ возможность удовлетворительнаго рѣшенія вопроса, какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ, располагая для очистки воздуха-фильтрами различныхъ конструкцій и озонными устройствами, для его увлажненія—особыми увлажнителями, для нагрѣванія—тепловыми батареями, для наблюденія за достигнутыми результатами—термометрами, измѣрителями скорости движенія воздуха, регуляторами и пр. По отношенію къ той части вентиляціонныхъ устройствъ, которая касается удаленія испорченнаго воздуха, т. е. задачи болѣе простой, разномыслія меньше.

W. Fagerström, инженеръ-консультантъ въ Готенбургѣ по тепло- и санитарно-техническимъ вопросамъ, въ докладѣ о народныхъ баняхъ, обращая вниманіе на необходимость въ цѣляхъ гигіены широкаго развитія общественныхъ бань въ городахъ и селахъ и устройствѣ школьныхъ бань, приводитъ рядъ примѣровъ такихъ устройствъ, а также даетъ статистическія свѣдѣнія относительно посѣщаемости бань и доставляемаго ими дохода.

K. Sonden, санитарный инженеръ и почетный докторъ медицины въ Стокгольмѣ, свой докладъ посвятилъ описанію особаго прибора, повидимому, изобрѣтеннаго имъ, для опредѣленія потерь теплоспособности, вслѣдствіе теплоты вытекающихъ изъ дымовыхъ трубъ газовъ. Теорія и конструкція этого аппарата были опубликованы авторомъ еще ранѣе открытія Балтійскаго Конгресса въ Teknisk Tidskrift № 5—1914 года.

I. G. Richert инженеръ, бывшій профессоръ гидротехники въ Высшей Технической Школѣ въ Стокгольмѣ, почетный докторъ философіи Стокгольмскаго университета, въ докладѣ „о развитіи холодильной промышленности" даетъ сначала краткій обзоръ технической стороны холодильнаго дѣла.

Охлажденіе при помощи естественнаго или искусственнаго льда давно примѣняется для сохраненія съѣстныхъ продуктовъ. Прибавленіемъ поваренной соли можно понизить температуру таянія льда до—15° С. Въ послѣднее время этотъ простой способъ охлажденія примѣняется въ такомъ видѣ, что таяніе льда происходитъ въ особомъ помѣщеніи, откуда холодная жидкость или

охлажденный при ея посредствѣ воздухъ разводится по прилегающимъ холодильнымъ камерамъ. Этотъ способъ охлажденія особенно пригоденъ для небольшихъ установокъ, напримѣръ, въ домахъ, въ магазинахъ съѣстныхъ припасовъ, на рыболовныхъ судахъ, въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ и т. п. Когда, однако, надо охлаждать большія помѣщенія, напримѣръ, въ холодильныхъ складахъ, гдѣ съѣстные припасы приходится сохранять мѣсяцами въ огромныхъ количествахъ, или на заводахъ и на пароходахъ, гдѣ имѣются значительныя машинныя устройства, лучше и дешевле производить охлажденіе не таяніемъ льда, а механическимъ путемъ.

Для этой цѣли примѣняются вещества, какъ, напримѣръ, амміачный газъ, способные обращаться въ жидкость при низкихъ температурахъ. Эти вещества заставляютъ проходить по трубамъ, при чемъ въ одной части своего оборота сгущенный до состоянія жидкости газъ проходитъ черезъ котлы съ солянымъ растворомъ и, испаряясь, охлаждаетъ послѣдній, а въ другой снова сжимается въ жидкость. Поддерживаемый въ холодномъ состояніи соляной растворъ, въ свою очередь циркулируетъ по трубамъ въ соотвѣтственномъ помѣщеніи и непрерывно его охлаждаетъ до требуемой температуры. По такому способу устроены теперь тысячи холодильныхъ складовъ, въ которыхъ сохраняются отъ порчи огромныя цѣнности.

Еще большее значеніе имѣютъ подвижные холодильники въ видѣ судовъ или желѣзнодорожныхъ вагоновъ. Уже 50 лѣтъ тому назадъ французъ Tellier построилъ „Frigorifique“ для перевозки замороженнаго мяса изъ Аргентины въ Европу. Теперь плаваютъ сотни такихъ пароходовъ. Лишь для перевозки банановъ съ Канарскихъ островов въ Англію затрачено 150 милліоновъ кронъ. Благосостояніе такихъ странъ какъ Аргентина и Австралія, основана на плавучихъ холодильникахъ. Технически и экономически труднѣе создать холодильники на колесахъ въ составѣ, напримѣръ, 50 закрытыхъ вагоновъ, которые сегодня катятся по долинѣ съ тропической жарой, а завтра пересѣкаютъ горный хребетъ въ снѣговой пургѣ. За немногими исключеніями существующіе нынѣ 200.000 холодильныхъ вагоновъ устроены весьма примитивво. Они, конечно, снабжены льдомъ и солью, но въ нихъ отсутствуютъ необходимыя устройства для регулированія степени теплоты и влажности. Тѣмъ не менѣе уже и теперь возможны длящіяся недѣлями перевозки въ Америкѣ и Россіи; докладчикъ надѣется на скорое возникновеніе ихъ и въ скандинавскихъ земляхъ.

И въ другихъ отрасляхъ промышленности играетъ производство холода важную роль. Тысячи инженеровъ работаютъ съ примѣненіемъ холодильныхъ методовъ и сотни ученыхъ надъ усовершенствованіемъ послѣднихъ. Kammerlingh Onnes въ своей знаменитой холодильной лабораторіи завоевалъ Нобелевскую премію. Можетъ ли, однако, задача холодильнаго дѣла считаться рѣшенной? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, что и хорошо, такъ какъ передъ нами остается еще поле для новыхъ побѣдъ и возможность присоединять новыя страны къ международному обмѣну съѣстными припасами. Холодильные вагоны должны быть улучшены и холодильные склады въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ до сего времени, децентрализованы. Недостаточно, чтобы съѣстные припасы между моментомъ производства и моментомъ потребленія хранились нѣкоторое время въ центральныхъ холодильникахъ, а нужно, чтобы они оставались непрерывно холодными отъ момента

производства до момента потребленія. Рыба, вынутая изъ воды, должна, немедленно попадать въ судовой холодильникъ, оттуда въ рыбачьемъ портѣ— въ холодильникъ береговой, затѣмъ въ холодильникъ-вагонъ или автомобиль и, наконецъ, въ холодильный шкапъ потребителя. То же должно дѣлаться съ фруктами, яйцами и вообще легко портящимися продуктами. Этимъ путемъ будутъ спасены милліоны, которые теперь ежегодно теряются отъ ухудшенія качества и уменьшенія количества этихъ товаровъ при ихъ храненіи и неблагопріятныхъ условіяхъ. Другая область прогресса—въ домахъ, гдѣ съ дальнѣйшими успѣхами холодильнаго дѣла, можно будетъ въ жаркое время или въ жаркомъ климатѣ понижать температуру въ спальняхъ и рабочихъ помѣщеніяхъ, увеличивая трудоспособность и производительность населенія. Иной вопросъ—стоитъ ли тратить значительныя суммы денегъ, чтобы вызвать новыя потребности, тогда какъ уже и теперь потребности сильно развиты. На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что прогрессъ долженъ быть непрерывенъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы соблюдалось соотвѣтствіе между новыми затратами и ихъ результатами.

Нельзя забывать, что промышленность, добывающая съѣстные продукты, самая большая и цѣнная въ мірѣ, и что она даетъ наибольшій доходъ на затраченный капиталъ. Міровой рынокъ находится въ большей зависимости отъ запаса съѣстныхъ продуктовъ, чѣмъ отъ запаса золота. Какъ бы ни были полны кассы банковъ и трестовъ, неурожайный годъ производитъ ослабляющее дѣйствіе. Уменьшеніе запасовъ продовольствія можетъ поколебать основы общественной жизни; перерывъ въ подвозѣ можетъ разрушить міровую державу. Вотъ почему вопросъ объ искусственномъ холодѣ является однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современности, дальнѣйшее изученіе коего стоитъ труда и денегъ.

O. Rohde, горный инженеръ въ Стокгольмѣ, называетъ свой докладъ „система премій для достиженія сбереженія угля“. Въ этомъ докладѣ онъ описываетъ особый автоматическій контрольный приборъ, называемый „Mono System“ для опредѣленія содержанія углекислоты въ газахъ, вытекающихъ въ дымовую трубу изъ паровыхъ котловъ. Признавая, что наивыгоднѣйшему тепловому эффекту соотвѣтствуетъ опредѣленное содержаніе углекислоты въ дымовыхъ газахъ, авторъ находитъ, что по указаніямъ контрольнаго прибора могутъ быть выдаваемы преміи кочегарамъ, что, какъ показываетъ практическій опытъ въ Швеціи, можетъ дать до 15% экономіи топлива.

Докладъ H. Föttinger'а, профессора механики въ Данцигской Высшей Технической Школѣ, о новѣйшихъ успѣхахъ въ постройкѣ и примѣненіи турбо-трансформаторовъ, основанъ на практическихъ результатахъ, достигнутыхъ въ этой области судостроительной верфью „Вулканъ“ въ Штеттинѣ. Авторъ указываетъ предѣлы примѣнимости выработанныхъ пріемовъ, описываетъ опыты, произведенные надъ первой машиной въ 10.000 HP. для товаро-пассажирскаго парохода „Tirpiz“, результаты эксплоатаціи пассажирскаго парохода „Königin Luise“ въ 6.000 HP. и приводитъ данныя относительно 21 машины, нынѣ (1914) находящихся въ постройкѣ для военнаго флота Германіи, въ томъ числѣ 2 установокъ въ 26.000 HP. въ каждой турбинѣ. При этомъ онъ особенно останавливается на новѣйшихъ улучшеніяхъ, принятыхъ для военныхъ судовъ, а именно на примѣненіи трансформаторовъ для полнаго хода и перегрузки и на примѣненія турбинъ съ зубчатой

передачей, которыя включаются при $^1/_{10}$ части нагрузки—ранѣе главныхъ турбинъ, что даетъ экономію въ 30—40$^0/_0$.

Доклады по электротехникѣ представили: Шебергъ—о введеніи, какъ единицы, килоуатта вмѣсто лошадиной силы, Фаберъ—о снабженіи электрической энергіей деревень, Ангело—о подвижной передачѣ энергіи, Вестбергъ—о пожарной безопасности домовыхъ электрическихъ проводовъ и Дальгренъ, Тейссенъ, Цадекъ и Штейнгардтъ—объ электроотопленіи.

K. G. Sjöberg, главный инженеръ въ акціонерномъ обществѣ Nya förande elektr. A. G. въ Ludvika, предлагаетъ повсемѣстно и во всѣхъ случаяхъ принять для обозначенія работы машинъ всякаго рода, а не только электрическихъ, единицу килоуатта, совершенно исключивъ изъ употребленія лошадиную силу. Онъ находитъ, что одна единица, а не двѣ разныя, нужны въ этомъ случаѣ по соображеніямъ практическаго удобства, и что килоуаттъ долженъ быть предпочтенъ, какъ связанный съ общепринятой въ наукѣ системой единицъ граммъ-сантиметръ-секунда. Въ Германіи инженерныя общества, въ томъ числѣ и спеціально механическія, уже рѣшили впредь пользоваться только единицей килоуатта для измѣренія количества работы машинъ. Въ этомъ направленіи выступилъ также электротехническій отдѣлъ Шведскаго Технологическаго Общества (Svenska Teknologiöreningen), стремясь къ возможно скорому исключительному употребленію килоуатта. Главныя германскія электрическія фирмы уже рѣшили на изготовляемыхъ ими электрическихъ машинахъ указаній на число лошадиныхъ силъ совсѣмъ не помѣщать. Докладчикъ надѣется, что полное исключеніе изъ употребленія лошадиной силы во всѣхъ странахъ не заставитъ себя ждать.

S. A. Faber, инженеръ-электротехникъ въ Берлинѣ, останавливается на вопросѣ объ экономическомъ снабженіи электрической энергіей мелкихъ потребителей внутри страны. Въ то время, какъ для большихъ промышленныхъ центровъ вопросъ уже нашелъ свое рѣшеніе въ устройствѣ мощныхъ центральныхъ станцій, для земледѣльческихъ районовъ съ разбросаннымъ населеніемъ, крайне нуждающимся въ электрической энергіи для своихъ производствъ, выгодное рѣшеніе еще не найдено. Оно затрудняется большими разстояніями, малымъ использованіемъ энергіи въ отдѣльныхъ пунктахъ и другими причинами. Рѣшеніе слѣдуетъ искать въ станціяхъ центральныхъ, но построенныхъ съ крайней бережливостью и при условіи, что тарифы и способы финансированія будутъ допускать выгодное использованіе устройствъ, потребляющихъ электрическую энергію.

A. R. Angelo, директоръ Акціонернаго Общества „Nordsjällands Electricitets og Sporvejs“ въ Копенгагенѣ, въ своемъ докладѣ сообщаетъ о проектѣ передачи посредствомъ подводнаго кабеля, имѣющаго быть уложеннымъ на днѣ моря между городомъ Гельзинборгомъ въ Швеціи и городомъ Гельзингеромъ въ Даніи, электрической энергіи отъ шведской гидравлической установки на р. Lagan въ Копенгагенъ. Напряженіе въ воздушномъ проводѣ въ 50.000 вольтъ трансформируется для кабеля въ 25.000 вольтъ. Подземная часть кабеля изолируется именно для этого напряженія, а подводная для 35.000 вольтъ, чтобы возможные прорывы не имѣли мѣста подъ водой. Для охраны кабеля отъ дрейфующихъ якорей судовъ, входящихъ въ Зундъ съ сѣвера при вѣтрѣ, укладывается въ 200 метрахъ предохранительный кабель въ 40 тоннъ.

A. Westberg, инженеръ-электрикъ въ Стокгольмѣ, въ докладѣ о пожарной безопасности электрическихъ домовыхъ проводовъ указываетъ, что изъ всѣхъ видовъ освѣщенія въ пожарномъ отношеніи самое безопасное электрическое. Оно является причиной лишь 0,9 — 1,5% всѣхъ пожаровъ. Для обезпеченія отъ возможности пожаровъ при образованіи короткаго замыканія въ проводахъ, недостаточнаго для расплавки предохранителя, слѣдуетъ окружить провода одеждой изъ проводящаго токъ матеріала, соединенной съ землей. Докладчикъ сравниваетъ разныя системы такихъ одеждъ.

Докладъ объ электроотопленіи состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ частей, принадлежащихъ инженерамъ: J. W. Dahlgren'у—владѣльцу техническаго бюро въ Стокгольмѣ для центральнаго отопленія и вентиляціи, T. Teisen'у—представителю фирмы Friedrich Siemens—въ Дрезденѣ на Балтійской выставкѣ, H. Zadek'у — завѣдывающему отдѣленіемъ тепловыхъ аппаратовъ фирмы Allgemeine Electrizität Gesellschaft въ Берлинѣ, и A. Steinhardt'у—старшему инженеру отдѣленія тепловыхъ аппаратовъ фирмы Siemens-Schuckert въ Берлинѣ.

Эти четыре части общаго доклада объ электроотопленіи не объединены какими-либо общими заключеніями. Таковыя не были предложены и сдѣлавшими во время засѣданій дополнительныя замѣчанія инженерами Westerberg'омъ и Dettmar'омъ. Тѣмъ не менѣе свѣдѣнія по электроотопленію, касаясь отопленія зданій, кухонь и спеціальныхъ металлургическихъ печей, сообщенныя Балтійскому Инженерному Конгрессу, представляютъ серьезный интересъ. Они заключаютъ въ себѣ описаніе различныхъ наиболѣе новыхъ приборовъ и устройствъ, описаніе малыхъ и большихъ установокъ, данныя относительно стоимости пользованія электрической энергіей для тепловыхъ цѣлей въ разныхъ случаяхъ, соображенія объ условіяхъ цѣлесообразности такого использованія и много другихъ. Весь этотъ матеріалъ заслуживаетъ вниманія спеціалистовъ, но по его обширности не можетъ быть использованъ здѣсь. Мы ограничимся лишь тезисами общаго характера относительно электрическаго отопленія зданій, составляющими сущность доклада Дальгрена:

1) Электрическое отопленіе зданій превосходитъ всѣ остальныя способы отопленія въ отношеніи строительномъ, теплотехническомъ, гигіеническомъ и эксплоатаціонномъ.

2) Чтобы электрическое отопленіе было хозяйственно возможно, нужно, чтобы стоимость тока, въ зависимости отъ обстоятельствъ каждаго даннаго случая, не превосходила 0,5—1,6 ёре за за килоуаттъ-часъ.

3) Если электрическій токъ доставляется паровой машиной или двигателемъ внутренняго сгоранія, то хозяйственно нельзя пользоваться имъ для отопленія.

4) Электрическій токъ, доставляемый водяной силой, можетъ при особо благопріятныхъ условіяхъ добычи и распредѣленія стоить настолько дешево, что его примѣненіе для отопленія можетъ быть хозяйственно выгодно.

5) Электрическое отопленіе можетъ и должно быть примѣняемо, когда имѣется доступная электрическая энергія, не нужная для другихъ цѣлей.

Вопросы горнаго дѣла и химіи были предложены въ докладѣ Ромена—о добываніи руды мокрымъ путемъ, Голландера — о способѣ обнаруживанія неоднородности въ тѣлахъ и опредѣленія удѣльнаго электрическаго сопротивленія тѣлъ произвольной формы, Ларссона—о новѣйшихъ шведскихъ

способахъ добыванія руды, Гелльстрема — о добываніи и раффинированіи целлулозныхъ побочныхъ продуктовъ и Карлсона—о кальціумъ-ціанамидѣ.

A. Ramen, старшій инженеръ въ акціонерномъ обществѣ Helsingborgs Kopparverks указываетъ въ своемъ докладѣ, что все возрастающая потребность въ желѣзѣ заставитъ обратиться въ будущемъ къ малопроцентнымъ рудамъ и, въ частности, къ рудамъ сложнымъ, заключающимъ въ себѣ сѣрныя соединенія желѣза, мѣди и цинка. Разработка такихъ рудъ уже производится въ Европѣ, достигая 2 милліоновъ тоннъ въ годъ. Для такихъ рудъ добываніе металла плавленіемъ представляется невыгоднымъ и болѣе цѣлесообразны химическіе способы, изъ коихъ авторъ считаетъ наиболѣе пригодными тѣ, которые основаны на предварительномъ сульфированіи или хлорированіи рудъ, и въ особенности, послѣдніе.

O. Gallander, преподаватель въ Техническомъ училищѣ въ Örebro, предложилъ особый методъ для обнаруженія неоднородности въ тѣлахъ и для опредѣленія удѣльнаго сопротивленія тѣлъ произвольной формы. Методъ имѣетъ своимъ основаніемъ измѣненія потенціала электрическаго тока при прохожденіи черезъ тѣла подъ вліяніемъ неоднородности ихъ состава. Докладчикъ считаетъ, что его методъ, который онъ продолжаетъ разрабатывать, позволяетъ обнаруживать въ минералахъ наличіе трещинъ, пузырей и пр.

P. Larsson, директоръ-распорядитель Правленія горныхъ промысловъ въ Норѣ, описалъ въ своемъ докладѣ примѣняющіеся въ настоящее время въ Швеціи способы подземнаго добыванія руды. Эти способы развились постепенно, измѣняясь по мѣрѣ того, какъ росли потребность въ рудѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость въ болѣе совершенныхъ пріемахъ для обезпеченія безопасности рабочихъ. Долгое время въ Швеціи пользовались германскими методами, затѣмъ перешли къ англійскимъ и американскимъ.

A. Hellström, финляндскій инженеръ-технологъ-химикъ, поставилъ задачей своего доклада изложеніе вопроса о полученіи побочныхъ продуктовъ при производствѣ сульфитъ-целлулозы, каковы, терпентинъ, метилъ-алкоголь и аммоніумъ-сульфитъ, по способамъ шведскаго инженера Н. Бергстрема. Докладъ этотъ, однако, не состоялся за неприбытіемъ докладчика.

O. B. Carlson, старшій инженеръ акціонернаго общества супесфосфатной фабрики въ Стокгольмѣ, представилъ очень подробный докладъ по вопросу о кальціумъ-ціанамидѣ, какъ продуктѣ, который не только имѣетъ большую цѣнность въ сельскомъ хозяйствѣ въ качествѣ хорошаго удобренія, но пріобрѣлъ быстро возрастающее значеніе въ химической промышленности, какъ исходный матеріалъ для полученія цѣлаго ряда весьма важныхъ техническихъ и медицинскихъ продуктовъ. Область примѣненія кальціума-ціанамида въ промышленности очень велика и примѣненія эти разнообразны. Работы съ этимъ матеріаломъ требуютъ и большой осторожности, такъ какъ при недостаточномъ вниманіи происходятъ нежелательныя реакціи и дѣлается затруднительнымъ полученіе продуктовъ чистыхъ и въ значительныхъ количествахъ.

Къ группѣ разныхъ вопросовъ въ настоящемъ обзорѣ отнесены доклады, не подходящіе подъ вышеприведенныя рубрики, а именно доклады: Мальма—объ устройствѣ быта рабочихъ на мѣстахъ производящихся строительныхъ работъ, Сведберга—о развитіи шведской промышленносты, Форсберга—о треніи въ подшипникахъ, Конвентца и Старбэка — о защитѣ при-

роды при проектированіи и исполненіи промышленныхъ сооруженій, Гренвалля и Берггрена—о примѣненіи свѣта „Aga".

Докладъ K. O. G. Malm'a объ устройствѣ быта рабочихъ на мѣстахъ производящихся строительныхъ работъ, програмной Конгресса былъ отнесенъ къ группѣ дорогъ и водяныхъ сооруженій, но онъ имѣетъ, несомнѣнно, вполнѣ общій характеръ и соображенія докладчика приложимы полностью къ строительнымъ работамъ всякаго рода, производимымъ рабочими, которымъ приходится временно жить на мѣстахъ, не имѣющихъ всего, что нужно для удовлетворенія ихъ потребностей и гдѣ это нужное приходится создавать. Докладчикъ раздѣляетъ потребности рабочихъ на физическія и духовныя. Къ первымъ онъ относитъ вопросы о жилищѣ, питаніи, охранѣ здоровья и спортѣ.

Вопросъ о жилищѣ разрѣшается просто, если вблизи можно найти дома, которые могутъ быть обращены для этой цѣли; тогда въ крайнемъ случаѣ приходитси только устроить бараки-убѣжища для временняго пребыванія рабочихъ. Если же готовыхъ домовъ нѣтъ, то надо создать барачныя помѣщенія для постоянной жизни. Эти бараки должны заключать въ себѣ, кромѣ спаленъ, особыя помѣщенія для сушки платья. Послѣднія даже въ лѣтнихъ баракахъ должны имѣть печи. Спальни должны имѣть не менѣе 6—7 куб. метровъ воздуха на человѣка. Число кроватей въ каждой комнатѣ не должно быть велико, напримѣръ 6. Стѣны должны быть окрашены и снаружи и снутри, чтобы придать жилью возможно уютный видъ и вызывать стремленіе къ порядку и чистотѣ. Меблировка должна ограничиватьси самымъ необходимымъ. Рекомендуются желѣзныя кровати армейскаго типа. Бараки слѣдуетъ дѣлать деревянные досчатые съ двойной обшивкой стѣнъ и внутреннимъ заполненіемъ между досками обшивки и съ обивкой толемъ—въ подлежащихъ случаяхъ. Такая же конструкція можетъ быть придана и банямъ, которыя должны считаться необходимой принадлежностью хорошо устроеннаго рабочаго поселка.

Пищевое довольствіе осуществляется наилучшимъ образомъ, если оно предоставлено самимъ рабочимъ. Нужно только имѣть въ каждомъ баракѣ столовую и кухню. Такое оборудованіе бараковъ при очень значительномъ числѣ рабочихъ и зданій, становится дорогимъ и для удешевленія затратъ на постройку бараковъ, выгодно построить для нѣсколькихъ бараковъ особую столовую и кухню. Въ такомъ случаѣ артельный порядокъ кормленія становится часто затруднительнымъ и прибѣгаютъ къ снабженію пищевымъ довольствіемъ рабочихъ отъ особаго предпринимателя; нужно при этомъ выбирать лицо, заслуживающее особаго довѣрія. Къ пищевому довольствію во многихъ странахъ принадлежитъ и снабженіе рабочихъ пивомъ и водкой. Трудная обязанность!—восклицаетъ докладчикъ.

Охрана здоровья рабочихъ прежде всего требуетъ возможности быстро получить помощь врача. Фельдшеръ для оказанія первоначальной помощи и леченія небольшихъ заболѣваній долженъ быть во всякомъ случаѣ на мѣстѣ. Въ извѣстныхъ обстоятельствахъ нужно имѣть помѣщенія для больныхъ или цѣлыя больницы.

Для гимнастики и спорта рабочихъ пока еще дѣлается очень мало, но это нужно.

Въ отношенiи духовныхъ потребностей рабочихъ прежде всего должно обезпечить ихъ религiозныя нужды. Въ Швецiи на всѣхъ правительственныхъ работахъ этого прямо требуетъ законъ. Затѣмъ должно думать о просвѣтительныхъ чтенiяхъ, библiотекахъ, даже школахъ для молодыхъ рабочихъ.

I. Svedberg, старшiй инженеръ фирмы „Billesholms grofva“ и вице-предсѣдатель Конгресса (см. гл. II), въ своемъ докладѣ о промышленномъ развитiи Швецiи показалъ, какъ происходило это развитiе и какое влiянiе имѣли на него нѣкоторыя обстоятельства, въ томъ числѣ, напримѣръ, грандiозная стачка рабочихъ въ 1909 году. Затѣмъ онъ выяснилъ условiя, въ которыхъ находится промышленность въ Швецiи въ отношенiи сырыхъ матерiаловъ, источниковъ энергiи и пр., и которыя имѣютъ непосредственное значенiе для дальнѣйшаго развитiя промышленности. Въ заключенiе онъ подчеркнулъ, что для направленiя шведской промышленности по правильнымъ путямъ нужно лучшее пониманiе дѣла, чѣмъ проявлялось до сего времени.

Изъ приведенныхъ въ докладѣ цифръ видно, что въ 1863 г. годовая производительность шведской промышленности составляла 70 миллiоновъ кронъ. За 20 лѣтъ она постепенно достигла въ 1883 году 200 миллiоновъ кронъ. Затѣмъ ростъ идетъ быстрѣе и для 1912 года превосходитъ 1.400 миллiоновъ кронъ. Въ тоже время число рабочихъ, за исключенiемъ горнорабочихъ, возрасло съ 25.000 до 260.000 человѣкъ. Въ частности производство желѣза дало въ 1871 году 0,66 миллiоновъ тоннъ, а въ 1911 году превозошло это количество болѣе чѣмъ въ 9 разъ, тогда какъ мiровая добыча желѣза въ тотъ же перiодъ съ 30 миллiоновъ тоннъ возрасла лишь въ $4^1/_2$ раза; такимъ образомъ относительный ростъ добычи желѣза въ Швецiи превысилъ среднiй мiровой ростъ въ два раза.

U. Forsberg, старшiй инженеръ акцiонернаго общества „Svenska Kullagerfabrik“ въ Гётебургѣ, представилъ очень обстоятельное изслѣдованiе о подшипникахъ съ скользящимъ тренiемъ и съ катучимъ тренiемъ. Приведя цѣлый рядъ математическихъ соображенiй, онъ выяснилъ влiянiе различныхъ факторовъ на коэффицiентъ тренiя и изложилъ опытныя изслѣдованiя, предпринятыя разными лицами, въ томъ числѣ и имъ самимъ, для выясненiя этого коэффицiента какъ въ скользящихъ, такъ и въ шаровыхъ подшипникахъ. Въ общемъ выводѣ Фосбергъ приходитъ къ заключенiю, что коэффицiентъ тренiя въ скользящихъ подшипникахъ зависитъ отъ цѣлаго ряда факторовъ и что незначительное измѣненiе одного изъ нихъ влечетъ за собой существенное измѣненiе коэффицiента тренiя. При этомъ выясняется, что, если бы даже и было практически возможно, опредѣлить эти факторы съ достаточнымъ приближенiемъ, что, однако, въ большинствѣ случаевъ недостижимо, то тѣмъ не менѣе нельзя было бы достигнуть въ дѣйствительности длительнаго опредѣленнаго состоянiя, вслѣдствiе слишкомъ большихъ колебанiй, зависящихъ отъ нагрузки, скорости и смазки. Поэтому, въ концѣ концовъ, приходится въ практикѣ скользящихъ подшипниковъ, даже при наличiи самыхъ лучшихъ смазки и ухода, считаться съ гораздо болѣе высокими величинами тренiя, чѣмъ тѣ, которыя получаются на испытанiи для данной скорости и нагрузки. Кромѣ того недостаткомъ скользящихъ подшипниковъ является большое сопротивленiе тренiю въ моментъ начала работы, особенно важное въ перевозочныхъ машинахъ.

Опытныя изслѣдованія шариковыхъ подшипниковъ показываютъ, что при правильной конструкціи коэффиціентъ тренія ихъ ниже, чѣмъ при какомъ бы то ни было другомъ устройствѣ, и что практически этотъ коэффиціентъ не зависитъ отъ скорости, нагрузки и температуры, а также весьма незначительно выше при пусканіи механизма въ ходъ, чѣмъ при полномъ ходѣ.

Правительственный тайный совѣтникъ профессоръ д-ръ Conwentz, начальникъ прусскаго управленія по охранѣ памятниковъ природы, и C. Starbäck, членъ нижней палаты Шведскаго рейхстага, въ своихъ докладахъ по вопросу объ охранѣ природы при проектированіи и осуществленіи промышленныхъ сооруженій, остановили вниманіе Конгресса на тѣхъ мѣрахъ, при посредствѣ коихъ можно было бы, не вредя практическимъ задачамъ современной промышленности, сохранить естественныя красоты пейзажа. Этому предмету будетъ посвящено особое обозрѣніе.

U. Grönvall, старшій инженеръ маячнаго управленія и членъ лоцманскаго управленія, и H. A. Berggren, начальникъ отдѣленія сигнальнаго освѣщенія акціонернаго общества „Gasaccumulator“, въ своихъ докладахъ съ большой подробностью охарактеризовали область примѣненія свѣтовыхъ сигналовъ системы „Aga“, основанной на пользованіи ацетиленовымъ газомъ при посредствѣ особыхъ приборовъ, изобрѣтенныхъ шведскимъ инженеромъ Густавомъ Даленомъ и эксплоатируемыхъ фирмой, представителемъ которой является второй докладчикъ.

Ацетиленъ C_2H_2 въ системѣ Aga примѣняется въ растворенномъ видѣ придуманномъ французами George Claude и Albert Hess въ 1896 году. Какъ извѣстно, имъ принадлежитъ мысль воспользоваться свойствомъ ацетона (CH_3, CO, CH_3) растворять въ себѣ многократное по объему, соотвѣтствующее данному давленію количество ацетилена и затѣмъ по мѣрѣ уменьшенія давленія отдавать ацетиленъ обратно въ неизмѣненномъ состояніи. Ацетонъ— жидкость горючая, которая замерзаетъ при $-80°$ и кипитъ при $+56°C$. При температурѣ $+15°$ и давленіи 10 атмосферъ одинъ объемъ ацетона поглощаетъ около 100 объемовъ ацетилена. Отсюда—возможность устройства крайне компактныхъ аккумуляторовъ ацетиленоваго газа при относительно маломъ давленіи. Но ацетиленъ представляетъ опасность взрыва. Въ обыкновенномъ состояніи и при обыкновенномъ давленіи атмосферы онъ не взрывается, но уже при давленіи въ 2 атмосферы онъ становится взрывчатымъ. Въ растворенномъ видѣ ацетиленъ становится взрывчатымъ только при 20 атмосферахъ. Чтобы сдѣлать его совершенно безопаснымъ, французскіе изобрѣтатели наполняютъ металлическіе сосуды, составляющіе внѣшнія оболочки аккумуляторовъ, очень пористыми тѣлами съ 80% пустотъ и помѣщаютъ ацетонъ въ поры этихъ тѣлъ, а ацетиленъ въ ацетонъ. Въ такомъ видѣ, при надлежащемъ изготовленіи пористой массы, ацетиленъ совершенно теряетъ способность взрываться. Пористая масса французовъ состояла изъ древеснаго угля и цемента.

Пористая масса, примѣняемая въ шведской системѣ Aga и изобрѣтенная руководителемъ фирмы „Gasaccumulator“ Густавомъ Даленомъ, признается докладчиками наиболѣе совершенной и совсѣмъ безопасной; основаніемъ ея является асбестъ. Такимъ образомъ, ацетиленовый аккумуляторъ системы Aga представляетъ собой стальной цилиндръ, безъ шва, обыкновеннаго типа цилиндровъ для сжатой жидкости и газовъ, наполненный пористой массой,

ацетономъ и ацетиленомъ подъ давленіемъ обыкновенно въ 15 атмосферъ. Такой аккумуляторъ при объемѣ въ 50 литровъ заключаетъ въ себѣ количество газа, равное по свѣтовой способности количеству нефтяного газа заключенному въ аккумуляторѣ объемомъ въ 7.600 литровъ. Аккумуляторъ системы Aga въ 50 литровъ вѣситъ только 105 килограммовъ брутто, т.-е. легко перевозимъ, и при томъ совершенно нечувствителенъ къ измѣненіямъ температуры при перевозкѣ изъ одной мѣстности въ другую. Такой аккумуляторъ заключаетъ въ себѣ свыше 10 тысячъ свѣчей-часовъ горѣнія, т.-е. является пригоднымъ для береговыхъ огней или плавучихъ маяковъ.

Столь значительный запасъ свѣтовой энергіи при маломъ объемѣ и вѣсѣ аккумуляторовъ составляетъ первую важную отличительную черту системы Aga, вызвавшую въ шведскомъ маячномъ управленіи стремленіе къ практическому примѣненію ацетиленовыхъ огней для освѣщенія въ морскихъ цѣляхъ. Крайняя изрѣзанность береговъ и обиліе шхеръ вынуждаетъ ставить очень большое число маяковъ на берегахъ Швеціи, вслѣдствіе чего огромное значеніе имѣетъ дешевизна первоначальнаго устройства и автоматичность дѣйствія, освобождающая отъ неудобства не только постояннаго, но даже частаго надзора за огнями. До 1904 года въ этихъ цѣляхъ пользовались разными системами, въ которыхъ примѣнялись петролеумъ, лигроинъ, масляный газъ или обыкновенный ацетиленъ. Хотя такіе маяки уже являлись важнымъ шагомъ впередъ, но все же требовали частаго возобновленія свѣтильнаго матеріала: петролуемовые огни разъ въ недѣлю, а газовые разъ въ мѣсяцъ, и частаго осмотра. Кромѣ того при петролеумовыхъ огняхъ сила свѣта была слаба, ламповыя стекла лопались и случались пожары.

Въ 1904 году Шведское Маячное Управленіе сдѣлало первый опытъ установки автоматическихъ огней, питаемыхъ растворенным ацетиленомъ, на береговомъ маякѣ Gåstfeten и на плавучемъ буѣ. Опытъ оказался удовлетворительнымъ, но огни были постоянные, и это являлось недостаткомъ, не давая должнаго отличія отъ береговыхъ, не маячныхъ, и судовыхъ огней,—недостаткомъ, котораго не имѣли старыя автоматическія системы, гдѣ отъ тепла лампы двигались особые затемнители и давали свѣту маяка отличительный характеръ. Соотвѣтствующее усовершенствованіе сигналовъ системы Aga было также сдѣлано Даленомъ, изобрѣвшимъ автоматическіе регуляторы, приспособленные къ дѣйствію совмѣстно съ газовыми аккумуляторами для освѣщенія маяковъ и буевъ. За это изобрѣтеніе и его дальнѣйшее усовершенствованіе Даленъ получилъ отъ Шведской Академіи Наукъ въ 1912 году Нобелевскую премію по физикѣ.

Аппаратъ Далена не представляется чѣмъ либо особенно сложнымъ. Онъ имѣетъ регуляторъ давленія, въ которомъ сжатый въ аккумуляторѣ до 15 атмосферъ газъ приводится къ давленію, наиболѣе благопріятному для горѣнія. Изъ этого регулятора давленія газъ входитъ въ камеру мигальнаго аппарата. Послѣдняя имѣетъ размѣры, которые соотвѣтствуютъ различнымъ условіямъ дѣйствія даннаго фонаря. Одна изъ стѣнъ камеры представляетъ собой пружинящую мембрану, производящую подъ давленіемъ входящаго или выходящаго изъ камеры газа нѣкоторыя колебанія. Несмотря на ихъ незначительность, колебанія эти достаточны, чтобы при посредствѣ системы рычаговъ открывать или закрывать краны, которыми газъ впускается въ

камеру или выпускается въ горѣлку. Открываніе и закрываніе крановъ происходитъ моментально, благодаря чему пламя сигнальнаго огня то загорается, то гаснетъ. Для зажиганія служитъ особое маленькое непрерывно горящее пламя, которое расходуетъ отъ 6 до 10 литровъ газа въ 24 часа. Продолжительность вспышекъ и темныхъ паузъ можетъ быть устанавливаема по произволу. Возможно также дѣлать паузы разной длины, такъ напримѣръ, чтобы за двумя вспышками, отдѣленными короткой паузой, слѣдовали бы длинныя паузы. Это даетъ возможность создавать огромный рядъ огней, рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Наиболѣе часто встрѣчающіеся типы маячныхъ огней системы Aga таковы:

1) вспышка въ 0,3 секунды + 2,7 секунды темной паузы, т. е. каждыя 3 секунды блистаніе въ 0,3 секунды;

2) вспышка въ 0,3 секунды + 0,9 секунды темной паузы + вспышка въ 0,3 секунды + 4,5 секунды темная пауза, т. е. каждыя 6 секундъ 2 быстро слѣдующія другъ за другомъ блистанія по 0,3 секунды;

3) вспышка въ 0,3 секунды + 0,9 секунды темная пауза + вспышка въ 0,3 секунды + 0,9 секунды темная пауза + вспышка въ 0,3 секунды + + 6,3 секунды темная пауза, т. е. три быстро слѣдующія одна за другой вспышки каждыя 9 секундъ.

Во всѣхъ этихъ типахъ пламя свѣтитъ только $^1/_{10}$ часть всего періода, что даетъ огромную экономію газа. Въ огняхъ обыкновеннаго типа черезъ горѣлку пропускаютъ въ часъ всего около 1,5 литровъ газа, причемъ это ничтожное количество достаточно, чтобы открыть и закрыть кранъ 1.200 разъ. Такая чувствительность регулятора, однако, гораздо меньше возможной минимальной. По словамъ докладчика, можно, пропуская черезъ горѣлку только одинъ литръ газа въ часъ, получить до 20.000 открываній и закрываній крана и столько же вспышекъ. При такихъ условіяхъ, очевидно, что разнообразіе характеровъ огней можетъ быть безпредѣльно.

Не довольствуясь приведенными выше оптическими результатами и достигнутой большой экономіей газа, Даленъ сталъ стремиться къ тому, чтобы еще болѣе увеличить эту экономію автоматическимъ прекращеніемъ горѣнія маяковъ системы Aga днемъ. Ему удалось изобрѣсти особый затворъ, такъ называемый солнечный кранъ, который самъ тушитъ маякъ съ восходомъ солнца и зажигаетъ его вечеромъ.

Дѣйствіе солнечнаго крана Далена не основано на свойствѣ селена измѣнять свою электропроводимость, какъ это пробовали дѣлать въ ранѣе устраивавшихся автоматически гаснущихъ съ восходомъ солнца маякахъ, безъ серіознаго, однако, практическаго успѣха, а на расширеніи тѣлъ подъ дѣйствіемъ свѣта, подобно тому, какъ они расширяются отъ теплоты. Кранъ Далена имѣетъ часть, подвергающуюся дѣйствію свѣта; она состоитъ изъ четырехъ металлическихъ стержней, изъ которыхъ одинъ зачерненъ, а другіе бѣлые, свѣтоотражающіе. Съ разсвѣтомъ черный стержень удлиняется уже при разсѣянномъ свѣтѣ на 0,0015 миллиметра больше, чѣмъ свѣтлые; эта незначительная разница въ длинѣ оказалось достаточной, чтобы на ней обосновать дѣйствіе крана, запирающаго притокъ газа. Маячный огонь гасится, и остается горѣть только зажигательное пламя. Вечеромъ съ наступленіемъ темноты всѣ стержни выравниваются, газовый кранъ открывается и маякъ свѣтитъ снова.

Первый солнечный кранъ системы Далена былъ устроенъ въ 1907 г. и Шведское Маячное Управленіе подвергло его въ 1907—1908 гг. тщательнымъ испытаніямъ, которыя убѣдили въ его полной надежности. Послѣ этого всѣ огни системы Aga, которымъ приходится горѣть и въ свѣтлую часть года, были снабжены такими кранами.

Они урегулированы такъ, что загораются въ пасмурные дни, что все же даетъ годовую экономію газа въ 35—40%. Къ лунному свѣту они совершенно нечувствительны и не гаснутъ въ лунныя ночи никогда.

Соединеніе обоихъ изобрѣтеній Далена—проблесковаго механизма и солнечнаго крана приводитъ въ совокупности къ экономіи газа не менѣе чѣмъ въ 93% по сравненію съ расходомъ на непрерывное горѣніе. Другими словами, резервуаръ, который прежде надо было наполнять газомъ каждыя три недѣли, теперь хватаетъ на цѣлый годъ. Восьмилѣтняя практика Шведскаго Маячнаго Управленія показала, что аппараты системы Aga въ теченіе цѣлаго года, т. е. пока хватало газа, работаютъ вполнѣ правильно безъ надзора.

Свѣтовая сила этихъ аппаратовъ также выше, чѣмъ у прежнихъ автоматическихъ огней, которые при поясныхъ линзахъ діаметромъ въ 300 мм. давали 40, а при 500 миллиметровыхъ—70 свѣчей Гефнера, тогда какъ аппараты Aga даютъ въ тѣхъ же условіяхъ 300 и 600 свѣчей, причемъ оптическая видимость огней соотвѣтственно возрасла съ 6 до 10,6 и съ 7,1 до 12,5 морскихъ миль. Эти цифры, однако, далеки отъ предѣла и даже отъ практическихъ уже осуществленныхъ рекордовъ въ Швеціи на маякахъ „Lägerholmen" и „Bonden". Оба они имѣютъ поясныя линзы 2-й величины, т. е. діаметромъ въ 1.400 мм. и 9-кратныя горѣлки, въ 300 съ лишнимъ свѣчей Гефнера каждая, снабженныя аппаратами Aga. При посредствѣ линзъ получается свѣтовая сила въ 4.000 свѣчей Гефнера и свѣтовая дальность въ 18,4 морскихъ миль.

Маякъ на Лэгергольменѣ—маленькомъ шхерномъ островкѣ—имѣетъ желѣзобетонную башню въ 17 метровъ вышиной. Онъ имѣетъ 15 газоаккумуляторныхъ резервуаровъ объемомъ въ 50 литровъ каждый, въ которыхъ, благодаря ацетону, заключается 75.000 литровъ ацетилена. При расходѣ на освѣщеніе въ 16,3 литра въ часъ горѣнія такой запасъ съ избыткомъ достаточенъ на цѣлый годъ. Шестилѣтній опытъ доказалъ полную правильность дѣйствія этого маяка.

Маякъ на Бонденѣ, небольшой мало доступной скалѣ, имѣетъ ось огня на высотѣ 35 метровъ надъ водой. Его башня также сдѣлана изъ желѣзобетона.

Оба эти маяка получаютъ разъ въ годъ свой запасъ газа и предоставляются затѣмъ сами себѣ.

Эта автоматичность дѣйствія огней системы Aga и возможность оставлять ихъ безъ надзора на долгіе промежутки времени, съ увѣренностью, однако, въ ихъ вполнѣ исправной работѣ позволяетъ освѣщать даже безлюдные берега, вродѣ Аляски или Огненной земли.

Наряду съ этой причиной, обусловливающей возможность широкаго распространенія маячныхъ огней типа Aga, должна быть отмѣчена еще другая—дешевизна ихъ эксплоатаціи. Годовой расходъ на газъ для небольшого маяка, въ зависимости отъ продолжительности горѣнія въ теченіе года

и величины горѣлки, составляетъ отъ 20 до 50 кронъ. Для огней такой силы, какъ упомянутые выше Лэгергольменъ и Бонденъ, расходъ на газъ достигаетъ 150 кронъ въ годъ. Уже это одно даетъ большое сбереженіе по сравненію съ керосиновыми фонарями. Но гораздо большее получается, вслѣдствіе отсутствія надобности въ служебномъ персоналѣ: нѣтъ построекъ для жилья, не платится жалованья служащимъ и проч.

Еще большимъ факторомъ, придавшимъ универсальность изобрѣтенію Далена, явилось примѣненіе его къ плавучимъ буямъ. Ранѣе свѣтящіеся буи могли ставиться лишь вблизи береговъ, а для отдаленныхъ банокъ приходилось прибѣгать къ плавучимъ маякамъ, сооруженіямъ очень дорогимъ по первоначальной стоимости (около 250.000 кронъ) и по эксплоатаціоннымъ расходамъ (около 30.000 кронъ въ годъ).

Теперь тѣ же цѣли достигаются свѣтящимися буями съ аппаратами Далена. Резервуаръ буя заключаетъ въ себѣ 10.000—30.000 литровъ газа. Объемъ послѣдняго расчитывается на годичное потребленіе съ запасомъ на время горѣнія послѣ годичнаго срока, пока состояніе моря позволитъ возобновить запасъ. Такъ какъ по истеченіи годичной службы буи должны быть извлечены изъ воды для осмотра, очистки и окраски, нѣтъ основанія придавать резервуару большіе размѣры. Въ случаѣ надобности свѣтящіеся буи дѣлаются и звуковыми съ гудкомъ, работающимъ воздухомъ, сжимающимся при волненіи, или съ подводнымъ колоколомъ, приводимымъ въ дѣйствіе жидкой углекислотой. Стоимость буевъ колеблется въ зависимости отъ ихъ величины въ значительныхъ предѣлахъ. Самые большіе шведскіе буи съ звуковымъ подводнымъ аппаратомъ стоятъ 9.000 кронъ и потребляютъ въ годъ газа на 60 кронъ.

Аппараты системы Aga находятъ себѣ примѣненіе и на плавучихъ маякахъ. При этомъ фонарь прикрѣпляется къ особому маятнику, подвѣшенному на роликахъ и способному съ очень малымъ треніемъ перемѣщаться во всѣ стороны. Вслѣдствіе этого при качаніяхъ судна удается сохранять болѣе или менѣе горизонтальное направленіе свѣтовыхъ лучей. Первый маякъ такого устройства былъ поставленъ въ Категатѣ, сѣвернѣе Эрезунда, у Svinbadan'a.

Выдающіяся достоинства аппаратовъ описанной системы способствовали очень быстрому ея распространенію. Въ 1910 году она была едва извѣстна немногимъ маячнымъ техникамъ, а къ 1914 году эксплоатирующее патенты Далена акціонерное общество „Gasaccumulator" оборудовало въ 33 странахъ 1.110 башенныхъ маяковъ, 668 свѣтящихся буевъ и 25 плавучихъ маяковъ. Эта же система принята, послѣ всемірной конкурренціи, для Панамскаго Канала. Очень интересные опыты съ примѣненіемъ системы Aga были начаты въ Германіи для нуждъ воздухоплаванія Предполагалось покрыть весь земной шаръ системой огней для указанія ночью пути авіаторамъ. Эти огни должны посылать свои лучи вверхъ и выражать своей комбинаціей сигналовъ число порядковаго № присвоеннаго каждому маяку. Опытные маяки, построенные съ этой цѣлью, могли указывать числа до трехъ знаковъ включительно.

H. A. Berggren, инженеръ, начальникъ отдѣленія сигнальнаго освѣщенія въ акціонерномъ обществѣ „Gasaccumulator", остановился въ своемъ докладѣ на примѣненіяхъ системы Aga къ желѣзнодорожному дѣлу.

На первомъ планѣ здѣсь стоитъ освѣщенiе сигнальныхъ путевыхъ огней, до сихъ поръ преимущественно осуществляемое при помощи керосина. Но керосиновыя лампы, въ зависимости отъ ухода, свѣтятъ различно и онѣ часто коптятъ, что очень вліяетъ на силу свѣта и видимость сигнала; къ тому же для обслуживанія ихъ нуженъ большой и дорого стоющій персоналъ. Значеніе дефектовъ керосиноваго освѣщенія желѣзнодорожныхъ сигналовъ возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія вѣса и скорости поѣздовъ. Примѣненіе къ желѣзнодорожнымъ сигналамъ ацетиленовыхъ фонарей системы Aga имѣетъ слѣдующія преимущества:

1) Характерность; блистаніе выдѣляетъ ихъ изъ всякихъ другихъ постороннихъ огней или изъ освѣщеннаго фона.

2) Дальняя видимость; блистающіе огни Aga видимы дальше, чѣмъ обыкновенные, особенно въ туманѣ, т. е. тогда, когда видимость сигнала особенно важна.

3) Бѣлизна свѣта; свѣтъ Aga, получаемый изъ ацетилена, отличается бѣлизной и яркостью, благодаря чему цвѣтные сигналы выходятъ ясными и отчетливыми, тогда какъ при керосиновомъ освѣщеніи получается преобладающая желтая окраска.

4) Постоянство силы свѣта; блистающіе сигналы Aga имѣютъ неизмѣняющуюся силу свѣта, что очень цѣнится машинистами.

5) Дешевизна; для шведскихъ условій освѣщеніе одного сигнала обходитси въ сутки 3 ёре, что составляетъ примѣрно 1 ёре за 28.000 вспышекъ, а на желѣзныхъ дорогахъ, не производящихъ газъ у себя, 4½ ёре, т. е. примѣрно 1 ёре за 18.000 вспышекъ.

6) Автоматичность дѣйствія; резервуаръ вѣсомъ въ 30 килограммовъ, достаточенъ для дѣйствія желѣзнодорожнаго сигнала въ теченіе 2 мѣсяцевъ, вслѣдствіе чего огонь требуетъ осмотра 6 разъ въ годъ, а остальное время горитъ непрерывно безъ зажиганія день и ночь, что важно въ туманную погоду.

7) Правильность дѣйствія; вслѣдствіе простоты конструкціи и тщательной провѣрки аппаратовъ на заводѣ.

8) Возможность установки на существующіе сигналы безъ всякаго переустройства.

9) Примѣнимость къ самымъ разнообразнымъ видамъ и комбинаціямъ желѣзнодорожныхъ сигналовъ.

Система Aga примѣняется также и для фонарей подвижного состава желѣзныхъ дорогъ, какъ большихъ локомотивныхъ, такъ и внутреннихъ вагонныхъ, въ видѣ постоянныхъ огней съ особыми устройствами, дающими сильный свѣтъ при маломъ расходѣ газа.

„Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится.
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы съ дѣтской простотой,
Одна, рѣзвясь, играетъ и катится".

Лермонтовъ.

ГЛАВА IV.

Охрана природы при инженерныхъ работахъ по даннымъ Балтiйскаго Инженернаго Конгресса.

Общiя указанiя. — Доклады Конвентца и Старбэка. — Обыкновенныя дороги. — Желѣзныя дороги.—Водяныя сооруженiя.—Водопады и пороги.—Электротехника.

Вопросъ объ охранѣ красотъ природы при инженерныхъ работахъ, которыя современное человѣчество производитъ все въ большемъ и большемъ размѣрѣ, былъ впервые поставленъ, какъ таковой, на международномъ техническомъ конгрессѣ въ Мальмё. Онъ былъ тщательно разсмотрѣнъ въ двухъ докладахъ,—германскомъ и шведскомъ, и явился въ извѣстной степени програмнымъ. Поэтому ему и приходится отвести особое мѣсто въ нашемъ обозрѣнiи работъ Балтiйскаго Конгресса. Германскiй докладъ былъ представленъ тайнымъ правительственнымъ совѣтникомъ профессоромъ докторомъ Conwentz'омъ, начальникомъ Прусскаго управленiя по охранѣ памятниковъ природы, а шведскiй — Starbäk'омъ, членомъ нижней палаты Шведскаго рейхстага.

Профессоръ Конвентцъ остановился въ своемъ докладѣ преимущественно на практической сторонѣ дѣла. Исходя изъ мысли, что приглашенiе его прочесть въ Швецiи докладъ объ охранѣ природы при инженерныхъ работахъ свидѣтельствуетъ о стремленiи Инженернаго Конгресса ознакомиться съ задачами такой охраны, изслѣдовать эти задачи и помочь ихъ осуществленiю, и признавая за инженерами могущество, способное въ большой степени содѣйствовать охранѣ природы вездѣ и всюду, профессоръ Конвентцъ далъ рядъ обстоятельныхъ указанiй относительно предѣловъ, въ которыхъ въ каждой отдѣльной отрасли техники возможно удовлетворить желанiямъ и требованiямъ охраны природы. Его докладъ отличается своей обстоятельностью и систематичностью. Онъ приводится далѣе почти полностью въ той послѣдовательности изложенiя, которую ему придалъ авторъ.

Обыкновенныя дороги. При постройкѣ дороги, нужно прежде всего выяснить, какихъ памятниковъ природы она коснется и какiе должны подлежать охранѣ. Вообще, не слѣдуетъ вести дорогъ по прямымъ линiямъ, а надо дѣлать ихъ извилистыми. Не только потому, что онѣ приэтомъ лучше сливаются съ пейзажемъ, но также и въ интересахъ ихъ сохранности, такъ какъ кривыя дороги лучше сопротивляются образованiю колей при ѣздѣ тяжелыхъ повозокъ, чѣмъ—прямыя. Затѣмъ надо не допускать, чтобы какой-нибудь цѣльный и законченный пейзажъ разрывался и разрушался проведеннымъ посрединѣ шоссе, что неоднократно случалось. Большiе валуны, лежащiе на поверхности, слѣдуетъ обходить и сохранять въ естественномъ положенiи; когда же ихъ находятъ въ землѣ, ихъ надо поднять и поставить у края дороги.

Въ Германіи отдѣльныя земскія учрежденія затрачивали серіозныя суммы для сохраненія подобныхъ памятниковъ природы. Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ гранитный валунъ въ Зондербургѣ, такъ называемый „Düppelstein", размѣрами въ 8,60 м. длины, 6,70 м. ширины и 2,95 м. высоты. Одна камнетесная фирма купила его у владѣльца участка за 90 марокъ, чтобы раздѣлать его въ облицовочный камень. Когда это намѣреніе стало извѣстно, поднялась буря негодованія во всей провинціи и за ея предѣлами. Обратились къ земскому совѣту, къ губернатору, къ генералъ-губернатору и къ министру, чтобы получить средства дли выкупа цѣннаго памятника природы. Провинція Шлезвигъ-Голштейнъ дала 800 марокъ для выкупа камня, а округъ Зондербургъ принялъ на себя расходы въ 910 марокъ для покупки самого участка земли, постройки соединительной дороги и проч., въ чемъ ему оказали содѣйствіе еще два союза.

И въ другихъ мѣстахъ принимались подобныя мѣры для охраны геологическихъ формацій. Въ 1887—1888 году при прокладкѣ новой дороги въ Партикѣ возлѣ Глазго, наткнулись на нѣсколько стоящихъ стволовъ лепидодендровъ и сигилларій. Вполнѣ сознавая значеніе этой находки, стали изслѣдовать прилегающую мѣстность и открыли еще другіе остатки бывшаго каменноугольнаго лѣса, каковые, какъ выдающійся памятникъ природы, сохраняются еще и до сего времени. Зато во многихъ случаяхъ превосходные геологическіе объекты разрушаются при проведеніи дорогъ, какъ напримѣръ Skalbankarne близъ Уддевалы на западномъ берегу Швеціи.

Придорожныя скалы, изъ которыхъ можетъ добываться матеріалъ для шоссейныхъ работъ, также находятся вездѣ подъ угрозой разрушенія.

На восточномъ и западномъ берегахъ Швеціи, добывается гранитъ въ видѣ мостильныхъ камней и тротуарныхъ плитъ. Эта промышленность, связанная съ интенсивнымъ вывозомъ камня на континентъ, приноситъ Швеціи многомилліонные доходы, и было бы недопустимо препятствовать ея развитію; тѣмъ не менѣе желательно, чтобы каменоломни, находящіяся на особенно живописныхъ или примѣчательныхъ мѣстахъ, возможно сократили свою разрушительную дѣятельность и были перенесены въ болѣе удаленныя мѣстности.

Въ подобныхъ условіяхъ находится каменоломенное дѣло въ Германіи, напримѣръ въ Саксонской Швейнаріи и на Рейнѣ, а также въ Австріи.

Въ Саксонской Швейцаріи по берегамъ р. Эльбы между Пирной и Боденбахомъ, расположены около 300 каменоломенъ; ихъ отвалы тянутся непрерывно на цѣлые километры. Этимъ одинъ изъ красивѣйшихъ пейзажей, лежащій вдоль оживленнаго пути туристовъ, совершенно разрушался. Подъ вліяніемъ движенія въ защиту красотъ природы, Саксонское правительство рѣшило закрыть принадлежащія ему на Эльбѣ каменоломни и новыхъ тамъ болѣе не открывать. Вслѣдъ затѣмъ подъ руководствомъ Дрезденскаго обербюргермейстера, образовался союзъ для спасенія Саксонской Швейцаріи, который хочетъ собрать средства для выкупа частныхъ каменоломенъ. Предпріятіе этого союза получило большую поддержку въ видѣ разрѣшенной ему денежной лотереи. Промышленность, занимающаяся добычей камня, не должна при этомъ пострадать и еще менѣе тысячи рабочихъ, которые служатъ этому дѣлу, для чего будутъ заложены новыя каменоломни въ боковыхъ долинахъ и вообще внутри страны, гдѣ онѣ не будутъ на виду у всѣхъ.

На Рейнѣ въ Семигоріи усиленная ломка камня уже въ восьмидесятыхъ годахъ XIX вѣка стала грозить испортить очаровательный пейзажъ. Союзъ по украшенію Семигорія сумѣлъ подъ энергичнымъ руководствомъ обербюргермейстера города Бонна привлечь вниманіе правительственныхъ и общественныхъ учрежденій къ мысли о спасеніи горъ. Правительство предоставило союзу право отчужденія земель и нѣсколько денежныхъ лотерей, которыя дали милліоны. Провинція, округа и города оказали значительную матеріальную помощь. Благодаря такому совмѣстному дѣйствію, одна изъ лучшихъ картинъ Рейнскаго пейзажа, вѣнецъ Семи Горъ, будетъ предохранена отъ дальнѣйшаго разрушенія и создастся постепенно широкій округъ охраны природы, который уже теперь имѣетъ болѣе 7 квадратныхъ километровъ.

Въ Австріи также могутъ быть отмѣчены два случая, а именно въ Богеміи. У Аусcига на Эльбѣ поднимается высокая типичная бязальтовая гора Воркочъ, на которой владѣющій ею городъ устроилъ каменоломню. Когда же вниманіе городского управленія было обращено на выдающееся значеніе этой горы, какъ памятника природы, состоялось постановленіе о прекращеніи ломки камня и охранѣ Воркоча, именно какъ памятника природы. Въ другомъ мѣстѣ Сѣверной Богеміи высится Геррнгаусфельзенъ— изъ стройныхъ базальтовыхъ колоннъ. Совокупнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ союзовъ и общинъ, при участіи правительства, были собраны денежныя средства, чтобы путемъ покупки предохранить эту скалу отъ разрушенія.

Выдающіяся деревья и группы ихъ должно также щадить. Въ Германіи были примѣры, когда лѣсное управленіе отводило въ сторону дороги съ цѣлью не тронуть встрѣченныхъ при постройкѣ замѣчательныхъ представителей лѣсной растительности. Еще важнѣе такое отношеніе къ деревьямъ въ городахъ. При перепланировкѣ части Берлина, одинъ старый платанъ оказался посреди улицы; его не удалили, а оставили на мѣстѣ, окруживъ рѣшеткой.

Когда дорога идетъ не черезъ лѣсъ, а по менѣе привлекательной мѣстности, края дороги и откосы слѣдуетъ засаживать кустами, принимая при этомъ въ соображеніе и заботы объ охранѣ птицъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется, какъ напримѣръ у горныхъ обрывовъ, оградить дорогу прочной изгородью, это должно быть сдѣлано въ гармоніи съ окружающей природой; заборы изъ старыхъ газовыхъ трубъ или старыхъ рельсовъ весьма легко могутъ помѣшать наслажденію природой въ выдающейся по красотѣ мѣстности.

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что на ряду съ памятниками природы достойны заботъ о сохраненіи памятники культуры, доисторическіе и иные. Прежде нерѣдко случалось въ Германіи, что строящаяся дорога разрушала курганы и иные могильники. Еще недавно бывали случаи, когда для дорожной одежды брался каменный матеріалъ изъ стѣнъ доисторическихъ бурговъ. Много зла принесли появившіяся въ срединѣ прошлаго столѣтія правила Ротера, которыми предоставлялось свободно брать для шоссейныхъ работъ камень изъ земли на извѣстной ширинѣ полосы вдоль дороги. Благодаря этимъ правиламъ, не только уничтожены многіе валуны, но и доисторическіе могильники. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти правила, по инициативѣ докладчика, были отмѣнены.

Наконецъ, при постройкѣ дороги надо заботиться о томъ, чтобы сохранять или создавать вновь красивые виды съ самой дороги на прилегающую мѣстность и этимъ сдѣлать ѣзду или ходьбу по дорогѣ пріятной. Напротивъ, съ устройствомъ видовыхъ башенъ слѣдуетъ возможно воздержаться, а если уже строить ихъ, то съ условіемъ, чтобы онѣ по величинѣ, формѣ и исполненію хорошо гармонировали съ пейзажемъ.

Желѣзныя дороги. Многое изъ сказаннаго по отношенію къ обыкновеннымъ дорогамъ имѣетъ мѣсто и для дорогъ желѣзныхъ, съ той лишь разницей, что желѣзныя дороги еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенныя, могутъ наносить ущербъ естественнымъ красотамъ природы и губительно вліять на сохранность памятниковъ природы и культуры; поэтому мѣры противодѣйствія должны быть здѣсь еще интенсивнѣе. Иногда возможно предохранить пейзажъ отъ порчи тѣмъ, что провести дорогу у опушки лѣса или же черезъ самый лѣсъ. Особенно красивые пейзажи должны, однако, быть совсѣмъ свободны отъ желѣзныхъ дорогъ. Когда двадцать лѣтъ назадъ акціонерное общество Заальской желѣзной дороги искало концессіи для линіи Бланкенбургъ — долина р. Шварцы-Зитценгофъ, правительство отклонило это предложеніе именно потому, что оно желало пощадить замѣчательную по своей природной красотѣ нижнюю часть долины р. Шварцы отъ пересѣченія желѣзной дорогой и Бланкенбургъ былъ соединенъ съ Зитценгофомъ обходной линіей, оставившей въ сторонѣ долину р. Шварцы.

При постройкѣ желѣзной дороги Гиршбергъ-Левенбергъ были приняты мѣры къ охранѣ замѣчательнаго дерева, такъ называемаго „арфяного дуба". Дорога его обошла, оставивъ его въ предѣлахъ запретной для постороннихъ полосы отчужденія, а для того, чтобы привлечь къ этому памятнику природы вниманіе проѣзжающихъ, управленіе дороги поставило у пути особыя указательныя надписи.

Принимаются мѣры и къ охраненію мѣсторожденій рѣдкихъ травянистыхъ растеній. Такъ, напримѣръ, при постройкѣ въ герцогствѣ Баденскомъ линіи Титизее—Сенъ Блазіенъ возникла опасность для сохранности мѣсторожденія растенія Gentiana acautis и желѣзнодорожное управленіе предупредительно приняло мѣры къ его охраненію.

Такое вниманіе со стороны желѣзныхъ дорогъ къ задачамъ охраны памятниковъ природы и культуры, однако, далеко не всегда имѣло мѣсто. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія при постройкѣ линіи Шнейдемюль—Диршау участокъ близъ Штаргарда прорѣзалъ большую замѣчательную стѣну стараго бурга; еще до сихъ поръ видны слѣды тогдашняго разрушенія и остатки выдающагося памятника культуры въ восточной Пруссіи.

Нерѣдко теперь возникаетъ вопросъ о неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое производятъ существующія высокія голыя желѣзнодорожныя насыпи среди красиваго пейзажа. Въ послѣднее время такія насыпи часто засаживаютъ растеніями и снабжаютъ живыми изгородями, насколько это допускаютъ условія эксплоатаціи дороги. Древонасажденіе въ этихъ случаяхъ преслѣдуетъ также все чаще и чаще цѣли птицеохраненія. Въ Кельнскомъ желѣзнодорожномъ округѣ въ этихъ видахъ засажены 207 километровъ насыпей и нулевыхъ участковъ, а въ Эрфуртскомъ 394 километра. Эти посадки производятся обыкновенно самими желѣзными дорогами, не требуя особыхъ

ассигнованій. Въ иныхъ случаяхъ работа производится орнитологическими и птицеохранными союзами; такъ Штутгартскій птицеохранный союзъ засадилъ длинныя протяженія желѣзнодорожныхъ насыпей съ этой цѣлью. Особенно пригодными для такихъ посадокъ оказываются акація (Robinia Pseud. — Acacia), береза, дубъ, ель, орѣшникъ, лигустра, липа, шиповникъ, конскій каштанъ, ива, бѣлый букъ и друг.

Прусское управленіе желѣзныхъ дорогъ идетъ этимъ стремленіямъ навстрѣчу вездѣ, гдѣ возможно. Министръ общественныхъ работъ разослалъ всѣмъ желѣзнодорожнымъ управленіямъ сочиненіе профессора Генникe объ охранѣ птицъ насажденіями и рекомендовалъ этотъ трудъ, находя, что эти стремленія должны дѣятельно поддерживаться желѣзными дорогами. Слѣдуя этимъ указаніямъ, многія желѣзнодорожныя управленія посылали своихъ низшихъ и среднихъ служащихъ на курсы птицеохраненія, на спеціальной птицеохранительной станціи въ Зеебахѣ, въ Эрфуртскомъ желѣзнодорожномъ округѣ.

Снѣговыя защиты, сдѣланныя изъ дерева, производятъ также дурное впечатлѣніе и портятъ пейзажъ. Въ цѣляхъ устраненія этого недостатка, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраивались снѣговыя защиты въ видѣ бетонныхъ стѣнъ, обсаженныхъ кустарникомъ. Такія защиты къ тому же прочны, безопасны отъ огня и пригодны для охраны птицъ.

Для охраны птицъ было бы полезно, чтобы путевымъ сторожамъ было запрещено имѣть кошекъ, но это трудно осуществимо, такъ какъ безъ этихъ животныхъ почти нельзя обойтись въ домашнемъ хозяйствѣ.

Когда насыпи, мосты или иныя сооруженія обдѣлываются камнемъ, слѣдуетъ брать матеріалъ изъ окружающей мѣстности, чтобы получилось гармоничное впечатлѣніе.

Паровозы быстро движущихся желѣзнодорожныхъ поѣздовъ наносятъ птичьему міру большія потери во время весеннихъ и осеннихъ перелетовъ. Послѣ одного только пробѣга ллойдскаго экспресса отъ Страсбурга до Лудвигсгафена на Рейнѣ было найдено въ дымовой коробкѣ и среди нижняго строенія паровоза 11 убитыхъ птицъ, что составляетъ, вѣроятно, только небольшой процентъ общаго числа погибшихъ отъ столкновенія во время полета съ паровозомъ. Можетъ быть инженерамъ удастся найти способъ уменьшить такое избіеніе птицъ.

Выкидываемый паровозами огонь можетъ быть также вреденъ для окружающей природы. Хотя на лѣсныхъ участкахъ оставляются защитныя полосы и защитные рвы, которые содержатся свободными отъ травы, но это недостаточно. Нужно посредствомъ улучшенія искроудержателей, надлежащаго инструктированія паровозной прислуги, должнаго наблюденія за особо угрожаемыми мѣстами и т. д. обезпечить отъ уничтоженія огнемъ изъ паровозовъ растительности прилегающей къ желѣзной дорогѣ мѣстности въ сухое время года.

Подобно тому, какъ при постройкѣ пути, такъ равно и при устройствѣ и расширеніи станцій, должно серіозно обращать вниманіе на сохраненіе первоначальной природы. Когда же остановочные пункты находятся на монотонной мѣстности, покрытой посѣвами, слѣдуетъ окружать станціонныя зданія древесными и кустарниковыми насажденіями, чтобы украсить пейзажъ и дать убѣжище птицамъ. Для послѣднихъ можетъ быть сдѣлано еще больше. Такъ,

напримѣръ, во многихъ мѣстностяхъ исчезли ласточки или значительно уменьшилось ихъ число, за отсутствіемъ пригодныхъ для устройства гнѣздъ мѣстъ. И вотъ Прусское желѣзнодорожное управленіе предписало, чтобы крыши кирпичныхъ зданій дѣлались съ достаточными выступами и впадинами для предоставленія гнѣздамъ этихъ птицъ защиты отъ непогоды.

Очень извѣстны усилія Прусскаго желѣзнодорожнаго управленія по сохраненію старой липы въ Дортмундѣ. При постройкѣ вокзала, потребовавшей снятія грунта на высоту 4 — 5 метровъ, эта липа была оставлена съ окружающей землей неприкосновенной, при чемъ образованный такимъ образомъ островокъ подперли со всѣхъ сторонъ стѣнами и снабдили каменными лѣстницами для сообщенія съ территоріей вокзала. Такъ какъ липа въ теченіе ряда лѣтъ находилась въ состояніи умиранія, то ее надо было скрѣпить желѣзными связями. Совокупность этихъ работъ стоила нѣсколько тысячъ марокъ. Къ сожалѣнію, однако, дерево вскорѣ совсѣмъ усохло.

Внутренность вокзаловъ также можетъ служить задачамъ охраны памятниковъ природы, если использовать стѣны залъ для изображенія красивыхъ пейзажей изъ окружающей мѣстности, какъ это сдѣлано напримѣръ, въ Кельнѣ, Дрезденѣ и проч. Въ меньшемъ масштабѣ такія изображенія помѣщаются теперь въ пассажирскихъ вагонахъ, чтобы придать имъ уютность и обратить вниманіе путешественниковъ на достопримѣчательности. Такъ теперь уже дѣлается въ Германіи, Франціи, Великобританіи, Швеціи и друг. странахъ. Само собою разумѣется, что картины этого рода должны дѣйствовать на эстетическое чувство и не заключать въ себѣ ничего, похожаго на рекламу.

При постройкѣ желѣзныхъ дорогъ могутъ также встрѣчаться памятники природы подъ землей. Когда два года назадъ строилась дорога для скораго сообщенія между Берлиномъ и Даленомъ, наткнулись недалеко отъ станціи Тильплацъ на значительный валунъ, который нельзя было оставить на мѣстѣ. Его, однако, не взорвали, а при посредствѣ большихъ деревянныхъ салазокъ и сильныхъ подвижныхъ лебедокъ, подняли на поверхность земли и затѣмъ помѣстили въ садикѣ возлѣ станціи. Потребовавшійся на сохраненіе этого памятника природы расходъ составилъ 1.273 марки.

Особенно дурное впечатлѣніе среди пейзажа производятъ горныя и альпійскія дороги. Инженерный Конгрессъ не могъ бы, однако, встрѣтить съ симпатіей мысль о полномъ прекращеніи постройки желѣзныхъ дорогъ въ высокихъ частяхъ Альповъ, такъ какъ созданіе такихъ дорогъ имѣетъ для инженеровъ особую привлекательность. Поэтому нельзя протестовать противъ постройки альпійскихъ дорогъ вообще, но нужно отказаться отъ созданія дорогъ, ведущихъ на самыя вершины горъ, потому что онѣ сильно нарушаютъ впечатлѣніе величія природы и оскорбляютъ глубокое и благородное чувство неприкосновенности родныхъ твердынь.

Однако, и при постройкѣ другихъ горныхъ дорогъ естественно желать, чтобы пейзажъ и спокойствіе природы сохранялись неприкосновенными. Прежде всего надо избѣгать устройства пути въ видѣ аллеи изъ столбовъ и такой постановки станціонныхъ и гостиничныхъ зданій, чтобы они вліяли на пейзажъ. Лучше всего дѣлать горныя дороги подземными, укрывая притомъ отъ глазъ и всѣ дополнительныя устройства, каковы магазины для продажи путешественникамъ сувенировъ и проч.

Совершенно излишни канатныя и зубчатыя дороги на низкихъ горахъ, которыя вполнѣ доступны пѣшкомъ или въ экипажѣ. Когда болѣе 40 лѣтъ назадъ одинъ дрезденскій банкъ просилъ концессію на постройку горной дороги на Бастей и Большой Винтербергъ, Саксонское правительство отклонило это ходатайство. Позднѣе было также отказано въ разрѣшеніи предварительныхъ работъ по устройству подъемника новой системы отъ Эльбы до Бастей, при чемъ правительство мотивировало этотъ отказъ тѣмъ, „что при отсутствіи въ немъ хозяйственной потребности проектируемое устройство явится для широкихъ слоевъ населенія нарушителемъ красоты пейзажа". Подобнымъ же образомъ и Прусское правительство отказало въ разрѣшеніи постройки дорогъ на Росстраппе и Гексентанцплатцъ въ Гарцѣ, чтобы сохранить неприкосновенными эти красоты природы.

Рядомъ съ желѣзными дорогами тянутся нерѣдко длинные ряды бросвихъ рекламъ. Возлѣ одной дороги близъ Дрездена возвышался щитъ въ 15 метровъ длины съ объявленіемъ объ изданіи газеты. Во множествѣ другихъ мѣстъ у дороги стоятъ деревянныя вывѣски съ восхваленіемъ папиросъ, шоколада или шампанскаго. Къ счастью, пока этимъ видомъ рекламъ пользуются немногія фирмы, а другія вполнѣ отъ нея воздерживаются. Запрошенный по этому поводу Рудольфъ Моссе (крупнѣйшая фирма объявленій въ Германіи) заявилъ, что „онъ противникъ этого вида рекламы, если она способна нарушать красоту пейзажа или повредить его художественному впечатлѣнію". Далѣе Шерль говоритъ, что онъ „принципіально избѣгаетъ такихъ рекламъ среди природы, потому что онѣ некрасивы". Линднеръ, извѣстный фабрикантъ Одоля, пишетъ: „мой глазъ прямо оскорбляется видомъ большой рекламы, поставленной среди природы, въ особенности на фонѣ красиваго пейзажа, и я никогда не допущу, чтобы одно изъ моихъ предпріятій пользовалось этого рода пропагандой; господамъ, просившимъ моего совѣта, я постоянно рекомендовалъ объявленія въ газетахъ или на опредѣленныхъ мѣстахъ, назначенныхъ для афишированія, каковы городскія доски для объявленій, свѣтящіяся колонны и проч.".

Можно сомнѣваться вообще въ наличіи у заинтересованныхъ лицъ права назойливой рекламой напоминать путешественникамъ, напримѣръ, о міровой борьбѣ среди папиросной промышленности и портить наслажденіе природой. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что этимъ путемъ красоты пейзажа нарушаются и художественная цѣнность мѣстности понижается. Эти обстоятельства вызвали появленіе особыхъ законовъ въ нѣсколькихъ Германскихъ государствахъ въ цѣляхъ охраны пейзажа отъ рекламы. По такимъ законамъ въ Саксоніи и въ Баваріи можетъ быть защищенъ каждый пейзажъ; въ Пруссіи имѣются въ виду только выдающіяся въ художественномъ отношеніи мѣстности. Это послѣднее ограниченіе слѣдуетъ считать неправильнымъ, такъ какъ оно основано на трудномъ и произвольномъ толкованіи значенія слова выдающійся, а потому въ будущемъ надо имѣть законы, которыми могъ бы быть охраненъ каждый пейзажъ.

Если при современномъ строѣ жизни нельзя избѣжать рекламы совсѣмъ, то нужно, чтобы она ограничивалась лишь станціями, городами и мѣстечками, оставляя вполнѣ неприкосновеннымъ все остальное протяженіе желѣзнодорожныхъ линій.

Водяныя сооруженія. Еще не далѣе какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Германіи въ менѣе населенныхъ мѣстностяхъ были многочисленныя рѣки въ естественномъ состояніи. Воды ихъ текли по извилистому руслу среди береговъ, заросшихъ кустами и деревьями, представляя очаровательную картину, которую оживляли всякаго рода птицы. Теперь едва ли найдется хотя бы одна рѣка, къ которой не прикасалась рука человѣка. Теченіе въ большинствѣ случаевъ урегулировано и значительно выпрямлено, при чемъ старорѣчья, кусты и деревья исчезли. Бывали случаи, когда мѣстныя уѣздныя управленія приказывали, чтобы во всемъ районѣ были уничтожены береговыя древесныя заросли, и, если бы высшее начальство не узнало объ этомъ и не отмѣнило такого распоряженія, весь уѣздъ лишился бы выдающагося украшенія и многихъ достопримѣчательностей флоры и фауны. Старорѣчья хранятъ въ себѣ нерѣдко замѣчательныя растенія и животныхъ, которыя отчасти находятся въ періодѣ вымиранія. Таковъ, въ старорѣчьяхъ Прегеля и Рейна водяной орѣхъ Trapa natans, который нѣкогда былъ распространенъ во всей Европѣ, а теперь встрѣчается лишь въ немногихъ мѣстахъ. Въ Швеціи онъ живетъ еще на одномъ мѣстѣ въ Immel'скомъ озерѣ, гдѣ онъ охраняется, тогда какъ въ Норвегіи, Даніи, Англіи и друг. онъ совсѣмъ вымеръ. Далѣе, въ старорѣчьяхъ Эльбы живетъ бобръ, одинъ изъ выдающихся памятниковъ природы. Въ Швеціи онъ совсѣмъ изчезъ, но многія мѣстныя названія указываютъ на его прежнее распространеніе въ этой странѣ. Городъ Härnösand имѣетъ до сихъ поръ бобра въ своемъ гербѣ.

Лежащіе на большихъ рѣкахъ острова являются для рѣчного инженера предметомъ крайне непріязненнаго отношенія, въ особенности когда ихъ существованіе вырываетъ ледяные заторы. Но такіе острова съ ихъ растительной и животной жизнью имѣютъ особое значеніе. На нихъ можно еще находить естественные луга, которые вообще стали рѣдки. На нихъ также встрѣчаются интересныя деревья и кусты, часто исключительныхъ размѣровъ. На островѣ Нонненкапе на Вислѣ у Кульма находятся черные тополя, серебристые тополя, орѣшникъ, дубы, яблони, липы и друг. Такъ какъ островъ ежегодно разъ или два заливается, то поверхность земли утучняется тонкими слоями рѣчного ила, что способствуетъ развитію растеній; дубы достигаютъ здѣсь 5 метровъ, а черные тополя болѣе 6 метровъ въ обхватѣ. Иные острова, покрытые лѣсомъ, часто заключаютъ въ себѣ богатую птичью жизнь. Хотя и важно предупреждать опасности наводненія и ледохода, но все же во многихъ случаяхъ возможно сохранять и особенности первоначальной природы, не срѣзывая всѣхъ береговъ, не уничтожая деревьевъ и оставляя здѣсь и тамъ рѣчной островъ, весь или отчасти.

Другими послѣдствіями рѣчныхъ работъ является образованіе подпоровъ воды съ цѣлью использованія въ промышленныхъ установкахъ. Плотина, преслѣдующая исключительно техническія цѣли, можетъ очень портить пейзажъ, но есть удовлетворительныя въ эстетическомъ отношеніи рѣшенія, и инженеръ могъ бы найти подобныя почти во всѣхъ случаяхъ.

Водоснабженіе городовъ имѣетъ огромное санитарное и хозяйственное значеніе, и поэтому большіе города должны своевременно озабочиваться обезпеченіемъ себѣ необходимаго ключевого района. Когда городъ Берлинъ

долженъ былъ устроить новое водоснабженіе, онъ избралъ въ 12 километрахъ ключевой районъ большой величины и сдѣлалъ его неприкосновеннымъ, сохраняя въ первобытномъ видѣ отдѣльные большіе участки. При этомъ весь районъ былъ огражденъ, входъ на него воспрещенъ безъ разрѣшенія и на немъ прекращена охота. Подобнымъ же образомъ и другія общины могли бы сочетать задачи своего водоснабженія съ стремленіями къ охранѣ природы.

Портостроительнымъ управленіямъ часто подвѣдомственны побережья и острова, которые особенно пригодны для учрежденій птицеохраненія. На берегахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Великобританіи и Ирландіи давно уже имѣются птицеохранительные районы значительныхъ размѣровъ. Въ Германіи съ начала текущаго столѣтія стали учреждать такія „святилища", и теперь ихъ насчитывается около двѣнадцати. Затѣмъ при производствѣ портовыхъ работъ или работъ по укрѣпленію дюнъ слѣдуетъ постоянно озабочиваться оставленіемъ надлежащихъ мѣстъ для птицеохраненія.

Самыя дюны также представляютъ выдающіеся памятники природы. Разумѣется, во многихъ случаяхъ необходимо дюны укрѣплять, чтобы воспрепятствовать занесенію пескомъ (запесчаненію) прилегающихъ полей и водъ. Но съ другой стороны дюны представляются такимъ оригинальнымъ геологическимъ образованіемъ, что не должно допускать ихъ полнаго исчезновенія и слѣдуетъ сохранить ихъ въ нѣсколькихъ образцахъ. Выдающійся примѣръ далъ въ этомъ отношеніи Датскій Рейхстагъ, который предоставилъ средства для большой движущейся дюны „Raabjerg Mile" у Скагена, съ тѣмъ, чтобы она впредь не укрѣплялась и не засаживалась, а сохранялась въ своемъ нынѣшнемъ состояніи съ первоначальной флорой и фауной. Желательно, чтобы въ Германіи, въ Швеціи и въ другихъ странахъ, гдѣ еще есть естественныя дюны, нѣкоторыя изъ нихъ были бы оставлены безъ посадокъ. Въ силу закона о неприкосновенности растеній, служащихъ для укрѣпленія дюнъ, нѣкоторыя рѣдкія породы, напримѣръ, Eryngium maritimum, охраняется на всемъ протяженіи береговъ Германіи.

Затѣмъ здѣсь должно быть упомянуто о маякахъ. Они служатъ для нуждъ міровыхъ сношеній, но въ то же время оказываютъ очень вредное вліяніе на птицъ, которыя особенно осенью и весной, во время ночныхъ перелетовъ, привлекаются яркимъ свѣтомъ маяковъ. Со времени введенія чрезвычайно сильныхъ источниковъ свѣта и проблесковыхъ огней маяки требуютъ ежегодно большихъ жертвъ отъ птичьяго міра. Многія птицы, ослѣпленныя яркимъ свѣтомъ, убиваются о стекла или рѣшетки маяковъ. Но еще больше число тѣхъ, которыя часами летаютъ вокругъ вращающагося огня и, не находя на гладкой поверхности башни никакого мѣста для отдыха, падаютъ въ изнеможеніи на землю или въ море. У Экмюльскаго маяка, сила свѣта котораго превосходитъ 3 милліона нормальныхъ свѣчей, оказалось въ теченіи одной ночи 500 погибшихъ птицъ. У маяка на островѣ Бель-Иль за двѣ ноябрьскія ночи найдено 2.380 мертвыхъ птицъ. У одного изъ маяковъ острова Уайта въ ночь съ 13 на 14 апрѣля 1913 г. погибло 465 птицъ. Эти цифры составляютъ ничтожную долю общаго числа птицъ, убитыхъ всѣми маяками земного шара.

При такихъ обстоятельствахъ въ Голландіи еще въ 1909 году возникла мысль предоставить летающимъ вокругъ маяковъ птицамъ возможность

отдыха и тѣмъ предупредить ихъ гибель отъ истощенія. Съ этой цѣлью на башнѣ маяка устраиваются рѣшетчатые насѣсты, гдѣ могутъ размѣститься тысячи птицъ, не вліяя нисколько на силу огня. Такіе насѣсты на башнѣ маяка на островѣ Терсхеллингѣ въ ноябрьскія ночи 1910 года давали пріютъ и отдыхъ 3.000—5.000 птицъ, при чемъ на землѣ было найдено всего 75 мертвыхъ птицъ. Инженерамъ ставится, такимъ образомъ, задача при дальнѣйшей постройкѣ маяковъ создавать подобныя устройства, а также искать иныя средства для уменьшенія мученій животныхъ маяками.

Водопады и пороги. Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Швеціи была образована Королевская комиссія для изслѣдованія принадлежащихъ государству водопадовъ. Въ обширномъ отчетѣ этой комиссіи, выпущенномъ въ 1899 году, указывается на желательность сохранить впредь нѣкоторое число водопадовъ въ первобытномъ состояніи свободными отъ установокъ и въ такомъ видѣ передать ихъ грядущимъ поколѣніямъ. Съ этого времени объявлены, однако, неприкосновенными лишь водопады „Stora Sjöfallet“ въ Лапландіи. Очень желательно, чтобы изъ большого числа Шведскихъ государственныхъ водопадовъ еще нѣсколько были охранены.

Троллгэттанскіе водопады еще въ XVIII вѣкѣ представлялись во всей величественной красотѣ своей нетронутой природы, какъ это доказываютъ рисунки и описанія того времени. Позднѣе, однако, тамъ возникли многочисленныя промышленныя учрежденія, каковы желѣзно-прокатный заводъ, литейная, паровозный заводъ, фабрика инструментовъ, масляный заводъ, целулозная фабрика, карбидный заводъ, электрическая станція и проч., что совсѣмъ исказило характеръ всей мѣстности. Въ послѣднее время по иниціативѣ шведскаго правительства принимаются мѣры, которыми возстановится, хотя отчасти, должный видъ на водопадъ. Правительство купило уже, за однимъ исключеніемъ, фабрики и заводы, лежащіе непосредственно у водопадовъ, въ цѣляхъ ихъ удаленія. Острова будутъ постепенно засажены и обращены въ прогулки. Постройка новыхъ сооруженій, видимыхъ съ водопада, не будетъ допущена. Такимъ образомъ, непосредственнымъ распоряженіемъ государства ближайшія окрестности водопадовъ будутъ освобождены отъ промышленныхъ и другихъ зданій. Въ то же время, однако, правительство само устроило у водопадовъ силовую станцію съ принадлежностями, о которой управленіе водопадовъ говоритъ слѣдующее: „Несомнѣнно, что новая силовая станція, устроенная въ Троллгэттанѣ, будетъ вредить красотѣ водопадовъ. Но такъ какъ, она будетъ брать только часть минимальнаго расхода воды, водопады все же останутся при нормальномъ расходѣ достопримѣчательностью перваго разряда, тѣмъ болѣе что красота водопадовъ не зависитъ исключительно отъ количества падающей воды. Во время самаго производства строительныхъ работъ по использованію энергіи водопадовъ неизбѣжно приходится придать берегамъ видъ, не гармонирующій съ красивымъ окружающимъ пейзажемъ. Государство, за счетъ коего исполняются эти работы, стремится, однако, возмѣстить ущербъ отъ „вандализаціи“, вызываемой работами, инымъ путемъ и, насколько возможно, охранить памятникъ природы, образуемый водопадами и ихъ окрестностями. Западный берегъ съ его крутыми, покрытыми лѣсомъ скалами не будетъ затронутъ постройками и останется для народа въ своемъ первоначальномъ видѣ въ

качествѣ „національнаго парка“. Огромныя массы камня, полученнаго взрываніемъ породы при проведеніи канала на восточномъ берегу, будутъ засыпаны землей и посредствомъ посѣва травы обращены въ зеленыя гряды. Большая часть фабричныхъ зданій, расположенныхъ вдоль водопадовъ, недавно куплены государствомъ и вскорѣ будутъ снесены, чтобы уступить мѣсто будущимъ паркамъ“.

Въ условіяхъ, подобныхъ Троллгэттанскимъ, находятся въ большей или меньшей степени всѣ большіе водопады и пороги въ разныхъ странахъ. Было бы неразумно требовать, чтобы ради красоты природы мощныя водяныя силы оставались безъ употребленія, но въ интересахъ охраны природы слѣдовало бы стремиться, по крайней мѣрѣ, къ двумъ цѣлямъ: къ оставленію въ первобытномъ состояніи нѣкоторыхъ водопадовъ и къ возведенію построекъ на остальныхъ въ возможной гармоніи съ окружающимъ пейзажемъ. Дѣйствительно, нѣтъ никакой необходимости использовать для промышленности всѣ водопады страны, и вполнѣ возможно оставить свободными нѣкоторые изъ нихъ. Норвегія дала прекрасный примѣръ такого отношенія къ дѣлу, охранивъ одинъ изъ красивѣйшихъ водопадовъ Skjäggedalfos въ Гардангерскомъ районѣ. Когда крестьяне, которымъ онъ принадлежалъ, обратились къ Туристическому Союзу съ просьбой о помощи въ постройкѣ мѣстныхъ дорогъ, союзъ согласился принять на себя всѣ расходы, но при условіи, чтобы владѣльцы водопада обязались не допускать устройства мельницъ или какихъ либо иныхъ промышленныхъ заведеній. Это требованіе было принято и надлежащимъ порядкомъ узаконено. Такимъ путемъ Туристическій Союзъ навсегда охранилъ прекрасный водопадъ, израсходовавъ на это всего лишь около 8.000 кронъ.

Въ другомъ изъ указанныхъ отношеній надо имѣть въ виду, что промышленныя сооруженія, возводимыя у какого либо водопада, не должны непремѣнно быть уродливыми и обезображивать пейзажъ. Въ каждомъ частномъ случаѣ можно посредствомъ тщательной разработки технической красоты, при участіи художниковъ, достигнуть того, что возведенныя постройки будутъ по своимъ формамъ, матеріаламъ и проч. въ возможной мѣрѣ отвѣчать характеру мѣстности и гармонично вписываться въ общую картину.

Электротехника. Быстрое развитіе электротехники повело вездѣ къ созданію новыхъ сооруженій на открытыхъ пространствахъ, при чемъ далеко не всегда обращалось должное вниманіе на охрану пейзажа. При проведеніи телеграфовъ въ Германіи принимаются, однако, нѣкоторыя мѣры охраны. Иные землевладѣльцы, каковы герцогъ von Ujest, князь Henckel von Donnersmarck, графы Tiele и Winckler и баронъ Ротшильдъ въ предѣлахъ своихъ владѣній замѣнили надземные телеграфные провода подземными кабелями, и при томъ не только свои частные, но и правительственные, принявъ на себя въ послѣднемъ случаѣ всѣ расходы. Устраивая новыя линіи, стараются не вредить древеснымъ насажденіямъ; съ этой цѣлью употребляютъ болѣе высокіе столбы или переводятъ частично линію на другую сторону дороги или на иныя менѣе покрытыя деревьями мѣста. Перемѣщеніе линіи дѣлается также и для того, чтобы не портить вида населеннаго мѣста, для чего ее пускаютъ въ обходъ деревни или города.

Въ Германіи былъ даже такой случай. При проведеніи телеграфной линіи встрѣтили на пути старый большой дубъ съ обхватомъ на высотѣ

груди въ 9 метровъ и величественной короной, нѣкоторыя вѣтви которой нашли нужнымъ отрѣзать, чтобы дать мѣсто проводу. Когда это стало извѣстно районному почтовому управленію, былъ изданъ по телеграфнымъ строительствамъ приказъ, воспрещающій впредь въ какой бы то ни было степени измѣнять форму деревьевъ, имѣющихъ значеніе цѣнныхъ памятниковъ природы, и требующій, чтобы такія деревья и окружающая ихъ обстановка сохранялись, по возможности, въ первоначальномъ видѣ. Въ случаяхъ сомнѣнія строители должны обращаться къ высшему начальству. Нарушеніе этого приказа влечетъ за собою строгія наказанія. Впослѣдствіи такое отношеніе къ памятникамъ природы со стороны строителей телеграфныхъ линій стало предметомъ общаго приказа, даннаго 25 февраля 1912 года отъ главнаго почтоваго управленія и вновь повтореннаго въ 1915 году.

Для птичьяго міра надземныя телеграфныя и телефонныя линіи представляютъ нѣкоторую опасность, такъ какъ птицы, налетая на проволоки, могутъ причинить себѣ поврежденія. Но садиться на провода онѣ могутъ вполнѣ безопасно, оживляя при томъ пейзажъ.

Распространеніе электротехники внѣ городовъ имѣло послѣдствіемъ созданіе многочисленныхъ установокъ тока высокаго напряженія, при чемъ не всегда съ достаточной заботой объ охранѣ природы. Отчасти это происходитъ отъ недомыслія, такъ какъ, напримѣръ, тѣ же столбы, если ихъ сдѣлать болѣе легкой конструкціи и разставить на большія разстоянія, значительно менѣе ухудшали бы пейзажъ. Равнымъ образомъ и трансформаторамъ слѣдуетъ придавать формы, подходящія къ пейзажу, что въ послѣднее время неоднократно и дѣлалось, при чемъ башни трансформаторовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ удачно гармонировали, напримѣръ, съ старыми зданіями. Съ другой стороны, провода токовъ высокаго напряженія опасны для птицъ. Если птица, сидя на такомъ проводѣ, прикоснется къ другому проводу или къ желѣзному столбу, токъ ее убиваетъ. Опасны для птицъ также предохранительные захваты или хомуты, поставленные на столбахъ въ мѣстахъ перехода чрезъ дороги для предупрежденія паденія оборвавшагося провода.

Такъ какъ устройство внѣ городовъ электрическихъ станцій съ токами высокаго напряженія все развивается, жалобы на сильный вредъ отъ нихъ для птицъ увеличиваются. Поэтому отдѣльныя мѣстныя власти неоднократно ставили разрѣшеніе на устройство электрическихъ установокъ этого рода въ зависимость отъ того, чтобы не только сохранялась красота пейзажа, но и была обезпечена охрана птицъ.

Въ послѣднее время этимъ вопросомъ занялся Союзъ Германскихъ Электротехниковъ. Согласно его постановленію, вошедшему въ силу съ 1 января 1914 года, въ интересахъ охраны птицъ отъ токовъ высокаго напряженія всѣ мѣста прикрѣпленія проводовъ, поперечины, подкосы и проч. должны быть такъ конструктированы, чтобы птицы не могли на нихъ садиться. Тамъ, гдѣ это неосуществимо, горизонтальныя разстоянія между проводами тока высокаго напряженія и желѣзными частями, соединенными съ землею, должны быть не менѣе 300 миллиметровъ. Рекомендуемое нѣкоторыми для охраны птицъ устройство спеціальныхъ насѣстовъ въ отдаленіи отъ проводовъ, напримѣръ, ввидѣ прикрѣпленныхъ къ вершинамъ столбовъ стержней, параллельныхъ проводамъ, не должно во всякомъ случаѣ имѣть мѣсто ниже проводовъ. Полезныя указанія по во-

просу объ охранѣ птицъ при электропередачахъ заключаются въ сочинеии H. Hähnle „Электричество и охрана птицъ".

Всѣ недостатки надземныхъ проводовъ, указанные выше, отпадаютъ при проведеніи электричества кабелями. Но примѣненіе ихъ сопряжено съ столь значительными расходами, что, несмотря на большія преимущества кабелей въ техническомъ отношеніи, пользованіе кабелями для распредѣленія электричества по всей сѣти признается возможнымъ лишь тамъ, гдѣ пункты потребленія энергіи многочисленны и близки другъ къ другу. Уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подземныя канализаціи электричества, и онѣ могли бы получить дальнѣйшее частичное развитіе тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ охранѣ пейзажа выдающейся красоты. Подобно этому поступаютъ и въ городахъ. Напримѣръ, въ Берлинѣ надземная проводка электричества для трамваевъ прерывается у Бранденбургскихъ воротъ и замѣняется аккумуляторнымъ движеніемъ. Въ Лемго было доассигновано 20.000 марокъ, чтобы рыночная площадь и главныя улицы этого стариннаго города съ древними великолѣпными домами не были обезображены столбами надземныхъ проводовъ, а былъ уложенъ кабель.

Заводы. Если въ химическихъ заводахъ дурно-пахнущіе газы не улавливаются, а выпускаются въ атмосферу, наслажденіе природой можетъ быть очень нарушено. Въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Леганѣ, близъ Данцига, существовала целлулозная фабрика, газы которой заражали всѣ окрестности. При извѣстномъ направленіи вѣтра страдали люди, гулявшіе даже въ отдаленныхъ лѣсахъ, служащихъ мѣстомъ лѣтняго отдыха для горожанъ. Законы не даютъ способа избавиться отъ этой бѣды въ сельскихъ мѣстностяхъ, но соединенныя усилія инженеровъ и химиковъ должны привести къ тому, чтобы выпуска дурно-пахнущихъ газовъ не происходило.

Какъ ни отвратительны газы целлулозныхъ фабрикъ для человѣка, они не производятъ никакого вреднаго вліянія на растительность; напротивъ, газы, вытекающіе изъ фабричныхъ трубъ и содержащіе сѣрнистую кислоту, сѣрную кислоту, мышьякъ, ціанъ, хлоръ, хлористо-водородную кислоту, амміакъ, сѣроводородъ и проч., приносятъ большой вредъ растеніямъ и животнымъ, даже на большихъ разстояніяхъ. На зеленомъ покровѣ земли эти газы дѣлаютъ желтыя и коричневыя пятна, гдѣ исчезаетъ всякая жизнь. Также страдаютъ отъ нихъ кусты и деревья, при чемъ хвойныя въ большей степени, чѣмъ лиственныя. Отъ этого уничтожается не только красивый видъ отдѣльныхъ деревьевъ и лѣсовъ, но нарушается ихъ правильный ростъ, такъ какъ съ разстройствомъ дѣятельности листвы ухудшается приростъ древесины и въ тяжелыхъ случаяхъ даже наступаетъ усыханіе. Особенно извѣстны поврежденія лѣсовъ заводскими газами въ Гарцѣ, гдѣ уже въ половинѣ XVIII столѣтія стали возникать жалобы по этому поводу. По мѣрѣ развитія металлургической промышленности поврежденія лѣсовъ значительно возрасли. Возлѣ металлургическихъ заводовъ образовались теперь въ лѣсахъ большія плѣши, гдѣ лѣсъ не растетъ совсѣмъ, къ величайшему ущербу для красоты пейзажа. Металлургическій заводъ „Juliushütte" у Гослара, выпускающій газы съ сѣрнистой кислотой, уничтожилъ 143 гектара еловаго лѣса. Возлѣ доменныхъ печей въ Altenau, Klaustal и Lauental лѣсныя плѣши достигли 338 гектаровъ, къ которымъ присоединяются еще 380 гектаровъ сильно поврежденнаго лѣса. Для многихъ металлургическихъ

заводовъ уплата за убытки, причиняемые газами, составляетъ предметъ постоянныхъ расходовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма значительныхъ. Такъ Мульденскіе заводы возлѣ Фрейберга въ Саксоніи уплатили въ 1864 году 55.000 марокъ убытковъ. Но потеря въ красотѣ природы не можетъ быть ни исчислена, ни возмѣщена, вслѣдствіе чего желательно, чтобы были приняты мѣры, при посредствѣ которыхъ возможность газовыхъ поврежденій растительности была ограничена, а для отдѣльныхъ мѣстъ и совсѣмъ исключена.

Далѣе, сточныя воды заводовъ часто загрязняютъ рѣки и озера. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это имѣетъ послѣдствіемъ безвредную порчу лишь цвѣта воды, что однако, уже нарушаетъ красоту пейзажа. Напримѣръ, р. Мюглицъ близъ Дрездена подъ вліяніемъ сточныхъ водъ Альтенбергскихъ оловянныхъ заводовъ имѣетъ почти цѣлое лѣто красный цвѣтъ. Въ другихъ случаяхъ сточныя воды наносятъ вредъ растительной и животной жизни въ рѣкахъ, какъ это бываетъ на горныхъ промыслахъ, бѣлильныхъ фабрикахъ, винокурняхъ, бумажныхъ фабрикахъ, сахарныхъ заводахъ, крахмальныхъ заводахъ, металлургическихъ заводахъ и проч. Есть много примѣровъ полной гибели рыбъ въ такихъ условіяхъ.

Для многихъ производствъ оказалось уже возможнымъ обезвреживать въ большей или меньшей степени сточныя воды; для другихъ, гдѣ это пока не удалось, найдутся вскорѣ соотвѣтствующіе способы.

При самой постройкѣ заводовъ слѣдуетъ принимать въ соображеніе интересы сохраненія красоты пейзажа и памятниковъ природы. Во всякомъ случаѣ гораздо цѣлесообразнѣе, чтобы инженеръ самъ обратилъ на это вниманіе, при выборѣ мѣста для завода, чѣмъ чтобы это было предложено властями потомъ, при просьбѣ о концессіи. Къ счастью, встрѣчаются случаи, когда при постройкѣ заводовъ не жалѣютъ расходовъ для указанныхъ нуждъ. Такъ при постройкѣ свинцовопрокатнаго завода въ Binnsfeldhammer'ѣ, въ Дюссельдорфскомъ округѣ, были пересажены въ цѣляхъ ихъ сохраненія, два старыхъ дерева съ расходомъ около 5.000 марокъ.

Къ сказанному можно еще добавить, что въ сохраненіи первичнаго пейзажа съ міромъ растеній заинтересованы садовые архитекторы, такъ какъ они находятъ въ природѣ многія указанія и мотивы для своихъ работъ. Слѣдовало бы въ паркахъ, ландшафтныхъ садахъ и проч. по возможности сохранять природныя условія, приспособляясь къ нимъ, а не наоборотъ удалять все существующее для исполненія предвзятаго проекта. Въ Большомъ Берлинѣ, Мюнхенѣ и друг. городахъ были созданы лѣсныя кладбища, гдѣ сохранены всѣ элементы лѣса, и было бы желательно, чтобы эти примѣры нашли себѣ широкое подражаніе. Въ то же время слѣдуетъ принять мѣры къ тому, чтобы кладбища, въ томъ числѣ и внутреннія городскія, приспособлялись для цѣли охраны птицъ и становились птичьими рощами.

Эти стремленія могутъ найти себѣ болѣе легкое осуществленіе, если при устройствѣ парковъ, школьныхъ садовъ и проч. слѣдовать принципу отечественности (Heimatprinzip). Важно, чтобы въ этихъ паркахъ и садахъ были посажены растенія данной страны и снабжены надписями, позволяя дѣтямъ знать деревья и кустарники своей родины. Тамъ же можно устанавливать и образцы отечественныхъ каменныхъ породъ.

Заключительныя замѣчанія проф. Конвентца. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что при инженерныхъ работахъ, къ нашему удовлетворенію, уже принимаются отчасти во вниманіе интересы охраны природы и что они могли бы быть въ дальнѣйшемъ принимаемы во вниманіе почти во всѣхъ отрасляхъ инженернаго дѣла. Для достиженія этого нужно дѣйствовать заблаговременно при самомъ воспитаніи и образованіи юношества. Все наше юношество должно быть воспитано въ убѣжденіи, что не только произведенія людей, но и творенія природы нуждаются въ бережномъ къ себѣ отношеніи. Въ городахъ часто находятъ надписи: „эти насажденія предоставлены охранѣ публики“, но еще важнѣе рекомендовать публикѣ охранять свободную природу. То, что создалъ даже геніальный строитель, можно въ случаѣ разрушенія или поврежденія, возстановить или исправить по сохранившимся чертежамъ или снимкамъ. Когда же уничтожаются памятники первоначальной природы, въ видѣ ли великолѣпной скалы, замѣчательнаго дерева или рѣдкой породы животныхъ, никакое человѣческое искусство не можетъ создать вновь утраченное.

Далѣе нужно, чтобы воспитанники учебныхъ заведеній, ремесленныхъ, строительныхъ, профессіональныхъ и друг., знакомились съ красотами и рѣдкостями отечественной природы и чтобы въ нихъ возбуждалось стремленіе къ ихъ сохраненію. Высшія Техническія школы Германіи уже выразили свой интересъ къ дѣлу охраны природы тѣмъ, что въ одной ректоръ избралъ предметомъ доклада для торжественнаго засѣданія сюжетъ изъ этой области, а въ другой ректоръ просилъ о систематическомъ чтеніи лекцій по этому вопросу для студентовъ. Но нужно было бы, чтобы во всѣхъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ читались для всѣхъ студентовъ регулярно общедоступныя лекціи по этому предмету. На курсахъ государственныхъ наукъ, въ Берлинѣ и Кельнѣ, которые посѣщаютъ также инженеры и крупные промышленники, докладчикъ былъ приглашенъ для чтенія этого предмета съ двумя часовыми лекціями въ недѣлю.

Желательно, чтобы на каждомъ курсѣ всѣхъ учебныхъ заведеній читался этотъ предметъ или въ общемъ изложеніи, или въ особыхъ отдѣлахъ, напримѣръ, объ охранѣ птицъ и т. п.

Наблюдающія власти, несомнѣнно, во многихъ случаяхъ имѣютъ возможность требовать, чтобы проекты инженерныхъ сооруженій не только удовлетворяли матеріальнымъ интересамъ, но и обезпечивали сохраненіе первоначальной природы данной мѣстности. Было бы, однако, гораздо правильнѣе и достойнѣе, чтобы инженеръ самъ уже при составленіи первоначальнаго проекта обращалъ вниманіе на то, чтобы сооруженіе въ указанномъ отношеніи удовлетворяло требованіемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовало бы уже при первыхъ набросках и смѣтахъ прибѣгать къ содѣйствію организацій по охранѣ природы и отечественности. Высокія этическія цѣнности, лежащія въ основѣ охраненія первоначальной природы, должны входить въ смѣтное исчисленіе и, если онѣ тамъ упущены, то смѣта не вѣрна.

Если инженеръ знакомъ съ идеями охраны природы и ими проникнутъ, онъ можетъ содѣйствовать ихъ осуществленію и за предѣлами своей профессіональной работы. Инженеры часто имѣютъ мѣсто и голосъ въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Иногда они являются членами упра-

вленій сельскихъ, городскихъ, окружныхъ и провинціальныхъ; также они бываютъ членами парламента. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ предъ ними открывается широкое поле для содѣйствія охранѣ природы.

Наконецъ, надо вспомнить, что нѣкоторые изъ инженеровъ являлись истинными меценатами, каковы: Беттихеръ—Эльберфельдъ, Карнеги—Нью-Іоркъ, Диксонъ-Готенбургъ, Якобсенъ—Копенгагенъ, Круппъ—Эссенъ, Нобель—Стокгольмъ и друг. Въ будущемъ должно все болѣе и болѣе распространяться убѣжденіе, что сохраненный для человѣчества замѣчательный памятникъ природы вполнѣ способенъ вызвать къ жертвователю благодарность и современниковъ, и потомковъ.

Докладъ Старбэка. Въ этомъ докладѣ повторяются многія изъ мыслей, высказанныхъ предшествующимъ докладчикомъ. Это объясняется тѣмъ, что Шведскій авторъ не имѣлъ возможности войти въ какое-либо предварительное соглашеніе съ своимъ знаменитымъ германскимъ сотоварищемъ профессоромъ Конвентцомъ, который считается основателемъ и выдающимся представителемъ движенія въ пользу охраны природы. Поэтому здѣсь достаточно ограничиться лишь передачей наиболѣе существенныхъ мыслей Старбэка.

По его мнѣнію, исторія человѣческой культуры есть непрерывная борьба съ природой. Съ самаго ранняго періода своей жизни человѣкъ уничтожаетъ звѣрей и рубитъ деревья.

Когда возникло полевое хозяйство, уничтоженіе лѣсовъ стало быстро прогрессировать.

Природа продолжала быть врагомъ, котораго надо было уничтожать. Наряду съ лѣсомъ разрушались первичныя условія жизни водъ. Озера понижались, болота осушались, водопады захватывались въ колеса и турбины. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе безпощадно истреблялись звѣри и птицы. Не уцѣлѣли даже горы; ихъ взрывали, избороздили дорогами. Въ завершеніе своей побѣды надъ природой человѣкъ наставилъ вездѣ рядъ отвратительныхъ рекламъ.

Современное движеніе въ пользу защиты природы явилось, какъ реакція противъ такого отношенія къ ней въ теченіе тысячелѣтій. Оно имѣетъ въ своей основѣ научныя задачи, аналогичныя съ тѣми, которыя ведутъ къ затратамъ большихъ суммъ на музеи, ботаническіе сады, изслѣдованія чужихъ странъ и проч. Мысль о сохраненіи для грядущихъ поколѣній образцовъ своей отечественной природы была вполнѣ естественна для достиженія научныхъ цѣлей. Но она оказалась плодотворной и для цѣлей чисто практическихъ, какъ напримѣръ, по отношенію къ разумной хозяйственной эксплоатаціи лѣсовъ и друг. Однако, сильнѣе и плодотворнѣе всего стремленіе къ охранѣ природы тамъ, гдѣ оно коренится въ любви къ ней и къ родинѣ. Всякая здоровая любовь къ отечеству связана неразрывно съ любовью къ его природѣ. Грозныя очертанія горъ, величавыя лѣсныя чащи, задумчивыя дали степи и вообще особенности пейзажа даютъ основной тонъ настроенію духа народа; но и болѣе мелкія черты природы, какъ напримѣръ, жизнь озерныхъ или морскихъ птицъ, пещеры, выдающіяся деревья и т. п., часто связываются съ народной поэзіей и вліяютъ на духовную сторону многихъ поколѣній.

Для непрерывнаго роста національной культуры каждый народъ долженъ оберегать ея корни въ первоначальной природѣ. Ни музеи, ни книги не могутъ замѣнить національнаго музея свободной природы.

Стремленіе къ охранѣ памятниковъ природы сталкивается, однако, съ хозяйственными требованіями страны и потому приходится въ каждомъ случаѣ искать компромиссное рѣшеніе вопроса. Отъ правильнаго къ нему отношенія правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, составителей проектовъ и, ихъ исполнителей зависитъ степень мягкости и деликатности, съ которой будетъ третироваться природа.

Докладчикъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ шведской практики, показывающихъ удачныя и неудачныя рѣшенія вопроса объ охранѣ природы при постройкѣ инженерныхъ сооруженій, констатируя, что число послѣднихъ случаевъ значительно больше, и заканчиваетъ свой докладъ выраженіемъ надежды на лучшее будущее.

Послѣсловіе предсѣдательствовавшаго инженера Деттмара. Преній по докладамъ Конвентца и Старбэка, несмотря на то что они были открыты, не было. Лишь одинъ предсѣдательствовавшій въ засѣданіи инженеръ Деттмаръ нашелъ нужнымъ сказать нѣсколько заключительныхъ словъ.

Въ первой части своей рѣчи онъ остановился на вопросѣ о защитѣ птицъ отъ электрическаго тока. Столь вредные для птицъ хомуты были введены для того, чтобы предохранить людей отъ дѣйствія оборвавшагося провода. Они оказались мало дѣйствительными и не достигли намѣченной цѣли. Ихъ въ Германіи больше не дѣлаютъ, а на старыхъ установкахъ снимаютъ. Этимъ устраняется впредь вопросъ объ опасности хомутовъ для птицъ.

Кромѣ того Союзъ Электротехниковъ Германіи установилъ въ 1913 году новыя нормальныя техническія условія для устройства висячихъ проводовъ электричества, при чемъ были приняты во вниманіе особыя требованія охраны птицъ и ихъ удобствъ, до устройства особыхъ насѣстовъ включительно, такъ что общій вопросъ птицеохраненія при электрическихъ установкахъ для Германіи вполнѣ разрѣшенъ.

По отношенію къ порчѣ пейзажа проводами электричества слѣдуетъ замѣтить, что она дѣйствительно происходила прежде при принимавшихся малыхъ пролетахъ между столбами въ 25—30 метровъ, но при нынѣ принимаемыхъ пролетахъ въ 100—180 метровъ пейзажъ не утрачиваетъ своей красоты отъ присутствія воздушной электрической линіи.

Въ другой половинѣ рѣчи инженеръ Деттмаръ отмѣтилъ умѣренность требованій, предъявленныхъ докладчиками къ инженерамъ по отношенію къ охранѣ природы вообще, что позволяетъ при рѣшеніи хозяйственно-техническихъ задачъ дать полное удовлетвореніе запросамъ эстетическаго и научнаго порядка.

Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостные своды...

Пушкинъ.

ГЛАВА V.

Автомобильное движеніе на дорогахъ по даннымъ Балтійскаго Инженернаго Конгресса.

Постановка вопроса на Балтійскомъ Конгрессѣ.—Докладъ Винкеля объ условіяхъ правильнаго автомобильнаго движенія.—Приспособленіе старыхъ дорогъ для новыхъ потребностей.—Сравненіе различныхъ типовъ дорогъ.—Источники для покрытія новыхъ дорожныхъ расходовъ.—Примѣръ Англіи, какъ руководящій для другихъ странъ.—Докладъ Кэса о государственныхъ автомобильныхъ линіяхъ.—Типы автомобилей.—Первоначальная стоимость и эксплоатаціонные расходы автомобильной линіи. — Личный составъ. — Ремонтъ машинъ. — Объединеніе отдѣльныхъ линій въ сѣть. — Особыя достоинства автомобильныхъ линій. — Автомобили и желѣзныя дороги.

Вопросъ объ автомобильномъ движеніи на дорогахъ былъ разсмотрѣнъ на Балтійскомъ Инженерномъ Конгрессѣ въ двухъ докладахъ — Винкеля и Кэса. Первый касался пути, второй экипажа. Винкель, Датскій инспекторъ постройки шоссейныхъ дорогъ, разсматривая вопросъ о дорогѣ въ соотвѣтствіи съ автомобильнымъ движеніемъ, трактовалъ его въ общемъ, хотя и имѣлъ въ виду по преимуществу успѣхи своей страны. Кэсъ, докладчикъ отъ Германіи, напротивъ, изъ германскихъ примѣровъ восходилъ къ общимъ выводамъ.

Тезисовъ докладчики не выставляли и преній по докладамъ не было, но въ своей совокупности фактическія данныя и соображенія Винкеля и Кэса содержатъ цѣнныя указанія для освѣщенія вопроса объ автомобильномъ движеніи на дорогахъ.

Въ городахъ, говоритъ Винкель, всѣ улицы должны быть въ такомъ состояніи, чтобы выносить автомобильное движеніе. Поэтому въ своемъ докладѣ онъ касается лишь внѣгородскихъ дорогъ и по преимуществу шоссейныхъ.

Хорошія шоссе переносятъ нѣкоторую степень автомобильнаго движенія, и автомобилистъ склоненъ думать, въ особенности когда онъ мчится по шоссе въ хорошую погоду, что единственными условіями автомобильнаго движенія является хорошій автомобиль и туго-набитый кошелекъ...

Но при возрастающемъ, т. е. „правильномъ“ движеніи по дорогамъ, пыль становится столь несносной и жалобы на нее столь громкими, что дѣлается невозможнымъ не обращать на эту сторону дѣла вниманія. Пыль является, однако, лишь показателемъ того, что автомобильное движеніе разрушаетъ всѣ щебеночныя шоссейныя дороги, что слабыя дороги разбиваются, что хорошія для нормальнаго неавтомобильнаго движенія дороги утрачиваютъ связующій щебенки матеріалъ, причемъ ихъ одежда обращается въ слой рыхлаго щебня, что даже самыя лучшія уплотненныя паровыми катками дороги получаютъ характерныя выбоины въ разстояніи 1 метра другъ отъ друга.

Разрушительное дѣйствіе автомобиля на дороги несравненно болѣе, чѣмъ копытъ лошадей и обыкновенныхъ съ желѣзными шинами экипажныхъ ко-

лесъ. Ведущія колеса автомобиля всасываніемъ, ударами, большой скоростью вращенія, вѣсомъ, качаніемъ—нарушаютъ прочное равновѣсіе матеріала шоссейной коры, извлекаютъ отдѣльныя щебенки и разстраиваютъ дорогу, приводя ее при „правильномъ" автомобильномъ движеніи въ состояніе разрушенія.

Когда такое положеніе дорожнаго дѣла стало очевиднымъ, появилось требованіе устройства особыхъ автомобильныхъ дорогъ. При этомъ не думали о чрезвычайно высокой стоимости ихъ и забывали, что дорожная сѣть страны является наслѣдіемъ исторіи, что многіе населенные пункты возникли, благодаря дорогамъ, и что новая автомобильная сѣть должна была бы болѣе или менѣе совпадать съ существующей. Такимъ образомъ, задача должна состоять не въ постройкѣ новыхъ дорогъ, а въ приспособленіи для автомобильнаго движенія старыхъ.

Такъ какъ пыль являлась первымъ и рѣзко бросающимся въ глаза дефектомъ старыхъ дорогъ при новыхъ условіяхъ ихъ работы, то, легко понять, почему прежде всего обратились къ средствамъ, умѣряющимъ пыль, каковы различныя масла, нефть, родолеумъ, веструмитъ и друг.

Вскорѣ, однако, выяснилось, что эти средства дѣйствуютъ очень недолго, а стоятъ очень дорого. Тогда были предложены гигроскопическія соли, какъ напримѣръ хлористый кальцій, хлористый магній и поваренная соль. По отношенію къ нимъ опытъ не только показалъ то же, что и по отношенію къ масламъ, но выяснилъ, что эти соли постепенно проникаютъ въ толщу шоссейной коры, гдѣ своей гигроскопичностью въ сырое время года неизбѣжно должны вредить прочности пути.

Между тѣмъ для автомобильнаго движенія прочность дороги должна быть увеличиваема, а не уменьшаема; поэтому гигроскопическія средства для борьбы съ пылью не должны допускаться, кромѣ случаевъ особой необходимости. Слѣдуетъ замѣтить, что содержаніе Датскихъ дорогъ обходилось въ среднемъ 456 кронъ на километръ; съ примѣненіемъ противупыльныхъ средствъ расходъ увеличился до 500—800 кронъ, т. е. на 10—73%.

Убѣдившись въ недостаточности поверхностной обработки существующихъ дорогъ связывающими пыль веществами, стали искать способовъ для такого упрочненія дорогъ, чтобы онѣ могли оказывать дѣйствію автомобилей должное сопротивленіе. Тысячи дорожныхъ инженеровъ предложили свои способы, покрывъ многіе изъ нихъ патентами. Сюда относятся: Tarmacadam системы Gladwell'я, Alberti и друг., Tarmac, Tarvia, Pyknoton, Plascon, Westrumit-Aspalt, Rocmac и многіе другіе. За невозможностью разсмотрѣть ихъ всѣ, достаточно выдѣлить изъ нихъ пять главныхъ типовъ, которые характеризуются слѣдующей таблицей и особыми поясненіями (см. таблицу).

I. Покрытіе каменно-угольной (Coaltar) или осмолка щебеночныхъ дорогъ, если онѣ чисты и сухи, а смола нагрѣта, вызываетъ проникaніе смолы въ толщу коры. При этомъ мелкій матеріалъ въ швахъ между щебенками связывается, и не высасывается болѣе колесами автомобилей. Каменноугольная смола покрываетъ и поверхность дороги. Осмолка уменьшаетъ износъ шоссе на 25%.

Способъ этотъ примѣнимъ при ограниченномъ движеніи. Онъ обходится въ Даніи 15 ёре на кв. метръ въ первый разъ, а потомъ 12 ёре и при благопріятныхъ условіяхъ 10 ёре. Въ таблицѣ онъ принятъ въ цѣнѣ 12 ёре при увеличеніи продолжительности существованія дороги примѣрно на 25%

Макадамъ.		Осмолка.		Тармакадамъ.		Пикмакадамъ.		Асфальтмакадамъ.		Мостовая изъ малыхъ кубиковъ.	
Продолжительность существованія дорожной одежды.	Расходъ въ годъ на кв. метръ.	Продолжительность существованія дорожной одежды.	Расходъ въ годъ на кв. метръ.	Продолжительность существованія дорожной одежды.	Расходъ въ годъ на кв. метръ.	Продолжительность существованія дорожной одежды.	Расходъ въ годъ на кв. метръ.	Продолжительность существованія дорожной одежды.	Расходъ въ годъ на кв. метръ.	Продолжительность существованія дорожной одежды.	Расходъ въ годъ на кв. метръ.
Годы.	Кроны.	Годы.	Кроны.	Годы.	Кроны.	Годы.	Кроны.	Годы.	Кроны.	Годы.	Кроны.
3	0,39	4	0,40	5	0,57	6	0,48	9	0,48	25	0,34
4	0,31	5	0,35	6	0,50	8	0,45	12	0,38	30	0,31
5	0,26	6¼	0,31	7½	0,42	10	0,38	15	0,33	35	0,29
6	0,22	7½	0,28	9	0,37	12	0,33	17	0,30	40	0,27
7	0,20	8¾	0,26	10½	0,34	14	0,29	19	0,28	43	0,26½
8	0,18	10	0,25	12	0,31	15½	0,27	21	0,26	45	0,26
9	0,17	11½	0,24	13½	0,29	17	0,26	23	0,25	47	0,25½
10	0,16	12½	0,23	14	0,28	18	0,25	24	0,24	28	0,25

Злѣйшій врагъ осмолки дорогъ—тяжелое движеніе особенно зимой при перемѣнныхъ морозахъ и сырости. При такихъ условіяхъ весь просмоленный слой можетъ отколоться. Но даже, если осмолка можетъ выдержать только одно лѣто, она должна быть далеко предпочитаема другимъ противупыльнымъ средствамъ и обходится недорого.

Главныя условія успѣха — хорошая безводная смола, вполнѣ сухая чистая дорога и хорошая смолильная машина.

II. Тармакадамъ изготовляется различными, признанными хорошими, способами и рекомендуется такими лицами какъ Hooley, Gladwell и Alberti. Его цѣль образовать шоссейную одежду изъ предварительно осмоленныхъ щебенокъ и приэтомъ такъ, чтобы эта одежда была водонепроницаема, не имѣла пустотъ и предоставляла для движенія прочную, плотную и гладкую осмоленную поверхность.

Этимъ способомъ можно устраивать прекрасныя дороги, въ особенности при примѣненіи шлака изъ доменныхъ печей, покрываемаго смолой, когда онъ находится еще въ горячемъ состояніи. Однако, раздаются жалобы, что устройство дорогъ изъ тармакадама сопряжено съ трудностями, частью, потому что этотъ матеріалъ требуетъ сухой погоды, частью потому что успѣхъ зависитъ отъ состава смолы и встрѣчается въ этомъ отношеніи съ препятствіями, приводящими къ необъяснимымъ неудачамъ.

Тармакадамъ можно примѣнять при болѣе оживленномъ движеніи, чѣмъ поверхностную осмолку. Стоимость его составляетъ около 2,25 кроны на

кв. метръ, а долговѣчность на 50% больше, чѣмъ простой щебеночной одежды; нужно, однако, имѣть въ виду, что каждый второй годъ тармакадамъ требуетъ поверхностной осмолки.

III. Пикмакадамъ представляетъ собой шоссейную одежду изъ чистаго сухого щебня, пустоты котораго заполняются мастикой изъ смѣси въ равныхъ частяхъ горячаго песка и растопленнаго пика; эта мастика выливается на щебень и проникаетъ въ его толщу, послѣ чего на щебень разсыпаются высѣвки или крупный гравій и шоссе укатывается. Пикмакадамъ пастилается на существующія шоссейныя дороги въ слоѣ толщиной въ 7—10 сантиметровъ. Пикъ добывается изъ газовыхъ или коксовыхъ печей разными способами; часто къ нему добавляютъ жидкую газовую смолу и т. п. примѣси.

Этотъ видъ дорогъ пользуется въ Англіи большимъ вниманіемъ. Онъ игралъ большую роль при извѣстныхъ опытныхъ работахъ на дорогѣ изъ Лондона въ Сидкёпъ и далъ особенно хорошій путь.

При Датскихъ условіяхъ цѣну пикмакадама надо считать въ 3 кроны на кв. метръ, а долговѣчность въ два раза болѣе, чѣмъ простого макадама.

Нельзя, однако, отрицать, что работы этого рода представляютъ трудности и требуютъ сложныхъ приспособленій съ печами для нагрѣванія песка и топленія пика. Послѣдній распространяетъ сильный и непріятный запахъ. Кромѣ того пикъ склоненъ становиться хрупкимъ зимой и слишкомъ мягкимъ лѣтомъ.

IV. Асфальтмакадамъ изготовляется подобно пикмакадаму, съ той разницей, что вмѣсто пиковой мастики употребляется растопленный асфальтъ, который подвозится въ растопленномъ видѣ въ особыхъ повозкахъ или же растапливается на мѣстѣ у дороги. Асфальтовая масса можетъ имѣть разный составъ. Въ Даніи съ успѣхомъ примѣнялся асфальтъ Guldmann'а. Онъ изтотовляется изъ размолотаго асфальтоваго камня съ добавленіемъ чистаго битума и битуминознаго масла. Но и многія другія фирмы доставляютъ вполнѣ пригодный матеріалъ; въ Швеціи, среди другихъ, считается доброкачественнымъ асфальтъ Sperling'а.

Этимъ путемъ изготовляется превосходное, плотное, гладкое, безшумное и безпыльное полотно; оно мало изнашивается и менѣе гладко, чѣмъ обыкновенная асфальтовая мостовая. Оно обходится въ 3,5 кронъ на кв. метръ и, быть можетъ, нѣсколько дороже; долговѣчность его назѣрное въ три раза больше макадама при движеніи средней интенсивности.

V. Мостовая изъ малыхъ кубиковъ (клейнпфластеръ), состоитъ изъ 8—10 сантиметровыхъ машиннаго изготовленія мостильныхъ камней, которые располагаются по преимуществу круговыми цѣпями на старой хорошо выравненной шоссейной одеждѣ съ подсыпкой возможно малаго количества гравія. Этотъ способъ впервые примѣненный Gravenhorst'омъ изъ Stade, даетъ прекрасную прочную и безпыльную дорогу, очень пріятную для лошадиныхъ копытъ и весьма мало изнашивающуюся. Ея долговѣчность можно съ увѣренностью считать въ 7—8 разъ больше обыкновеннаго макадама, а цѣну въ 5 кронъ на кв. метръ. Въ то время, какъ первые четыре указанные выше способа упрочненія дорогъ требуютъ теплой и сухой погоды, таковая для мощенія мелкими кубиками не нужна. Это составляетъ само по себѣ большое преимущество.

При сравненіи различныхъ способовъ въ отношеніи стоимости первоначальнаго устройства и содержанія, приведенномъ въ таблицѣ, принято, что новый слой обыкновенной щебеночной одежды (макадама) стоитъ 1 крону на кв. метръ, требуя 3 ёре на ежегодный обыкновенный ремонтъ и что амортизація затраченнаго капитала происходитъ изъ $4^{1}/_{2}{}^{0}/_{0}$. При такихъ исходныхъ положеніяхъ наиболѣе дорогими представляются тармакадамъ и пикмакадамъ и, повидимому, слѣдуетъ прибѣгать сначала къ испытанію остальныхъ трехъ способовъ.

Эти три способа, осмолка, асфальтмакадамъ и малокубиковая мостовая, имѣютъ предъ собой несомнѣнное будущее, а именно осмолка при слабомъ движеніи, асфальтмакадамъ при среднемъ и малокубиковая мостовая при большомъ. Поэтому очень рекомендуется изслѣдовать и развивать эти три способа далѣе параллельно, не только потому, что каждый изъ нихъ пригоденъ на своемъ мѣстѣ, но и потому, что большая или меньшая односторонность въ этомъ дѣлѣ можетъ обходиться слишкомъ дорого. Изъ таблицы видно далѣе, что мощеніе малыми кубиками дорогъ съ большимъ движеніемъ, гдѣ требовалась бы смѣна щебеночной одежды каждыя 3—5 лѣтъ, не требуетъ особыхъ финансовыхъ жертвъ. Но денежныя затрудненія возникаютъ тогда, когда на такихъ мѣстахъ требуютъ асфальтмакадамъ, потому что онъ безшумнѣе, или когда на дорогѣ съ слабымъ движеніемъ желаютъ уничтожить пыль. Это можетъ быть осуществлено лишь при затратѣ лишнихъ 30—50%.

Въ этомъ лежитъ главная трудность для переустройства дорогъ подъ автомобильное движеніе. Это обстоятельство тѣмъ печальнѣе, что большая часть шоссейной сѣти имѣетъ небольшое движеніе, не говоря уже о томъ, что многія шоссе построены очень слабо и что сѣть второстепенныхъ дорогъ, превосходящая, напримѣръ, въ Даніи шоссейную въ 5 разъ, построена еще слабѣе. Къ тому же дороги часто такъ узки, что даже при обыкновенномъ движеніи встрѣча съ автомобилями представляетъ опасность, особенно пока лошади къ нимъ не привыкнутъ.

Боязнь автомобилей у лошадей проходитъ съ теченіемъ времени; поэтому не слѣдуетъ подъ впечатлѣніемъ страха предъ автомобилями прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ закрытіе одной или обѣихъ боковыхъ канавъ, чѣмъ ухудшаются условія стока воды.

Приведенная таблица не заключаетъ указаній на косвенныя выгоды отсутствія пыли и большей чистоты дорогъ, но эти преимущества имѣютъ значеніе лишь для нѣкоторыхъ дорогъ и только для участковъ, пролегающихъ чрезъ населенныя мѣста.

При нормальныхъ условіяхъ до появленія автомобиля, во всякомъ случаѣ въ Даніи, обыкновенныя щебеночныя дороги, укатанныя паровыми катками, удовлетворяли требованіямъ, которыя предъявлялись къ наибольшей части дорожной сѣти. Поэтому нельзя говорить о переустройствѣ дорожной сѣти для автомобильнаго движенія, не касаясь вопроса о томъ, кто же долженъ платить за такое переустройство. Отвѣтъ на этотъ вопросъ одинъ: если автомобильное движеніе этого расхода нести въ видѣ особаго налога не желаетъ, то ни кто другой нести его не обязанъ. Это признается всѣми кромѣ автомобилистовъ. Но отъ нихъ нельзя и ожидать сочувствія къ дорожному налогу.

Тѣмъ не менѣе налогъ этотъ справедливъ, такъ какъ онъ взимается въ соотвѣтствіи съ причиняемыми дорогамъ движеніемъ поврежденіями и въ соотвѣтствіи съ платежной способностью владѣльцевъ экипажей или движенія: налогъ долженъ взиматься съ люксъ-автомобилей въ зависимости отъ пройденнаго пути и развитой приэтомъ силѣ, какъ бы пропорціонально mv^2. Не вездѣ, однако, придерживаются такого метода. Въ Даніи налогъ исчисляется по числу силъ, независимо отъ порядка эксплуатаціи автомобиля. Это неправильно, такъ какъ нѣтъ повода платить дорожный сборъ лишь за право имѣть автомобиль, которымъ не пользуются. Въ Англіи налагаютъ также сборъ и на спиртъ, употребляемый для моторовъ. Это справедливѣе, но какъ относится фискъ къ электрическимъ автомобилямъ неясно. Въ Даніи налогъ на спиртъ потребовалъ бы особыхъ мѣръ, такъ какъ нужно было бы сохранить безпошлинность спирта для судовыхъ и особенно рыбачьихъ моторовъ, для чего потребовался бы особый контроль въ портахъ. Налогъ на спиртъ представляетъ такимъ образомъ трудности, но онѣ преодолимы. Можно было бы предложить и другіе способы полученія дорожнаго сбора—напримѣръ учрежденіе монополіи на продажу резиновыхъ шинъ. Этимъ путемъ была бы установлена должная зависимость между износомъ, причиняемымъ дорогами шинамъ, и вредомъ, причиняемымъ шинами дорогамъ.

На это могутъ возразить, что такой налогъ явился бы какъ бы преміей за плохое качество дорогъ, но такое возраженіе не будетъ основательно, такъ какъ налоги этого типа имѣютъ цѣлью заставить автомобилистовъ ѣздить по плохимъ дорогамъ съ возможной осторожностью и, кромѣ того, содѣйствовать улучшенію этихъ дорогъ. Поэтому необходимымъ условіемъ для правильнаго автомобильнаго движенія является достиженіе соглашенія между обѣими заинтересованными сторонами и притомъ не только въ отношеніи самого сбора, но и въ отношеніи употребленія этого сбора, а равно конструкціи и эксплуатаціи автомобилей.

Весь дорожный сборъ долженъ употребляться на перестройку дорогъ. Въ этомъ отношеніи нельзя себѣ представить лучшаго примѣра, чѣмъ англійское дорожное управленіе (Road Board), которое весь сборъ съ автомобилей (около 1,1 милл. фунтовъ стерлинговъ), распредѣляетъ, какъ субсидію между дорожными властями, желающими сами что-либо израсходовать на переустройство дорогъ. Размѣръ этихъ субсидій колеблется, въ зависимости отъ обстоятельствъ, отъ 12 до 50% стоимости работъ, составляя въ среднемъ 45% и иногда лишь выходя за указанный высшій предѣлъ. Дѣятельность англійскаго дорожнаго управленія имѣла огромное вліяніе на успѣхи дорожнаго дѣла въ Англіи въ послѣдніе годы. О величинѣ этого успѣха можно судить по примѣру 1912 года, когда только въ собственно Англіи (безъ Шотландіи, Ирландіи и Уэльса) при субсидіи въ 142.800 фунтовъ и смѣтномъ расходѣ въ 313.200 фунтовъ удалось оборудовать около 9,29 милліоновъ квадратныхъ ярдовъ дорогъ безпыльной одеждой того или иного типа, кромѣ другихъ улучшеній, каковы улучшенія полотна, исправленіе кривыхъ, устройство новыхъ мостовъ, упрочненіе пути и пр.

Нѣтъ сомнѣненій, однако, что всѣ эти улучшенія дорогъ сами по себѣ совершенно недостаточны. Подобно тому, какъ было бы безуміемъ на желѣзной дорогѣ совершенствовать только путь, игнорируя паровозъ, или наоборотъ,—нельзя удовлетворительно улучшать шоссейныя дороги, если фабри-

канты автомобилей будутъ продолжать строить ихъ, какъ имъ угодно, а автомобилисты ѣздить по дорогамъ также вполнѣ произвольно.

Необходимо для конечнаго успѣха правильнаго автомобильнаго движенія, чтобы вѣсъ, конструкція и способы эксплуатаціи автомобилей находились въ возможно полномъ соотвѣтствіи съ состояніемъ дорогъ и измѣнялись лишь настолько, насколько успѣхи въ улучшеніи дорогъ это допускаютъ безъ вреда для послѣднихъ. Иначе будетъ продолжаться впредь та же опустошительная война между путемъ и экипажемъ, которую мы видимъ до сихъ поръ и гдѣ побѣжденными являются оба противника. На совсѣмъ слабыхъ дорогахъ лучше воздержаться отъ автомобильной ѣзды, а на недостаточно прочныхъ допускать движеніе тяжелыхъ автомобилей лишь на широкихъ колесахъ и съ малой скоростью. Въ то же время надо возможно скорѣе и лучше, но и наиболѣе экономичными способами, устраивать вполнѣ прочныя и безпыльныя дороги, непрерывно изучая и совершенствуя въ отношеніи износа, долговѣчности и стоимости различные пріемы упроченія дорогъ.

Докладъ оберлейтенанта, доктора философіи Кэса разсматриваетъ вопросъ о правильномъ автомобильномъ движеніи на дорогахъ съ точки зрѣнія экономической, при чемъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на линіяхъ автомобильнаго движенія общаго пользованія внѣ городовъ.

Автомобиль, по мнѣнію докладчика, является здѣсь средствомъ для разрѣшенія такихъ задачъ по сообщеніямъ, которыя другими существовавшими ранѣе средствами разрѣшены быть не могли. Эти задачи состоять въ удовлетвореніи потребности въ періодическихъ перевозкахъ, при болѣе или менѣе значительныхъ періодахъ затишья, по дорогамъ съ могущими значительно измѣняться подъемами, кривизной и состояніемъ поверхности и при всякой допустимой на общественныхъ путяхъ скорости.

Наиболѣе распространеннымъ въ Германіи типомъ грузового автомобиля, примѣняемаго для этой цѣли, является 4-хъ-тонный экипажъ, нагружаемый, однако, обыкновенно до 5 тоннъ. Развитію его способствовало германское военное управленіе. Нуждаясь на случай мобилизаціи въ большомъ количествѣ грузовыхъ автомобилей въ помощь коннымъ обозамъ, германское правительство не желало, однако, иммобилизировать огромный капиталъ для покупки машинъ, тѣмъ болѣе, что ко времени нужды въ нихъ онѣ бы устарѣли, а прибѣгло къ субсидіямъ частныхъ владѣльцевъ.

Начиная съ 1908 года ежегодно по смѣтѣ германскаго военнаго вѣдомства ассигнуется одинъ милліонъ марокъ для субсидій владѣльцамъ грузовыхъ автомобилей, отвѣчающихъ установленнымъ техническимъ условіямъ. Субсидія выдается на автомобили съ подъемной способностью въ 4 тонны и составляется изъ единовременной выдачи въ 1.800 марокъ при покупкѣ и изъ эксплуатаціонной преміи въ 800 марокъ за 2-ой, 3-й, 4-й и 5-й годъ дѣйствія машины. Если автомобиль имѣетъ прицѣпную повозку на резиновыхъ шинахъ, цифры увеличиваются до 3.000 марокъ и 1.200 марокъ. Эта мѣра дала государству въ короткій срокъ около 1.000 штукъ однотипныхъ грузовыхъ автомобилей при расходѣ всего въ 6.000.000 марокъ; косвенно она способствовала уничтоженію недовѣрія къ автомобилю, какъ къ грузо-перевозочному средству и подняла, по заявленію докладчика, германскую автомобильную промышленность на первое мѣсто (?) въ мірѣ.

Примѣру Германіи послѣдовали Австрія, Франція и Англія, которыя соотвѣтственно субсидируютъ автомобили съ полной грузоподъемностью въ 6, 5 и 3 тонны преміями въ 7.200, 6.500 и 2.200 марокъ, распредѣленными на 6, 4 и 3 года. По тому же пути желаетъ итти и Японія.

Успѣхъ инициативы государства въ этомъ дѣлѣ заключается далеко не въ одной денежной помощи, а гораздо болѣе въ созданіи нормальнаго типа, что позволяетъ промышленности перейти къ массовому производству и легче бороться съ иностранной конкуренціей. Не слѣдуетъ, однако, въ этой нормализаціи итти слишкомъ далеко, чтобы не стѣснять развитія столь быстро прогрессирующей промышленности, какова автомобильная.

Перейдя къ вопросу о томъ, какъ государство можетъ использовать автомобильное движеніе въ мирное время, докладчикъ указываетъ, что этотъ вопросъ имѣетъ значеніе лишь въ странѣ, гдѣ желѣзно-дорожная сѣть вполнѣ или преимущественно находится въ рукахъ казны. Въ этихъ случаяхъ автомобильныя перевозки могутъ стать полезными сотрудниками желѣзнодорожныхъ правительственныхъ предпріятій.

Расходъ по автомобильному предпріятію слагается изъ первоначальныхъ затратъ и эксплоатаціонныхъ расходовъ. Первыя оплачиваютъ пріобрѣтеніе автомобилей и при большомъ движеніи гаражъ съ мастерской; послѣдній, впрочемъ, можетъ быть и нанятъ.

Главную роль играютъ эксплуатаціонные расходы. Они распадаются на слѣдующія статьи:

1) содержаніе служащихъ,
2) ремонтъ,
3) страховка (огонь, полицейскіе штрафы, несчастные случаи, больничная касса, налоги),
4) матеріалы (бензинъ, масло, жиръ, керосинъ, пакля, карбидъ и пр.),
5) шины,
6) расходы административные и
7) объявленія и друг. печатныя работы.

Послѣднія двѣ статьи не всегда имѣются въ наличности.

Если принять при нынѣшнихъ условіяхъ общій расходъ на автомобиль-километръ въ 52 пфенига, то на проценты и погашеніе капитала, гаражъ и мастерскую надо считать около 12 пфениговъ, а остальное на эксплуатаціонные расходы. Эти послѣдніе въ особенности зависятъ отъ стоимости содержанія служащихъ, матеріаловъ и шинъ. Содержаніе служащихъ при равномѣрной эксплуатаціи машинъ почти не мѣняется, составляя около 10 пфениговъ на автомобиль-километръ. Напротивъ, стоимость матеріаловъ и шинъ очень колеблется. Такъ, напримѣръ, баварское почтовое вѣдомство платило за 100 литровъ бензина въ 1907 году—30 марокъ, въ 1909 году—15 марокъ, а въ 1912 и 1913 годахъ 50 марокъ и больше; 100 литровъ бензола стоили въ 1909 году—13 марокъ, а въ 1912 году 25—30 марокъ; баварское почтовое вѣдомство платило въ 1905—06 году за гарнитуру шинъ 2.357 марокъ, а въ 1909 году 1.200 марокъ; въ другомъ мѣстѣ въ 1912 году цѣна на шины была 2.544 марки, а въ 1913 году 1.300 марокъ.

Преимущественное значеніе въ затратахъ на автомобильное сообщеніе эксплуатаціонныхъ расходовъ предъ первоначальными является одной изъ

главныхъ чертъ, отличающихъ автомобильныя предпріятія отъ желѣзнодорожныхъ. У автомобиля малыя затраты на обзаведеніе и большія на дѣйствіе; отсюда необходимость большого дохода, т. е. возможно полнаго использованія каждой поѣздки, чтобы возмѣстить эксплуатаціонные расходы. У желѣзной дороги большія затраты на пріобрѣтеніе земель, рельсы, зданіе и проч. и малыя на движеніе; какъ слѣдствіе, оказывается, что и при маломъ использованіи емкости вагоновъ можно покрывать эксплуатаціонные расходы.

Сказанное можетъ быть пояснено слѣдующимъ примѣромъ двухъ короткихъ автомобильныхъ линій Sindelfingen-Boblingen и Chemnitz-Neukirchen. На первой линіи два автомобиля ежедневно пробѣгаютъ всего 70 километровъ, на второй—три—въ будніе 180 километровъ и въ праздничные 240 километровъ; тарифъ первой линіи—8 пфениговъ, второй—6,7 пфенига съ километра и пассажира; первая линія приносила убытокъ въ первые три года въ 7.000—9.000 марокъ въ годъ, вторая—съ перваго же года дала прибыль въ 7.845 марокъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что доминирующее значеніе эксплуатаціонныхъ расходовъ и ихъ измѣняемость въ зависимости отъ колебаній рыночныхъ цѣнъ на матеріалы и шины дѣлаетъ невозможнымъ не только установить общій нормальный расчетъ для автомобильныхъ предпріятій, но даже для отдѣльной линіи опредѣлить впередъ расходъ на автомобиль-километръ.

Большое значеніе имѣетъ также и качество персонала, въ особенности въ небольшихъ предпріятіяхъ, гдѣ техническія функціи несетъ самъ владѣлецъ въ отличіе отъ большихъ, въ которыхъ имѣется наемный спеціалистъ, могущій быть смѣненнымъ въ случаѣ несоотвѣтствія обязанностямъ.

Другое достоинство большихъ предпріятій — наличіе собственной ремонтной мастерской, которая помимо преимуществъ въ лучшемъ и срочномъ исполненіи работъ, можетъ давать цѣнныя указанія при выборѣ машинъ и персонала и при оцѣнкѣ свойствъ дорогъ.

Длина эксплуатируемыхъ линій, судя по германскимъ даннымъ, не имѣетъ особаго значенія для доходности, но объединеніе въ одномъ управленіи нѣсколькихъ линій оказывается выгоднымъ, какъ показываютъ примѣры Вюртемберга, Тюрингіи, Гессена и особенно Баваріи, гдѣ автомобильное дѣло поставлено на широкую ногу и въ 1912 году имѣло 65 годовыхъ и 20 лѣтнихъ линій протяженіемъ 1.916 килом. съ 201 пассажирскими и 14 грузовыми автомобилями.

Преимущества централизованнаго управленія автомобильными линіями суть:

а) наличіе въ машинномъ составѣ рабочаго резерва, который можетъ быть во всякое время направляемъ на нужные пункты, что увеличиваетъ степень использованія автомобильнаго парка;

б) возможность объединенія отдѣльныхъ линій въ общую сѣть, части коей питаютъ взаимно другъ друга;

в) обслуживаніе нѣсколькихъ линій одной мастерской;

г) пріобрѣтеніе матеріаловъ большими количествами и по болѣе выгоднымъ цѣнамъ;

д) возможность болѣе легкаго опытнаго обслуживанія новыхъ линій для выясненія ихъ пригодности въ качествѣ постоянныхъ.

Эти преимущества сами по себѣ не были бы достаточны для того, чтобы автомобильныя сообщенія были монополизованы государствомъ. Но если принять во вниманіе, что на государствѣ лежитъ общая задача облегченія сообщеній независимо отъ фискальной выгоды предпріятій этого рода и что автомобиль, требуя единовременной затраты лишь незначительнаго капитала, часто даетъ превосходное рѣшеніе вопроса, о мѣстныхъ сообщеніяхъ, то нельзя не признать, что для многихъ странъ правительственныя автомобильныя сообщенія, являясь развитіемъ желѣзнодорожныхъ, могутъ имѣть существенное значеніе.

Для его оцѣнки можетъ служить примѣръ Саксоніи и Баваріи. Въ Саксоніи, имѣющей густое населеніе, для нуждъ мѣстнаго сообщенія была построена сѣть второстепенныхъ желѣзныхъ дорогъ, которая уже въ 1894 году при 327 километрахъ протяженія стоила 27 милліоновъ марокъ, а приносила только 0,204 % дохода.

Въ Баваріи при гораздо меньшей густотѣ населенія было введено въ автомобильное движеніе, которое въ 1911 году потребовало расхода на автомобили лишь въ 3,5 милліона марокъ и обслуживало 1.578 килом. дорогъ, давая 8,4 % дохода.

„Думаешь, что ты одинъ и страдаешь отъ одиночества; а ты не только въ согласіи, но ты одинъ со всѣми; только искусственныя и устранимыя преграды отдѣляютъ тебя. Устрани ихъ—и ты одинъ со всѣми".

Графъ Л. Н. Толстой.

ГЛАВА VI.

Осмотры и экскурсіи Балтійскаго Инженернаго Конгресса.

Осмотры Балтійской выставки — индивидуальные и подъ руководствомъ спеціалистовъ съ демонстраціей машинъ въ дѣйствіи.—Банкетъ на Выставкѣ.—Пріемъ Конгресса въ Мальмё Сконскимъ Инженернымъ Клубомъ.—Поѣздка въ Фалстербо.—Поѣздка по Эрезунду.—Большой банкетъ Конгресса.—Поѣздка въ Копенгагенъ.—Осмотръ Копенгагенскаго порта. — Пріемъ Датскимъ Инженернымъ Обществомъ.

Осмотры и экскурсіи Балтійскаго Инженернаго Конгресса были организованы по примѣрамъ многихъ предшествующихъ конгрессовъ и были хорошо приспособлены къ условіямъ мѣста и времени.

На первомъ планѣ стояли, конечно, посѣщенія Балтійской выставки, о которой уже упоминалось выше (гл. гл. I и II). Она явилась въ своихъ техническихъ частяхъ, дѣйствительно, очень цѣннымъ дополненіемъ къ Конгрессу.

При отсутствіи въ Конгрессѣ опредѣленной программы въ постановкѣ вопросовъ и при стремленіи его организаторовъ къ приданію Конгрессу энциклопедическаго характера, онъ по необходимости заключалъ въ себѣ инженеровъ самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Электротехника, тепловая техника, желѣзнодорожное дѣло, шоссейно-дорожное и водяное строительство, горное дѣло, химія, судостроеніе, механика и проч. отрасли инженернаго знанія привлекли каждая въ Мальмё въ качествѣ участниковъ Конгресса нѣкоторую группу лицъ, ближайшимъ образомъ интересующихся той или другой изъ этихъ отраслей. Если бы Конгрессъ имѣлъ узко спеціальный характеръ, то была бы возможность организовать осмотры и экскурсіи такъ, чтобы показать въ самой странѣ спеціалистамъ то, что составляетъ ближайшій предметъ ихъ занятій.

На Конгрессѣ въ Мальмё при большомъ числѣ разныхъ спеціальностей, въ немъ представленныхъ, положеніе организаторовъ было бы очень трудное, если бы у нихъ подъ рукой не было Выставки съ ея разнообразными отдѣлами. Собранные въ систематическомъ порядкѣ экспонаты по разнымъ видамъ технической дѣятельности Швеціи являлись превосходной иллюстраціей развитія ея промышленности и инженернаго дѣла. Здѣсь каждый изъ членовъ Конгресса могъ въ предѣлахъ небольшого пространства съ наименьшей затратой времени ознакомиться съ интересующимъ его предметомъ и получить рядъ цѣнныхъ свѣдѣній по своей спеціальности.

Прекраснымъ дополненіемъ такихъ индивидуальныхъ осмотровъ были осмотры групповые подъ руководствомъ спеціалистовъ. Составъ такихъ групповыхъ осмотровъ указанъ выше (гл. II). Они сопровождались объясненіями экспонатовъ и демонстраціей машинъ въ дѣйствіи.

Выставка въ Мальмё явилась; такимъ образомъ, центромъ, привлекавшимъ къ себѣ вниманіе членовъ Конгресса. Ей посвящались свободные часы отъ занятій въ засѣданіяхъ, и многихъ она даже отвлекала отъ засѣданій. Это, впрочемъ, давно уже извѣстный недостатокъ конгрессовъ, устраиваемыхъ при выставкахъ. На нихъ охотнѣе ѣдутъ изъ далекихъ странъ, но зато тутъ трудно удержать прибывшихъ конгрессистовъ въ залахъ конгресса. Ихъ тянетъ въ выставочные павильоны.

Наряду съ техническими осмотрами во время международныхъ конгрессовъ имѣютъ большое значеніе для связи націй между собою вообще и въ частности для сближенія спеціалистовъ того или другого дѣла пріемы и празднества, устраиваемые въ честь конгресса. Искусство организаторовъ должно состоять въ томъ, чтобы сочетать возможно полнѣе пріятное съ полезнымъ и чтобы въ ласкающей чувства формѣ подносилось существенное профессіональное содержаніе.

Въ этомъ отношеніи Балтійскій Инженерный Конгрессъ не заслуживаетъ упрека. Во время пріемовъ и поѣздокъ, имѣвшихъ внѣшній видъ развлеченія, членамъ Конгресса была дана возможность увидѣть и услышать многое весьма цѣнное и поучительное, какъ въ обще-политическомъ, такъ и въ техническомъ отношеніи.

Уже первый банкетъ Конгресса, о которомъ упоминалось выше (гл. I), открылъ предъ иностранцами любопытный примѣръ того, что можно было бы теперь называть „германскимъ засиліемъ на Мальмійской выставкѣ“. Устроенный въ честь избранныхъ членовъ Конгресса — изъ состава президіума и представителей учрежденій и обществъ, банкетъ этотъ былъ данъ Шведами въ германскомъ ресторанѣ Балтійской выставки, какъ наилучшемъ и наиболѣе приспособленномъ для такой цѣли. Балтійскій Инженерный Конгрессъ внесъ, такимъ образомъ свою лепту въ сокровищницу Германіи. Сверхъ этой дани, уплаченной Конгрессомъ, какъ учрежденіемъ, не мало заплатили чрезъ посредство того же могучаго ресторана отдѣльныя группы членовъ, устраивавшія тамъ же коллективные завтраки, и отдѣльные члены-любители хорошей кухни и хорошихъ напитковъ.

Этотъ примѣръ является иллюстраціей умѣнья германцевъ зарабатывать деньги тамъ, гдѣ другіе ихъ только тратятъ. Зная притягательную силу ресторановъ, они ихъ иногда устраиваютъ, даже, на шлюзахъ своихъ каналовъ въ составѣ сооруженій самаго шлюза, и доходомъ, получаемымъ главнымъ образомъ отъ гуляющей публики, погашаютъ часть расходовъ на судоходныя цѣли.

Здѣсь нельзя не вспомнить совершенно обратное отношеніе къ задачамъ такого порядка у насъ. Автору этихъ строкъ пришлось выступить съ предложеніемъ, чтобы казна при переустройствѣ Николаевскаго вокзала въ Петроградѣ создала въ составѣ новаго зданія многоэтажную гостиницу съ новѣйшимъ комфортомъ. Доходъ отъ этого предпріятія, столь нужнаго въ Петроградѣ, погасилъ бы затраты па всѣ собственно станціонныя устройства. Однако, это предложеніе не только не было принято, но даже не было обсуждено; настолько показалось недопустимымъ полученіе русской казной выгодъ этого рода. Въ результатѣ—огромный убыточный расходъ на вокзалъ и ущербъ для населенія, крайне нуждающагося въ гостиницахъ.

Первый общій пріемъ всѣхъ членовъ Балтійскаго Конгресса состоялся 14 іюля въ Королевскомъ паркѣ въ Мальмё на празднествѣ, устроенномъ

Сконскимъ Инженернымъ Клубомъ. Въ пріятной обстановкѣ лѣтней природы собралось около 800 конгрессистовъ за ужиномъ, чтобы обмѣняться мыслями и чувствами. Среди сказанныхъ рѣчей ярко выступало убѣжденіе въ томъ, что техника международна, что въ ея основѣ лежатъ вѣчные законы, что ея дѣло служить благополучію человѣчества, но что ея развитіе въ каждой странѣ идетъ не одинаковымъ темпомъ и зависитъ отъ многихъ мѣстныхъ условій. Въ Швеціи, напримѣръ, это развитіе стоитъ въ связи съ наличіемъ въ странѣ руды, лѣсовъ и водъ, а также съ характеромъ народа. Но при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ современная промышленность какой либо страны не можетъ болѣе жить и развиваться только за счетъ того, что ей даетъ эта страна. Ей приходится, по фигуральному выраженію одного изъ участниковъ Конгресса, подобно растенію, выпускать боковые корни, которые протягиваются къ сосѣдямъ въ поискахъ пищи. Такъ создаются и укрѣпляются международныя промышленныя отношенія.

Подобныя собранія, безъ офиціальныхъ рѣчей, повторялись 15 и 16 іюля въ томъ же паркѣ для совмѣстныхъ завтраковъ членомъ Конгресса.

15 же іюля была сдѣлана экскурсія въ Фалстербо—этотъ превосходный морской курортъ Швеціи. Экстренный поѣздъ привезъ экскурсантовъ сюда изъ Мальмё. Времяпрепровожденіе состояло въ купаньѣ, танцахъ, хоровомъ пѣніи, ужинѣ. Среди всѣхъ этихъ удовольствій дѣлались, однако, и любопытныя техническія наблюденія относительно устройства приморскихъ курортныхъ зданій, организаціи желѣзнодорожнаго движенія и т. д., а также шелъ оживленный обмѣнъ мыслей между спеціалистами разныхъ отраслей техники.

На слѣдующій день, 16 іюля, послѣ занятій, Конгрессъ совершилъ поѣздку на паровомъ паромѣ по Эрезунду. Для этого плаванія былъ предоставленъ одинъ изъ большимъ паромовъ поддерживающихъ сообщеніе между Германіей (Засснидъ) и Швеціей (Треллеборгъ)—„Густавъ V". Судно этого типа и такихъ размѣровъ являлось само по себѣ интереснымъ объектомъ для осмотра, и конгрессисты посѣтили его во всѣхъ частяхъ, отъ машиннаго помѣщенія до командпаго мостика и станціи искрового телеграфа. А затѣмъ былъ осмотрѣнъ Эрезундъ въ его интереснѣйшей части между Копенгагеномъ и Мальмё съ существующими и строющимися островными батареями, маяками, вѣхами, береговыми портами и оживленнѣйшимъ судоходствомъ. Нѣсколько часовъ такого плаванія дали много цѣнныхъ впечатлѣній.

Вечеромъ въ тотъ же день въ Мальмё состоялся большой банкетъ Конгресса въ Королевскомъ паркѣ, на которомъ присутствовали высшіе представители администраціи. Во время банкета были произнесены многочисленныя рѣчи, въ которыхъ выражались чувства гостей и хозяевъ въ моментъ заключительнаго собранія. Конгресса, какимъ являлся этотъ банкетъ. Дѣйствительно, Балтійскій Инженерный Конгрессъ, въ отличіе отъ другихъ, не имѣлъ торжественнаго засѣданія въ концѣ своей сессіи.

На такихъ засѣданіяхъ обыкновенно подводятся итоги всей работы конгресса, читаются принятыя заключенія и произносятся прощальныя слова. Мальмійскій Конгрессъ, какъ мы видѣли, не принималъ постановленій, и это было, вѣроятно, причиной отсутствія обычнаго послѣдняго торжественнаго засѣданія. Занятія Конгресса шли и 17 іюля, но въ видѣ отдѣльныхъ докладовъ, а потому банкетъ 16 іюля получилъ характеръ особаго заклю-

чительнаго засѣданія, гдѣ было можно и нужно высказать тѣ мысли, которыя назрѣваютъ къ концу большихъ международныхъ собраній.

То обстоятельство, что онѣ выливались аъ форму тостовъ, конечно, не мѣняло сущности дѣла.

Первые тосты были провозглашены за Короля Швецій Густава V, за Наслѣдника Шведскаго Престола и Высочайшаго Покровителя Конгресса, и за монарховъ трехъ другихъ Балтійскихъ странъ: Русскаго Императора, Германскаго Императора и Датскаго Короля. Они были предложены почетнымъ предсѣдателемъ графомъ де ла Гарди и предсѣдателемъ Пегеловымъ.

Затѣмъ слѣдовали рѣчи. въ которыхъ рисовались картины созданія Конгресса, полученія для него необходимыхъ средствъ, привлеченія научныхъ силъ, и прочихъ элементовъ конгресснаго труда и творчества, причемъ ораторы указывали тѣхъ лицъ, на чью долю выпала главная работа въ этомъ дѣлѣ. Ихъ привѣтствовали, принося имъ такимъ путемъ заслуженную дань благодарности и подготовляя почву для новыхъ международныхъ мирныхъ встрѣчъ въ будущемъ.

„Давно миновало время, говорилъ вице-предсѣдатель Конгресса Гансенъ, когда какой либо народъ могъ жить обособленной отъ другихъ народовъ жизью, не подчиняясь иноземнымъ вліяніямъ. Новѣйшая культура требуетъ живого и близкаго общенія народовъ, отъ котораго зависятъ ея собственные успѣхи. Если это справедливо вообще, то тѣмъ болѣе для Балтійскихъ народовъ, которые по самому положенію своихъ государствъ вокругъ Балтійскаго моря имѣютъ столько общихъ интересовъ. Для нихъ близкая совмѣстная работа въ разныхъ областяхъ матеріальной и духовной культуры имѣетъ огромное значеніе. Для осуществленія этой важной задачи Балтійскіе инженеры должны не только заниматься техническими науками, развивать промышленность и улучшать сообщенія, но они должны также поддерживать между собою высокое духовное общеніе, поучать другъ друга, учиться одинъ у другого, учиться вмѣстѣ, цѣнить взаимно достоинства другъ друга и доставлять одинъ другому возможно больше радости и удовольствія“.

Конгрессы и выставки, въ особенности въ сочетаніи, являются отличнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли.

„Превыситъ ли польза отъ выставки, подобной Мальмійской, для промышленности сопряженные съ ея устройствомъ расходы, говорилъ Гансенъ, можно думать различно. Но иная и выдающаяся польза такихъ выставокъ несомнѣнна. Онѣ являются для инженеровъ превосходнымъ объектомъ изученія. Отъ этой несомнѣнной пользы выставокъ исходитъ стремленье сочетать ихъ съ техническими конгрессами. Такимъ образомъ и Балтійская выставка вызвала къ жизни Балтійскій Инженерный Конгрессъ, который далъ Балтійскимъ инженерамъ возможность сблизиться другъ съ другомъ въ разныхъ отношеніяхъ“.

Такія же ноты звучали и въ другихъ рѣчахъ, причемъ отмѣчалось и огромное значеніе инженернаго дѣла для современнаго человѣчества, стоящее внѣ всякой пропорціи съ положеніемъ инженеровъ въ средѣ культурныхъ работниковъ.

„Многія тысячи лѣтъ народы видятъ предъ собой творенія инженеровъ, но сами творцы ихъ остаются скромно на заднемъ планѣ“, говорилъ въ

своей рѣчи инженеръ Шаренградъ. Своими творческими усиліями инженеры болѣе всѣхъ способствовали измѣненію лица земной поверхности и условій жизни людей. Чтобы это понять, стоитъ только представить себѣ, что было бы, если бы не было того, что создали инженеры въ послѣдніе 100-200 лѣтъ.

„Что было бы теперь, если бы еще не существовала паровая машина, если бы не было пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, проволочнаго телеграфа и телефона, безпроволочнаго телеграфа, электромотора, электрическаго освѣщенія, бензиномотора, автомобиля, аэроплана, воздушнаго корабля... Все это сказочныя созданія инженеровъ! Но самъ инженеръ, за немногими исключеніями, не выступаетъ впередъ, чтобы получить столь заслуженную имъ общественную признательность и награду. Такая признательность и награда выпадаетъ на долю инженера очень рѣдко по сравненію съ тѣми, которыя получаютъ полководцы, государственные дѣятели, ученые, художники, поэты"...

Торжественный банкетъ закончился баломъ и концертомъ квартетнаго пѣнія, въ которомъ шведы такіе мастера. Инженеры оказались и здѣсь на высотѣ положенія, причемъ въ качествѣ дирижера выступилъ инженеръ Hulquist, онъ же и профессіональный пѣвецъ, а однимъ изъ выдающихся исполнителей—одинъ изъ докладчиковъ Конгресса Старбэкъ.

Собраніе закончилось оваціями по адресу инженера Сведберга, которому принадлежитъ мысль о созывѣ Балтійскаго Инженернаго Конгресса и первые шаги къ ея осуществленію.

Послѣ дня, посвященнаго послѣднимъ докладамъ и Выставкѣ, 18 іюля Конгрессъ отправился въ экскурсію въ Копенгагенъ. Это была уже какъ бы внѣконгрессная экскурсія, такъ какъ Конгрессъ закончилъ всѣ свои занятія въ Мальмё, но она прошла при очень большомъ числѣ участниковъ, подчеркивая тѣсную связь между Швеціей и близкой ей Даніей. Южная Швеція находится въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ Копенгагеномъ, который къ ней ближе собственной столицы, не говоря уже о сѣверныхъ провинціяхъ, куда надо ѣхать нѣсколько дней. Эрезундъ пересѣкаютъ въ $1^1/_2$ часа, и тысячи людей ежедневно дѣлаютъ это по дѣлу и безъ дѣла но больше по дѣламъ.

Первые часы пребыванія экскурсантовъ въ столицѣ Даніи были посвящены тщательному осмотру его порта въ его разныхъ частяхъ. Были осмотрѣны бассейны, набережныя, склады, судостроительныя верфи. Была усвоена на мѣстѣ изъ обстоятельныхъ объясненій организація вольной гавани. Были изучены техническія особенности портовыхъ сооруженій, вытекающія изъ спеціальныхъ условій мѣстности.

А затѣмъ конгрессистамъ предоставили гулять по городу, присутствовать на развлеченіяхъ знаменитаго сада „Тиволи" и, наконецъ, собраться на послѣдній банкетъ, данный Балтійскому Инженерному Конгрессу Обществомъ Датскихъ Инженеровъ.

Это былъ блестящій праздникъ, на которомъ объединились сотни людей разныхъ національностей, съ явнымъ, впрочемъ, преобладаніемъ датчанъ и шведовъ. Рѣчи приняли поэтому преимущественный характеръ проявленія дружбы между этими двумя народами, хотя отъ времени до времени и раз-

давались голоса, призывавшіе къ единству культуры и работы всѣ прибалтійскія страны.

Было поздно, когда шведы и пріѣхавшіе съ ними иностранцы, полные впечатлѣній отъ яркаго пріема датчанъ, возвращались чрезъ проливъ въ Мальмё. Надъ Эрезундомъ дышала чудная лѣтняя ночь. Море дремало въ нѣжной истомѣ. Съ датскихъ фортовъ поднимались снопы электрическихъ лучей, посылая уѣзжавшимъ прощальный привѣтъ.

На паромѣ велись тихія бесѣды. Все было такъ спокойно, такъ тихо.

Миръ на землѣ установился, казалось, надолго.

Ни одному самому глубокому пессимисту не могло притти въ голову, что менѣе, чѣмъ чрезъ двѣ недѣли, начнется ужаснѣйшая изъ войнъ.

Quand Dieu veut commencer de chastier les princes premièrement il leur diminue le sens et leur fait fuir les conseils et les compagnies des sages.

Ph. de Commines.

ГЛАВА VII.

Въ германскомъ курортѣ предъ войной.

Неудачный сезонъ и германскій военный налогъ. — Развитіе австро-сербской драмы и курортная жизнь.— Военныя приготовленія Германіи и ихъ отголоски въ Киссингенѣ. — Издатель мѣстной газеты и истина. — Паденіе курса русскихъ денегъ. — Военное положеніе. Мобилизація.—Трудность отъѣзда.

Когда я пріѣхалъ въ іюлѣ 1914 года въ Киссингенъ, мнѣ бросилось въ глаза довольно тревожное настроеніе моихъ мѣстныхъ знакомыхъ. Въ этотъ курортъ я ѣзжу съ 1898 года и съ его учрежденіями и жителями у меня за этотъ длинный срокъ образовались извѣстныя связи, основанныя на взаимной привычкѣ и довѣріи. Хозяйка виллы, гдѣ я живу изъ года въ годъ, встрѣчаетъ меня съ большимъ радушіемъ и старается удовлетворить мои вкусы и привычки, которые знаетъ и помнитъ. Я сплю на той же постели, что годъ и два назадъ, пишу за тѣмъ же столомъ. Но въ чернильницѣ я нахожу новыя свѣжія чернила, чѣмъ германскій курортъ выгодно отличается отъ многихъ нашихъ гостиницъ. Въ лавкахъ, аптекахъ, ресторанахъ, гимнастическомъ заведеніи, у доктора, въ купальнѣ я встрѣчаю знакомыя лица. Всѣ мнѣ улыбаются, привѣтствуютъ какъ стараго хорошаго знакомаго, спрашиваютъ о здоровьѣ, выражаютъ удовольствіе по поводу моего возвращенія.

— Въ этомъ году вы пріѣхали гораздо позднѣе; обыкновенно вы здѣсь уже въ апрѣлѣ,—говоритъ мнѣ оберъ-кельнеръ и интересуется знать почему.

Дѣвушки изъ гимнастическаго зала, на обязанности которыхъ лежитъ руководство паціентами при пользованіи аппаратами Цандера, сообщаютъ мнѣ свои маленькія новости.

— Марія вышла замужъ, а Анна поступила въ курзалъ и завѣдываетъ гардеробомъ.

Всякія перемѣны происходятъ здѣсь очень медленно. И природа, и люди, отличаются удивительной способностью сохраняться годами безъ замѣтныхъ измѣненій. Возвращаясь сюда послѣ цѣлаго года отсутствія, чрезъ нѣсколько часовъ уже чувствуешь себя дома. Это чувство одна изъ важныхъ причинъ, почему русскіе такъ охотно посѣщали германскіе курорты, помимо, конечно, многихъ другихъ, среди которыхъ большую роль играютъ реклама, создаваемая этимъ курортамъ нашими русскими врачами, и любовь русскихъ, особенно русскихъ дамъ, къ поѣздкамъ за границу во-

обще, ради возможности производить пріобрѣтенія бѣлья, платья и разныхъ другихъ вещей по будто бы поразительно дешевымъ цѣнамъ.

Привязанность къ опредѣленнымъ иностраннымъ курортамъ передается у насъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ Киссингенъ я ѣздилъ сначала съ своимъ отцомъ, потомъ одинъ, теперь пріѣхалъ съ своимъ сыномъ. Привычка къ этому мѣсту стала съ годами такъ велика, что я здѣсь, въ оградѣ русской церкви, построилъ монументальную скамью въ память моего отца...

При такихъ условіяхъ отъ моего вниманія не могло ускользнуть, что въ Киссингенѣ происходитъ нѣчто необычное. Сезонъ былъ неудаченъ. Особенно мало пріѣхало нѣмцевъ. Причиной выставлялась необходимость экономіи, вызванная новымъ единовременнымъ тяжелымъ военнымъ налогомъ.

— Всѣ должны экономить,—говорили дачевладѣльцы.—Новый налогъ ужасенъ. Чтобы его уплатить, надо отказать себѣ во многомъ. Вотъ и отказываютъ себѣ въ поѣздкѣ на воды такіе люди, которые пріѣзжали сюда каждый годъ, А мы должны нести убытки.

— Теперь, однако, у васъ довольно много русскихъ.

— Да, это вѣрно, но весной все было пусто. Нѣмцевъ не было. И русскіе, которыхъ теперь здѣсь много, въ большинствѣ изъ малосостоятельныхъ классовъ; это не настоящіе господа (keine echte Herrschaften).

Подавленное настроеніе мѣстнаго населенія стояло въ прямой связи съ военными замыслами Германіи. Чувствовалось, что страна дѣлаетъ какія-то таинственныя усилія, требующія денегъ и жертвъ.

Курортная публика также имѣла непрерывные поводы къ безпокойству. Ихъ давали газеты въ рядѣ сенсаціонныхъ извѣстій объ отношеніяхъ между Австріей и Сербіей, Австріей и Россіей, Россіей и Германіей. Со времени убійства австрійскаго престолонаслѣдника и его супруги такія извѣстія заполняли всѣ органы германской печати. Еще въ концѣ іюня убійство въ Сараевѣ ставилось въ прямую связь съ пансербской агитаціей и попустительствомъ Бѣлградскаго правительства. Графъ Берхтхольдъ, имя котораго повторялось все чаще и чаще, заявлялъ объ этомъ въ разныхъ интервью. Оффиціальной ноты Австріи по этому поводу, правда не было. Но ея ждали и ея невѣдомое содержаніе вызывало тревогу.

Смерть популярнаго въ Сербіи русскаго посланника Гартвига, происшедшая въ кабинетѣ австрійскаго посланника въ Бѣлградѣ при таинственныхъ обстоятельствахъ, вызвала новые толки.

Слѣдствіе въ Сараевѣ не было окончено. Результаты его оставались неизвѣстными. Тѣмъ не менѣе австрійскія и германскія газеты все энергичнѣе нападали на Сербію, утверждая, что она главная виновница убійства, что ея поведеніе уже возмутило европейскую совѣсть, что весь германскій народъ стоитъ на сторонѣ Австро-Венгріи, равно какъ и Италія.

Всѣ три страны готовы на крайнія мѣры, чтобы заставить Сербію отказаться отъ своихъ пансербскихъ замысловъ. При этомъ высказывалась увѣренность, что Англія употребитъ свое вліяніе, чтобы содѣйствовать укрощенію Сербіи.

Когда вспоминаешь все, чѣмъ были наполнены въ это время газеты Австріи и Германіи и сопоставляешь съ искусственной медленностью, съ которой составлялся австрійскій ультиматумъ, становится яснымъ, что въ это время подготовлялись въ Вѣнѣ и Берлинѣ послѣдніе шаги для начала

нынѣшней войны и создавались благопріятныя для нея условія. Не вина авторовъ войны, что эти условія не осуществились.

Поѣздка Президента Французской Республики въ Россію, хотя давно намѣченная, дала поводъ къ новымъ газетнымъ выпадамъ, а нѣкоторыя затрудненія въ отъѣздѣ Президента, вслѣдствіе министерскаго кризиса въ Парижѣ, и искусственно созданныя въ Петербургѣ при денежномъ участіи Германіи—рабочія волненія, вызвали рядъ глумливыхъ нѣмецкихъ корреспонденцій изъ Россіи и Франціи.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля новаго стиля австро-германскія газеты стали помѣщать ежедневно и по нѣсколько разъ въ день свѣдѣнія о предстоящихъ шагахъ Австріи въ Бѣлградѣ. Однообразіе и непрерывность этихъ оповѣщеній не оставляли сомнѣній въ ихъ оффиціозномъ происхожденіи и провокаціонномъ характерѣ.

Предсказанія газетъ вполнѣ совпали впослѣдствіи съ дѣйствительностью. Такъ, уже 21 іюля газеты извѣщали, что заявленіе Австріи въ Бѣлградѣ послѣдуетъ въ ближайшіе дни, причемъ будетъ содержать требованіе о подавленіи дѣятельности всѣхъ союзовъ, преслѣдующихъ пансербскія цѣли. Къ этому добавлялось, что Сербія ведетъ уже въ большомъ размѣрѣ военныя приготовленія.

22 іюля стало извѣстно, что самый текстъ ноты утвержденъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ, послѣ того какъ онъ былъ одобренъ въ совѣтѣ министровъ при участіи не только военнаго министра, но и начальника генеральнаго штаба Конрада фонъ-Гетцендорфа.

Въ тотъ же день распространился слухъ о мобилизаціи Австріи противъ Сербіи, предпринятой съ одобренія Германіи.

Между тѣмъ самая нота все не предъявлялась, хотя въ Вѣнѣ происходили экстренныя совѣщанія венгерскаго министра гонведовъ съ военнымъ министромъ Кробатинымъ и тѣмъ же начальникомъ генеральнаго штаба. Чувствовалось, что военныя приготовленія въ ходу и что нота послѣдуетъ тогда, когда все будетъ готово для нападенія.

Наконецъ, 23 іюля, въ 6 часовъ вечера, Австрія объявила Сербіи ультиматумъ со срокомъ для его безусловнаго принятія въ 48 часовъ. Этотъ документъ, не имѣющій себѣ равнаго по несправедливости, принадлежитъ уже исторіи. Впечатлѣніе, произведенное имъ на читающую публику, было ошеломляющее. Всѣмъ было ясно, что это есть только пріемъ для начала войны Австріи съ Сербіей, т. е. захвата Сербіи, и едва ли кто-нибудь думалъ, что война, разъ начавшись, можетъ быть локализована.

Если бы Австрія располагала дѣйствительными доказательствами тѣхъ обвиненій, которыя она возводила на Сербію, она дала бы развернуться Сараевскому процессу, провела бы его гласно предъ всѣмъ свѣтомъ и, только доказавъ свою правоту, потребовала бы удовлетвореніе. Но она поступила иначе. Послѣ тайныхъ допросовъ въ застѣнкахъ Сараевской тюрьмы она заявила цѣлый рядъ чудовищныхъ обвиненій и потребовала отъ маленькой Сербіи самоуничтоженія.

Расчетъ былъ тонкій. Или державы тройственнаго согласія, въ постоянныхъ заботахъ о сохраненіи общаго мира и отвращеніи предъ пролитіемъ человѣческой крови, поступятся своимъ правомъ и государственнымъ достоинствомъ, или онѣ будутъ вынуждены воевать съ противниками, давно

и тщательно къ тому подготовлявшимися и заблаговременно приведшими свои страны въ военное положеніе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онѣ будутъ выставлены къ тому же въ общественномъ мнѣніи міра, какъ защитники идеи цареубійства. Въ обоихъ случаяхъ Австрія и Германія получатъ матеріальныя и нравственныя выгоды.

Рѣшеніе должно было послѣдовать въ ближайшіе дни и всѣ слѣдили за ходомъ событій съ замираніемъ сердца. Австро-германская пресса сначала хотѣла убѣдить, что Сербія подчинится ея требованіямъ и напряженное состояніе, вызванное австрійской нотой въ Европѣ, скоро разсѣется. Но въ то же время сообщались свѣдѣнія объ остромъ участіи Россіи, оффиціальной и неоффиціальной, къ судьбѣ Сербіи, о попыткахъ посредничества Италіи, о представленіи Россіи относительно продленія 48-часоваго срока ультиматума, объ отказѣ въ этомъ со стороны Австріи.

25 іюля Сербія представила отвѣтъ на предъявленныя ей требованія, дававшій полное удовлетвореніе Австріи, но признанный по заранѣе намѣченному плану дѣйствій неудовлетворительнымъ. Австрійскій посолъ покинулъ Бѣлградъ и сербскій Вѣну. Мобилизація австрійскихъ войскъ, давно шедшая, была оффиціально объявлена и эра военныхъ событій приблизилась.

Наступили дни жуткаго затишья. Газеты стали выходить съ крупными заголовками, возвѣщавшими о намѣреніяхъ большихъ и малыхъ державъ, и безпокойство росло съ минуты на минуту.

Войны, однако, еще не было объявлено, когда 27 іюля австрійскія войска уже перешли сербскую границу. Наконецъ, 28 іюля послѣдовало объявленіе Австріей войны Сербіи. Въ тотъ же день былъ опубликованъ манифестъ императора Франца-Іосифа къ народамъ Австро-Венгріи, въ которомъ выражалась твердая надежда на побѣду.

Сообщенія о военныхъ приготовленіяхъ Россіи получили въ газетахъ усиленную интенсивность и опредѣленность. Назывались военные округа, гдѣ производилась будто бы мобилизація войскъ, говорилось о патріотическихъ манифестаціяхъ въ разныхъ городахъ, объ особыхъ совѣщаніяхъ исключительной важности.

Въ параллель съ этимъ сообщались свѣдѣнія о попыткахъ Англіи и Италіи предотвратить столкновеніе между Россіей и Австріей, о переговорахъ, которые велись съ этой цѣлью по телеграфу между Берлиномъ, Петербургомъ, Вѣной, Лондономъ. Всѣ эти попытки разбивались о настойчивое нежеланіе Австріи уступить.

Оффиціально сообщалось, что открытіе военныхъ дѣйствій противъ Сербіи исключало такую возможность, что Австрія не позволитъ себя ничѣмъ болѣе удержать въ своемъ движеніи и не допуститъ ничьего вмѣшательства. Германія заявляла, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе своей союзницы, что счетъ послѣдней съ Сербіей—мѣстное дѣло, не касающееся другихъ державъ.

Охарактеризованныя событія находили самый тревожный откликъ въ средѣ наполнявшихъ Киссингенъ курортныхъ гостей. Съ ранняго утра всѣ старались раздобыть газету и поскорѣе узнать о положеніи дѣлъ. На улицахъ предъ окнами магазиновъ, гдѣ наклеивались краткія телеграфныя

извѣстія мѣстной газеты, или телеграммы изъ редакцій франкфуртскихъ или вюрцбургскихъ газетъ, тѣснился народъ.

Каждая новость служила предметомъ оживленныхъ толковъ. На променадѣ въ саду кургауза образовывались группы и завязывался общій разговоръ. Больше всѣхъ волновались русскіе и среди нихъ евреи, число которыхъ было въ этотъ разъ въ Киссингенѣ особенно велико.

Главнымъ предметомъ рѣчи былъ вопросъ о томъ, будетъ ли Россія воевать или уступитъ, и нужно ли уѣзжать изъ Германіи немедленно. Безпокоились и нѣмцы, пріѣхавшіе лечиться, предвидя крупныя осложненія въ своихъ личныхъ дѣлахъ въ случаѣ войны. Вопросъ объ отъѣздѣ, хотя для нихъ и менѣе острый, ихъ тоже очень занималъ.

Проходя чрезъ гуляющую со стаканами въ рукахъ публику, можно было вездѣ слышать бесѣды объ этомъ предметѣ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, мнѣнія были крайне разнорѣчивы. Одни не вѣрили въ возможность войны, другіе считали ее неизбѣжной. Первые не видали основаній уѣзжать, вторые стремились оставить Киссингенъ какъ можно скорѣе.

Пессимистическое настроеніе среди русскихъ очень увеличилось, когда появились яркіе признаки биржевой паники по отношенію къ русскимъ цѣнностямъ. Съ началомъ австро-сербской войны курсъ рубля сталъ стремительно падать. Съ 214 марокъ за сто рублей онъ въ періодъ съ 25 по 30 іюля упалъ до 150 марокъ.

30 іюля на улицахъ Киссингена было расклеено экстренное прибавленіе мѣстной газеты, сообщавшее телеграфное извѣщеніе редакціи Local Anzeiger изъ Берлина, что императоръ Вильгельмъ объявилъ общую мобилизацію арміи и флота. Эта вѣсть была ударомъ грома. Всѣ всполошились. Стало ясно, что война съ Россіей неминуема и что надо бѣжать.

Въ банкѣ, гдѣ я былъ непосредственно вслѣдъ за появленіемъ этой вѣсти, къ ней отнеслись, однако, сдержанно и, не считая ее оффиціальной, продолжали операціи, размѣнивая, между прочимъ, русскія деньги по указанному низкому курсу. Желающихъ мѣнять было тѣмъ не менѣе много. Они торопились запастись деньгами, все равно на какихъ условіяхъ, чтобы уѣхать немедленно.

Въ кургартенѣ въ часы послѣобѣденнаго гулянья игралъ оркестръ, но его никто не слушалъ. Образовались маленькіе митинги, на которыхъ выступали разныя лица. Разговоръ шелъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Обсуждались не самыя событія, а ихъ практическія послѣдствія для лечащейся публики.

— Здѣсь больше нельзя оставаться. Нужно непремѣнно вернуться въ Россію.

— Да, но какъ? Вѣдь границу закроютъ. Ни на Вержболово, ни на Калишъ не попадешь!

— Ну, тогда можно вернуться чрезъ Данію или Швецію.

— Въ такомъ случаѣ придется ѣхать моремъ, а мнѣ на морѣ дѣлается дурно.

— На морѣ вамъ дѣлается дурно, а вы думаете, что вамъ здѣсь будетъ хорошо?

— Впрочемъ, кажется, изъ Швеціи въ Россію есть желѣзная дорога?

— На Торнео? Это, должно быть, очень долго и нѣтъ непрерывнаго желѣзнодорожнаго пути.

— Поѣдемъ на лошадяхъ. Главное—скорѣе прочь отсюда. Я готовъ, въ крайнемъ случаѣ, итти пѣшкомъ.

— А у васъ есть нѣмецкія деньги?

— Нѣмецкихъ нѣтъ, но есть русскія, есть аккредитивъ.

— Съ объявленіемъ мобилизаціи, русскія деньги мѣнять больше не будутъ и по аккредитивамъ ничего не станутъ выдавать.

— Что дѣлать? что дѣлать?

Въ разговоръ вмѣшался оптимистъ.

— Повѣрьте мнѣ, никакой войны не будетъ. Россія уступитъ, какъ уступала до сихъ поръ, и все успокоится. Если вы подъ вліяніемъ страха уѣдете, вѣдь вамъ придется потерять всѣ деньги, которыя вы потратили на леченіе и, кромѣ того. пострадаетъ ваше здоровье. Да и дома надъ вами будутъ смѣяться. Я остаюсь и буду продолжать леченіе.

Въ другой группѣ рѣчь идетъ о томъ, какъ достать билетъ на желѣзную дорогу. Уже въ теченіе ряда дней—усиленный отъѣздъ изъ Киссингена. Уѣзжаютъ наиболѣе осторожные русскіе, уѣзжаютъ нѣмцы, боящіеся за свои дѣла, преимущественно банкиры.

Для многихъ русскихъ сигналомъ къ бѣгству былъ экстренный отъѣздъ на автомобилѣ публициста Б. А. Суворина, который, получивъ какую-то депешу, 27 (14) іюля уѣхалъ чрезъ Лейпцигъ и Калишъ въ Россію. О его отъѣздѣ узнали и рѣшили, что это не спроста. Нѣкоторые запрашивали по телеграфу въ Россіи своихъ родныхъ и знакомыхъ о положеніи дѣла. Коекто получилъ тревожные отвѣты. Поѣзда стали отходить въ усиленномъ составѣ, набитые пассажирами. Получить билеты становилось все труднѣе.

— Ну, зачѣмъ вамъ уѣзжать?—приставалъ русскій еврей къ какому-то нѣмцу. Нѣмцы могутъ оставаться здѣсь, сколько угодно, а вы занимаете мѣста въ поѣздахъ, которые нужны для насъ.

— Нѣмцы тоже не могутъ оставаться, если будетъ война. У насъ дѣла. Вы видѣли, какъ падаютъ бумаги? Надо спасать свое состояніе. Вотъ русскимъ незачѣмъ торопиться. Имъ здѣсь ничего никто не сдѣлаетъ. Невоенные путешественники могутъ совершенно спокойно оставаться въ странѣ, которая ведетъ войну съ ихъ страной.

— Въ такое время всѣмъ хочется быть у себя дома.

— Это вѣрно, конечно, но не надо спѣшить. Для выѣзда будетъ предоставлено время даже, если объявятъ войну.

— Какъ же не уѣзжать, если уже теперь здѣсь происходятъ демонстраціи?—говоритъ третій, упоминая о дѣйствительно происходившихъ въ теченіе ряда послѣднихъ вечеровъ уличныхъ сборищахъ, сопровождавшихся криками, пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ и враждебными возгласами по отношенію къ иностранцамъ.

Сборища эти были въ кургартенѣ или возлѣ него, въ самой центральной части города и обращались въ шумную процессію, которая дефилировала по улицамъ. Многіе иностранцы, пріѣзжающіе въ Киссингенъ изъ года въ годъ и оставляющіе здѣсь не мало денегъ, были оскорблены такимъ отношеніемъ населенія. Владѣльцы дачъ и другихъ устройствъ, живущіе на счетъ иностраннаго капитала, очень встревожились за свои доходы.

Въ результатѣ появились афиши правительственнаго комиссара водъ, которыя учили киссингенскихъ аборигеновъ спокойствію и доброжелательному отношенію къ гостямъ, но безъ замѣтнаго успѣха. Толпы мѣстныхъ нѣмцевъ продолжали собираться по вечерамъ, кричать, пѣть, безпокоя и пугая иностранцевъ.

— А чѣмъ они вамъ мѣшаютъ? Пусть себѣ поютъ,—говорилъ какой то русскій изъ склонныхъ къ приспособленію.

— Во-первыхъ, они шумятъ и мѣшаютъ спать, а, во-вторыхъ, они поютъ свои боевыя пѣсни; это показываетъ враждебное настроеніе по отношенію къ иностранцамъ и особенно къ русскимъ. Наконецъ, мнѣ просто невыносимо это „Deutschland über Alles"!

— Надо бѣжать,—говоритъ дама,—иначе потомъ не выберешься.

— Ахъ, не безпокойтесь,—возражаетъ ей кто то,—насъ всѣхъ довезутъ живыми или мертвыми.

— Нѣтъ, извините, мертвыми не довезутъ,—нервно говоритъ дама,—а бросятъ гдѣ-нибудь возлѣ дороги.

Среди такихъ разговоровъ въ кургартенѣ появляется редакторъ-издатель мѣстной газеты съ какими-то листками въ рукахъ. Онъ очень взволнованъ и почти бѣжитъ къ мѣсту наибольшаго сборища.

— Господа, произошла ошибка. Я сейчасъ получилъ извѣщеніе по телефону изъ Берлина, что Локаль-Анцейгеръ сдѣлался жертвой грубаго обмана. Никакой мобилизаціи не объявлено. Мы вывѣшиваемъ вездѣ вотъ этотъ новый экстраблатъ.

И онъ показываетъ всѣмъ листокъ съ извѣщеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Durch einen groben Unfug sind heute mittag Extrablätter des Berliner Local Anzeigers verteilt worden, mit der Meldung dass Deutschland die Mobilmachung beschlossen habe. Wir stellen fest, dass diese Meldung unrichtig ist".

Затѣмъ, редакторъ-издатель бѣжитъ дальше къ другой кучкѣ и тамъ повторяетъ то же самое. Видимо, онъ получилъ сильный разносъ за преждевременное разглашеніе тайны государственнаго значенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется многимъ, и никто ему не вѣритъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ повѣшенныя ранѣе извѣщенія о мобилизаціи оказываются сорванными и на ихъ мѣстѣ красуется приведенное выше объясненіе „грубой ошибки". Прежнее извѣщеніе изъемлется и изъ книжныхъ лавокъ, гдѣ продаются газеты. Мои попытки купить его приводятъ къ полной неудачѣ. Знакомый продавецъ улыбается, пожимаетъ плечами и утверждаетъ, что этого экстраблата больше нѣтъ.

31 іюля я рано утромъ уѣхалъ изъ Киссингена въ Дармштадтъ. Меня пригласилъ осмотрѣть свою лабораторію извѣстный гидравликъ, профессоръ Кохъ. Приглашеніе было прислано заблаговременно именно на этотъ день. Не смотря на тревожное состояніе въ Киссингенѣ, а отчасти именно вслѣдствіе этой тревоги, опасаясь, что позднѣе въ Дармштадтъ не попадешь, я поѣхалъ.

Въ Вюрцбургѣ при пересадкѣ я попалъ въ вагонъ прямого сообщенія Вѣна-Франкфуртъ. Внутри на стѣнахъ висѣли объявленія, запрещающія въ предѣлахъ Австріи открывать окна при проходѣ по мостамъ и туннелямъ. Это былъ отголосокъ австрійской мобилизаціи и военнаго положенія.

Достаточно было посмотрѣть вокругъ, чтобы убѣдиться, что и въ Ба-

варіи уже приняты мѣры къ охранѣ сообщеній. Подъ каждымъ мостомъ стояла вооруженная стража. Люди были въ штатскомъ платьѣ съ перевязью на рукавѣ изъ національныхъ баварскихъ цвѣтовъ бѣлаго и голубого, съ солдатскими ружьями. Солдатъ въ формѣ не было. Какъ мнѣ объяснили потомъ, солдаты уже занимали французскую границу, а охраняли пути запасные, только что призванные и еще не получившіе обмундированія.

Такая охрана въ странѣ, гдѣ нѣтъ мобилизаціи и военнаго положенія, наводила на мысль, что военныя приготовленія идутъ быстрымъ темпомъ, а отрицаются оффиціально, чтобы выиграть время и вовлечь въ заблужденіе противника.

Моя поѣздка вышла тѣмъ не менѣе очень удачной. Профессоръ Кохъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ и отвезъ въ своемъ автомобилѣ въ Высшую Техническую Школу, гдѣ показалъ лабораторію и результаты своихъ новѣйшихъ работъ. Насъ сопровождалъ его ассистентъ. Профессоръ Кохъ былъ очень оживленъ, радовался моему пріѣзду, на который, по его словамъ, онъ уже не разсчитывалъ, снабдилъ меня разными печатными матеріалами и проводилъ меня обратно на вокзалъ до вагона. Его ассистентъ былъ сдержанъ и мраченъ, какъ мнѣ казалось, изъ-за политическихъ событій. А можетъ быть это было и его обычное состояніе.

На улицахъ Дармштадта стояли такія же толпы людей у оконъ книжныхъ лавокъ предъ выставленными телеграммами, какъ и въ Киссингенѣ. Всѣ напряженно ждали, что принесетъ слѣдующій часъ.

На обратномъ пути правильность желѣзнодорожнаго движенія уже была нѣсколько нарушена. Что-то невѣдомое намъ мѣшало. Мы постоянно задерживались на узловыхъ станціяхъ и опаздывали. Все же я вернулся въ Киссингенъ въ тотъ же вечеръ, какъ и было намѣчено программой поѣздки.

Несмотря на поздній часъ, главныя улицы были полны народа. Тротуары не вмѣщали болѣе толпы. Ходили прямо по мостовой. Волненіе усиливалось и углублялось.

Оказалось, что къ вечеру было объявлено военное положеніе во всей Германіи. Афиши объ этомъ за подписью властей были выставлены въ разныхъ мѣстахъ города. Извѣщеніе сопровождалось указаніемъ послѣдствій нарушенія обязательныхъ для такого состоянія страны законовъ и правилъ.

Толпа читала, думала и чувствовала, что уже возврата нѣтъ, что грозныя событія надвигаются стихійно и удержать ихъ болѣе нельзя. Милліоны отдѣльныхъ жизней, милліарды отдѣльныхъ интересовъ будутъ вынуждены подчиниться этому движенію. Никакой радости, никакого одушевленія!

Тяжелая, мрачная забота была видна на всѣхъ.

Говорили между собой тихо, сдержанно. Предметомъ разговоровъ былъ въ особенности слухъ объ ультиматумѣ, предъявленномъ Германіей Россіи съ обязательствомъ отвѣта въ 12-часовой срокъ и о восемнадцати-часовомъ запросѣ Франціи. Отъ Россіи требовалось прекращеніе мобилизаціи, отъ Франціи—выясненія ея отношенія къ эвентуальной войнѣ Германіи съ Россіей. Когда истекаютъ эти сроки никто не зналъ и это увеличивало всеобщія напряженность и безпокойство.

Русскіе были удручены. Оптимистовъ оставалось немного. Огромное большинство только и думало объ отъѣздѣ. Мало кто спалъ спокойно въ эту ночь въ заботахъ о завтрашнемъ днѣ, когда надо будетъ добыть денегъ и уѣхать во что бы то ни стало.

Утромъ 1 августа лечебный строй Киссингена былъ замѣтно нарушенъ. Воду пили кое-какъ и лишь только открылись банки и билетное бюро, туда устремились толпы людей. Въ утреннихъ газетахъ никакихъ извѣстій о результатахъ ультиматума не было. Свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ носили хаотическій характеръ. Составить себѣ какое бы то ни было понятіе о положеніи дѣла было невозможно, но что надежды на мирный исходъ оставалось мало, было ясно.

Въ банкѣ всѣхъ ожидало крупное разочарованіе. Русскихъ денегъ не принимали къ обмѣну. На всѣ просьбы клерки банка отвѣчали, что никакого курса нѣтъ и русскія деньги они мѣнять не могутъ. Особенно настойчивымъ они говорили, что посланъ запросъ въ Берлинъ или Мюнхенъ и что, когда получится отвѣтъ съ указаніемъ курса рублей, обмѣнъ возобновится. Въ пріемной банка стоялъ шумъ.

— Но какъ быть? Мнѣ надо заплатить въ гостиницѣ и купить билеты на желѣзную дорогу.

— Что дѣлать?—отвѣчалъ въ сотый разъ клеркъ, стараясь сохранить хладнокровіе.—Курса нѣтъ.

— Но вѣдь вчера мѣняли деньги,—кричитъ другой, стараясь протискаться сквозь толпу и протягивая въ окошко сторублевую бумажку.—Вы можете размѣнять по вчерашнему курсу.

— Вѣдь то было вчера. А сегодня обстоятельства измѣнились. Объявлено военное положеніе.

— Военное положеніе—не война! Въ Россіи сколько разъ бывало военное положеніе. И ничего!

Публика волновалась, настаивала, но банкъ былъ неумолимъ. Не менѣе упорнымъ онъ оказался и по отношенію къ пріему германскихъ денегъ.

Уже нѣсколько дней кряду замѣчались затрудненія въ размѣрѣ крупныхъ германскихъ банкнотъ на мелкія и еще болѣе на золото, серебро. Были ли сдѣланы какія-то распоряженія или это являлось результатомъ особыхъ условій денежнаго обращенія, никто сначала не зналъ опредѣленно. Но уже 31 іюля было видно, что дѣйствуетъ опредѣленная система и 1 августа въ банкѣ не принимали къ размѣну германскихъ банкнотовъ вовсе.

Многіе у кого были деньги, полученныя ими ранѣе, имѣли ихъ преимущественно въ 100-марковыхъ билетахъ. Ихъ въ городѣ никто не бралъ въ уплату, если требовалось сдачи. Сдачи не давали даже и при много меньшихъ суммахъ. У меня, напримѣръ, въ самомъ крупномъ магазинѣ Киссингена при уплатѣ одной марки не хотѣли принять пяти-марковую монету подъ предлогомъ отсутствія сдачи и я долженъ былъ отказаться отъ покупки нужнаго предмета.

Такое отношеніе проявлялось ко всѣмъ, а не только къ иностранцамъ. При мнѣ въ банкѣ владѣлица какой-то дачи умоляла клерка размѣнять 100 марокъ, такъ какъ отъ этого зависѣла уплата ей за помѣщеніе уѣзжавшимъ жильцомъ, и ей было отказано.

Предъявителямъ аккредитивовъ также ничего не давали, но съ ними обходились съ хитростью. Прямого отказа они не получали. Имъ, напротивъ говорили, что деньги будутъ выданы, но только послѣ отвѣта изъ Берлина относительно каждаго отдѣльнаго случая.

— Подпишите эти расписки въ двухъ экземплярахъ въ полученіи денегъ, говорилъ при этомъ клеркъ.

— Какъ же я могу ихъ подписать, если вы денегъ не выдаете?

— Если вы не подпишите, то мы не будемъ наводить справокъ въ Берлинѣ; впрочемъ, мы вамъ выдадимъ контръ-расписку.

Кліентъ подписывалъ, получалъ контръ-расписку и затѣмъ спрашивалъ:

— Нельзя ли послать телеграмму въ Берлинъ?

— Нѣтъ; это слишкомъ долго; телеграфъ теперь занятъ. Телеграмма придетъ чрезъ два—три дня.

Публика настороживалась. Телеграфъ такъ занятъ! Чѣмъ же? Значитъ уже идетъ мобилизація. Но вѣдь вчера было оффиціально объявлено, что мобилизаціи никакой нѣтъ.

— Какъ же вы сноситесь?

— По телефону.

— Когда же можно ожидать отвѣтъ?

— Сегодня послѣ обѣда.

Кліентъ уходилъ. Ему на смѣну являлись новые. Велись подобныя же бесѣды, и чрезъ пріемную банка все текли и текли потоки людей, жаждущихъ денегъ.

Послѣ обѣда было то же, но объясненія клерковъ стали опредѣленнѣе и положеніе нуждающихся въ деньгахъ безнадежнѣе.

— Получили ли вы отвѣтъ изъ Берлина по моему заявленію?

— Нѣтъ, не получили.

— Почему же?

— Телефонъ занятъ.

— Когда же можно разсчитывать на полученіе денегъ?

— Дня чрезъ два—три, не раньше.

Дня два—три въ мнѣніи встревоженныхъ русскихъ являлось чуть не безконечностью, переждать которую казалось невозможнымъ. Кромѣ того, было видно изъ отвѣтовъ клерковъ и особенно изъ ихъ тона, что чрезъ два—три дня не будетъ никакихъ выдачъ, что конецъ близокъ, если онъ уже не наступилъ.

— Въ такомъ случаѣ возвратите мои расписки,—говорилъ кліентъ.

— Пожалуйста.

И обмѣнъ однѣхъ бумагъ на другія совершался быстро, не оставляя сомнѣнія въ томъ, что сношеній никакихъ съ Берлиномъ не дѣлалось, а производились только дѣйствія, имѣвшія цѣлью не выдать ранѣе времени истиннаго положенія вещей.

Много людей съ русскими деньгами и аккредитивами оказывались безъ возможности заплатить свои гостиничные долги и купить билеты для проѣзда по желѣзной дорогѣ. Ловкіе аферисты, пользуясь этимъ, дѣлали гешефты на тротуарѣ возлѣ банка, покупая русскія деньги по ничтожной цѣнѣ; говорили даже по 90 марокъ и менѣе за 100 рублей. Эти операціи, однако, не развились значительно, вѣроятно, за отсутствіемъ у предпринимателей необходимыхъ капиталовъ.

Но и тѣмъ, кто могъ еще заплатить нѣмецкими деньгами, пришлось не лего. У желѣзнодорожнаго билетнаго бюро тоже стояла толпа. Двери были плотно закрыты и туда пускали только группами по очереди. Въ ожиданіи впуска

въ толпѣ шли разговоры, главнымъ образомъ, на тему, куда ѣхать. При этомъ сообщались самые сенсаціонные слухи объ участи русскихъ въ разныхъ мѣстахъ Австріи и Германіи.

— Изъ Карлсбада всѣхъ выгнали, но имъ не дали ѣхать по желѣзной дорогѣ.

— Какъ же они уѣхали?

— На автомобиляхъ до германской границы, а потомъ уже въ Берлинъ по желѣзной дорогѣ.

— Русскіе ѣдутъ въ Берлинъ изъ всѣхъ курортовъ изъ Наугейма, Гомбурга, Висбадена.

— Почему же они ѣдутъ въ Берлинъ? Не всѣмъ же нужно въ Петербургъ. Тѣмъ, кто ѣдетъ въ Варшаву, можно ѣхать прямо на Калишъ.

— Что вы? на Калишъ уже не пускаютъ.

— Какъ не пускаютъ? У меня уже билеты куплены въ Варшаву чрезъ Калишъ.

— Билеты продаютъ, куда угодно, а ѣхать все-таки нельзя.

— Такъ я поѣду въ Берлинъ.

— А вы знаете, тамъ уже 50.000 русскихъ? Комнаты въ гостиницѣ дешевле 40 марокъ въ сутки нельзя получить.

Такіе и подобные обрывки разговоровъ доносились со всѣхъ сторонъ. Подъ шумъ ихъ юркій господинъ старался сбыть два билета, купленные имъ наканунѣ для проѣзда въ Варшаву чрезъ Калишъ, и это ему удалось. Какія-то дамы рѣшили, что все-таки съ этими билетами онѣ смогутъ уѣхать изъ Киссингена, и купили ихъ.

Попавшіе внутрь бюро, послѣ долгаго ожиданія на улицѣ, встрѣчали крайне раздраженныя физіономіи кассировъ, которые уже въ теченіе ряда дней находились въ осадномъ положеніи. Предъ каждымъ окошкомъ стояла особая очередь. Отъ времени до времени раздавались русскіе крики.

— Куда вы лѣзете?

— Не толкайтесь!

— Невѣжа!

Кассиры кричали, въ свою очередь, стараясь усмирить публику и торопились выдавать билеты. Для быстроты при требованіи нѣсколькихъ билетовъ однимъ лицомъ они выдавали общій писанный на бланкѣ билетъ для всѣхъ. Билеты давали до всякихъ пограничныхъ станцій. Въ Россію прямыхъ билетовъ получить было нельзя. Этотъ тревожный симптомъ публика также учла. Въ числѣ билетовъ не было ограниченій. Ихъ можно было имѣть, сколько угодно, но безъ плацкартъ. Право на проѣздъ получалось, а мѣсто предоставлялось брать съ боя. Пріобрѣвшіе билеты быстро уходили чрезъ дворъ, а съ улицы въ бюро поступали новыя и новыя массы ищущихъ возможности уѣхать.

Конецъ дня я посвятилъ сборамъ и расплатамъ, причемъ разставаясь съ мѣстными жителями, съ которыми имѣлъ отношенія, слышалъ отъ нихъ искреннія привѣтствія и пожеланія.

Мой массажистъ, бывшій военный фельдшеръ, съ профессіональной словоохотливостью высказывалъ свои взгляды на ожидаемыя событія.

— Германія не должна воевать съ Россіей. Когда умиралъ Императоръ Вильгельмъ I онъ сказалъ своему внуку—не ссорься съ Россіей. Но

Россія не должна помогать сербамъ. Они не стоятъ этого. Они убили сначала своего короля и королеву, а потомъ австрійскаго наслѣдника и его жену. Сербы—цареубійцы. Французамъ и англичанамъ тоже нечего воевать. А если они сунутся, то имъ придется плохо. Германія со своими союзниками ихъ разобьетъ вдребезги.

На высказанное мной сомнѣніе въ томъ, чтобы Италія рѣшилась на активное участіе въ войнѣ, онъ не задумываясь отвѣчалъ:

— Да вѣдь она получитъ хорошенькій кусокъ земли во Франціи. Это давно рѣшено.

Мой докторъ, отставной военный врачъ, убѣждалъ меня не уѣзжать изъ Киссингена.

— Можетъ быть еще все обойдется и миръ не будетъ нарушенъ. А если даже начнется война, вы можете спокойно оставаться здѣсь. Вамъ никто ничего не сдѣлаетъ.

— Но вотъ уже нѣсколько дней какъ происходятъ демонстраціи и ихъ непріязненный тонъ по отношенію къ иностранцамъ усиливается.

— На это не надо обращать особаго вниманія: демонстрируютъ болѣе низкіе слои населенія, далекіе отъ культуры.

— Война принижаетъ культуру, будитъ дурные инстинкты людей, ведетъ ихъ къ одичанію.

— Это вѣрно, если произойдетъ европейская война, что станетъ съ нашими идеалами? На десятки лѣтъ все, какъ вы говорите, одичаетъ! Сколько труда надо будетъ положить, чтобы вернуть утраченное человѣчествомъ...

Мы разстались съ сожалѣніемъ о причинѣ, прервавшей мое леченіе и надеждой на то, что, быть можетъ, катастрофа не разразится и ближайшіе часы принесутъ рѣшеніе, которое удовлетворитъ готовыхъ броситься другъ на друга враговъ.

Надеждѣ этой не суждено было сбыться. Никакихъ извѣстій о результатахъ ультиматума Россіи и запроса Франціи, предъявленныхъ Германіей, не поступало. Множество людей ходили по улицамъ, жадно ища газетъ или отдѣльныхъ телеграммъ съ извѣщеніемъ объ этомъ. Но ихъ не было. Говорили, что срокъ ультиматума продленъ, что нашли какой то исходъ, что къ позднему вечеру, такъ часамъ къ 10—11, будутъ газеты, въ которыхъ непремѣнно будетъ напечатано точное положеніе дѣла.

Ранѣе, однако, наступленія этого времени въ городѣ были расклеены красныя афиши, объявившія о мобилизаціи всѣхъ германскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Я увидѣлъ эти объявленія на вокзалѣ, когда пришелъ туда, чтобы сдать багажъ, заблаговременно, какъ я думалъ, потому что ѣхать мы должны были лишь на слѣдующій день утромъ.

На вокзалѣ, несмотря на присутствіе большой толпы людей, было тихо. Афиши. еще мокрыя отъ клея, вырисовывались кровавыми пятнами. Электрическій свѣтъ скользилъ по нимъ, плохо выдѣляя печать. Всѣ напряженно вглядывались въ эти темныя строки, гдѣ съ методической точностью излагался весь оффиціальный ходъ мобилизаціи въ теченіе пяти дней, начиная со 2 августа. Тутъ же указывалось, что съ перваго дня мобилизаціи желѣзныя дороги поступаютъ во всей странѣ въ распоряженіе военныхъ властей, что всякое сквозное движеніе поѣздовъ прекращается, что расписанія мѣстныхъ поѣздовъ будутъ выставляться на станціяхъ, что никакой отвѣтственности за

срочность и даже самую возможность проѣзда пассажировъ военная администрація дороги не принимаетъ. Цѣлый рядъ распоряженій, вполнѣ естественныхъ для государства, начинающаго войну, но прямо ужасныхъ для задержавшихся пассажировъ, которымъ надо уѣхать скорѣе.

Неужели придется остаться? Красныя афиши на этотъ вопросъ отвѣчали безнадежно „да". Толпа наростала. На вокзалѣ становилось тѣсно. Вновь прибывшіе уже не могли ничего прочитать. Поднимался шумъ отъ перекрестныхъ вопросовъ.

— Принимаютъ ли багажъ?

— Выдаютъ ли билеты?

— Идутъ ли поѣзда?

— Можно ли ѣхать? слышалось съ разныхъ сторонъ на разныхъ языкахъ.

Выступленіе станціоннаго начальства становилось неизбѣжнымъ. И оно было сдѣлано съ огромнымъ спокойствіемъ, сдержанностью и тактомъ, которые пришлось видѣть потомъ въ это труднѣйшее для желѣзныхъ дорогъ время всюду въ Германіи. Начальникъ станціи Киссингенъ, его помощники и даже станціонный швейцаръ стали давать объясненія отдѣльнымъ группамъ волнующейся публики яснымъ и отчетливымъ языкомъ съ такой обстоятельностью, какъ будто мобилизація была объявлена не ½ часа тому назадъ, а производилась постоянно изо дня въ день и стала для нихъ дѣломъ обыкновенной служебной рутины.

— Господа, не волнуйтесь и не безпокойтесь. Вамъ будетъ дана возможность уѣхать изъ Киссингена во всѣ пункты Германіи, говорилъ начальникъ станціи. Хотя мобилизація объявлена, но завтра и послѣ завтра пойдутъ еще всѣ пассажирскіе поѣзда по нормальному расписанію, какъ обыкновенно. Не будетъ приниматься только большой багажъ. Ручной вы можете взять съ собой въ вагоны.

Швейцаръ вокзала, давно меня знавшій, нашелъ даже время мнѣ шепнуть:

— Только знаете, служебные билеты съ завтрашняго дня не дѣйствительны, такъ какъ дороги теперь въ военномъ управленіи.

Было поздно, когда осаждавшая вокзалъ толпа стала расходиться по домамъ. Люди шли, низко опустивъ головы и погрузившись въ тяжелыя мысли. На дачахъ и въ гостиницахъ виднѣлись освѣщенныя окна. По опущеннымъ занавѣсямъ скользили тѣни. Несмотря на поздній часъ, многіе не спали. Тысячи маленькихъ трагедій начинались здѣсь въ эту тяжелую ночь, подобно тому, какъ и во множествѣ другихъ мѣстъ Европы, чтобы развернуться вскорѣ въ міровую катастрофу.

„Неудержимо влекомый временемъ, человѣкъ непремѣнно пройдетъ всѣ ступени жизни, отъ низу къ верху, отъ верху къ низу. Ограниченный зрѣніемъ, онъ никогда не будетъ видѣть слѣдующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; ограниченный знаніемъ, онъ никогда не будетъ знать, что несетъ ему грядущій день, грядущій часъ—минута".

Л. Андреевъ.

ГЛАВА VIII.

Неудавшійся отъѣздъ въ Россію.

Изъ Киссингена.—Первая жертва войны.—Съ билетами высшихъ классовъ въ четвертомъ.—Желѣзныя дороги подъ военнымъ управленіемъ.—„Der Russe muss heraus".—Галле-анъ-деръ-Заале.—„Sie müssen hier bleiben".—Берлинъ въ первые дни войны.—Испанское посольство.—На границѣ ареста.

Отъѣздъ въ Россію рисовался намъ, какъ предпріятіе вполнѣ возможное во время мобилизаціи. „Мобилизація еще не война", твердили газеты, хотя въ это время императоръ Вильгельмъ поручилъ германскому послу въ С.-Петербургѣ передать русскому правительству, что „мобилизація значитъ война". Но русскіе киссингенцы не знали объ этомъ заявленіи и считали, что предъ ними во всякомъ случаѣ есть нѣсколько дней для безпрепятственнаго выѣзда изъ предѣловъ Германіи. „Знатоки" военнаго дѣла, которыхъ такъ много среди непрофессіоналовъ, объясняли при этомъ, что каждая страна, начиная войну, должна избавляться отъ лишнихъ ртовъ и что отъѣзду русскихъ Германія можетъ только способствовать. Неизвѣстно было лишь, въ какомъ направленіи удастся уѣхать, такъ какъ нѣкоторыя линіи, ведущія къ нашимъ границамъ, должны были быть несомнѣнно заняты воинскими поѣздами.

Мнѣ казалось правильнымъ рѣшить этотъ вопросъ въ дорогѣ, когда выяснятся обстоятельства, о которыхъ въ Киссингенѣ нельзя было ничего узнать опредѣленнаго. Билеты были куплены до Галле-анъ-деръ-Заале. Оттуда идутъ пути на Калишъ, на Берлинъ—Вержболово и на Ростокъ—Варнемюнде. Пріѣхавъ въ Галле, можно выбрать тотъ путь, который поведетъ вѣрнѣе къ цѣли.

Эти глубокомысленные расчеты были сдѣланы въ субботу 1 августа, когда окончательно рѣшался въ Берлинѣ и С.-Петербургѣ вопросъ о войнѣ. Уѣхать я съ семьей собирался на слѣдующій день, 2 августа. Въ это время уже начались военныя дѣйствія. Но кто же обо всемъ этомъ зналъ что-либо въ Киссингенѣ?

Владѣлецъ нашей гостиницы отнесся къ отъѣзду своихъ жильцовъ съ обычнымъ вниманіемъ. Несмотря на очень ранній утренній часъ, мы получили завтракъ. Вещи наши, которыхъ нельзя было взять съ собой, были приняты охотно для храненія и отправки вслѣдъ по окончаніи мобилизаціи.

Со взаимными привѣтствіями и пожеланіями лучшаго будущаго мы разстались.

На вокзалѣ, хотя до отхода поѣзда было болѣе часа, уже стояла огромная толпа. Блѣдныя лица выдавали безсонную ночь и душевную тревогу. Поѣздъ формировался и на перронъ никого не впускали. Выходы охранялись нарядомъ дюжихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, поставленныхъ въ помощь швейцарамъ. Начальникъ станціи ходилъ по фронту этой стражи, предвидя атаку, еще болѣе сильную, чѣмъ бывшія въ предшествующіе дни. Публика готовилась къ бою за выходы и за мѣста въ поѣздѣ. Отцы и матери не отпускали отъ себя дѣтей. Всѣ держали свои вещи въ рукахъ, чтобы броситься впередъ по первому сигналу. Натискъ заднихъ рядовъ на передніе возрасталъ по мѣрѣ прибытія новыхъ пассажировъ. Становилось трудно дышать. Когда открылись двери, всѣ кинулись впередъ. Только настойчивость начальника станціи и сила мускуловъ его команды могли сдержать невладѣющую собой толпу и предупредить увѣчья.

Поѣздъ ушелъ въ назначенное время въ небывало большомъ составѣ. Его тянули два паровоза и сзади подталкивалъ третій, чтобы помочь подняться на возвышенность, гдѣ лежитъ въ 9 километрахъ Эбенгаузенъ, узловая станція маленькой киссингенской вѣтки.

Киссингенъ былъ окутанъ довольно густымъ туманомъ, частымъ здѣсь въ ранніе утренніе часы этого времени года. Сквозь туманъ едва виднѣлись темныя очертанія окружающихъ городъ холмовъ и отдѣльно стоящія дачи. Городъ, съ которымъ многіе изъ отъѣзжавшихъ успѣли за долгіе годы леченія сродниться, какъ-то сразу, благодаря туману, становился далекимъ и быстро исчезалъ по мѣрѣ движенія поѣзда. Несмотря на заботы и волненія, у многихъ явилось чувство сожалѣнія о необходимости покинуть гостепріимный городъ, гдѣ живалось такъ хорошо и куда, быть можетъ, не придется уже больше вернуться.

Крутой подъемъ былъ взятъ и поѣздъ сталъ двигаться быстрѣе по опушкѣ лѣса мимо извѣстной всѣмъ киссингенцамъ часовни надъ ключемъ въ честь Дѣвы Маріи. Статуя Богоматери, окрашенная въ яркіе цвѣта, поднимается на фонѣ сѣрыхъ скалъ и темнозеленыхъ кустовъ. Весь этотъ уголокъ лѣса, живописный и пустынный, овѣянъ поэзіей и служитъ мѣстомъ посѣщенія богомольныхъ поселянъ и любознательныхъ туристовъ. Съ источникомъ связаны разныя легенды. Молодыя дѣвушки приходятъ сюда помолиться и выпить воды въ увѣренности затѣмъ скоро выйти замужъ. Владѣльцы скота, послѣ молитвы въ часовнѣ, надѣются на скорое исцѣленіе больныхъ животныхъ. Священники мѣстнаго прихода тщетно борятся съ суевѣріями. Въ часовнѣ виситъ ихъ объявленіе, объясняющее, какъ неумѣстно приносить сюда и вѣшать картины съ изображеніемъ исцѣлившихся, по молитвѣ ихъ владѣльцевъ, коровъ и другихъ домашнихъ животныхъ. Но рядомъ съ этимъ объявленіемъ, уже пожелтѣвшимъ отъ времени, висятъ новыя картины того же содержанія, принесенныя въ послѣдніе годы.

Баварія, вообще, изобилуетъ эмблемами, относящимися до религіознаго культа. Едва ли есть другая страна въ мірѣ, гдѣ было бы на дорогахъ, поляхъ, деревенскихъ улицахъ и площадяхъ столько крестовъ, статуй святыхъ, цѣлыхъ священныхъ группъ и изображеній страстей Господнихъ, какъ здѣсь. Это объясняется, впрочемъ, не однимъ только религіознымъ чувствомъ,

но и тѣмъ, что въ Баваріи есть въ изобиліи на каждомъ шагу превосходный песчанникъ, который легко обрабатывается и даетъ очень долговѣчныя изображенія, и что въ ней широко развилось скульптурное дѣло.

Многимъ пассажирамъ хотѣлось бросить послѣдній взглядъ на статую Мадонны въ лѣсу, и когда нашъ поѣздъ проносился мимо, не одна рука поднялась для крестнаго знаменія. На порогѣ тревожнаго будущаго и надвигающейся опасности просыпалось стремленіе къ защитѣ Высшей Силы.

На станціи Эбенгаузенъ всѣмъ ѣдущимъ на Галле и Берлинъ надо было пересаживаться. Тутъ повторились всѣ тѣ же явленія дикаго наскока на поѣздъ, что и въ Киссингенѣ, осложнившіяся топографіей вокзала съ длинными переходами, лѣстницами и туннелями.

— Ахъ, помогите! Помогите!—раздался вдругъ у самаго поѣзда громкій крикъ.

Кричала высокая красивая русская дама. Она стояла на колѣняхъ надъ человѣкомъ, который лежалъ на спинѣ на перронѣ, и старалась облегчить его дыханіе.

— Что случилось? въ чемъ дѣло?—слышались голоса вокругъ.

— Развѣ вы не видите? онъ умираетъ!

По платформѣ забѣгали пассажиры, зовя доктора или фельдшера. Нѣсколько дамъ достали флаконы съ солями, одеколономъ, спиртомъ и протягивали ихъ умирающему. Кто-то разстегнулъ ему воротъ. Слышался истерическій плачъ.

Кто былъ этотъ первый пострадавшій, чье сердце не выдержало безпокойства и физическаго напряженія при бѣгствѣ изъ курорта, куда онъ пріѣхалъ искать здоровья? Никто его не зналъ. Даже неизвѣстна была его національность. Онъ былъ, очевидно, одинокъ и умиралъ здѣсь на станціонной платформѣ, вдали отъ своей семьи, отъ своего дома.

Чрезъ нѣсколько минутъ явился фельдшеръ съ повязкой Краснаго Креста. Его помощникъ несъ ведро съ водой. Они стали дѣлать умирающему искусственное дыханіе. Кондукторъ торопилъ садиться въ поѣздъ. Потрясенные неожиданной катастрофой, пассажиры садились въ вагоны съ сосредоточеннымъ мрачнымъ видомъ и долго смотрѣли изъ уходящаго поѣзда на опустѣвшую станцію, гдѣ ритмически вздымались къ небу руки умирающаго или, быть можетъ, уже умершаго—въ движеніи, которое имъ сообщали станціонные санитары. Этотъ первый павшій въ начинающейся войнѣ, отходя въ вѣчность, какъ будто грозилъ кому-то далекому, невидимому для насъ виновнику своей гибели. Тяжелое чувство охватило всѣхъ.

Размѣститься въ новомъ поѣздѣ было еще труднѣе, чѣмъ въ первомъ. Онъ уже пришелъ съ пассажирами и надо было втискиваться между нихъ, отказываясь отъ мысли найти себѣ мѣсто по классу. Садились, куда было можно. И элегантныя русскія дамы съ билетами перваго класса оказывались въ такъ мало извѣстномъ и понятномъ имъ четвертомъ.

Пересаживаться пришлось въ теченіе дня еще три раза при подобныхъ же и даже худшихъ условіяхъ. На каждой остановкѣ насъ встрѣчало множество пассажировъ, стремившихся попасть въ поѣздъ во что бы то ни стало. Въ переполненные вагоны ползли новыя массы людей. О сколько-нибудь правильномъ распредѣленіи мѣстъ не было и помину. Забирались, кто куда могъ, занимая всѣ проходы и, даже узкія пространства между скамьями

въ купе. Курортная публика перемѣшивалась съ мѣстной, иностранцы—съ нѣмцами. На станціяхъ, чрезъ которыя нашъ поѣздъ проходилъ не останавливаясь, стояли еще большія толпы пассажировъ. Всѣ они стремились воспользоваться послѣдними поѣздами, чтобы добраться домой.

Военное положеніе вездѣ наложило свой отпечатокъ. Входныя стрѣлки станцій, мосты, туннели охранялись вооруженными людьми. Желѣзнодорожные служащіе, щеголяющіе въ Германіи и особенно въ Пруссіи, военной выправкой, теперь приняли какой-то сверхъ-военный видъ. На большихъ вокзалахъ начальники станцій казались командующими войсками. Они быстро, но безъ всякой суетливости, двигались по перрону, отдавали свои приказанія тихимъ голосомъ или сигналомъ, говорили въ телефоны. Движеніе поѣздовъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ на минимальномъ возможномъ разстояніи, подчинялось ихъ волѣ, точно, ясно и опредѣленно выраженной. За длинный переѣздъ отъ Киссингена до Берлина, съ ранняго утра и до поздней ночи, мы шли почти все время по росписанію, хотя на дорогѣ было въ нѣсколько разъ болѣе поѣздовъ, чѣмъ обыкновенно. Образцовое управленіе желѣзнодорожнымъ движеніемъ при такихъ условіяхъ поражало всѣхъ и каждаго. Не надо было быть спеціалистомъ, чтобы понять, что желѣзнодорожный механизмъ находится въ превосходномъ состояніи, что управленіе имъ въ обстоятельствахъ военнаго времени изучено до тонкости и что всѣ служащіе долгимъ упражненіемъ пріобрѣли всѣ нужные навыки. Принимая и отправляя каждыя нѣсколько минутъ переполненные людьми поѣзда на станціяхъ, заваленныхъ багажемъ и запруженныхъ народомъ, агенты движенія желѣзныхъ дорогъ, исполняли свои обязанности съ удивительной выдержкой. Каждый зналъ все, что надо было дѣлать, умѣлъ это сдѣлать въ назначенное для операціи время, былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ успѣетъ исполнить все, что нужно, во время, зналъ, что его распоряженія будутъ также выполнены срочно и точно. Отсюда даже нѣсколько торжественное спокойствіе въ командованіи среди совершенно исключительнаго по напряженности и интенсивности движенія.

Германская путешествующая въ эти дни публика, среди которой иностранцы при всей ихъ многочисленности, конечно, почти терялись, тоже оказалось на высотѣ положенія. Каждый спѣшилъ доѣхать до цѣли своего назначенія, но нигдѣ не было видно безпорядка, никто не кричалъ, не толкалъ другъ друга, не создавалъ замѣшательства, не пытался вступить въ пререканія со станціоннымъ начальствомъ. Напротивъ, постоянно можно было видѣть проявленія готовности помочь другъ другу, потѣсниться, уступить мѣсто слабому. Такая помощь и вниманіе оказывались многими и иностранцамъ. За весь день, проведенный мной на желѣзной дорогѣ въ самый разгаръ мобилизаціи, я не видѣлъ ни одного инцидента.

Послѣ пересадки въ Риченгаузенѣ мы оказались въ вагонѣ четвертаго класса. Русскія дамы сложили на полу свои многочисленныя вещи, причемъ нѣсколько гигантскихъ шляпныхъ картонокъ были поставлены одна на другую.

— Это первыя русскія пушки, сказалъ сидѣвшій въ углу нѣмецъ своему сосѣду и затѣмъ продолжалъ прерванную бесѣду, не обращая болѣе вниманія на чужеземцевъ.

Разговоры въ тѣсно набитомъ вагонѣ велись въ полъ-голоса. Лица были серіозны. Даже маленькія нѣмецкія дѣти какъ будто прониклись со-

знаніемъ важности момента. Они упорно молчали, держали себя съ большимъ достоинствомъ и ѣли менѣе обыкновеннаго.

Наши спутники ѣхали по самымъ разнообразнымъ назначеніямъ. Одна дѣвушка, застигнутая началомъ мобилизаціи въ Баваріи, стремилась даже въ Данцигъ. Ея сосѣди помогали ей разобраться въ желѣзнодорожномъ указателѣ и расчитать, когда она можетъ туда пріѣхать, если расписаніе будетъ выдержано. О войнѣ думали всѣ, но о ней говорили мало и какъ-то неохотно. Только въ одномъ углу вагона какіе-то сельскіе политики читали газету и комментировали прочитанныя извѣстія.

Поѣздъ несся чрезъ живописныя мѣстности Тюрингіи. Стояла прекрасная погода. Темныя массы хвойныхъ лѣсовъ мелькали по сторонамъ. Отъ времени до времени обрисовывались силуеты остроконечныхъ крышъ и церковныхъ шпицевъ маленькихъ, стиснутыхъ въ узкой долинкѣ городковъ. На улицахъ и въ окнахъ появлялись привѣтственные взмахи платковъ и рукъ. Потомъ все это быстро скрывалось за поворотомъ дороги и мы летѣли дальше.

Какъ будто по какому-то безмолвному уговору сидѣвшіе въ вагонѣ русскіе не говорили между собой. Происходило ли это подъ вліяніемъ подавленности предъ неизвѣстнымъ и полнымъ случайностей будущимъ или, вслѣдствіе инстинктивнаго сознанія, что не слѣдуетъ раздражать нѣмецкую массу пассажировъ,—кто знаетъ? Путешествіе при такихъ условіяхъ становилось еще тяжелѣе и веселыя картины окружающей природы мало поднимали настроеніе.

Въ Эрфуртѣ надо было пересаживаться въ третій разъ и долго ждать на станціонной платформѣ поѣзда на Галле. На вокзалѣ было нѣсколько тысячъ людей, пріѣхавшихъ съ разныхъ сторонъ и дожидавшихся, какъ и мы, поѣздовъ. Среди нихъ обращали на себя вниманіе большая группа австрійскихъ малороссовъ, резервистовъ, въ характерныхъ шапкахъ. Они спѣшили вернуться въ ряды своихъ войскъ. Ихъ сапоги, бѣлыя рубахи изъ толстаго полотна и хохлацкая рѣчь производили странное впечатлѣніе на германскомъ вокзалѣ.

Мы были голодны, но достигнуть буфета было невозможно, безъ риска растерять другъ друга и свои вещи, да и получить тамъ что-либо было очень мало надежды. Намъ хотѣлось пить, но пить было нечего. Обычная продажа пива на станціяхъ была воспрещена, какъ и вообще продажа какихъ бы то ни было спиртныхъ напитковъ. Приходилось стоять, стараясь сохранить выгодное положеніе у края перрона, чтобы кинуться въ новый поѣздъ, когда онъ подойдетъ. Поѣзда слѣдовали другъ за другомъ постоянно. Всѣ они были съ боковыми дверями, благодаря чему посадка новыхъ пассажировъ могла совершаться быстро. Но пассажировъ было такъ много!

Съ немалымъ трудомъ удалось намъ помѣститься въ поѣздѣ, шедшемъ на Галле. Нѣмцы и нѣмки, бывшіе въ купе, помогли намъ устроиться и мы начали уже мирную бесѣду съ ними, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ раздался громкій крикъ:

— Der Russe muss heraus!

Къ кому относилось это распоряженіе? Къ одному или ко многимъ? Не потребуютъ ли сейчасъ и нашего выхода изъ вагона? Какъ отнесутся къ намъ наши нѣмецкіе спутники? Угадали ли они уже, что мы русскіе? Если да,

выдадутъ ли они насъ тѣмъ властямъ, которыя имѣютъ право въ мирное время задерживать мирныхъ русскихъ? Такіе вопросы проносились въ головѣ. О томъ, что русскихъ иногда задерживаютъ на пути въ Берлинъ, мы уже слышали, но думали, что это дѣлалось въ особыхъ случаяхъ, когда имѣлось, если не основаніе, то хотя бы предлогъ, считать ихъ шпіонами. Потомъ мы узнали, что еще ранѣе объявленія мобилизаціи, поѣзда, идущіе на Берлинъ, осматривались военными властями: у пассажировъ требовались документы, внимательно изучались паспорты, и русскіе офицеры дѣйствительной службы или запаса арестовывались и увозились прочь. Остальнымъ русскимъ позволяли ѣхать дальше. за немногими исключеніями, смыслъ которыхъ ускользалъ отъ встревоженныхъ зрителей. Ревизія поѣздовъ дѣлалась германскими офицерами съ холодной и настойчивой корректностью, а по отношенію къ русскимъ дамамъ даже съ нѣкоторой предупредительностью.

Что послѣдовало на станціи Эрфуртъ за крикомъ:—Der Russe muss heraus!? Кто былъ тотъ, кто долженъ былъ оставить поѣздъ, осталось для насъ неизвѣстнымъ. Повидимому, въ этотъ разъ рѣчь шла объ одномъ опредѣленномъ русскомъ, а не о собирательномъ понятіи. Наши сосѣди или не узнали въ насъ русскихъ, или узнавъ, не подали вида, что узнаютъ. Поѣздъ двинулся и наша бесѣда приняла другое направленіе. Добродушная нѣмка, сидѣвшая рядомъ со мной и только что обстоятельно разсказавшая, какъ она спѣшила покинуть Обергофъ, чтобы вернуться въ Берлинъ, теперь замѣтила:

— Какъ не хорошо! Почему они хотятъ взять этого русскаго? Вѣдь войну ведутъ не съ отдѣльными людьми, а съ государствомъ.

Эта мысль встрѣтила сочувствіе въ присутствующихъ и бесѣда оживленно полилась на эту тему.

Часовъ около четырехъ дня мы пріѣхали въ Галле, гдѣ предстояло рѣшить, куда ѣхать дальше. Мы продолжали думать, что идетъ только мобилизація. Въ купленныхъ въ пути газетахъ ничто не указывало еще на неминуемость войны, а тѣмъ болѣе на то, что она уже началась. Убѣжденіе, что во всякомъ случаѣ насъ выпустятъ изъ Германіи. даже, если война и начнется, оставалось непоколебленнымъ. Сомнѣніе было только относительно направленія. Въ Галле было распутье. Здѣсь надо было выбрать одну изъ трехъ дорогъ—на Калишъ, Берлинъ или Ростокъ. Кто зналъ и думалъ, что какъ въ сказкѣ, каждая изъ нихъ вела къ катастрофѣ?

Галле имѣетъ большой вокзалъ, покрытый металлической крышей на подобіе Берлинскихъ. Поѣзда останавливаются во второмъ этажѣ и внизъ къ городу ведутъ лѣстницы и туннели. Платформъ нѣсколько. Онѣ тянутся длинными лентами въ даль окружающаго пейзажа, такъ какъ станціонный шатеръ этого транзитнаго вокзала открытъ съ двухъ концовъ.

На платформахъ лежали огромные штабели багажа. Всѣ приходящіе поѣзда съ конечнымъ назначеніемъ Галле выкидывали здѣсь содержимое своихъ багажныхъ вагоновъ. Дальше багажъ не перевозился. Перегружать его было некогда, некуда и некому. Къ тому же на всѣхъ другихъ вокзалахъ, и особенно въ Берлинѣ, были такія же и еще бо̀льшія, нагроможденія. Сундуки, корзины, чемоданы, ящики, коробки, мѣшки всякихъ видовъ, фасоновъ и величинъ лежали почти во всю ширину платформы и въ высоту

сажени и болѣе. Высота наростала съ каждымъ часомъ отъ прибывающихъ новыхъ вещей. Едва удавалось сохранить проходы для публики, узкіе, тѣсные и опасные. Немногіе носильщики, оставшіеся отъ призыва запасныхъ, съ величайшимъ трудомъ справлялись даже съ такой уборкой багажа. Относить его дальше было невозможно. Ручной багажъ при теперешнихъ обстоятельствахъ, сильно выросшій въ объемѣ и вѣсѣ, пассажиры должны были таскать сами. Помощи ждать было не откуда. Перегруженные вещами люди тѣснились въ щеляхъ между грудами сложеннаго багажа на платформѣ, ища мѣста, чтобы дождаться слѣдующаго поѣзда. Станціонное начальство Галле съ огромными трудностями и терпѣніемъ пробивалось сквозь эту толпу къ телефонной будкѣ или къ поѣзду, ожидавшему сигнала.

На всѣхъ путяхъ стояли или двигались поѣзда. Работа станціи шла невѣроятно быстрымъ темпомъ.

Не легко было получить какія-либо объясненія относительно занимавшаго насъ, и многихъ другихъ, вопроса—какъ ѣхать дальше. Послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ удалось заставить выслушать насъ начальника станціи только послѣ того, какъ одна изъ дамъ обратилась къ его рыцарскимъ чувствамъ германскаго офицера. Онъ на секунду прервалъ свой маршрутъ и согласился отвѣтить.

— Можно ли уѣхать въ Калишъ?

— Это рѣшительно невозможно (das ist ganz ausgeschlossen).

— Можно ли уѣхать въ Стокгольмъ?

— Нѣтъ нельзя.

— Но почему же?

Съ отмѣнной вѣжливостью начальникъ станціи, извиняясь, поручилъ дать дальнѣйшія объясненія своему помощнику.

— Сударыня, вѣдь идетъ война. Вы понимаете—война! Военныя дѣйствія уже начались.

Мы были поражены этой быстрой развязкой.

— Но что же намъ дѣлать?

— Оставайтесь въ Галле и выждите нѣсколько времени. Или поѣзжайте въ Берлинъ и тамъ отправьтесь къ испанскому послу, который принялъ на себя защиту русскихъ.

Все это было сказано холодно, но вполнѣ корректно. Нѣсколько русскихъ сгруппировались, чтобы обсудить положеніе.

— Ахъ, что онъ говоритъ? кричала какая-то дама.—Я пріѣхала сюда еще вчера. У меня и у мужа есть билеты до Калиша. Вчера въ поѣздѣ не было мѣста. Намъ сказали, что мы уѣдемъ сегодня. Мы поэтому остались. А онъ говоритъ—нельзя ѣхать! Это пустяки. Я пойду сейчасъ сдавать багажъ. Не пойдете ли вы со мной? ни я, ни мужъ не говоримъ по нѣмецки, и у насъ багажъ не принимаютъ.

Попытки убѣдить ее, что багажа во всякомъ случаѣ не примутъ, не удались, и она куда-то умчалась. Такихъ сидѣвшихъ со вчерашняго дня на своихъ вещахъ русскихъ оказалось не мало. Они ждали вечерняго поѣзда къ русской границѣ и вѣсть, что такого поѣзда не будетъ, разбивала ихъ надежды.

Надо было и намъ принимать иное рѣшеніе. Я отправился покупать билеты въ Берлинъ чрезъ лабиринтъ лѣстницъ и туннелей. Моя семья оста-

лась на верху. Обширный вестибюль вокзала былъ пустъ. Окошечки кассъ стояли открытыми, но предъ ними не было ни одного человѣка. Изъ Галле, очевидно, уже никто не уѣзжалъ.

Появленіе со стороны внутреннихъ помѣщеній вокзала спѣшащаго пассажира заставило кассира насторожиться и на просьбу дать три билета въ Берлинъ, онъ рѣзко спросилъ:

— Вы нѣмецъ?

— Нѣтъ.

— Ваша національность?

— Русскій.

— Русскій! Вы не можете ѣхать дальше! Всѣ русскіе должны остаться тамъ, гдѣ ихъ застала война.

— Почему?

— Вы военноплѣнный и должны остаться здѣсь (Sie müssen hier bleiben!).

Я не слушалъ дальнѣйшихъ объясненій. Я военноплѣнный?! На какомъ основаніи? Плодъ ли это фантазіи раздраженнаго нѣмца или въ самомъ дѣлѣ есть распоряженіе властей о задержаніи всѣхъ русскихъ? Мнѣ некогда было разбираться въ этихъ вопросахъ. Отъ моего врага меня отдѣляла рѣшетка и я былъ для него недосягаемъ. На всемъ видимомъ пространствѣ вестибюля не было ни одного служащаго, котораго онъ могъ бы позвать. Надо было использовать это положеніе, чтобы скорѣе вернуться наверхъ къ своимъ. Иначе мы могли бы быть разлучены.

Все это было правильно, но войти въ вокзалъ, не имѣя билета, какъ извѣстно, въ Германіи невозможно. Выдача перронныхъ билетовъ съ мобилизаціей абсолютно прекратилась, а мой билетъ до Галле я отдалъ, выходя изъ внутреннихъ помѣщеній, одному изъ привратниковъ. Какому? Мысль работала быстро. Я подошелъ къ ближайшему и сказалъ:

— Я только что проходилъ здѣсь и отдалъ вамъ билетъ для трехъ лицъ до Галле. Двое другихъ остались наверху. Мнѣ нужно къ нимъ.

Я попалъ на вѣрный путь. Привратникъ былъ тотъ, который меня выпустилъ и, такъ какъ я былъ единственный пассажиръ, онъ не забылъ указаннаго обстоятельства. Я былъ впущенъ и взбѣжалъ на платформу. Къ ней подходилъ одинъ изъ множества поѣздовъ въ направленіи Берлина.

— А вы здѣсь!—окликнулъ меня въ окно какой-то житель Лодзи, съ которымъ я однажды разговаривалъ въ Киссингенѣ.—На Калишъ нельзя. Я ѣду въ Берлинъ.

— Мы тоже хотимъ въ Берлинъ, да вотъ не даютъ билетовъ.

— Ну кто же теперь смотритъ на билеты. Садитесь себѣ въ поѣздъ и поѣзжайте.

Совѣтъ былъ правильный.

Еще минута, и мы сидѣли безъ билетовъ въ купе. Дверцы захлопнулись и поѣздъ помчался. До Берлина у него на протяженіи 162 километровъ нѣтъ остановокъ. Какъ бы то ни было, насъ туда довезутъ.

Безбилетные русскіе, ѣдущіе во время войны въ столицу враждебной страны, и особенно когда приказано ихъ задерживать тамъ, гдѣ ихъ застало начало военныхъ дѣйствій, не могутъ чувствовать себя спокойно.

Что съ нами сдѣлаютъ? Какія насъ ждутъ непріятности? Мы строили разныя догадки, стараясь найти выходъ изъ создавшагося положенія. Съ нами въ купе ѣхалъ только одинъ нѣмецъ, который при встрѣчѣ на разъѣздахъ съ воинскими поѣздами вставалъ и держалъ руку по-военному у шляпы. Не у него, конечно, было просить совѣта.

При подходѣ къ Берлину нашъ поѣздъ стали задерживать подолгу на маленькихъ станціяхъ, хотя никакихъ остановокъ не полагалось. Движеніе сгущалось и пути были заняты ранѣе пришедшими поѣздами. Уже ночью мы вошли подъ своды Ангальтскаго вокзала. Всѣ платформы были загружены горами багажа. Сундуки, чемоданы и корзины образовывали высокія стѣны прямо предъ вагонами и идти приходилось по узкимъ коридорамъ. Носильщиковъ не было. Перегруженные вещами пассажиры, толкаясь, пробирались къ выходамъ.

За барьерами стояла густая толпа встрѣчающихъ. Ихъ не впускали въ огражденную часть вокзала. Вытягивая шеи, они всматривались въ прибывшихъ, стараясь разглядѣть своихъ близкихъ. Цѣлые часы долгаго ожиданія и безпокойства читались на ихъ лицахъ. Царило напряженное молчаніе. Двѣ толпы въ тысячи людей встрѣчались послѣ тяжелаго и полнаго волненій дня, но люди сходились безъ радостныхъ привѣтствій, сосредоточенные и углубленные въ себя. Въ этой встрѣчѣ было нѣчто величественное и мрачное.

Затрудненія, которыхъ я ожидалъ въ качествѣ безбилетнаго пассажира, разрѣшились самымъ неожиданнымъ образомъ. Кассиръ доплатной кассы, выслушавъ мой разсказъ о билетахъ, оставшихся у привратника въ Галле, приказалъ выпустить насъ изъ вокзала безъ всякой доплаты.

— Я не могу принять отъ васъ доплатныхъ денегъ, такъ какъ у васъ нѣтъ совсѣмъ билета. Доплачивать можно только къ билету.

Разсужденіе это было несомнѣнно логично.

Въ выигрышѣ остался при этомъ оберъ-кондукторъ, на котораго была возложена обязанность насъ проводить до выхода. Онъ съ удовольствіемъ зажалъ въ рукѣ щедрый „тринкгельдъ" и мы получили свободу.

На ярко освѣщенной электрическими фонарями площади предъ вокзаломъ стояло множество людей. Было тепло. Въ нарядной и красивой толпѣ бѣлыя платья дамъ преобладали. Автомобили постоянно подъѣзжали къ вокзалу, подвозя военныхъ въ новенькихъ щегольскихъ мундирахъ боевого типа въ каскахъ, окутанныхъ чехлами изъ сѣрой матеріи. Проѣхали какіе-то принцы императорскаго дома съ характерными лакеями на козлахъ и особымъ трубнымъ звукомъ автомобильнаго рожка. Отъѣздъ высшихъ чиновъ на войну былъ въ полномъ разгорѣ. Толпа наблюдала его съ интересомъ, но никакими звуками не выдавала своихъ чувствъ.

Газетчики продавали вечерніе листки съ крупными заголовками. Русскія войска вступили въ восточную Пруссію. На Нюренбергъ французкіе авіаторы бросаютъ бомбы. Французы вошли въ Эльзасъ. Русскіе шпіоны пытались взорвать мостъ чрезъ Вислу.

Все это казалось совершенно невѣроятнымъ. Умъ отказывался вѣрить въ самый фактъ начала войны безъ отвѣта на ультиматумъ, который какъ будто еще не закрывалъ возможности мирнаго исхода, безъ дальнѣйшихъ переговоровъ, безъ передышки. Еще менѣе возможнымъ представлялось столь

быстрое развертываніе военныхъ событій. Извѣстіе же о воздушной бомбардировкѣ Нюренберга, вблизи котораго мы были сегодня утромъ, могло быть только глупой шуткой.

Дѣйствительность предъявляла, однако, къ намъ свои права. Мы были на улицѣ въ десятомъ часу ночи и намъ надо было найти себѣ пристанище. Гостиницъ вблизи Ангальтскаго вокзала довольно много. Мы обратились въ одну изъ ближайшихъ и сразу получили желаемое помѣщеніе. Толки о переполненіи гостиницъ въ Берлинѣ оказывались преувеличенными.

Я заполнилъ обычный гостиничный бланкъ, не скрывъ, конечно, что мы русскіе, и мы вошли въ лифтъ, чтобы подняться наверхъ. Въ это время къ намъ подбѣжалъ, прочитавшій мою запись, управляющій гостиницей и рѣзко сказалъ:

— Я васъ прошу выйти изъ лифта.

— На какомъ основаніи?

— Мы не можемъ дать вамъ помѣщеніе въ гостиницѣ.

— Почему? Вѣдь швейцаръ намъ уже отвелъ комнаты.

— Это ничего не значитъ. Помѣщеніе не можетъ быть предоставлено.

— Не потому ли, что мы русскіе?

— Да.

И на лицѣ управляющаго сверкнули недобрые глаза.

Быть изгнаннымъ на улицу мнѣ приходилось впервые и анализъ полученныхъ при этомъ впечатлѣній могъ бы представить даже нѣкоторый интересъ, если бы со мной не было усталыхъ спутниковъ и не надо было думать о томъ, чтобы не заночевать подъ открытымъ небомъ.

Мы двинулись дальше и направились въ другую гостиницу, гдѣ я неоднократно останавливался раньше и былъ до нѣкоторой степени извѣстенъ ея персоналу.

— Можете ли вы намъ дать комнаты, хотя мы и русскіе?—спросилъ я.

— Почему же нѣтъ? — любезно отвѣтилъ швейцаръ. — Но только я васъ долженъ предупредить, что васъ могутъ побезпокоить ночью.

— Кто и съ какой цѣлью?

— Полиція. Вотъ уже два дня, какъ она производитъ ночные аресты русскихъ. Мужчинъ забираютъ въ тюрьму. Семейства разъединяются. Жены и дѣти остаются одни.

— Для чего же это нужно?

— Германія наводнена шпіонами. Сдѣлано распоряженіе ихъ ловить. Вотъ и въ газетахъ пишутъ. Французскій авіаторъ бросалъ бомбы въ Нюренбергѣ. Русскій шпіонъ пытался взорвать мостъ въ Торнѣ.

— Неужели вы этому вѣрите?

— Теперь война. Надо принимать мѣры. Полиціи приказано арестовывать всѣхъ русскихъ. Нѣкоторыхъ уводили даже въ кандалахъ. Гостиницы обязаны немедленно доносить о всѣхъ прибывающихъ русскихъ. Поэтому я и предупреждаю васъ.

— Что же намъ дѣлать?

— Я совѣтую вамъ ѣхать сейчасъ же дальше въ Россію.

— Но вѣдь это невозможно?

— Попробуйте. Поѣзжайте на вокзалъ Фридрихштрассе.

— Мы не можемъ дѣлать такихъ попытокъ. Жена и ребенокъ нуждаются въ отдыхѣ.

— Какъ хотите. Комнаты во всякомъ случаѣ вы можете получить.

Подъ впечатлѣніемъ этого разговора, какъ только мы размѣстились въ предоставленныхъ намъ комнатахъ, я написалъ письма двумъ своимъ знакомымъ въ Берлинѣ о нашемъ прибытіи и грозящей моей семьѣ опасности быть разлученной со мной, прося, въ случаѣ надобности, оказать ей содѣйствіе. Одинъ изъ этихъ знакомыхъ былъ товарищъ прусскаго министра общественныхъ работъ баронъ фонъ-Кельсъ-фонъ-деръ Брюггенъ, первый делегатъ Германіи въ международной постоянной комиссіи судоходныхъ конгрессовъ. Еще въ маѣ 1914 года я видѣлъ его въ Брюсселѣ, гдѣ мы участвовали въ засѣданіи комиссіи и затѣмъ обѣдали у бельгійскаго министра общественныхъ работъ и земледѣлія Гелльпютта. Съ барономъ фонъ-Кельсомъ меня связывало много лѣтъ совмѣстной работы въ международномъ судоходномъ дѣлѣ и чувство взаимнаго уваженія. Онъ былъ въ С.-Петербургѣ на Конгрессѣ въ 1908 году и въ качествѣ перваго представителя Германіи былъ принятъ Государемъ Императоромъ. Другой мой корреспондентъ въ эту безпокойную ночь былъ инженеръ Гермельманъ, совѣтникъ прусскаго министерства общественныхъ работъ, тоже давній знакомый по конгрессамъ, относившійся ко мнѣ всегда съ особымъ расположеніемъ и вниманіемъ.

Ужинъ принесъ намъ лакей очень мрачнаго вида. На его лицѣ можно было ясно прочитать, что служитъ онъ русскимъ въ такіе дни только потому, что его заставляютъ, и не видитъ необходимости скрывать свою ненависть къ врагамъ Германіи. На мою благодарность онъ пробурчалъ какую-то угрозу.

— Не пойдетъ ли онъ сейчасъ же донести въ полицію на насъ, — мелькнуло въ моей головѣ,—и мнѣ до сихъ поръ думается, что этотъ натравленный правительствомъ и газетами на русскихъ человѣкъ сыгралъ какую-то скверную роль въ постигшихъ меня непріятностяхъ.

Ночью въ коридорѣ гостиницы и сосѣднихъ нумерахъ нѣсколько разъ поднимался шумъ и казалось, что приближается моментъ встрѣчи съ полиціей, но слѣдующій день засталъ меня еще на свободѣ.

Я рано ушелъ изъ дому, чтобы отыскать для семьи болѣе подходящее для длительнаго пребыванія въ Берлинѣ помѣщеніе. Утреннія газеты подробно излагали германскую версію начала войны, будто бы давно задуманной Россіей и навязанной ею Германіи. Ихъ съ жадностью читали спѣшащіе берлинцы. Только это нѣсколько измѣняло обычный дѣловой видъ города да носящіеся во всѣ стороны „военные“ автомобили. Вчерашней праздничной толпы не было. Всѣ шли съ дѣловымъ видомъ. Странное впечатлѣніе производили первыя женщины-кондуктора въ форменныхъ шапкахъ въ трамвайныхъ вагонахъ.

Въ тотъ же день мы переѣхали въ новое помѣщеніе въ Шарлоттенбургѣ въ гостиницѣ-пансіонѣ, гдѣ подолгу живали наши родственники и жили и въ настоящее время въ ожиданіи возможности вернуться въ Россію. Эта возможность казалась намъ весьма близкой. Вотъ кончится мобилизація, пойдутъ снова поѣзда и мы уѣдемъ въ Швецію или Данію.

Мысль, что насъ могутъ задерживать умышленно, никому не приходила въ голову. Хозяйка пансіона отнеслась къ намъ съ полнымъ сочувствіемъ и просила не безпокоится на счетъ денегъ.

— Если у васъ нѣтъ германскихъ денегъ, я могу ждать сколько хотите, хотя нѣсколько мѣсяцевъ. Вы даже можете прислать мнѣ деньги потомъ изъ Россіи.

Единственное ограниченіе, которое она на насъ налагала, состояло въ томъ, чтобы обѣдать у себя въ комнатѣ, а не въ общей столовой.

— У меня обѣдаетъ много военныхъ. Они говорятъ о войнѣ съ Россіей. Вамъ можетъ быть непріятно слушать ихъ разговоры,—въ такой деликатной формѣ она объяснила намъ нежелательность нашего присутствія среди ея другихъ жильцовъ.

Слѣдуя совѣту хозяйки, мы уединились отъ прочихъ жильцовъ пансіона въ своихъ комнатахъ. Насъ было пятеро: профессоръ Д. съ дочерью и я съ женою и сыномъ. Къ нашей группѣ присоединился еще профессоръ И. съ взрослымъ сыномъ, которые поселились въ одной изъ сосѣднихъ улицъ Шарлоттенбурга и посѣщали насъ ежедневно.

Наше положеніе казалось намъ необычнымъ, страннымъ, нѣсколько непріятнымъ, но никому не приходило на мысль считать его сколько-нибудь опаснымъ и мы продолжали думать, что чрезъ нѣсколько дней намъ удастся выбраться изъ Берлина. Намъ казалось, что для этого нужно только явиться въ испанское посольство, призванное охранять интересы русскихъ, и показать наши паспорты: три мирныхъ русскихъ профессора получатъ немедленно необходимые для выѣзда изъ Германіи пропуски.

Въ испанское посольство мы отправились на слѣдующій же день 3 августа. Это учрежденіе, которому пришлось сыграть особую роль въ участи десятковъ тысячъ русскихъ, задержанныхъ войной въ Германіи, пріютилось въ маленькомъ особнякѣ въ узенькой улицѣ Регентенштрассе. Одинъ конецъ этой улицы выходитъ на набережную рѣки Шпре, а другой упирается въ Тиргартенъ. Стоя у одного изъ концовъ, легко видѣть улицу на всемъ ея протяженіи.

Когда мы подошли къ углу Регентенштрассе, выходящему на набережную рѣки Шпре, мы увидѣли, что улица въ ея срединной части запружена народомъ. Толпа раздѣлялась на двѣ группы, занимая тротуары. Между ними оставался небольшой проходъ. Виднѣлись ожидающіе автомобили и экипажи. Нѣсколько рослыхъ полицейскихъ стояли въ разныхъ пунктахъ.

— Придется ждать очереди, — сказалъ я своему спутнику.—И долго. Вѣдь здѣсь сотни людей.

— Едва ли даже сегодня удастся дождаться. Но все же подойдемъ, посмотримъ.

Мы подвинулись впередъ. Ворота дома были наглухо заперты. Предъ ними стоялъ нарядъ полиціи. Вокругъ множество людей самыхъ различныхъ ранговъ и состояній ожидали возможности войти. Солнце палило невыносимо. Нѣсколько въ сторонѣ отъ русскихъ собралась кучка кучеровъ, шофферовъ, дворниковъ и прохожихъ. Они съ любопытствомъ и усмѣшками смотрѣли на русскихъ, обмѣниваясь замѣчаніями. Приблизившись, мы увидѣли, что среди ожидающихъ впуска въ посольство происходитъ нѣчто особенное, что собственно и привлекаетъ вниманіе германскихъ зрителей. Огромный городовой

строилъ русскихъ въ колонну по два въ рядъ, рѣзко хватая ихъ за плечи и передвигая на мѣсто. Выстраиваемые подчинялись командѣ, но, повидимому, недостаточно умѣло и быстро. Городовой ихъ подтягивалъ и считалъ.

— Посмотрите, какой въ Германіи во всемъ образцовый порядокъ, — сказалъ мой спутникъ. — Не то, что у насъ. Чтобы не было замѣшательства при впускѣ въ посольство, полиція сама всѣхъ выстраиваетъ на улицѣ и каждому опредѣляетъ нумеръ очереди.

— Вы такъ думаете? — раздался возлѣ женскій голосъ.

Молодая дѣвушка съ негодующимъ лицомъ повернулась въ нашу сторону и продолжала:

— Вы русскіе? И у васъ есть паспортъ?

На утвердительный отвѣтъ послѣдовало заявленіе:

— Есть! Хорошо! Постойте еще здѣсь двѣ минуты и васъ заберутъ въ участокъ.

Улица у испанскаго посольства оказалась просто ловушкой для русскихъ. Зная, что русскіе будутъ собираться къ этому мѣсту съ перваго же дня открытія дѣйствій посольства, какъ оффиціальнаго защитника интересовъ подданныхъ Россіи, германская полиція поставила у входовъ пикеты городовыхъ. Трудъ полиціи по ловлѣ „шпіоновъ" упростился, благодаря этому остроумному пріему, до крайней степени. Въ тихую улицу, укрытую отъ городского движенія и постороннихъ глазъ, русскіе шли сами густыми массами, ища помощи, шли съ своими документами въ карманахъ, устанавливающими ихъ личность, подданство, профессію. Можно ли было найти болѣе удобныя условія для массовыхъ арестовъ. Въ гостиницахъ, въ домахъ были возможны недоразумѣнія, ошибки, обманы. Здѣсь все было ясно, просто, наглядно. Оставалось только строить колонны, составлять комплекты, считать и отправлять по принадлежности. Вотъ эту операцію мы и застали въ полномъ ходу.

Окна посольства были закрыты плотными занавѣсками. Посольство, взявшее на себя защиту русскихъ, казалось, было глухо, нѣмо, слѣпо. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали мы въ то время. Потомъ я узналъ, что мы ошиблись. Одинъ господинъ, заслуживающій полнаго довѣрія, расказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что пока шли описываемыя событія на улицѣ предъ посольствомъ, онъ сидѣлъ въ кабинетѣ у посла и велъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Ему удалось при помощи маленькой военной хитрости проникнуть въ домъ и быть принятымъ посломъ. Цѣль была та же, что у всѣхъ — содѣйствіе въ отъѣздѣ въ Россію. Содѣйствія этого онъ получить не могъ, но зато имѣлъ возможность выслушать объясненія посла, оправдывающія занятое имъ положеніе.

— Я поставленъ въ страшное затрудненіе. Въ Берлинѣ оказались десятки тысячъ русскихъ. Что я могу для нихъ сдѣлать? У меня нѣтъ денегъ. У меня почти нѣтъ служащихъ. Мое помѣщеніе очень мало. А они всѣ хотятъ ко мнѣ войти. Вотъ посмотрите.

И посолъ, подойдя къ окну, приподнялъ уголокъ плотной сторы и показалъ своему собесѣднику толпу передъ воротами своего отеля.

— Я долженъ былъ обратиться къ германскому министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбой о содѣйствіи. Онъ обѣщалъ... Я былъ посломъ въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, когда возникла война съ Испаніей. У меня тамъ были большія непріятности. Я думалъ спокойно жить

въ Берлинѣ. А теперь берлинская толпа на улицѣ кричала и бросала камнями въ мой экипажъ...

Постоявъ нѣсколько минутъ предъ недосягаемымъ посольскимъ отелемъ, мы ушли. За нами, мѣрно выступая, стали двигаться колонны арестованныхъ русскихъ. Городовой шелъ впереди, а его плѣнные по два въ рядъ шли сзади. Среди нихъ были женщины и даже дѣти.

На этотъ разъ, благодаря систематичности дѣйствій берлинской полиціи, мы еще были свободны. Повидимому, аресты производились, съ соблюденіемъ очереди. Кто раньше пришелъ къ посольству, тотъ раньше попадалъ въ участокъ. Мы пришли поздно и были пока оставлены въ покоѣ. Будемъ ли мы арестованы при второй или третьей попыткѣ получить содѣйствіе для отъѣзда на родину—этотъ вопросъ вставалъ предъ нами во всей своей неприглядности, когда мы шли къ себѣ по тѣнистымъ набережнымъ рѣки Шпре.

„Что-то поднялось во мнѣ неопредѣленное, но тяжелое. Это было сожалѣніе къ себѣ, точно къ кому-то другому, но такое острое и жгучее, соединенное съ такимъ сознаніемъ несправедливости и насилія, что я готовъ былъ кричать, ругаться, сопротивляться. Но это было именно только мгновеніе. Темпераментъ у меня нѣсколько ироническій и спокойный, и, кромѣ того, во многихъ подобныхъ случаяхъ меня спасало любопытство. Если я окажу сопротивленіе караулу, я зналъ, что буду избитъ, можетъ быть изувѣченъ, можетъ быть умру въ тюремной больницѣ, и мои родные будутъ извѣщены, что я умеръ отъ тифа... Ну, а если я войду въ назначенную для меня камеру, то еще не знаю навѣрно, что будетъ дальше".

В. Короленко.

ГЛАВА IX.

Арестъ въ Берлинѣ и первая тюрьма.

Шпіономанія въ Берлинѣ.—Неистовства населенія.—Германская идеологія шпіонства.—„Die Russen sind wie die Wanzen."—Ночной арестъ.—Чрезъ Берлинъ съ агентами тайной полиціи.—Въ Берлинскомъ полицей-президіумѣ.—Нападеніе полицейскаго чиновника.—Въ одиночной камерѣ № 1—для тяжкихъ преступниковъ. — „№ Eins ist der Kugel sehr nahe".—„Entlassung!?".

По настоянію хозяйки нашей гостиницы весь день 4 августа мы провели дома. Она доказывала намъ, что при возбужденномъ настроеніи народныхъ массъ показываться на улицѣ иностранцамъ крайне опасно.

Газеты были наполнены воззваніями къ населенію о защитѣ страны отъ шпіоновъ.

— „Защищайте мосты, желѣзныя дороги, туннели отъ нападеній враговъ. Они разсыпались по всей нашей странѣ. Часто они надѣваютъ на себя личину совсѣмъ мирныхъ и безобидныхъ людей. Не вѣрьте имъ. Вслушивайтесь въ разговоры на улицахъ, трамваяхъ, вагонахъ городской желѣзной дороги. Всматривайтесь въ черты лица прохожихъ. Если услышите чужую рѣчь или иностранный акцентъ, если вы увидите не нѣмецкія лица, задерживайте такихъ людей и передавайте ихъ властямъ. Этимъ вы окажете важную услугу родинѣ".

Таковы были мысли, широко развивавшіяся въ газетахъ подъ грубыми заглавіями: „долой шпіоновъ", „ловите шпіоновъ" „берегитесь шпіоновъ" и т. п.

Звѣрь, спящій въ глубинѣ души многихъ внѣшне-культурныхъ германцевъ, подъ вліяніемъ такихъ ударовъ бича, проснулся и началъ неистовствовать. О проявленіяхъ этихъ неистовствъ, выразившихся въ оскорбленіяхъ невинныхъ людей словами и дѣйствіемъ, избіеніяхъ и, даже, убійствахъ, можно судить по фактамъ, попавшимъ на страницы газетъ или сообщеннымъ отдѣльными лицами. Полный счетъ совершенныхъ, подъ вліяніемъ вполнѣ сознательно и умышленно созданной германскимъ правительствомъ травли,—безобразій и преступленій, конечно, никогда не станетъ извѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что правительствомъ были приняты для сохраненія тайны самыя строгія мѣры.

При оцѣнкѣ этой стороны дѣятельности германскаго народа въ первое время послѣ объявленія войны, слѣдуетъ ясно представлять себѣ его отношеніе къ шпіонству. Германцы убѣждены въ томъ, что человѣкъ, сколько-нибудь любящій свою родину, не можетъ не быть шпіономъ. Быть въ чужой странѣ, видѣть и слышать что-либо важное для обороны своей и не сообщить объ этомъ кому слѣдуетъ, по мнѣнію пруссака, баварца или вюртембергца, немыслимо. Это есть долгъ совѣсти, долгъ чести по отношенію къ родинѣ. Такъ поступаютъ они сами; такъ, по ихъ понятію, и только такъ, могутъ поступать другіе.

Иная психологія, иное отношеніе къ шпіонству германцамъ совершенно непонятны. Только этимъ можно объяснить простоту, съ которой въ Германіи предлагается вопросъ иностранцамъ, извѣстнымъ своей ученой и общественной дѣятельностью, о томъ, не занимаются ли они шпіонствомъ. Негодующій отвѣтъ на такой вопросъ вызываетъ удивленіе и даже почти сожалѣніе въ спрашивающемъ.

Еще менѣе вѣрятъ въ Германіи искренности безразличнаго и безучастнаго отношенія къ дѣйствительнымъ интересамъ Россіи, проявляемаго къ ней множествомъ пріѣзжавшихъ за границу русскихъ. Дамы, которыя выбрасывали здѣсь тысячи отнятыхъ у родины денегъ на покупку вещей, сановники, тратившіе огромныя суммы на жизнь въ роскошныхъ отеляхъ и курортахъ, становятся имъ понятными только въ предположеніи наличія задней мысли—высмотрѣть, выслушать и сообщить домой цѣнныя для своей страны свѣдѣнія.

Укрѣпленію этого взгляда на русскихъ невольно помогъ и нашъ бывшій посолъ въ Берлинѣ сдѣланнымъ 18 іюля (31) заявленіемъ германскому министру иностранныхъ дѣлъ о томъ, что *всѣ* русскіе, пріѣзжающіе въ Берлинъ, подтверждаютъ ему принятіе Германіей противъ Россіи серьозныхъ военныхъ мѣръ, которыя, по ихъ словамъ, будто бы въ полномъ ходу (см. Оранжевую книгу). Свѣдѣнія, доставляемыя русскими, опровергаютъ при этомъ, по словамъ посла, указаніе германскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что въ Германіи были вызваны лишь офицеры изъ отпусковъ и возвращены войска съ маневровъ. Сообщенія *всѣхъ* пріѣзжающихъ въ Берлинъ русскихъ какъ бы противуполагались нашимъ посломъ утвержденіямъ германскаго министра иностранныхъ дѣлъ и доказывали, такимъ образомъ, огромную освѣдомленность нашихъ соотечественниковъ, путешествующихъ по Германіи...

Во всякомъ случаѣ это заявленіе было весьма кстати для германскаго правительства, которому надо было разогрѣть народныя силы и создать подъемъ духа, необходимый для „молніеноснаго“ наступленія.

Когда съ объявленіемъ войны началась регистрація русскихъ въ Германіи и впервые выяснились колоссальныя цифры ихъ во всѣхъ главныхъ городахъ страны, населеніе Германіи обуялъ страхъ предъ этой толпой „завѣдомыхъ“ шпіоновъ. Казалось, что ничего подобнаго раньше не было, что произошло совсѣмъ исключительное, небывалое нашествіе русскихъ. Его ставили въ прямую связь съ политикой русскаго правительства, будто бы хотѣвшаго во что бы то ни стало войны. Армія шпіоновъ была сознательно и заблаговременно послана изъ Россіи въ Германію, подъ видомъ профессоровъ, расточительныхъ дамъ, больныхъ генераловъ, купцовъ, приказчиковъ и пр. Она разсыпалась по всей странѣ, чтобы все видѣть и слышать,

а въ случаѣ надобности и дѣйствовать, взрывая мосты и туннели и затрудняя сборъ и передвиженіе войскъ.

— „Diese Russen sind wie die Wanzen!“—говорилъ при мнѣ одинъ полицейскій чиновникъ другому въ полицейскомъ управленіи на Александеръплатцѣ въ Берлинѣ.—„Чѣмъ больше ихъ выводятъ, тѣмъ ихъ больше оказывается“.

Такое отношеніе къ русскимъ, покоющееся на прочной психологической основѣ и правительственныхъ указаніяхъ, получило еще большую выпуклость, когда были объявлены въ газетахъ ближайшія цѣли дѣятельности группы русскихъ заговорщиковъ—увезти на автомобиляхъ изъ Германіи сто милліоновъ принадлежащаго Россіи золота. Это должны были, по словамъ инспирированныхъ газетъ, сдѣлать дамы.

„Ловите ихъ, не дайте увезти золото!“, таковъ былъ данный всюду лозунгъ.

Онъ вызвалъ жестокую охоту на автомобили. На дорогахъ устраивались засады. Между деревьями на высотѣ головы ѣдущихъ въ автомобилѣ натягивались проволоки. Въ результатѣ—убитые офицеры, банкиры, женщины—всѣ чистокровные германцы. Въ самомъ Берлинѣ городовой вцѣпился въ волосы трехъ ѣхавшихъ въ автомобилѣ нѣмецкихъ графинь, принявъ ихъ за переодѣтыхъ мужчинъ и желая сорвать парики. Этого городового судили и процессъ огласилъ все дѣло. Другую, ѣхавшую въ автомобилѣ даму, задержали на улицѣ и, отвезя въ участокъ, основательно обыскали, а затѣмъ произвели обыскъ въ ея номерѣ въ гостиницѣ. Такихъ и подобныхъ случаевъ было много.

Когда правительство увидѣло, что выпущенный имъ на свободу народный звѣрь не разбираетъ своихъ и чужихъ и дѣлаетъ бѣду, были приняты мѣры, чтобы его обуздать. Услужливая пресса перемѣнила фронтъ и рядъ статей рекомендовалъ бо́льшую осторожность въ преслѣдованіяхъ, особенно автомобилей, но прошло много времени, пока можно было водворить нѣкоторое спокойствіе.

Болѣе мѣсяца послѣ начала войны подъ однимъ изъ мостовъ городской желѣзной дороги, охраняемыхъ вооруженными добровольцами изъ народа, произошелъ такой случай. Дама, держа за руку ребенка, остановилась и, присѣвъ, стала завязывать у ребенка башмакъ. Стражъ потребовалъ ея немедленнаго ухода. Дама, берлинка, замѣшкалась. Стражъ вынулъ револьверъ и сказалъ, что будетъ стрѣлять. Собралась толпа, которая приняла сторону дамы и заняла угрожающее положеніе по отношенію къ стражу. Послѣдній вызвалъ городового и порядокъ былъ кое-какъ водворенъ.

Разсказывая эту исторію, берлинскія газеты вполнѣ оправдывали стража, находя, что онъ не только поступилъ правильно по инструкціи, но и по существу дѣла, такъ какъ подъ предлогомъ завязыванія башмака ребенку, могла остановиться подъ мостомъ женщина, принесшая запасъ динамита для взрыва, и осуществить это намѣреніе.

При такихъ обстоятельствахъ, казалось, дѣйствительно было благоразумнѣе сидѣть дома.

Вечеромъ 4 августа я вышелъ на нѣсколько минутъ, чтобы добыть газеты и получить экстраблатъ—листокъ съ военными свѣдѣніями, который для обработки общественнаго мнѣнія широко распространялся въ публикѣ

путемъ развоза его на автомобиляхъ и разбрасыванія по улицамъ. Доставъ желаемое и возвратился и въ обычное время легъ спать въ общей комнатѣ съ моей женой и сыномъ.

Сонъ нашъ былъ прерванъ въ четвертомъ часу утра стукомъ въ дверь. Я пріоткрылъ ее и увидѣлъ швейцара, который сообщилъ, что со мной желаетъ переговорить какой-то господинъ. Свѣтъ отъ зажженнаго въ коридорѣ электричеттва ярко освѣщалъ полуодѣтую фигуру швейцара и его измятое отъ сна лицо.

Въ этотъ день былъ задержанъ полиціей сынъ нашего сотоварища по германскимъ злоключеніямъ, профессора И.—молодой человѣкъ воинско-призывного возраста. „Не пришелъ ли И.?, подумалъ я; не случилось ли чего-нибудь съ его сыномъ". Я спросилъ швейцара, кто меня спрашиваетъ и не русскій ли онъ. На это послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ и въ нашу комнату быстро вошли изъ-за спины швейцара два коренастыхъ субъекта въ пиджакахъ. Они подступили вплотную ко мнѣ и одинъ, вынувъ изъ жилета какую-то бѣлую бляху на цѣпочкѣ, сказалъ:

— Мнѣ поручено васъ арестовать. Успокойте вашу жену (beruhigen Sie Ihre Frau).

Въ полумракѣ нашей комнаты, въ которую свѣтъ проходилъ чрезъ матовыя стекла и щель пріоткрытыхъ дверей, разсмотрѣть что-либо на бляхѣ было невозможно, но всѣ пріемы агентовъ не оставляли никакого сомнѣнія, что при малѣйшей попыткѣ неподчиненія я буду схваченъ ихъ мускулистыми руками. Наручники и револьверы, конечно, были въ ихъ карманахъ.

Я зажегъ электричество и сталъ одѣваться. Старшій агентъ занялся моимъ саквояжемъ, который просилъ ему указать.

— Англія тоже объявила намъ войну,—заявилъ онъ на нѣмой вопросъ моей жены.

Его тонъ былъ такой, что необходимость моего ареста послѣ объявленія Англіей войны Германіи становилась очевидной, какъ простое и явное слѣдствіе.

Изъ моихъ вещей его интересовали только книги и бумаги. Онъ попытался ихъ отобрать, но потомъ, съ моего согласія, рѣшилъ, что мы возьмемъ съ собою саквояжъ со всѣмъ его содержимымъ. Это впослѣдствіи принесло мнѣ нѣкоторую пользу, такъ какъ въ моемъ распоряженіи оказалось хоть немного бѣлья. На вещи моей жены и сына не было обращено вниманія. Обыска въ комнатѣ не дѣлалось. Дѣло имѣло такой видъ, какъ будто бы бралось то, значеніе чего было извѣстно заранѣе, или же какъ будто было все равно, что взять.

Пока я спѣшилъ одѣться, чтобы сократить всю эту тяжелую для жены и сына сцену, агентъ обмѣнялся нѣсколькими фразами съ моей женой, которая, лежа въ постели, старалась сохранить спокойствіе. Она мужественно поддерживала разговоръ о томъ, откуда мы пріѣхали, когда и куда ѣхали и проч. Мой мальчикъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на все происходившее со смѣсью страха и любопытства.

— Гдѣ ваши деньги?—спросилъ агентъ.

Я показалъ. Онъ сосчиталъ ихъ и отдалъ ихъ мнѣ.

— Нѣтъ ли у васъ оружія?

— Нѣтъ.—Агентъ обшарилъ меня руками.

Его спутникъ все время держался на сторожѣ, чтобы броситься на помощь при первой надобности.

Такой надобности не встрѣтилось. Я былъ готовъ слѣдовать туда, куда вела меня судьба, оружія у меня не было и сопротивленія я не оказывалъ.

— Возьмите вашъ багажъ и слѣдуйте за мной,—сказалъ агентъ.

Я поцѣловалъ жену и сына и пошелъ.

— Какъ мальчикъ спокоенъ,—замѣтилъ агентъ, выходя изъ комнаты.

Дверь за нами закрылась, мы быстро спустились по лѣстницѣ и вышли на улицу. Она была совершенно пуста. Силуэты деревьевъ чернѣли на темномъ небѣ. Фонари горѣли, какъ погребальныя свѣчи. На колокольнѣ Gedächniskirche раздался тяжелый звонъ часовъ. Было четыре часа утра. Мы шли быстро. Я несъ свой скромный багажъ.

— Не хотите ли поѣхать на автомобилѣ?—сказалъ агентъ.

— Куда же мы направляемся?

— На Александеръ-платцъ.

— Въ такомъ случаѣ лучше ѣхать.

— Но предупреждаю васъ, что за автомобиль должны заплатить вы; иначе идите пѣшкомъ и несите вещи.

Я не возражалъ и мы подошли къ стоянкѣ автомобилей, гдѣ, послѣ разговоровъ агентовъ въ полголоса съ шофферомъ, сѣли въ экипажъ и помчались. Я сидѣлъ со старшимъ агентомъ въ глубинѣ, напротивъ помѣщался второй агентъ. Крыша была открыта и предутренняя свѣжесть пріятно дѣйствовала на нервы. Автомобиль быстро плылъ по гладкимъ мостовымъ Тиргартена. Вѣтви деревьевъ нависали надъ нами. Сквозь ихъ чащу мигали огни. Все было такъ тихо и мирно. Большой городъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Не чувствовалось, что началась міровая война. Не было замѣтно и подпольной полицейской работы, которая шла, однако, въ это время всюду.

Мы молчали. Агенты меня ни о чемъ не спрашивали. Спрашивать ихъ мнѣ не хотѣлось, такъ какъ я былъ увѣренъ, что не получу сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Въ тихую лѣтнюю ночь ими совершалось предательство, одно изъ множества уже совершенныхъ и столь ничтожное по сравненію съ большимъ предательствомъ германскаго правительства, котораго мы были свидѣтелями и жертвами.

Не встрѣчая препятствій на пустынныхъ улицахъ, автомобиль шелъ полнымъ ходомъ и мы скоро остановились предъ подъѣздомъ огромнаго дома на какой-то незнакомой мнѣ улицѣ. Мы вышли. Шофферъ отвернулъ къ свѣту свой счетчикъ. Я заплатилъ ему и далъ на чай, получивъ бладарность. Было странно платить за причиненіе непріятностей и еще давать на чай...

Мы вошли въ зданіе и пошли по длиннымъ, плохо освѣщеннымъ корридорамъ. Я не зналъ, гдѣ мы, но офиціальный характеръ этого учрежденія бросался въ глаза. Безконечные корридоры во всѣхъ этажахъ— вдоль и поперекъ. Множество дверей. Надъ каждой дверью № и надпись. Все это напоминало наши камеры судебныхъ слѣдователей въ зданіи судебныхъ установленій въ Петроградѣ, но во множество разъ превосходило грандіозностью масштаба. Потомъ я узналъ, что это былъ знаменитый полицей-президіумъ Берлина, его главное полицейское управленіе, гдѣ централизована власть полицей-президента, распространяющаяся на самыя разнообразныя

стороны жизни столицы. Теперь здѣсь былъ созданъ главный пунктъ по дѣламъ русскаго „шпіонажа“.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, сюда русскихъ доставляли тысячами, томили ихъ въ огромной тюрьмѣ предварительнаго заключенія, находящейся тутъ же, допрашивали, сортировали и направляли по разнымъ назначеніямъ для дальнѣйшаго производства дѣла тѣхъ, кого не считали возможнымъ или нужнымъ отпустить.

Когда я попалъ въ это мрачное учрежденіе, которое долго будетъ будить въ русскихъ чувства ненависти къ германцамъ, оно поражало своей пустотой. Я думалъ, что встрѣчу, если не множество, то хоть нѣсколько человѣкъ, захваченныхъ подобно мнѣ. Но ни въ корридорахъ, ни въ камерахъ, мимо которыхъ мы шли, не было никого. Наши шаги гулко отдавались въ пустомъ зданіи, пока мы подвигались впередъ.

Въ комнатѣ, куда мы вошли, горѣлъ огонь и за длиннымъ столомъ стоялъ какой-то господинъ, которому сопровождавшіе меня агенты передали мой багажъ. Я долженъ былъ отдать ему мои деньги, которыя были въ моемъ присутствіи пересчитаны, и всѣ бумаги, бывшія у меня въ карманѣ. Затѣмъ я былъ отведенъ въ другую комнату, гдѣ мнѣ было предложено подождать.

Чрезъ нѣсколько минутъ господинъ, къ которому меня привели, вышелъ туда и, отрекомендовавшись „докторомъ“ такимъ-то, заявилъ, что онъ долженъ меня лишить свободы. Потомъ для меня стало ясно, что мой арестъ не былъ случайнымъ, что онъ былъ задуманъ и подготовленъ, что меня искали и взяли съ особыми предосторожностями, что вопросъ о моемъ заключеніи подъ стражу былъ предрѣшенъ и что на „докторѣ“ лежала лишь обязанность выяснить, арестованъ ли именно я. Для этого нужный матеріалъ дали ему мои бумаги и вещи. Тогда я всего этого не понялъ и думалъ, что меня задерживаютъ временно до прибытія судебной власти, которая должна меня допросить.

„Докторъ“ предложилъ мнѣ устроиться на диванѣ въ сосѣдней комнатѣ (machen Sie sich bequem) и посадилъ возлѣ меня на стульяхъ двухъ человѣкъ для предупрежденія побѣга. Одинъ сидѣлъ противъ меня—это былъ младшій изъ арестовавшихъ меня агентовъ тайной полиціи. Другой полицейскій въ формѣ съ револьверовъ на поясѣ—сидѣлъ въ проходѣ дверей.

Было еще темно. Скверная электрическая лампочка бросала на нашу группу красноватые лучи. Углы комнаты тонули во мракѣ. Физіономіи моихъ стражей выражали усталость и скуку.

У меня мелькнула было мысль, что я могъ бы, пользуясь приглашеніемъ высшаго чиновника, прилечь на диванѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, но я отъ нея отказался и, прислонившись къ спинкѣ, старался найти немного сна, чтобы быть достаточно бодрымъ, когда придется давать объясненія. Что у меня ихъ спросятъ и скоро, я не сомнѣвался. Нельзя же схватить человѣка ночью и не выслушать его показаній, а, убѣдившись въ ошибкѣ, не отпустить его немедленно назадъ. Мнѣ казалось, что порывшись, въ моихъ вещахъ, посмотрѣвъ мои книги и бумаги при участіи переводчика, который, какъ я думалъ, здѣсь долженъ быть, слѣдователь, позоветъ меня, задастъ мнѣ нужные вопросы и скажетъ—„вы свободны“. Я былъ такъ наивенъ, что ожидалъ извиненій за причиненное безпокойство и непріятности и

готовъ былъ искренно простить моихъ притѣснителей, понимая, что въ смутное время начала войны возможны такія ошибки.

Но часы шли, а наше тріо продолжало пребывать въ прежнемъ состояніи. Всѣ молчали. Агентъ не спускалъ съ меня глазъ. Полицейскій ерзалъ на стулѣ, вставалъ, садился вновь и выражалъ нетерпѣніе.

Сѣрое утро заглянуло въ окно. Потухло электричество. Физіономіи моихъ стражей стали сразу какъ будто грязнѣе. Въ корридорахъ послышалось движеніе. Явилась женщина для уборки комнатъ. Стали приходить чиновники. Ихъ голоса, грубые и пивные, ясно доносились до моего слуха. Слышались проклятья по адресу Россіи, Франціи и Англіи, сообщались послѣднія новости войны.

Вдругъ въ нашу комнату ворвался какой-то субъектъ, толстый съ торчащими усами, того гнуснаго типа, который вызываетъ органическое отвращеніе въ русскихъ, и, увидя меня сидящимъ на диванѣ, поднялъ страшный крикъ.

— Какъ!! Что!? Сидѣть на диванѣ! Можетъ еще подложить подушку!? Ага! Не подать ли шоколаду!? Встать немедленно!

Онъ съ видомъ разъяреннаго быка, но съ менѣе умной физіономіей, подскочилъ ко мнѣ, готовый кинуться въ рукопашную.

Агентъ и полицейскій, охранѣ которыхъ я былъ ввѣренъ, смотрѣли равнодушно на эту безобразную сцену. Кто былъ этотъ дикарь, я не зналъ и не знаю до сихъ поръ. Онъ схватилъ стулъ и поставилъ его у стѣны спинкой къ камерѣ.

— Сюда! Такъ сидѣть! Лицомъ въ стѣну! Не смотрѣть по сторонамъ!

Въ то время, когда я поднимался съ дивана, онъ увидѣлъ у меня часы.

— Что?! Часы! На какомъ основаніи!? Немедленно снять!

И онъ почти вырвалъ у меня часы и унесъ въ другую комнату. Вернувшись, онъ продолжалъ кричать:

— Часы! Ага, вы получили ихъ за цѣну крови. Измѣнникъ! У насъ есть для такихъ, какъ вы, звѣри въ зоологическомъ саду — пантеры, львы, тигры! Русскіе составятъ хорошую пищу для нашихъ звѣрей. Мы ихъ будемъ кормить теперь русскими! Да! Да!

Вопли дикаря собрали публику. Появились зрители изъ полицейскихъ чиновъ съ угрожающими лицами, видимо готовые повѣрить, что предъ ними злодѣй, который кому-то измѣнилъ и за цѣну крови получилъ золотые часы.

Приходилось стиснуть зубы и молчать, помня, что малѣйшая неосторожность можетъ отозваться гибельно не на мнѣ одномъ, но и на женѣ и на ребенкѣ. Молчать и сдерживать порывы клокотавшей и просившейся наружу злобы къ грубому и безсмысленному произволу. Не на улицѣ, не среди толпы, а въ стѣнахъ правительственнаго учрежденія правительственные агенты наносили тяжкія оскорбленія лицу, къ которому еще не было даже предъявлено никакого обвиненія.

Я былъ одинъ — ихъ было много, въ томъ числѣ вооруженные городовые. Никто изъ нихъ не выказывалъ намѣренія положить конецъ неистовству усатаго дикаря. Это неистовство продолжалось съ нѣкоторыми перерывами во второй и третьей комнатѣ, куда меня переводили по мѣрѣ того, какъ предшествующія, гдѣ меня держали, убирались или занимались чиновниками.

Со мной переходили и мои стражи. Агентъ тайной полиціи, окончившій свое ночное дежурство, былъ замѣненъ другимъ. Городовые смѣнялись три раза, передавая другъ другу кушакъ съ револьверомъ.

Неистовствующій дикарь находилъ меня и въ этихъ другихъ помѣщеніяхъ, врывался туда, кричалъ, поднималъ кулаки, поворачивалъ мой стулъ къ стѣнѣ. Стражи позволяли ему дѣлать, что угодно и кричать сколько хочетъ. Сами они молчали, изрѣдка обмѣниваясь замѣчаніями. Только последній городовой, занявшій охранный постъ возлѣ меня, оказался болѣе разговорчивымъ и въ одну изъ паузъ, между воплями дикаря, вступилъ въ бесѣду съ агентомъ тайной полиціи обо мнѣ.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Не знаю.

— Русскій?

— Да.

— Говоритъ ли онъ по-нѣмецки?

— Не знаю. Должно быть. Эти всѣ говорятъ. — Удареніе на „эти" было очень отчетливо, и было ясно, что агентъ былъ увѣренъ въ знаніи свойствъ русскихъ „шпіоновъ".

— Отказывается ли онъ отъ дачи показаній (weigert er jede Aussage)?

— Не знаю.

Эта бесѣда долго велась въ томъ же духѣ въ двухъ шагахъ отъ меня съ спокойно дѣловымъ видомъ, какъ будто рѣчь шла о неодушевленномъ предметѣ.

Наконецъ, меня увели въ то помѣщеніе, куда я пришелъ впервые ночью. Тамъ мнѣ отдали мой саквояжъ и предложили слѣдовать дальше. Меня велъ какой-то чиновникъ тупого и грубаго вида.

— Идите скорѣе! Не мѣшкайте! Иначе я вамъ долженъ буду помочь!

И онъ нагло схватилъ меня за пальто и сталъ тащить впередъ.

За нами шла цѣлая толпа служащихъ полицей-президіума, предводимая, тѣмъ же дикаремъ, который накидывался на меня цѣлое утро. Вся эта толпа кричала, жестикулировала, плевалась.

— Измѣнникъ! Измѣнникъ!

— Пфуй! Пфуй! Пфуй!

— Ну, братецъ, теперь ты не уйдешь!

— Ага, попался!

— Долго церемониться съ тобой не будутъ!

— Прямо подъ пулю.

— Завтра же утромъ тебя разстрѣляютъ!

— Нѣтъ не завтра, еще сегодня послѣ полудня!

Такіе крики провожали меня на протяженіи нѣсколькихъ длиннѣйшихъ корридоровъ, по которымъ мы шли. Куда меня вели, я не зналъ, но невольно ускорялъ шагъ. Толпа, однако, не отставала. Она почти бѣжала за мной, возрастая по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ и дичая все болѣе и болѣе.

Мы подошли къ широкой двери, надъ которой я прочелъ надпись: „Militär Gefängniss". Такъ вотъ какой былъ слѣдующій этапъ моихъ заключеній! Схваченный ночью, измученный и оскорбленный, безъ допроса и суда я попадалъ прямо въ военную тюрьму подъ аккомпаниментъ предсказаній по-

лицейскихъ чиновниковь, кричавшихъ, что пребываніе тамъ не будетъ длиннымъ и вскорѣ получитъ смертельный финалъ.

Дверь открылась и пропустила меня съ моимъ провожатымъ. Озвѣрѣвшая толпа полицейскихъ чиновниковъ осталась по ту сторону. Сразу стало тихо и жутко. Мы вошли въ тюремную контору. Здѣсь деньги, цѣнныя бумаги и часы были у меня отобраны, свѣдѣнія обо мнѣ были занесены въ книгу, и я долженъ былъ собственноручно расписаться на тюремномъ реестрѣ.

Операціи эти заняли нѣсколько минутъ времени, послѣ чего меня ввели въ корридоръ самой тюрьмы. Это была типичная тюрьма одиночнаго заключенія съ внутреннимъ двухъэтажнымъ корридоромъ, балконами и прочими атрибутами образцоваго пенитенціарнаго устройства. Внизу и на верху виднѣлись солдаты.

Одинъ изъ нихъ, повидимому старшій унтеръ-офицеръ, приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ въ особую комнату и немедленно раздѣться до нага.

— Неужели я долженъ сейчасъ надѣть арестанскій халатъ, подумалъ я, исполняя это приказаніе.

Оказалось, что раздѣваніе имѣло цѣлью самый тщательный осмотръ моихъ вещей и меня самого. Нѣтъ ли гдѣ скрытаго лезвія ножа или порошка яда, вотъ вопросъ, который съ изумительной быстротой и ловкостью разрѣшали профессіональные руки и глаза тюремщика. Каждый снятый предметъ онъ осматривалъ и ощупывалъ, особенно тщательно изучая швы и складки. Такимъ же образомъ были разсмотрѣны самые сокровенные уголки тѣла. Такъ обыскиваютъ, говорятъ, въ Африкѣ чернокожихъ рабочихъ въ бриллiантовыхъ копяхъ.

Послѣ обыска мнѣ было позволено одѣться и начался осмотръ моихъ вещей въ чемоданѣ. Всѣ онѣ были тщательно перечислены въ особой вѣдомости, которая за подписью унтеръ-офицера дана мнѣ. Вещи остались въ пріемной, при чемъ мнѣ не было оставлено ни книгъ, ни бумаги, ни карандаша. Всѣ эти дѣйствія были исполнены спокойно, дѣловито, безъ грубостей и оскорбленій. Также спокойно и дѣловито оберъ-тюремщикъ подвелъ меня къ двери, находившейся въ корридорѣ тутъ же рядомъ подъ № 1, открылъ ее и предложилъ мнѣ туда войти.

Дверь захлопнулась, замокъ щелкнулъ и я оказался въ одиночной камерѣ. Одного взгляда было достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что она предназначалась для особо тяжкихъ преступниковъ.

Окно имѣло очень толстый и густой желѣзный переплетъ и кромѣ того, было снабжено наружной прочной желѣзной рѣшеткой. Его низъ находился такъ высоко, что я не могъ достать до подоконника рукой. Плотно задѣланное въ стѣну, оно совсѣмъ не могло открываться и не имѣло форточки. Свѣта окно давало достаточно для камеры длиной въ шесть и шириной въ два шага, но воздухъ не могъ проходить чрезъ него.

Дверь толщиною дюйма въ три была обита изнутри толстымъ желѣзомъ, на которомъ были видны глубокія слѣды ударовъ каблуковъ заключенныхъ, колотившихъ въ дверь въ припадкахъ ярости или отчаянія. Дверь отворялась во внутрь и ея верхняя петля была покрыта колпакомъ изъ желѣза, не допускавшимъ возможности укрѣпить на ней веревку и повѣситься.

Въ цѣляхъ предупрежденія самоубійства въ камерѣ не было ни одного крючка, гвоздя или выступа. Въ ней не было никакой мебели. Въ одномъ

углу на полу лежалъ соломенный тюфякъ съ такой же подушкой, прикрытый сквернымъ одѣяломъ въ холщевомъ чехлѣ. Въ другомъ стоялъ ночной сосудъ изъ прессованнаго картона. Изъ такого же матеріала была вообще вся посуда, которая давалась въ камеру—кружка для воды и чашка для пищи. Возможность добыть черепокъ, которымъ можно было бы перерѣзать себѣ горло или артеріи, вполнѣ устранялась.

Стѣны были выбѣлены. На одной изъ нихъ надъ постелью неискусная рука нацарапала изображенія какихъ-то церквей съ огромными крестами.

Насколько я могъ убѣдиться впослѣдствіи, проходя по корридору тюрьмы, моя камера № 1 была единственной въ своемъ родѣ. Другія имѣли деревянныя койки и звонки, которые позволяли вызвать тюремщика въ случаѣ необходимости; платье и сапоги заключенныхъ выставлялись изъ нихъ за дверь для чистки.

Въ моей двери на высотѣ человѣческаго глаза помѣщалось отверстіе съ толстымъ стекломъ и крышкой снаружи. Въ него каждыя нѣсколько минутъ заглядываютъ, чтобы видѣть, что дѣлаетъ арестантъ. Крышка сдвигается съ особымъ характернымъ шумомъ и въ отверстіи появляется глазъ, невѣдомо кому принадлежащій, пытливый и непріязненный. Свѣтъ изъ окна ярко освѣщаетъ этотъ глазъ, такъ что лежа или сидя на своей соломенной постели, я вижу его въ подробностяхъ. Онъ всматривается въ меня, какъ въ какую-нибудь инфузорію подъ микроскопомъ, наблюдаетъ и изучаетъ.

Ночью камера освѣщается сильной электрической лампой, помѣщенной въ стѣнѣ подъ толстымъ матовымъ стекломъ на́дъ дверью. Ея лучи рефлекторъ отбрасываетъ на арестанта, который такимъ образомъ въ полной власти наблюдателя. Пытливаго глаза не видно, но его присутствіе выдаетъ стукъ отодвигаемой задвижки и полоска свѣта, которая вырисовывается на темномъ фонѣ двери.

Наблюденіе за арестованнымъ преслѣдуетъ двѣ цѣли—помѣшать ему лишить себя жизни и уловить доказательства преступленія. Чѣмъ тяжелѣе обвиненіе, тѣмъ наблюденіе чаще и настойчивѣе. Мнѣ, какъ помѣщенному въ камеру № 1, назначенную для особо опасныхъ членовъ общества, выпало на долю въ теченіе двухъ сутокъ, которыя я въ ней провелъ, непрерывное разсматриваніе чрезъ дверное оконце. Смотрѣлъ дежурный сторожъ, смотрѣлъ его начальникъ, смотрѣлъ директоръ тюрьмы, смотрѣли проходившіе съ разными порученіями полицейскіе чиновники и солдаты.

Днемъ смотрѣли молча и уходили, а ночью передавали свои наблюденія куда-то по телефону. Мой слухъ легко улавливалъ эти передачи, которыя дѣлались довольно громкимъ голосомъ:

— № 1 стоитъ въ углу.

— № 1 ходитъ по камерѣ.

— № 1 уже легъ.

— № 1 спитъ.

Какія заключенія выводились гдѣ-то въ глубинѣ полицейской канцеляріи изъ такихъ сообщеній о состояніи духа преступниковъ, какія улики выяснялись—это осталось для меня неразгаданной тайной. Но сонъ при такихъ условіяхъ становился прямо невозможнымъ. Лампа слѣпила глаза. Предъ дверьми слышались громкіе шаги. Когда они затихали, неминуемо раздавался звукъ отодвигаемой крышки отъ окошка, мелькала полоска свѣта и невидимый взглядъ до боли ясно чувствовался.

Хотѣлось встать, уйти или хотя бы отвернуться, но надо было не выказывать малодушія и оставаться неподвижнымъ съ чуть пріоткрытыми глазами. Нѣсколько минутъ наблюденія и затѣмъ снова монотонная передача:

— № 1 спитъ.

И такъ всю ночь. Съ разсвѣтомъ огонь потухалъ и интенсивность наблюденія уменьшалась.

Къ пыткѣ посредствомъ яркаго свѣта и непрерывнаго наблюденія присоединялась въ теченіе ночи еще пытка духотой. Единственное вентиляціонное отверстіе камеры, находящееся подъ потолкомъ надъ дверью, закрывалось наглухо. Въ камерѣ дѣлалось все жарче и жарче. Воздуха для дыханія становилось меньше. Приходилось снимать съ себя даже рубаху и въ такомъ видѣ лежать всю ночь.

Почему прекращалась вентиляція понять трудно: чрезъ небольшое отверстіе въ нѣсколько квадратныхъ дюймовъ, закрытое крѣпкою рѣшеткою и расположенное на высотѣ пяти аршинъ отъ пола, уйти арестанту нельзя вѣдь. Утромъ вентиляція востановлялась. Въ камерѣ становилось свѣжѣе, но задремать уже не удавалось, такъ какъ начиналась шумная жизнь военной тюрьмы.

Персоналъ ея былъ довольно многочисленъ. Точное раздѣленіе обязанностей мнѣ не извѣстно. Я имѣлъ дѣло со старшимъ унтеръ-офицеромъ, который завѣдывалъ пріемомъ и выпускомъ плѣнниковъ, съ раздатчикомъ пищи и съ уборщикомъ камеръ. Кромѣ нихъ было еще нѣсколько другихъ служащихъ съ какими-то спеціальными обязанностями.

Съ ранняго утра въ коридорѣ раздавалась громкая команда и ругань. Кричалъ старшій, кричали младшіе.

Рѣчь шла о раздачѣ утренняго кофе и хлѣба. Для этой цѣли имѣлась особая телѣжка, которая провозилась по корридору. Двери послѣдовательно открывались и каждому давалась чашка съ помоевидной тепловатой жидкостью, представлявшей собой наваръ жженнаго хлѣбнаго зерна, и кусокъ хлѣба. Жидкость была почти безвкусна: сахару къ ней не полагалось. Чашка такого же „кофе“ давалась на ужинъ часовъ около шести вечера.

Обѣдъ приносили часовъ въ двѣнадцать. Онъ состоялъ изъ миски похлебки съ кускомъ хлѣба. Похлебка была густая каша изъ гороха съ какими-то обрывками свинины и сала. Ѣсть ее можно было безъ отвращенія, но все же съ нѣкоторымъ усиліемъ.

За отсутствіемъ стола и стула, пищу приходилось ставить на полъ и ѣсть, сидя на углу тюфяка. На полу же цѣлый день стояла чашка съ водой для питья, которую нечѣмъ было прикрыть отъ пыли, такъ какъ у меня не было даже листа бумаги. Питаться при такихъ собачьихъ условіяхъ было очень непріятно и я ѣлъ и пилъ только потому, что опасался ослабѣть и утратить необходимую силу сопротивленія въ ожидавшихся столкновеніяхъ съ одичавшими нѣмецкими властями.

Помимо пищи и воды для питья, въ камеру подавалась вода для умыванья—разъ въ день утромъ въ большой чашкѣ съ кускомъ мыла, грубымъ полотенцемъ и гребешкомъ. Приносилось все это на табуретѣ, съ которымъ уносилось затѣмъ прочь.

За короткими перерывами, когда дверь камеры открывалась для указанныхъ надобностей, я оставался все время запертымъ. Большую часть дня

я ходилъ изъ конца въ конецъ моей кельи по пути, который топтало много ногъ, оставившихъ на полу настоящую тропинку. У меня не было чего читать. Я не имѣлъ на чемъ и чѣмъ писать. Даже мои очки были отъ меня взяты, такъ какъ вѣдь и стекломъ можно лишить себя жизни.

Приходилось погружаться въ мысли. Впрочемъ, было о чемъ и подумать. Я находился въ полной власти разъяренныхъ нѣмцевъ, которые, вѣроятно, вполнѣ искренно видѣли во мнѣ шпіона, и тамъ, гдѣ-то за стѣнами моей камеры, готовили мнѣ надлежащую участь. Что было поводомъ къ моему аресту, я не зналъ. Таинственность и предосторожности, съ которыми онъ былъ произведенъ, показывали, что ему придавалось важное значеніе. Осмотръ содержимаго моего чемодана съ бывшими въ немъ докладами международнымъ конгрессамъ, записками о созданіи въ Россіи новой сѣти водяныхъ путей и новаго высшаго техническаго учебнаго заведенія, казалось, должны были быстро убѣдить ихъ въ ошибкѣ. Но этого не случилось и мое заключеніе въ военную тюрьму послѣдовало послѣ длительнаго изученія моихъ книгъ и рукописей.

Казалось, что искали не истины, а подтвержденія предвзятаго мнѣнія. Какъ съ этимъ бороться, если даже будетъ еще данъ какой-нибудь шансъ для защиты себя? Что говорить? Какъ говорить? И мысль лихорадочно работала, создавая на нѣмецкомъ языкѣ стройное и послѣдовательное изложеніе фактическихъ обстоятельствъ моей поѣздки по Германіи, ея задачъ, цѣлей и условій, при которыхъ она прервалась.

Все это казалось яснымъ и убѣдительнымъ, но часы проходили, меня никуда не звали для объясненій, никто не приходилъ ко мнѣ. Да и позовутъ ли? Нужны ли имъ какія-либо объясненія? А если все рѣшено заранѣе и ослѣпленной ярости нужны только жертвы? А если нуженъ устрашающій примѣръ для другихъ, который сразу показалъ бы, какъ Германія рѣшила бороться съ шпіонажемъ?

Прочитанныя наканунѣ статьи въ газетахъ о разстрѣлянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи русскихъ, будто бы пойманныхъ за вывѣдываніемъ военныхъ тайнъ, давали полное основаніе къ такому предположенію. Цинизмъ этихъ статей былъ неподражаемъ. Вывѣдываніемъ военныхъ тайнъ признавалось, напримѣръ, стояніе на мосту и смотрѣніе въ воду.

Ждать сколько-нибудь справедливаго отношенія къ себѣ при такихъ условіяхъ не приходилось. Но въ то же время все существо мое возмущалось при мысли о невозможности защиты себя отъ гнусныхъ обвиненій. Какъ побороть эту невозможность, что сдѣлать, къ кому обратиться? Я видѣлъ только тюремныхъ сторожей, которые знали исключительно свое дѣло и въ разговоры не вступали.

Въ началѣ второго дня дверь въ мою камеру неожиданно открылъ господинъ въ черномъ статскомъ сюртукѣ съ орденомъ желѣзнаго креста въ петлицѣ и связкой ключей въ рукахъ. Онъ спросилъ меня, почему я заключенъ въ тюрьму. Я отвѣтилъ, что не знаю.

— Давно ли вы здѣсь?

— Со вчерашняго ранняго утра.

— Когда вы были арестованы?

— Вчера ночью.

— Допрашивали васъ?

— Нѣтъ.

— Говорили ли вамъ, въ чемъ вы обвиняетесь?

— Нѣтъ.

— Не можете же вы тутъ такъ сидѣть! Что-нибудь они должны тамъ рѣшить!

Я видѣлъ, что предо мной какое-то начальство. Тонъ былъ вѣжливый. Рѣчь приличная. Служебное положеніе моего собесѣдника мнѣ было неизвѣстно. Я склоненъ былъ думать, что это какой-нибудь инспекторъ тюремнаго вѣдомства. Впослѣдствіи оказалось, что это начальникъ тюрьмы. Я разсказалъ ему, кто я и какъ былъ арестованъ. Онъ внимательно меня слушалъ.

— Вамъ надо подать заявленіе о томъ, чтобы васъ допросили.

— Какъ же это сдѣлать? У меня нѣтъ ни бумаги, ни чернилъ.

— Я скажу, чтобы вамъ дали бланкъ и вы напишите, что требуете допроса. Не можете же вы тутъ такъ сидѣть!—сказалъ онъ снова.

Я благодарилъ и спросилъ, когда этотъ бланкъ будетъ принесенъ.

— Сегодня же.

Видя передъ собой человѣка, съ которымъ можно было разговаривать. и который относился ко мнѣ, если не съ участіемъ, то со вниманіемъ, я сообщилъ ему, что у меня есть опасенія, не арестованы ли также моя жена и сынъ. Поводомъ къ этому предположенію явился слышанный чрезъ стѣну камеры разговоръ старшаго тюремщика съ какимъ-то мальчикомъ. Моя камера была рядомъ съ пріемной комнатой, гдѣ производился обыскъ арестованныхъ.

— Есть у тебя перочинный ножъ?—говорилъ тюремщикъ.

— Да.

— Давай сюда.

— Вотъ онъ.

Стѣна очень заглушала голоса и въ тихихъ отвѣтахъ мальчика мнѣ казалось я слышу голосъ сына. Если онъ взятъ, значитъ взята и жена. Гдѣ она, куда она помѣщена, этого я не могъ себѣ представить. Что будетъ съ ней при ея болѣзни въ такой ужасной обстановкѣ? Что будетъ съ моимъ сыномъ, если его помѣстятъ одного въ одиночную камеру? Это были мучительныя мысли. Они сверлили голову, требуя отвѣта.

Я воспользовался присутствіемъ начальника тюрьмы, чтобы его спросить объ этомъ. На высказанныя мной опасенія онъ отвѣтилъ категорически, что такихъ арестантовъ у него нѣтъ. Стало нѣсколько легче. Я прождалъ затѣмъ весь день обѣщаннаго бланка, но его не получилъ и больше начальника тюрьмы не видалъ.

На третій день моего пребыванія въ заключеніи, часовъ около 7 утра, я услышалъ въ коридорѣ громкій окрикъ:

— Numero Eins—Entlassung!

Я зналъ, что я Numero Eins и зналъ значеніе слова Entlassung. Я нѣсколько разъ слышалъ его въ предшествующіе дни. Отъ времени до времени по коридору раздавались спѣшные шаги и кто-то кричалъ № такой-то—Entlassung. Затѣмъ кого-то приводили въ смежную съ моей камерой пріемную и я слышалъ, какъ ему возвращали вещи, послѣ чего онъ уходилъ изъ тюрьмы.

Въ моемъ умѣ сложилось представленіе, что это былъ уходъ на свободу. Разсмотрѣвъ дѣло, убѣдились, что арестовали невиннаго, и выпустили. Это представленіе особенно укрѣпилось, когда до меня разъ долетѣли угрозы, обращенныя къ одному изъ отпускаемыхъ старшимъ тюремщикомъ.

— Вы нѣмецъ, а попались. Васъ освободили. Идите теперь и не вызывайте больше подозрѣній (machen sie sich nicht mehr verdächtig!).

Слушая такія слова, я все ждалъ, что вотъ-вотъ явится кто-то невидимый мной и посланный оттуда изъ нѣдръ этого колоссальнаго полицей-президіума, чтобы закричать, что № 1 тоже свободенъ и что его надо отпустить. Но дни проходили, не принося такого распоряженія.

Въ концѣ второго дня я услышалъ разговоръ о № 1, но совершенно другого содержанія. Пришедшій дѣлился съ тюремщиками новостями дознаній и разслѣдованій. Это могъ быть сторожъ или чиновникъ полиціи.

— Numero Eins ist der Kugel sehr nahe,—сказалъ онъ между прочимъ.

Эти явственно дошедшія до моего слуха слова изгнали всякую надежду на Entlassung. Въ воображеніи рисовалась тайная канцелярія, гдѣ стряпаютъ приговоры, не спрашивая ни о чемъ обвиняемыхъ и совершенно презирая самую элементарную справедливость. Еще болѣе усиленный надзоръ ночью чрезъ оконце въ дверяхъ подтвердилъ, что степень „опасности" преступника возросла и необходимость сохранить его невредимымъ для „пули" увеличилась. И вотъ послѣ всего этого 7 августа:

— Numero Eins—Entlassung!

Неужели же они прозрѣли, убѣдились въ своей ошибкѣ и рѣшили меня отпустить? Какіе благородные люди! Значитъ и въ современномъ Берлинѣ, какъ во времена Фридриха-Великаго, еще есть судьи. Имъ понадобилось много времени, чтобы принять это рѣшеніе, но все же они его приняли.

Чрезъ минуту дверь моей камеры открылъ старшій тюремщикъ и пригласилъ меня въ пріемную комнату. Онъ возвратилъ мнѣ мой саквояжъ съ вещами, послѣ ихъ тщательной провѣрки, далъ мнѣ мою шляпу и зонтикъ и предложилъ слѣдовать за нимъ въ контору, гдѣ мнѣ должны были возвратить деньги, акредитивъ и часы.

Въ конторѣ все это было провѣрено чиновникомъ и я расписался въ полученіи. Въ моихъ карманахъ лежали снова бумажникъ, портмоне, часы; въ рукахъ у меня былъ саквояжъ съ вещами. Но моихъ книгъ, рукописей и записныхъ книжекъ мнѣ не возвратили. Что это значило? Какъ надо было понимать такое отношеніе къ этимъ документамъ? На эти вопросы я получилъ вскорѣ самый непререкаемый отвѣтъ.

Изъ сосѣдней комнаты вышелъ толстый субъектъ въ курткѣ и шапкѣ съ синими кантами, такими же, какіе у насъ отличаютъ тюремное вѣдомство. Онъ былъ вооруженъ. Чрезъ плечо у него висѣла огромная сумка.

— Вотъ этотъ человѣкъ!—сказалъ ему служащій конторы, показывая на меня пальцемъ. Вотъ его препроводительныя бумаги. Вы отвезете его сейчасъ же. И затѣмъ, наклонясь къ уху слушателя, добавилъ въ полъ-голоса: „sehr wichtig".

Иллюзіи исчезли. Освобожденіе изъ полицейской военной тюрьмы произошло только для того, чтобы перемѣстить меня въ какое-то невѣдомое будущее при посредствѣ стоящаго предо мной толстаго агента съ тупымъ равнодушнымъ лицомъ, который готовъ былъ, какъ и всѣ въ его странѣ, точно, строго и неуклонно исполнить приказаніе начальства.

— Идите за мной,—сказалъ онъ мнѣ и мы стали спускаться по узкой лѣстницѣ въ тюремный дворъ.

Помните узниковъ, какъ бы и вы съ ними были въ узахъ.
Посланіе къ евреямъ, гл. 13, ст. 3.

Глава X.

Вторая тюрьма.

По Берлину въ секретномъ отдѣленіи тюремной кареты. — Королевское прусское военно арестное учрежденіе. — Опросъ и обыскъ. — Снова въ одиночной камерѣ. — Подъ надзоромъ прусскаго сержанта. — „Sie sind ein Kriegsgefangener". — „Er weiss zu viel!" — Письма изъ тюрьмы. — Отвѣтныя письма. — Тюремный день. — Военно-учебныя поля посреди Берлина. — Русскій гимнъ на ночномъ ученьи германскихъ солдатъ. — Прогулки. — Внутренній часовой.

Слѣдуя за моимъ новымъ стражемъ, я сошелъ въ тюремный дворъ. Его окружали высокія стѣны многоэтажныхъ зданій. Несмотря на яркое солнце, которое сіяло на безоблачномъ небѣ, здѣсь было мрачно.

На дворѣ, выстроившись въ рядъ, стояли тюремныя кареты. Ихъ было шесть или больше. Черныя съ синими полосками по краямъ, ярко отполированныя, ихъ кузова не имѣли оконъ. Единственнымъ отверстіемъ была узкая входная дверь сзади, верхняя рѣшетчатая часть которой пропускала внутрь свѣтъ. Всѣ кареты были запряжены, кучера сидѣли на своихъ мѣстахъ. Ѣхать было можно по первому приказанію.

Двери были открыты и внутреннее устройство этихъ экипажей становилось ясно съ перваго взгляда. По сторонамъ двери — два шкафа, запирающіеся каждый особой глухой дверью, а далѣе нѣчто вродѣ омнибуса съ двумя продольными скамьями, на которыхъ могло помѣститься по 4—5 человѣкъ. Окрашенныя внутри свѣтло-желтой краской, тюремныя кареты Берлинскаго полицей-президіума, вѣроятно, казались своимъ творцамъ чуть не произведеніемъ искусства.

— Идите сюда, — сказалъ мой проводникъ, оказавшійся кондукторомъ такого своеобразнаго экипажа. Онъ открылъ дверь одного изъ шкафовъ.

— Влѣзайте!

Шкафъ имѣлъ размѣръ менѣе квадратнаго аршина. Въ уголкѣ у него находилась низкая полка, на которой можно было присѣсть. Для помѣщенія ногъ въ нижней части служила впадина, выходившая за предѣлы собственно шкафа.

— Садитесь сюда!

Кондукторъ схватилъ мой саквояжъ, который рѣшительно не вмѣщался въ шкафѣ вмѣстѣ со мной, и рѣзкимъ движеніемъ захлопнулъ дверь, щелкнувъ ключемъ. Я оказался въ тѣсномъ пространствѣ вертикально поставленнаго гроба. Со всѣхъ сторонъ у меня были доски, которыя прижимались ко мнѣ такъ, что я едва могъ шевельнуться. Было душно и темно. Слабый свѣтъ проникалъ сквозь щели небольшого вентиляціоннаго отверстія въ верхней части двери.

— Вотъ что значитъ быть „вихтигъ“ — пронеслось въ моей головѣ. Обыкновеннаго преступника сажали, очевидно, внутри омнибуса на скамейку. Меня, какъ особо важнаго, надо было запереть въ этотъ шкафъ.

Нѣсколько освоившись съ необычнымъ состояніемъ заживо погребеннаго, я сдѣлалъ попытку подняться и посмотрѣть въ щель вентилятора. Оказалось, что, стоя въ согнутомъ положеніи, можно кое-что видѣть, чѣмъ я и воспользовался.

Къ моей каретѣ подвели какую-то дѣвушку и посадили въ общее отдѣленіе. Мнѣ хотѣлось заговорить съ ней и спросить, кто она и какъ попала въ цѣпкія руки прусскихъ тюремщиковъ, но я подумалъ, что голосъ, выходящій изъ нѣдръ кареты, можетъ ее только испугать и отказался отъ своего намѣренія. Во дворѣ шли переговоры между собравшимися вмѣстѣ кондукторами и чиновниками тюрьмы. Изрѣдка раздавались громкіе возгласы. Лошади фыркали и нетерпѣливо стучали копытами по мостовой двора. Затѣмъ все стихло вокругъ моего шкафа. Карета продолжала стоять.

— Выходите, — вдругъ закричалъ мой кондукторъ, быстро открывая дверь. — Садитесь сюда!

И онъ перевелъ меня въ другую подобную же карету, которую было рѣшено отправить ранѣе. Я снова былъ заключенъ въ такой же шкафъ; дверь за мной также закрылась; затѣмъ, кондукторъ захлопнулъ и наружную дверь, сталъ на подножку и мы тронулись.

Куда? Зачѣмъ? Воображеніе рисовало мрачныя картины вѣроятнаго суда надъ „шпіонами“, суда немногословнаго съ витающей надъ нимъ смертью. Подсудимые всѣ обречены и разговаривать съ ними не о чемъ. Надо исполнить только формальности и требованія точной регистраціи. Кто? Откуда? Для чего прибылъ въ Германію? Какой бы ни былъ отвѣтъ на послѣдній вопросъ, онъ будетъ признанъ неправильнымъ, если обреченный не вздумаетъ самъ признать себя шпіономъ. Суровый и жестокій судъ объявитъ таковымъ каждаго и онъ, по законамъ военнаго времени, долженъ будетъ понести наказаніе немедленно тутъ же, гдѣ-нибудь вблизи на полѣ или на дворѣ. Ему свяжутъ руки, потомъ завяжутъ глаза, привяжутъ къ столбу или прислонятъ къ стѣнѣ. Нѣсколько выстрѣловъ и все будетъ кончено. Трупъ положатъ на повозку и увезутъ или, быть можетъ, зароютъ здѣсь же въ наскоро вырытой ямѣ. А можетъ быть судъ, заочный и безгласный, уже былъ, и теперь дѣло идетъ уже къ исполненію приговора?..

Сидя въ темномъ ящикѣ и имѣя въ лучшемъ случаѣ передъ глазами горизонтъ, который можетъ открываться чрезъ узенькую щель вентилятора, я долго не могъ опредѣлить по какимъ улицамъ мы ѣдемъ и въ какую сторону направляемся. Мнѣ представлялось, что меня везутъ куда-нибудь за городъ, гдѣ производятся казни вдали отъ глазъ населенія столицы. Но, быть можетъ, въ военное время для этой цѣли пригодны и дворы казармъ? Предсказаніе провожавшей меня по коридору полицейскаго управленія озвѣрѣлой толпы чиновниковъ начинало, повидимому, сбываться. Меня везли къ любезной имъ конечной цѣли. По странной игрѣ мыслей меня въ данную минуту болѣе занималъ, однако, не этотъ важный предметъ, а вопросъ, по какимъ улицамъ и по какому направленію мы ѣдемъ, и я былъ доволенъ, когда по нѣсколькимъ уловленнымъ въ щель силуетамъ домовъ и вывѣскамъ, узналъ, что мы на Унтеръ-денъ-Линденъ. Здѣсь мысль опять сдѣлала пры-

жокъ и я вспомнилъ, какъ, еще недавно совершенно свободный, ходилъ здѣсь съ семьей и какъ быстро непрочная судьба внесла въ наше существованіе рѣзкую перемѣну.

Карета свернула въ сторону. Потянулся рядъ неизвѣстныхъ улицъ. Остановились. Кондукторъ говорилъ съ кѣмъ-то. Кто-то вошелъ въ экипажъ и помѣстился въ общей кабинѣ. Ѣдемъ дальше. Еще нѣсколько поворотовъ и новая остановка. Меня не выпускаютъ. Снова входятъ какіе-то люди и занимаютъ мѣста въ экипажѣ. Я смутно ихъ вижу чрезъ щель. Они въ штатскомъ платьѣ и весьма развязно болтаютъ между собой, грубо, свободно и громко. Кондукторъ стоитъ у открытой двери и принимаетъ участіе въ разговорѣ. Очевидно, это не преступники, а какіе-то чиновники тюремнаго вѣдомства, которые пользуются нашимъ экипажемъ для переѣздовъ изъ одного учрежденія въ другое. Имъ весело и они галдятъ. Подъ шумъ ихъ голосовъ ѣдемъ дальше.

Вдругъ одинъ изъ нихъ соображаетъ, что въ деревянномъ ящикѣ рядомъ съ ними сидитъ живой человѣкъ. Можетъ быть, ему это сообщаетъ кондукторъ. И тутъ начинается издѣвательство надъ невидимымъ заключеннымъ.

— Ага, голубчикъ, попался! — И въ мою дверь влетаетъ увѣсистый ударъ сапога. Дверь трещитъ, но въ Пруссіи тюремныя двери хороши даже въ каретахъ.

— Не уйдешь теперь!—кричитъ другой.

Крики усиливаются, сплетаясь съ бесѣдой этихъ господъ между собой. Они меня не видятъ, но я вижу ихъ злыя лица. Я для этихъ чиновниковъ прусскаго тюремнаго вѣдомства олицетвореніе идеи врага отечества и они съ возрастающей яростью шлютъ по моему адресу выраженія ненависти и предсказанія скораго возмездія.

Такъ проходитъ не мало тяжелыхъ минутъ. Наконецъ, мы пріѣзжаемъ. Карета останавливается, чтобы выпустить меня.

— Пріѣхалъ!—кричатъ мнѣ мои спутники.—Отсюда уже нѣтъ возврата (hier giebt es kein Ausgang)!

— Одинъ исходъ—пуля!

— Здѣсь долго возиться не станутъ!

— Еще сегодня разстрѣляютъ!—И грубый, захлебывающійся въ ярости, хохотъ покрываетъ эти крики

Кондукторъ открываетъ мою дверь. Она откидывается во внутрь коридора кареты и закрываетъ меня отъ полныхъ ненависти взглядовъ моихъ спутниковъ.

Я схожу на мостовую. Два солдата направляютъ на меня штыки своихъ ружей, почти прикасаясь остріемъ ко мнѣ. Значеніе мое, какъ преступника, очевидно, очень возросло. На тротуарѣ толпятся люди. Предомной входъ въ какой-то большой домъ. У входа солдаты. Одинъ изъ нихъ схватываютъ мой саквояжъ. Я иду вслѣдъ и новыя двери захлопываются за моей спиной. Куда меня привезли? Что здѣсь будутъ со мной дѣлать?

Солдаты ведутъ меня по свѣтлому коридору въ большую комнату, гдѣ за высокой конторкой стоитъ пожилой прусскій маіоръ. За другимъ столомъ пишутъ унтеръ-офицеры. Я, очевидно, въ военномъ учрежденіи. Все кругомъ чисто, спокойно, даже нѣсколько торжественно. Или, быть можетъ, это мнѣ такъ кажется въ первыя минуты послѣ путешествія по Берлину въ гро-

бовидномъ шкафу и издѣвательствъ сопровождавшей меня тюремной администраціи?

Маіоръ взялъ доставленныя ему препроводительныя бумаги и дѣловито прочелъ ихъ, пока я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ и ждалъ, что будетъ дальше?

— Вы говорите по-нѣмецки?—спросилъ онъ меня и сейчасъ же съ тонкой иронической улыбкой добавилъ въ сторону: — Ну, конечно, эти всѣ говорятъ!

Не оставалось сомнѣнія, что преступники моего типа не могутъ не говорить по-нѣмецки.

Онъ взялъ мой паспортъ и, дѣлая изъ него какія-то отмѣтки въ книгѣ, сказалъ:

— Въ вашемъ паспортѣ значится, что вы были командированы заграницу. Кѣмъ именно?

— Высшей технической школой въ Петербургѣ—институтомъ инженеровъ путей сообщенія.

— Хорошо. Какъ же опредѣлялась цѣль вашей командировки (wie lautete Ihr Kommando?).

— Мнѣ было поручено осмотрѣть нѣкоторыя техническія учебныя заведенія, въ особенности гидротехническія лабораторіи, а также нѣкоторые торговые порты Балтійскаго моря—въ Даніи, Швеціи и Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ отпускъ для леченія.

— Когда же вы пріѣхали въ Германію?

Я объяснилъ, указавъ, что дата точно указана въ паспортѣ штемпелемъ Эйдкуненскаго полицейскаго управленія, сообщилъ о поѣздкѣ въ Данію и Швецію, о леченіи въ Киссингенѣ, прерванномъ войной.

— Вы, осматривали порты?

— Да, мнѣ пока удалось быть въ Даніи и Швеціи; германскихъ торговыхъ портовъ Балтійскаго моря я еще не успѣлъ посѣтить.

— Гм! Хороши теперь будутъ наши порты!—пробурчалъ маіоръ и отдалъ въ полголоса какія-то распоряженія унтеръ-офицеру.

Меня отвели въ сосѣднюю комнату и здѣсь въ присутствіи нѣсколькихъ солдатъ былъ произведенъ тщательнѣйшій обыскъ, такой же, какъ и въ тюрьмѣ на Александръ-Платцъ. Я долженъ былъ совсѣмъ раздѣться. Всѣ мои вещи были перетрясены и прощупаны по швамъ. Подкладки были изслѣдованы чрезвычайно внимательно и только послѣ этого я могъ одѣться вновь. Мой саквояжъ былъ открытъ и все въ немъ разсмотрѣно поштучно. Оставшіяся тамъ нѣсколько техническихъ книгъ на русскомъ и датскомъ языкахъ, не признанныя важными властями полицей-президіума, были отобраны и унесены въ канцелярію. Взяты были и двѣ пары ножницъ. Унтеръ-офицеръ, производившій досмотръ, показалъ ихъ маіору и спросилъ:

— Оставить ножницы?

— Нѣтъ. Возьмите ихъ къ себѣ. Не извѣстно еще, какое наказаніе онъ получитъ (man weiss nicht, was der kriegt), — сказалъ маіоръ въ поясненіе, чуть понижая голосъ, но такъ, что я явственно слышалъ эти слова съ слишкомъ яснымъ смысломъ.

Меня могла ждать, по мнѣнію маіора, такая участь, предъ которой самоубійство посредствомъ ножницъ могло казаться пріятнымъ, а потому

этотъ предметъ соблазна долженъ былъ быть устраненъ изъ моего пользованія.

— Спрячьте ножницы. Вы будете давать ихъ ему при себѣ, когда будетъ нужно,—сказалъ маіоръ въ заключеніе.

Затѣмъ былъ сдѣланъ точный счетъ моихъ денегъ, германскихъ и русскихъ; онѣ были отнесены въ канцелярію съ другими документами и я получилъ формальную расписку. Вся эта процедура опроса, обыска, досмотра и проч. заняла минутъ двадцать времени. Другихъ преступниковъ, кромѣ меня, не было, и дѣло дѣлалось неторопливо и методически. Какъ оно ни было непріятно для меня по своему существу, я долженъ сказать, что обращеніе со мной было корректное. Люди исполняли свои обязанности, крайне для меня прискорбныя, но не пользовались своей властью, чтобы оскорблять узника. Послѣ полицей-президіума этотъ контрастъ производилъ жуткое впечатлѣніе какой-то близости печальнаго рѣшенія, передъ которымъ падаетъ даже злоба людей.

Меня сдали красному и рослому сержанту, который увелъ меня по широкимъ лѣстницамъ въ третій этажъ невѣдомаго зданія. И лѣстницы и коридоры были хорошо освѣщены большими окнами. Матовыя стекла скрывали окружающую мѣстность и я все еще не зналъ, въ какой части Берлина находилась тюрьма, куда меня помѣщали. Мы шли мимо ряда дверей. На черныхъ доскахъ мѣломъ значились фамиліи заключенныхъ. Мрачный часовой съ ружьемъ на рукѣ ходилъ по коридору, тяжело ступая своими подкованными сапогами. Меня сержантъ подвелъ къ № 44, открылъ дверь, впустилъ, внесъ мой саквояжъ и заперъ.

Я былъ снова въ одиночной камерѣ.

Она была нѣсколько больше и выше той, которую я занималъ въ городской тюрьмѣ. Идя по нѣсколько кривой линіи, въ ней можно было сдѣлать до восьми шаговъ. Стѣны до высоты человѣческаго роста были окрашены сѣрой масляной краской, а выше выбѣлены. Въ наружной стѣнѣ было большое окно, помѣщенное подъ самымъ потолкомъ, такъ высоко, что я едва могъ достать рукой до подоконника. Оно имѣло рѣшетку, но открывалось при помощи сложной системы рычаговъ, механизмъ которой былъ показанъ мнѣ сержантомъ при водвореніи меня въ камеру. Я могъ такимъ образомъ, самъ освѣжать свое помѣщеніе. Въ стѣнѣ, выходящей въ коридоръ, внизу было вентиляціонное отверстіе, закрытое рѣшетками и позволявшее создать въ камерѣ тягу воздуха. Окна въ коридорѣ и камерахъ были постоянно открыты и вентиляція камеры происходила почти непрерывно. Въ двери— обычный глазокъ.

Въ камерѣ желѣзная кровать съ соломеннымъ тюфякомъ и соломенной подушкой. Тюфякъ прикрытъ простыней изъ грубой небѣленой парусины. Подушка въ наволокѣ изъ цвѣтной бумажной ткани. Одѣяло въ подобномъ же чехлѣ. Все это было чисто. Маленькій столъ и табуретъ дополняли меблировку камеры. На стѣнѣ висѣлъ термометръ. Электрическій звонокъ позволялъ вызвать надзирателя. Полъ былъ паркетнаго типа изъ большихъ планокъ и чисто вымытый. Въ углу плевательница. Паровое отопленіе въ это время года, конечно, не дѣйствовало.

Если вспомнить, что мнѣ былъ оставленъ мой саквояжъ, станетъ ясно, что обстановка моего новаго помѣщенія мнѣ показалась чуть не роскошной

послѣ полицейской тюрьмы. Не сидѣть болѣе на полу, не ѣсть болѣе на полу, не держать свою воду болѣе на полу... это такія блага, оцѣнить которыя можетъ только тотъ, кто ихъ былъ лишенъ.

Солнце заливало мою камеру своими лучами. За стѣной слышалось чириканье воробьевъ и кудахтанье куръ. Все казалось такъ тихо и спокойно. Можно было подумать, что находишься не въ тюрьмѣ накануне мрачнаго будущаго, а въ тихой обители, гдѣ люди ищутъ отдыха отъ мірскихъ треволненій.

Эти мимолетныя впечатлѣнія были прерваны стукомъ замка и отворяющейся двери. Открылъ ее приведшій меня сержантъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго мнѣ пришлось прожить затѣмъ двѣ долгихъ недѣли. Онъ принесъ мнѣ воды и предложилъ рядъ вопросовъ, для меня совсѣмъ неожиданныхъ.

— Что вы будете сегодня ѣсть за обѣдомъ?

— Развѣ можно выбирать?

— Можно получить обѣдъ изъ ресторана, общій для всѣхъ, кто его требуетъ, -изъ супа, мяса и компота.

Я выразилъ согласіе и сержантъ занесъ мое заявленіе на особый бланкъ, гдѣ были перечислены всѣ подвѣдомственные ему №№ камеръ и имѣлся цѣлый рядъ графъ для требованій.

— Что вы хотите на ужинъ?

— А что можно имѣть?

— Кофе, чай, ветчину и яйца.

Я заказалъ себѣ кофе и яйца. Такимъ же образомъ было установлено, что утромъ я получу кофе. Точно было выяснено количество и качество требуемаго, наличие и отсутствіе масла и т. д. Все это Вильгельмъ Циммерманъ записалъ въ свою вѣдомость красивымъ и четкимъ почеркомъ.

— Стоимость всего, что вы требуете, будетъ удержана изъ вашихъ денегъ въ канцеляріи, а вамъ дадутъ счетъ. Есть ли у васъ еще желаніе?— спросилъ онъ меня.

Я попросилъ бумаги, конвертовъ, чернилъ, перьевъ, зубную щетку, мыло, элексиръ. Онъ записалъ и сказалъ, что все это будетъ куплено къ вечеру и доставлено мнѣ.

— Нельзя ли получить какую-нибудь книгу для чтенія?

— Хорошо, я вамъ принесу.

Онъ ловкимъ движеніемъ закрылъ мою дверь и заперъ замокъ. Довольно скоро сержантъ возвратился и далъ мнѣ огромный томъ журнала „Über Land und Meer“ за 1904 годъ. На первой страницѣ я увидѣлъ штемпель Königliche Preussische Nördliche Militär Arrest Anstalt zu Berlin. Такимъ образомъ, я узналъ, наконецъ, свой адресъ и могъ попытаться сообщить его моей семьѣ. Строго говоря, адреса я не зналъ, такъ какъ не имѣлъ понятія, въ какомъ именно мѣстѣ Берлина находится моя новая тюрьма, но я не сомнѣвался, что это учрежденіе найдутъ и по одному его названію.

Чрезъ нѣкоторое время дверь въ мою камеру открылъ маіоръ. Въ рукѣ у него была связка ключей. Синій мундиръ съ краснымъ воротникомъ. На головѣ фуражка. Слегка придерживая саблю, онъ приложилъ руку къ козырьку и спросилъ:

— Г. профессоръ, имѣете ли вы какія-либо желанія?

Я совершенно не ожидалъ ни такого посѣщенія, ни такого отношенія. Желаній у меня было много и самымъ главнымъ было уйти, какъ можно скорѣе, изъ этой образцовой тюрьмы съ прекрасными коридорами, чистыми камерами, великолѣпными унтеръ-офицерами и безукоризненно-вѣжливымъ начальствомъ. Но высказать это желаніе было, очевидно, неумѣстно. Я сказалъ, что желалъ бы знать, почему я заключенъ.

— Вы военноплѣнный (Sie sind ein Kriegsgefangener), — сказалъ маіоръ и почему-то для большей вразумительности повторилъ то же по-французски: vous êtes un prisonnier de guêrre.

Это заявленіе мнѣ ничего не объясняло, такъ какъ въ моей головѣ не укладывалась мысль, что военноплѣнными могутъ быть люди не военные и къ войнѣ никакого отношенія не имѣющіе. Я высказалъ это соображеніе маіору.

— Это дѣло коммендантуры. На мнѣ лежитъ обязанность только васъ сохранить (ich muss Sie nur aufbewahren).

— Но я хотѣлъ бы, чтобы меня допросили, выслушали мои объясненія.

— Хорошо, я сообщу о вашемъ желаніи въ коммендантуру.

Военный поклонъ и маіоръ заперъ меня самъ въ моей камерѣ, убѣдившись, что я въ цѣлости и что нужныя для моего сохраненія мѣры приняты.

Я остался въ глубокомъ недоумѣніи предъ такимъ отношеніемъ къ себѣ со стороны какой то невѣдомой коммендантуры, которая была, повидимому, инициаторомъ моего ареста, принесшаго мнѣ уже столько оскорбленій и была намѣрена держать меня въ плѣну, не спрашивая ни о чемъ и не давая возможности выяснить мою полную непричастность къ войнѣ. Это недоумѣніе не разсѣялось вполнѣ и до сего времени, хотя впослѣдствіи изъ разныхъ отрывочныхъ слуховъ, дошедшихъ до меня, я получилъ нѣкоторое объясненіе учиненнаго надо мной насилія. Кто-то сообщилъ военному начальству, что въ Берлинъ прибылъ высшій служащій министерства путей сообщенія, извѣстный изслѣдователь путей сообщенія въ Россіи и за границей, собирающій данныя о таковыхъ путяхъ и въ настоящее время и, даже, имѣющій планы водяныхъ путей. Кто сдѣлалъ такое сообщеніе, я не знаю. Можетъ быть оно исходило изъ Киссингена, куда мнѣ была послана изъ управляемаго мной отдѣла статистики и картографіи корректура карты Европейской и Азіатской Россіи. Корректура эта до меня не дошла, какъ не дошли ни до кого посланныя въ Киссингенъ почтовыя отправленія за нѣсколько дней до войны. „Все взято военными властями,—говорилъ чиновникъ томившейся у окна Poste Restante публикѣ.—обратитесь за вашей корреспонденціей къ военному министру“. Совѣту этому, конечно, никто не послѣдовалъ.

Въ рукахъ усердныхъ, но мало сообразительныхъ людей, моя корректура карты могла быть поводомъ къ тому, чтобы выяснить личность адресата. Извѣстность, которой я пользуюсь за границей, могла дать основаніе считать меня заслуживающимъ особаго вниманія. Какъ мнѣ говорили, обо мнѣ у военныхъ властей составилось убѣжденіе, что я слишкомъ много знаю такого, что во время войны полезно для Россіи и вредно для Германіи. „Er weiss zu viel!“ выразился будто бы обо мнѣ одинъ изъ власть имущихъ. Затѣмъ то же сужденіе, сказанное тѣми же словами, доходило до меня, какъ выраженное и другими высокопоставленными и не высокопоста-

пленными лицами въ Берлинѣ. „Er weiss zu viel“, говорилъ обо мнѣ даже швейцаръ моей гостиницы послѣ бесѣды съ агентомъ тайной полиціи. Это мое чрезмѣрное знаніе чего-то ставилось впослѣдствіи въ связь съ событіями въ Восточной Пруссіи, гдѣ оборона противъ русской арміи была построена въ значительной мѣрѣ на системѣ рѣкъ, озеръ, болотъ, заливныхъ луговъ и искусственнаго затопленія мѣстности. Въ какой степени все это имѣло отношеніе къ моимъ злоключеніямъ, я не знаю. Характерно, однако, что разрѣшеніе уѣхать изъ Берлина я получилъ только послѣ того, какъ наши войска оставили Восточную Пруссію.

Въ первый день заключенія въ военную тюрьму и эти отрывки объясненій причинъ моего ареста отсутствовали. Я думалъ, что я жертва простого доноса, грубаго оговора въ шпіонствѣ со стороны какого-то слуги отечества и прежде всего считалъ нужнымъ заставить моихъ притѣснителей выслушать меня. Но какъ это сдѣлать? Кто они—эти господа? Гдѣ они?

Мнѣ были совершенно неизвѣстны германскіе законы военнаго времени. Я не зналъ, какія права предоставляютъ они военно-плѣннымъ. Было ясно только, что права эти ничтожны, что главный аргументъ здѣсь—сила.

Нужно было поэтому дѣйствовать быстро, рѣшительно и въ то же время осторожно, чтобы, стремясь къ освобожденію себя, не ухудшить своего и безъ того опаснаго положенія. Нужно было заинтересовать въ своей судьбѣ и въ судьбѣ моей семьи возможно большій кругъ лицъ и среди нихъ такихъ, которыя своимъ вліяніемъ могли вызвать разсмотрѣніе моего дѣла. Но какъ? Единственный способъ—написать имъ. Дойдутъ ли до нихъ мои письма?

Когда сержантъ принесъ мнѣ чернилъ, бумаги и перо, я спросилъ его объ этомъ. Онъ мнѣ объяснилъ, что писать я могу, кому угодно, но что письма должны передаваться открытыми маіору, который ихъ перешлетъ въ коммендантуру. Отъ рѣшенія послѣдней зависитъ послать письмо или нѣтъ.

И я сталъ писать. Въ теченіе пятнадцати дней моего пребыванія въ тюрьмѣ я написалъ нѣсколько десятковъ писемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, несомнѣнно, дошли до своего назначенія. Одно, посланное мной испанскому посланнику съ извѣщеніемъ объ арестѣ и съ просьбой сообщить о немъ русскому правительству, было мнѣ возвращено коммендантурой. Дошли ли остальныя, я не знаю.

Моя двадцатипятилѣтняя дѣятельность въ области международныхъ организацій, изъ которыхъ нѣкоторыя создались по моей иниціативѣ и по разработаннымъ мной предположеніямъ, обширныя знакомства съ общественными и научными дѣятелями разныхъ странъ, въ томъ числѣ и Германіи, значительная популярность, которой я пользуюсь въ научно-технической средѣ въ этихъ странахъ—давали мнѣ возможность разсчитывать на содѣйствіе многихъ лицъ и прежде всего, оффиціальныхъ представителей Соединенныхъ Штатовъ, Италіи и Швеціи.

Соединенные Штаты, оказавшіе мнѣ много вниманія до избранія въ почетные члены Американской Академіи Искусствъ и Наукъ включительно,—считаютъ меня до извѣстной степени своимъ съ 1890 года, когда я былъ избранъ членомъ Американскаго Общества Гражданскихъ Инженеровъ. Съ тѣхъ поръ я дважды путешествовалъ по Америкѣ. Въ первый разъ, по особому приглашенію Президента Соединенныхъ Штатовъ, я посѣтилъ съ группой членовъ Общества Американскихъ Гражданскихъ Инженеровъ Панамскій каналъ, изслѣ-

довалъ его работы и написалъ о нихъ спеціальный трудъ. Во второй разъ я, по избранію Международной Ассоціаціи Судоходныхъ Конгрессовъ, предсѣдательствовалъ въ ея сессіи, происходившей въ Филадельфіи, и затѣмъ во главѣ нѣсколькихъ сотъ членовъ этой ассоціаціи объѣхалъ многіе города Союза, произнося рѣчи и обмѣниваясь привѣтствіями съ населеніемъ и властями. Эти обстоятельства и перечень главнѣйшихъ моихъ знакомыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ были сообщены мной американскому послу въ Берлинѣ.

Итальянскому послу я написалъ о моей дѣятельности въ Италіи, какъ представителя Россіи на международныхъ конгрессахъ и конференціяхъ, о личной связи между мной и представителями технической науки въ Туринѣ. Миланѣ, Падуѣ. Болоньѣ, Римѣ и пр., о единогласномъ избраніи меня въ члены Итальянскаго Общества Инженеровъ и Архитекторовъ и его члены корреспонденты отъ Россіи.

Представителю Швеціи я могъ сообщить рядъ подобныхъ же свѣдѣній и, въ частности, о роли, которая выпала на мою долю въ 1914 году въ Мальмё въ качествѣ участника, по приглашенію шведскаго организаціоннаго комитета, въ подготовкѣ и осуществленіи конгресса Балтійскихъ инженеровъ, на которомъ я былъ вице-предсѣдателемъ, менѣе чѣмъ за мѣсяцъ до моего ареста въ Германіи.

Отправляя эти письма, я имѣлъ мало надежды, что военное начальство допуститъ ихъ дойти по назначенію, но я былъ увѣренъ, что ихъ прочтутъ въ учрежденіи, которое меня держало въ своихъ желѣзныхъ тискахъ, и думалъ, что полученныя этимъ путемъ обо мнѣ свѣдѣнія разсѣютъ, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, навѣты, которыхъ я былъ, повидимому, жертвой.

Другую группу моихъ корреспондентовъ составили лица, занимающія оффиціальное положеніе въ Германіи и лично знающія меня по совмѣстной работѣ въ международныхъ учрежденіяхъ. Число ихъ было значительно.

На первомъ мѣстѣ среди нихъ должны быть поставлены гг. фонъ Кельсъ фонъ-деръ Брюггенъ—товарищъ прусскаго министра общественныхъ работъ, Левальдъ—директоръ въ имперскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, профессоръ Фламмъ—предсѣдатель германскаго союза внутренняго судоходства, Бубендей—директоръ управленія работъ Гамбурга, Энгельсъ—профессоръ Дрезденскаго высшаго техническаго института, Мартенсъ—директоръ королевской прусской центральной лабораторіи по испытанію матеріаловъ, Крей—директоръ королевской прусской гидротехнической лабораторіи и друг. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ знали меня и состояли со мной въ дѣятельныхъ сношеніяхъ въ теченіе очень многихъ лѣтъ, напримѣръ, Мартенсъ—съ 1888 г., Энгельсъ—съ 1889 г., Бубендей—съ 1892 г. и т. д. Въ своихъ обращеніяхъ къ нимъ я извѣщалъ ихъ о томъ, что со мной приключилось въ Германіи, и просилъ прежде всего помочь совѣтомъ моей семьѣ въ томъ трудномъ положеніи, въ которомъ она оказалась послѣ моего ареста во враждебно настроенномъ городѣ, а затѣмъ обратить вниманіе и на меня, способствуя выясненію военному начальству моего истиннаго значенія и полнаго отсутствія основаній къ моему задержанію.

Я написалъ еще нѣсколькимъ знакомымъ, прося ихъ посѣтить мою жену и оказать ей содѣйствіе.

Наконецъ, я написалъ и командующему войсками мѣстнаго военнаго округа, какъ высшему начальнику надъ комендантурой и моей тюрьмой. все то, что я могъ бы сказать, если бы меня пожелали выслушать военныя власти: кто я, зачѣмъ прiѣхалъ въ Германiю, какъ былъ лишенъ свободы вопреки всякимъ законамъ и справедливости. Это письмо было составлено при участiи одного изъ заключенныхъ русскихъ — доктора филологiи Берлинскаго университета Левисъ офъ Менара, моего спутника по прогулкѣ въ тюремномъ дворѣ.

На нѣкоторыя изъ посланныхъ мной писемъ я получилъ отвѣты.

Первымъ мнѣ отвѣтилъ предсѣдатель центральнаго союза германскаго судоходства профессоръ Фламмъ. Вотъ его письмо:

Zentral-Verein für deutsche Binnenschiffahrt, Eingetragener Verein. Geschäftsstelle: Charlottenburg, 2. Kantstr. 140. Berlin. Charlottenburg, den 14 August 1914.

Euer Exzellenz,

geehrtes Schreiben vom 10 August habe ich erhalten. Da ich selbst diese Tage dienstlich ganz in Anspruch genommen bin, habe ich sofort den Geschäftsführer des Zentral-Verein für deutsche Binnenschiffahrt, Herrn Dr. Grotewold, zu Ihrer Frau Gemahlin in das Rankehaus geschickt, der mir mitteilt, dass er Ihre Angehörigen dort gesund und wohl angetroffen und gesprochen hat. Gleizeitig habe ich vom Verein aus dem Kriegsministerium über Ihre Beziehungen zu unserem Verein Mitteilung gemacht. Sobald meine Zeit es irgend erlaubt, werde ich Ihre Frau Gemahlin persönlich aufsuchen. Mit dem Ausdruck der vorzüglichsten Hochachtung

Geheimer Regierungsrart, Professor Flamm.

Затѣмъ я получилъ отъ профессора Энгельса изъ Дрездена письмо слѣдующаго содержанiя:

Professor H. Engels — Dresden, 7. d. 14. August 1914
Geheimer Hofrat. — Kaiser Str., 16.

Sehr geehrter Herr Kollege,

In Verfolg Ihres Briefes vom 11 d. M. werde ich mich gern darum bemühen. dass jemand meiner dortigen Freunde Ihre Frau Gemahlin im Hôtel Rankenhaus aufsucht, und, wenn nötig, ihr behültlich ist.

An die Kgl. Kommandantur in Berlin habe ich das folgende Schreiben gerichtet:

„Der Professor V. E. Timonoff aus St.-Petersburg, der sich laut beiliegenden Schreiben in der dortigen Militär-Arrest-Anstalt in Haft befindet, ist mir seit mehr denn 20 Jahren als mein Speziallkollege persönlich bekannt. Seine mir bekannt gewordenen gedruckten Arbeiten, sowie seine amtlichen Pflichten sind meines Wiessens lediglich friedlicher Nafur gewesen.

Zur Identifizierung seiner Persönlichkeit übermittle ich als besondere Drucksache ein Lichtbild. um dessen gelegentliche Rückgabe ich ergebenst bitte.

Ueber die Persönlichkeit des prof. Timonoff werden anch Auskunft geben können die Herren:

1) Freiher v. Coels-v. d. Brügghen, Unterstaatssecretär im Ministerium der Oeffentlichen Arbeiten, Berlin.

2) v. Doemming, Ministeriell. u. Oberbaudirektor im Ministerium der Oeffentlichen Arbeiten.

3) Germelmann, Wirkl. Geheimer Oberbaurat u. Vortragender Rat im Ministerium der Oeffentlich. Arbeiten, Berlin.

Mit dem Ausdrucke meines ausgezeichneten Hochachtung verbleibe ich Ihr ergebenster H. Engels.

Директоръ портовыхъ работъ въ Гамбургѣ Бубендей писалъ мнѣ такъ:

Der Wasserbaudirector. Hamburg d. 17 August. 1914.

Sehr geehrter Herr College!

In Beantwortung Ihres Schreibens vom 13 August beeile ich mich, Ihnen ergebenst mitzuteilen, dass ich die Herren

Unterstaatssekretär im Ministerium der öffentlichen Arbeiten, Freiherrn Coels von der Brüggen,

Geheimer Oberbaurat Dr. Ing. Sympher und

Geheimer Baurat Professor de Thierry

von der misslichen Lage, in die Ihre Frau Gemahlin und Ihr Sohn geraten sind, in Kenntnis gesetzt habe.

Ich hoffe, dadurch zum Schutz der Ihrigen beigetragen zu haben. Selbst kann ich bei der Schwierigkeit, gegenwärtig nach Berlin zu kommen, zu meiner Bedauern nichts tun.

Ihnen alles Gute wünschend, verbleibe ich mit hochachtungsvollen Gruss N. F. Bubendey.

Всѣ письма доходили до меня открытыми, прочитанными и отмѣченными штемпелемъ: „Briefkontrolle. Zur Beförderung freigegeben. Commandantur. Berlin". Впечатлѣніе отъ дошедшаго до меня перваго письма въ отвѣтъ на мое было очень сильное. Какъ будто яркій лучъ свѣта прорѣзалъ мракъ темницы. Наконецъ, мой голосъ услышанъ, наконецъ, на него откликаются! Значитъ, еще не все потеряно, еще можно надѣяться, что мое дѣло будетъ разобрано, что подозрѣнія разсѣются, что я получу свободу.

Моя сложная и систематическая переписка, дѣйствительно, возымѣла свое дѣйствіе, какъ объ этомъ я скажу далѣе. Она принесла мнѣ освобожденіе, но гораздо медленнѣе, чѣмъ я ожидалъ и послѣ ряда тяжелыхъ дней и ночей, проведенныхъ въ тюрьмѣ среди полной неизвѣстности относительно ожидавшей меня участи.

Слова начальника тюрьмы, сказанныя имъ при моемъ вступленіи въ нее—„man weiss nicht, was der kriegt?", все время звучали въ моихъ ушахъ.

Тюремный день подчинялся очень строгому порядку. Около половины шестого открывались двери во всѣхъ коридорахъ, и сержанты начинали будить отбывающихъ наказаніе солдатъ. Ихъ было нѣсколько въ томъ коридорѣ, гдѣ находился я. Они занимали такія же точно камеры, но должны были спать на голыхъ доскахъ. Большинство изъ нихъ были резервисты, набуянившіе или иначе провинившіеся при призывѣ подъ знамена.

На моемъ же коридорѣ находился и прусскій фельдфебель Пель, осужденный судомъ на пятнадцать лѣтъ въ каторжныя работы за государственную измѣну. Въ ожиданіи окончательнаго приговора, онъ охранялся особенно

строго и потому вблизи нашихъ камеръ стоялъ день и ночь часовой съ ружьемъ.

Проходя утромъ по коридору, сержантъ открывалъ послѣдовательно одну дверь за другой, громко кричалъ каждому арестанту „вставать“ и сейчасъ же закрывалъ дверь.

Военноплѣнныхъ русскихъ въ нашей тюрьмѣ было нѣсколько десятковъ, о чемъ я узналъ не сразу. Кромѣ русскихъ, были въ небольшомъ числѣ французы и англичане. Скрытые въ глубинѣ одиночныхъ камеръ, мы знали о нашихъ сосѣдяхъ только то, что можно было прочитать во время перехода по корридору на черныхъ доскахъ дверей. Я успѣлъ разглядѣть, что рядомъ со мной былъ русскій генералъ, а на нѣсколько шаговъ далѣе французскій унтеръ-офицеръ, и это было все въ первые дни заключенія.

Военноплѣнныхъ сержантъ не будилъ непосредственно, но при его первомъ грозномъ окрикѣ, разносившемся громовыми раскатами по всему этажу, всѣ эти нервные и больные люди, конечно, просыпались. Я просыпался обыкновенно еще раньше и сейчасъ же вставалъ, чтобы избѣжать замѣчанія, которое неминуемо послѣдовало бы со стороны сержанта, если бы въ началѣ седьмого часа, когда онъ осматривалъ всѣ камеры, я не былъ уже на ногахъ. Я слышалъ не разъ такія замѣчанія по адресу моихъ сосѣдей:

— Еще въ постели! Прошу немедленно встать!

Съ шести часовъ арестанты послѣдовательно выпускались изъ камеръ для совершенія туалета. Сначала выпускались солдаты по двое сразу, при чемъ они должны были слѣдовать другъ за другомъ па опредѣленномъ разстояніи и не разговаривать между собой. Затѣмъ, шли поочередно и по одному военноплѣнные. Умывались подъ водопроводнымъ краномъ хорошо устроеннаго умывальника съ фаянсовой чашкой. Во время умыванья военноплѣнныхъ ихъ камеры убирались особымъ слугой, невоеннымъ, который ставилъ также всѣмъ по кружкѣ свѣжей воды для питья. На умыванье шло минутъ десять, послѣ чего каждый снова водворялся въ камеру и запирался въ ней на ключъ.

Закрывъ одного, сержантъ отпиралъ двери другого, озабочиваясь тѣмъ, чтобы не было встрѣчъ и разговоровъ. Иногда случалось, что камера еще не была убрана и сержанту приходилось, сберегая время, выпускать новаго плѣннаго, хотя его предшественникъ былъ еще въ коридорѣ. Благодаря этому удавалось увидѣть своихъ ближайшихъ сосѣдей и сказать другъ другу нѣсколько словъ.

Отъ семи до восьми часовъ шла раздача утренняго завтрака. Арестованные солдаты шли за нимъ сами по командѣ въ умывальную комнату, гдѣ сержантъ предварительно нарѣзывалъ ломти хлѣба на скамьѣ, а солдатъ изъ кантины приносилъ кувшинъ съ кофе и разливалъ его въ кружки. Военноплѣннымъ завтракъ приносился изъ ресторана, какъ и вся другая ѣда въ теченіе дня. Въ огромной корзинѣ въ ту же умывальную комнату доставлялись по вѣдомости сержанта хлѣбъ, яйца, ветчина и прочіе запасы, а также молоко и кофе. Доля провизіи каждаго была завернута въ бумагу. Все предварительно раскладывалось на скамьѣ, провѣрялось и затѣмъ разносилось сержантомъ по камерамъ.

Вскорѣ послѣ завтрака начиналась прогулка. Сначала, обыкновенно очень рано, гуляли солдаты. Ихъ выпускали всѣхъ сразу, заставляя маршировать другъ за другомъ съ сохраненіемъ опредѣленной дистанціи въ садикѣ

тюремнаго двора; при этомъ кто то ими командовалъ и немилосердно кричалъ. Въ окно моей камеры, выходившее на дворикъ, эти крики доносились съ мучительной рѣзкостью.

Позднѣе гуляли военноплѣнные. Гулять имъ было позволено не сразу. Мнѣ было разрѣшено гулять только на третій день моего пребыванія въ тюрьмѣ. Въ первый разъ я гулялъ одинъ въ теченіе $^{3}/_{4}$ часа. Дворовый садикъ имѣетъ одну кольцевую дорожку, по которой и надо было кружиться подъ непрерывнымъ наблюденіемъ часового, не выпускавшаго ружья изъ рукъ.

Съ двухъ сторонъ поднимались красныя пятиэтажныя стѣны тюрьмы, съ третьей,—отдѣленной высокой рѣшеткой, въ отдаленіи виднѣлся жилой домъ, гдѣ находилась квартира маіора, съ четвертой—шла также высокая рѣшетка, а за ней еще болѣе высокая стѣна, отдѣлявшая тюремный дворъ отъ обширнаго военно-учебнаго поля.

Въ садикъ выходили окна тюремной канцеляріи и помѣщенія солдатъ охраны. Изъ этихъ оконъ всегда кто-нибудь выглядывалъ и смотрѣлъ на гуляющаго арестанта. Иногда въ пріотворенное окно канцеляріи можно было видѣть и блѣдное лицо какой-нибудь русской дамы, допущенной къ свиданію съ своимъ мужемъ. Изъ оконъ маіорскаго дома на гуляющихъ военно-плѣнныхъ русскихъ съ любопытствомъ смотрѣли его домашніе.

Центральная клумба была покрыта газономъ и немногими кустами цвѣтовъ. Сбоку въ углу помѣщался курятникъ съ нѣсколькими десятками куръ и цыплятъ, принадлежавшихъ одному изъ унтеръ-офицеровъ. Курамъ было тѣсно въ ихъ клѣткахъ и онѣ очень заглядывались на садикъ, куда имъ не позволяли выходить. Иногда часовой, не выпуская своего ружья, срывалъ нѣсколько пучковъ травы и просовывалъ ее сквозь рѣшетку курятника его обитателямъ. Куры жадно накидывались на это лакомство.

А за стѣной въ это время на военномъ полѣ шло непрерывное ученье прусскихъ резервистовъ. Поле это, находящееся въ самомъ городѣ, въ непосредственной близости отъ Лертскаго вокзала, и окруженное со всѣхъ сторонъ городскими строеніями, оставалось въ своемъ первобытномъ видѣ. Обширная площадь песка, частью поросшаго деревьями, кустами и травой, съ естественными неровностями, даетъ возможность учить солдатъ бою, въ условіяхъ, сходныхъ съ дѣйствительными. Ихъ разсыпаютъ въ цѣпь, заставляютъ ложиться, стрѣлять и итти въ атаку. Трескотня ружейныхъ выстрѣловъ то и дѣло смѣняется криками „ура“. Солдатъ не видно, такъ какъ стѣна вполнѣ закрываетъ поле. Развѣ иногда изъ окна верхняго коридора удастся мимоходомъ взглянуть на эту школу, гдѣ спѣшно, настойчиво и непрерывно съ ранняго утра и до поздней ночи, а иногда и ночью подготовляютъ людей съ спеціальной цѣлью убивать. Отъ времени до времени въ дѣло вводятся пулеметы и поднимаютъ отчаянную перепалку.

На меня близость и постоянство всего этого военнаго шума дѣйствовали удручающимъ образомъ, но нѣкоторые изъ моихъ товарищей по заключенію, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться, военные по профессіи, находили въ этой боевой жизни, бившей ключемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ камеръ, удовольствіе и развлеченіе. Они прислушивались къ командымъ словамъ, крикамъ, выстрѣламъ, музыкѣ и воображеніе уносило ихъ изъ глубины каменныхъ мѣшковъ на Дальній Востокъ, гдѣ имъ пришлось

воевать десять лѣтъ назадъ,—или въ еще болѣе отдаленныя области военныхъ воспоминаній.

— А вы слышали, вѣдь сегодня ночью играли на учебномъ полѣ „Боже, Царя Храни?“—сказалъ мнѣ разъ одинъ изъ нашихъ генераловъ, съ которымъ удалось перекинуться словами въ коридорѣ.

— Слышалъ, но не вѣрилъ своимъ ушамъ, отвѣтилъ я.

Дѣйствительно, во время ночного ученья, которое въ этотъ разъ отличалось особенной яростью, я явственно слышалъ звуки нашего національнаго гимна. Его играли какія-то трубы безъ особаго выраженія, но ошибиться было невозможно.

— Какъ вы думаете, для чего они это дѣлаютъ?—продолжалъ генералъ.

— Право, не понимаю. Во всякомъ случаѣ не для того, чтобы доставить намъ удовольствіе.

— Это должно быть военная хитрость. Но какая?

Когда меня выпустили на прогулку во второй разъ, оказалось, что у меня есть компаніонъ, съ которымъ я буду ежедневно гулять вмѣстѣ. Такая льгота была распространена почти на всѣхъ военноплѣнныхъ. Ихъ соединяли для прогулки въ пары. Явилась возможность говорить, что для многихъ было существеннымъ облегченіемъ. Была ли вызвана эта мѣра соображеніями гуманными или практическими, я не знаю. Скорѣе послѣдними, такъ какъ плѣнниковъ надо было „сохранить“ по картинному выраженію маіора, а для этого было необходимо всячески поддержать ихъ здоровье. Прогулокъ нельзя было не разрѣшать, а плѣнныхъ становилось все больше и больше. Дня не хватало для одиночныхъ прогулокъ и ихъ удвоили.

Правильность этого соображенія подтверждается тѣмъ, что чрезъ нѣкоторое время мы гуляли втроемъ, а затѣмъ и вчетверомъ, при чемъ время уменьшилось до $^1/_2$ часа. Моими спутниками были три прапорщика запаса, одинъ студентъ Вѣнскаго земледѣльческаго института, другой—студентъ Штутгардскаго земледѣльческаго института и третій—докторъ филологіи Берлинскаго университета и изслѣдователь русской сказки. Насъ приводилъ внизъ къ назначенному времени сержантъ и запиралъ въ садикъ съ часовымъ. Такимъ же порядкомъ, по истеченіи срока, насъ водворяли въ камеры.

Обѣдъ намъ давали между 12 и 2 часами дня. Непостоянство времени зависѣло отъ того, начиналась ли раздача съ верхняго или съ нижняго этажа тюрьмы и отъ мѣста данной камеры въ ряду другихъ. Ужинъ приносили около 6 часовъ. Въ 7 часовъ можно было получить разрѣшеніе выйти на нѣсколько минутъ въ уборную, а затѣмъ камеры запирались окончательно и къ 8 часамъ ключи отъ всѣхъ камеръ относились маіору, у котораго оставались до утра. Огня въ камерахъ на ночь не зажигали, хотя надъ каждой дверью имѣлась электрическая лампа въ стѣнномъ фонарѣ. Это было большое облегченіе, такъ какъ дѣлало ночное заглядываніе въ камеру невозможнымъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ моего прибытія въ тюрьму намъ позволили имѣть на свой счетъ свѣчи съ условіемъ тушить огонь въ 10 часовъ. Пока моя свѣча горѣла, часовой много разъ открывалъ окошечко и внимательно всматривался. Если въ это время я сидѣлъ за столомъ и писалъ или читалъ, онъ смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока я не дѣлалъ какого-либо

движенія, послѣ чего захлопывалъ крышку. Дѣлалъ ли онъ это по инструкціи, по природѣ или для развлеченія, я не знаю.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, часовые ставились исключительно для охраны камеры прусскаго фельдфебеля Пеля, и когда послѣ приговора этотъ важный преступникъ былъ увезенъ, часового въ нашемъ коридорѣ больше не было. Но тогда я этого не зналъ и постоянная близость вооруженнаго солдата, который шагалъ предъ моей дверью, сильно стуча сапогами, заглядывалъ въ мою камеру десятки разъ въ день, ударялъ прикладомъ по каменному полу коридора, громко разговаривалъ съ сержантами и вообще непрерывно обнаруживалъ въ грубой формѣ свое присутствіе, была очень тяжела.

Мнѣ казалось, что такой надзоръ установленъ именно за мной, какъ лицомъ, особенно опаснымъ въ глазахъ германскаго военнаго начальства. Если я двигался въ своей камерѣ, часовой считалъ нужнымъ посмотрѣть, что я дѣлаю. Если я нѣкоторое время не шевелился, онъ считалъ нужнымъ убѣдиться въ томъ, что я еще существую.

Вообще, страхъ потерять преступника, лишиться его, не сохранить его для дальнѣйшихъ распоряженій начальства проявлялся въ военной тюрьмѣ на каждомъ шагу и эти усиленныя заботы ложились тяжелымъ бременемъ на заключенныхъ. Нужна долгая тренировка, чтобы жить безъ особыхъ проявленій нервности въ полѣ зрѣнія оптическаго инструмента, къ окуляру котораго постоянно приложенъ глазъ прусскаго часового.

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir.
La vie est un opprobre et la mort un devoir.

Voltaire.

ГЛАВА XI.

Еще вторая тюрьма и освобожденіе изъ-подъ ареста.

Тюремное начальство.—Переводчикъ.—Свиданія съ родными.—Взаимное посѣщеніе заключенныхъ.—„Sie müssen noch hier bleiben“.—Попытка самоубійства военноплѣннаго.—Комендантъ г. Берлина.—Въ ожиданіи освобожденія.—День въ обществѣ русскихъ военноплѣнныхъ.—По Берлину въ открытомъ экипажѣ съ начальникомъ военной тюрьмы.—Освобожденіе изъ подъ ареста.

Мое первое пробужденіе въ военномъ арестномъ домѣ послѣ ночи, проведенной при описанныхъ въ предыдущей главѣ условіяхъ, было вызвано послышавшимся мнѣ громкимъ окрикомъ какого-то рѣзкаго голоса:

— № 5 подъ пулю!

Затѣмъ, слѣдовали слова команды, стукъ многочисленныхъ шаговъ, щелканье замка, хлопанье дверей, грохотъ ружейныхъ прикладовъ.

— Что бы это могло значить?—подумалъ я, — неужели же дѣйствительно № 5 идетъ подъ разстрѣлъ?

И прежнія мысли о расправѣ безъ суда съ подозрѣваемыми въ шпіонствѣ русскими, навѣянныя всѣми пережитыми въ предшедшіе дни сообщеніями газетъ и лично перенесенными обидами, оскорбленіями, издѣвательствами и пророчествами, нахлынули вновь широкой волной. Было около 5 часовъ. День едва начинался. Не въ это ли время, обыкновенно, совершаются казни? Наступилъ чередъ № 5 и за нимъ пришли, чтобы взять его и вести „подъ пулю“... Гдѣ онъ ее получитъ—здѣсь во дворѣ или же за городомъ?

Этотъ потокъ мыслей былъ прерванъ новымъ шумомъ въ моемъ коридорѣ. Опять грубые голоса, топотъ ногъ, бряцанье оружія. Потомъ тишина, жуткая, зловѣщая тишина...

— Это увели № 5,—мелькало у меня въ головѣ. Я—№ 44.

И привыкшая къ математическому мышленію голова дѣлала попытки найти какой-нибудь порядокъ.—Насъ отдѣляетъ 39 №№. Если въ день казнятъ по одному, то я еще имѣю предъ собой 39 дней.

— Да, но развѣ они будутъ непремѣнно соблюдать правильную послѣдовательность?!

И опять вихрь мыслей, среди которыхъ мелькали образы Виктора Гюго и бельгійскаго художника Вирца, старавшихся одинъ въ словахъ, другой на полотнѣ изобразить послѣдніе дни, минуты, мгновенья сознательной жизни приговореннаго и... даже казненнаго. Весь этотъ день я прожилъ подъ впечатлѣніемъ утреннихъ тюремныхъ впечатлѣній, примиряясь съ неизбѣжнымъ и готовясь къ неотвратимому.

На слѣдующій день повторилась раннимъ утромъ та же исторія. Кого-то другого будто бы уводили, по-слышимому, „подъ пулю“, но я отнесся къ этому спокойно. Поразительная способность человѣческой души „привыкать“ сдѣлала и здѣсь свое дѣло.

Потомъ потянулись дни, когда такого ранняго утренняго шума больше не было и мнѣ стало казаться, что я серіозно ошибся въ смыслѣ слышаннаго въ первые два дня сквозь стѣны моей камеры, что долетѣвшія до моего слуха слова имѣли какой-то другой, болѣе человѣческій, смыслъ. Не могли же эти добродушнаго вида сержанты съ такой спокойной жестокостью отправлять на казнь каждый день по человѣку.

Чрезъ нѣсколько дней, когда участь прусскаго фельдфебеля Пеля была окончательно рѣшена, я услышалъ, какъ за моей дверью мой сержантъ Вильгельмъ Циммерманъ бесѣдовалъ съ часовымъ:

— Онъ получилъ пятнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ,— говорилъ сержантъ съ такой простотой и жизнерадостностью, что у меня опять явилось сомнѣніе.

Такія чистыя души способны, пожалуй, безъ дрожи въ голосѣ распоряжаться разстрѣломъ русскихъ „шпіоновъ“. Моему сомнѣнію не суждено было разрѣшиться; я до сихъ поръ не знаю, что значило все слышанное мною въ первые дни въ военной тюрьмѣ и мнѣ, даже, кажется совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы дѣйствительно кто-либо изъ ея германскихъ кліентовъ былъ казненъ. Во всякомъ случаѣ никто изъ русскихъ казненъ не былъ.

По отношенію къ себѣ я со стороны бравого Вильгельма Циммермана видалъ все время весьма опредѣленную готовность возможно услужить, въ предѣлахъ тюремной дисциплины, конечно.

Онъ аккуратно выпускалъ меня въ уборную, приносилъ завтракъ, обѣдъ и ужинъ, чистую воду, писчую бумагу, перья и другіе купленные для меня предметы, доставлялъ газету, водилъ меня гулять. Онъ же былъ въ первое время и моимъ единственнымъ собесѣдникомъ. Полный кипучей энергіи и необыкновенной трудовой выносливости, онъ съ половины шестого утра до десяти вечера ходилъ взадъ и впередъ по командуемому имъ коридору, распоряжаясь, крича, щелкая замками, принимая приносимую изъ столовой провизію, ведя сложныя требовательныя и отчетныя вѣдомости. Десятки разъ въ день онъ бѣгалъ внизъ въ канцелярію къ маіору. Каждые полчаса ему приходилось спускаться во дворъ, провожая очередного арестанта на прогулку, чтобы сдать его дворовому часовому, или принимая арестанта обратно. Все это исполнялось съ поразительной точностью и въ назначенное время. Чрезъ нѣсколько дней такого тюремнаго режима я чуть ли не до минуты зналъ, когда въ моей камерѣ раздастся звукъ открываемаго замка и въ просвѣтѣ дверей появится высокая фигура Циммермана:

— Господинъ профессоръ, умываться!
— Господинъ профессоръ, свѣжая вода!
— Господинъ профессоръ, газета!
— Господинъ профессоръ, кофе!
— Господинъ профессоръ, обѣдъ!
— Господинъ профессоръ, итти гулять!
— Господинъ профессоръ, ужинъ!
— Господинъ профессоръ, послѣдній разъ выйти!

Точность распредѣленія времени нѣсколько нарушалась къ вечеру въ тѣ немногіе дни, когда Циммерманъ получалъ разрѣшеніе провести вечеръ внѣ тюрьмы. Онъ посѣщалъ насъ въ послѣдній разъ нѣсколько ранѣе обыкновеннаго и запиралъ часовъ въ $7^1/_2$, чтобы имѣть больше времени для своей прогулки, которая должна была оканчиваться въ 10 часовъ.

— Я сегодня выхожу,—говорилъ онъ, появляясь въ великолѣпномъ синемъ мундирѣ съ блестящими пуговицами,—выхожу въ первый разъ за двѣ недѣли!

И его лицо сіяло отъ предвкушаемаго удовольствія.

Насъ запираютъ на полчаса раньше и коридоръ совсѣмъ затихаетъ. Не слышно болѣе шаговъ сержанта и звуковъ его сильнаго голоса. Послѣ десяти часовъ, позднѣе обыкновеннаго, онъ, возвратившись домой, обходитъ свой районъ, чтобы убѣдиться, что свѣтъ вездѣ потушенъ.

Въ эти часы особой тишины до слуха доходятъ отдаленные звуки шаговъ заключенныхъ. Въ разныхъ ячейкахъ этой большой тюрьмы мечутся изъ угла въ уголъ захваченные цѣпкими руками военныхъ властей плѣнники. Нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ въ тѣсной камерѣ, повторенные сотни, тысячи, десятки тысячъ разъ, создаютъ иллюзію движенія.

Психологія этого метанія изъ стороны въ сторону, повидимому, очень сложна. Кто не видалъ, какъ въ клѣткахъ звѣринцевъ львы по цѣлымъ часамъ безостановочно ходятъ взадъ и впередъ, рѣзко поворачиваясь у концовъ короткаго пути? Что думаютъ эти цари звѣрей, совершая свою безконечную прогулку въ тѣсныхъ предѣлахъ клѣтки? Когда тоска по свободѣ сжимаетъ ихъ сердце, хотятъ ли они ее разогнать непрерывнымъ движеніемъ или же это движеніе имъ нужно, чтобы дать исходъ накопляющейся въ мускулахъ жизненной энергіи?

Въ мысляхъ заключенныхъ въ одиночныя камеры военноплѣнныхъ проносятся цѣлыя бури. Я угадываю ихъ по темпу шаговъ моихъ сосѣдей справа, слѣва, сверху. Кто они эти люди, я не знаю, но мнѣ кажется, что я слышу, какъ бьется ихъ сердце, какъ тяжело дышитъ грудь, что я вижу безсильно сжимающіеся кулаки и скатывающуюся изъ глазъ слезу.

Наша тюрьма отдѣляется узкой улицей отъ территоріи Лертскаго вокзала. Теперь этотъ вокзалъ, какъ и всѣ вокзалы Берлина, почти не дѣйствуетъ. Только изрѣдка доносится свистокъ паровоза или шумъ передвигаемыхъ вагоновъ. А между тѣмъ по нашей улицѣ и днемъ и ночью, особенно ночью, проходятъ массы войска. Сквозь стѣны тюрьмы ясно слышенъ еще издали ихъ ритмическій шумъ. Звуки усиливаются, наростаютъ и достигаютъ максимума, когда воинская часть проходитъ мимо нашего дома. Тяжело отбиваетъ тактъ пѣхота. На звонкой мостовой лошади кавалеристовъ ступаютъ съ характернымъ хлюпаньемъ. Вдругъ раздается громкая пѣсня. Солдаты поютъ очень стройно. У многихъ отличные голоса. Слышно, что они учились пѣть и привыкли къ хорошему пѣнію. Тягучіе звуки „фатерлянда" и другихъ національныхъ пѣсенъ долго стоятъ въ воздухѣ. Мнѣ говорили, что пѣніе предъ окнами тюрьмы, въ которой было заключено много русскихъ, имѣло демонстративный характеръ. Пусть эти запертые въ неволѣ генералы, адмиралы, полковники и прочіе военные знаютъ и чувствуютъ, что пока они тутъ сидятъ, прусскіе солдаты идутъ въ дѣло туда,

въ далекую Россію, чтобы подчинить ее Германіи и осуществить завѣтъ „Deutschland über Alles!“.

Такъ ли это или нѣтъ?—откуда это знать заключенному. Но ему не можетъ не казаться издѣвательствомъ это пѣніе подъ его окнами вражескихъ побѣдныхъ гимновъ, повторяющееся изо дня въ день, изъ ночи въ ночь, властное, неумолчное, неустранимое.

Едва затихаетъ солдатскій хоръ и утомленный мозгъ пытается забыться сномъ, какъ вдругъ съ другой стороны раздается барабанный бой, трескъ ружей и пулеметовъ, крики „ура“... Начинается ночное боевое ученіе.

Такъ проходитъ мучительная ночь. Только раннимъ утромъ выдается одинъ—два болѣе спокойныхъ часа, но имъ рано кладетъ конецъ грубая команда „вставать“, обращенная къ отбывающимъ наказаніе германцамъ, но будящая насъ всѣхъ.

Каждое утро меня навѣщалъ начальникъ тюрьмы. Всегда безукоризненно одѣтый, въ плотно застегнутомъ мундирѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, маіоръ Приттвицъ-фонъ-Гаффронъ обходилъ всѣ камеры.

— Гутенъ моргенъ, герръ гехеймратъ. Маіоръ прикладываетъ два пальца къ козырьку фуражки.

— Гутенъ моргенъ, герръ маіоръ, и я подаю ему письма, заготовленныя наканунѣ для отправки по назначенію.

— Я ихъ сегодня же отошлю въ коммендантуру,—говоритъ маіоръ.— А вы усердно пишете!

— Что же мнѣ дѣлать?

— Нѣтъ ли у васъ какихъ-либо желаній?

— Я хотѣлъ бы, чтобы меня допросили, какъ я уже заявлялъ ранѣе.

— Хорошо, я напомню въ коммендантурѣ. Они мнѣ уже обѣщали, что васъ допросятъ. Но у нихъ такъ много дѣла.—Маіоръ отдаетъ честь по-военному, захлопываетъ дверь, запираетъ ее на ключъ и идетъ далѣе, а я еще нѣсколько мгновеній продолжаю стоять предъ дверью, замѣнившей пятно свѣта, на фонѣ котораго вырисовывалась только что фигура человѣка, имѣющаго власть запирать меня на ключъ.

До меня доносится бесѣда маіора съ моими сосѣдями. Отставной генералъ Н., командовавшій во время осады Портъ-Артура полкомъ и отбывшій затѣмъ долгій японскій плѣнъ, попалъ теперь сюда, вслѣдствіе неудачной попытки полечиться за границей. Онъ не говоритъ по-нѣмецки, и маіоръ бесѣдуетъ съ нимъ на французскомъ языкѣ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы оставлять дверь въ камеру генерала открытой. Ему трудно дышать и онъ проситъ воздуха. Маіоръ соглашается на извѣстныхъ условіяхъ. Дверь будетъ открываться на опредѣленное время, точно установленное. Другой генералъ проситъ о такой же льготѣ. Ему она также дается, но при условіи, чтобы двери камеръ двухъ генераловъ не были открыты одновременно.

Вообще маіоръ Приттвицъ-фонъ-Гаффронъ не только вѣжливъ, но доступенъ чувству. Онъ выслушиваетъ всѣ заявленія и дѣлаетъ, что можетъ въ такое тяжелое время. У него самого два сына на войнѣ. Въ Россіи у него есть родственники, русскіе подданные, о судьбѣ которыхъ онъ также безпокоится. Но долгъ, служба, дисциплина—связываютъ маіора и онъ строго ихъ исполняетъ, среди огромныхъ трудностей и отвѣтственности. Ему никогда не приходилось такъ тяжело, какъ съ тѣхъ поръ, когда его тюрьму

наполнили русскими. Число ихъ постоянно возрастаетъ. Сколько было всѣхъ, я не знаю. Говорятъ больше пятидесяти. Многіе изъ нихъ высокопоставленные больные старики. „Сохранять“ ихъ очень трудно, такъ какъ тюремный режимъ дѣйствуетъ на нихъ скверно, а „сохранить нужно“. Претензіи и желанія ихъ огромны и удовлетворить ихъ невозможно. Одни свиданія съ родственниками создаютъ столько неудобствъ! Ихъ разрѣшаютъ не иначе, какъ въ присутствіи особаго лица, говорящаго по-русски, или самого маіора, если заинтересованныя лица могутъ говорить между собой по-нѣмецки. Но на все это нужно время.

Такіе отголоски душевнаго состоянія маіора доносились до меня разными путями, и я понималъ психологію этого человѣка, неожиданно получившаго для „сохраненія“ огромную партію русскихъ военныхъ, съ добавленіемъ нѣскольких штатскихъ, заслужившихъ особое вниманіе германскаго военнаго начальства.

Въ помощь ему для сношеній съ русскими, не говорящими или мало говорящими на иностранныхъ языкахъ, былъ назначенъ лекторъ русскаго языка въ Военной Академіи Берлина фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ. О существованіи этого лица въ составѣ администраціи нашей тюрьмы я узналъ отъ своего сержанта.

— Сегодня къ вамъ придетъ переводчикъ,—сказалъ онъ мнѣ.

— Кто онъ.

— Я точно не знаю; говорятъ, что онъ статскій совѣтникъ и служитъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Теперь онъ прикомандированъ къ коммендантурѣ. Онъ родомъ изъ Россіи, но германскій подданный.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Онъ читаетъ письма русскихъ военноплѣнныхъ, заходитъ въ ихъ камеры, чтобы выслушать заявленія, присутствуетъ при свиданіяхъ съ родными.

Было уже темно, когда ко мнѣ вошелъ г. фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ. Свѣчной огарокъ едва освѣщалъ узкую и высокую камеру. Я предложилъ моему посѣтителю единственный табуретъ, а самъ сѣлъ на кровати. Онъ оставилъ дверь въ коридоръ широко открытой, такъ что насъ могли видѣть и слышать изъ коридора.

— Почему же вы здѣсь, г. профессоръ?—спросилъ меня переводчикъ. Его русская рѣчь звучала вполнѣ увѣренно и акцентъ былъ не сильнѣе, чѣмъ у многихъ изъ нашихъ балтійскихъ соотечественниковъ. Маленькаго роста, очень подвижной, онъ, видимо, торопился.

— Вѣдь вы не военный? Почему же васъ арестовали и помѣстили въ военную тюрьму?

Я отвѣтилъ на этотъ вопросъ краткимъ изложеніемъ обстоятельствъ моего ареста и сообщилъ, что причины его мнѣ рѣшительно неизвѣстны.

— Такъ, такъ! Я не понимаю, почему вы здѣсь. Тутъ много русскихъ военныхъ отъ прапорщиковъ запаса до генераловъ. Но вѣдь вы не военный? Васъ уже допрашивали?

Я сказалъ, что нѣтъ, но что маіоръ обѣщалъ принять мѣры къ этому.

— Это они должны сдѣлать. Вамъ должны дать возможность выяснить дѣло.

Такое правильное отношеніе къ моему положенію, возможность его обсужденія съ человѣкомъ, спеціально пришедшимъ ко мнѣ въ камеру, и при томъ говорящимъ по-русски, вызывали нѣкоторое чувство облегченія. Я просилъ г. фонъ-деръ Остенъ-Сакена, съ своей стороны, напомнить въ коммендантурѣ о допросѣ меня.

— Я это сдѣлаю непремѣнно. Можетъ быть, у васъ есть еще желанія.

— Я желалъ бы, чтобы моя жена была допущена къ свиданію со мной, но, хотя я написалъ ей, гдѣ я, она не приходитъ. Можетъ быть, мое письмо не дошло?

— Я не думаю. Но теперь все дѣлается медленно.

— Она, несомнѣнно, очень безпокоится о моей участи, не зная, что со мной въ теченіе цѣлаго ряда дней, тѣмъ болѣе, что въ газетахъ писали уже нѣсколько разъ о будто бы пойманныхъ русскихъ шпіонахъ, которые безъ суда были немедленно разстрѣляны.

— Ахъ! Что газеты пишутъ! Еще не былъ разстрѣлянъ ни одинъ. Во всякомъ случаѣ я напишу вашей женѣ, чтобы она пришла сюда.

Г. фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ исполнилъ свое обѣщаніе и чрезъ нѣсколько дней меня позвали въ канцелярію тюрьмы, гдѣ меня ждала жена съ своимъ отцомъ. Ей пришлось подавать особое прошеніе въ коммендантуру. Свиданіе было разрѣшено въ опредѣленный день и часъ при условіи говорить непремѣнно по-нѣмецки. Это условіе осталось невыполненнымъ, такъ какъ при нашей встрѣчѣ присутствовалъ „переводчикъ", и мы могли говорить по-русски.

Не многое, конечно, можно было сказать при такихъ условіяхъ. Мы сидѣли на скамьѣ въ той же комнатѣ, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ я былъ подвергнутъ обыску при поступленіи въ тюрьму. Чрезъ открытую дверь виднѣлась фигура маіора и слышался его твердый голосъ. Вдали стоялъ унтеръ-офицеръ. Г. фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ въ двухъ шагахъ отъ насъ пересматривалъ какія-то бумаги, слушая нашу бесѣду и вставляя отъ времени до времени свои замѣчанія. У моей бѣдной изболѣвшей жены сжималось горло. Но мы бодро вынесли это первое наше свиданіе въ тюрьмѣ на глазахъ тюремнаго начальства. Десять минутъ, отведенныхъ намъ для этого, показались даже длиннымъ срокомъ.

Чрезъ недѣлю намъ позволили встрѣтиться еще разъ на десять минутъ при подобныхъ же условіяхъ.

Переводчикъ заходилъ ко мнѣ въ камеру еще нѣсколько разъ. Допроса, котораго я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, мнѣ все не учиняли. Между тѣмъ, я узналъ что находящійся въ той же тюрьмѣ преподаватель нѣмецкаго языка въ одномъ изъ военныхъ училищъ Петрограда, изъ балтійскихъ нѣмцевъ, достигъ того, что его допросили. Для этой цѣли былъ командированъ въ тюрьму особый чиновникъ военно-судебнаго вѣдомства. Допросъ велся по всѣмъ правиламъ и особенно настойчиво предлагался вопросъ, занимается ли или занимался ли ранѣе заключенный шпіонствомъ. Всѣ отвѣты и объясненія были записаны и такимъ образомъ въ рукахъ военнаго начальства имѣлись показанія самого заинтересованнаго лица.

Мнѣ хотѣлось достигнуть того же, но меня не хотѣли слушать. Я напоминалъ о моей просьбѣ маіору при его ежедневныхъ краткихъ посѣ-

щеніяхъ и приглашалъ къ себѣ г. фонъ-деръ Остенъ-Сакена, чтобы при его посредствѣ настаивать на моемъ допросѣ.

Переводчикъ оказывался все болѣе и болѣе занятымъ. Онъ приходилъ въ тюрьму въ послѣобѣденные часы послѣ дня, проведеннаго въ коммендатурѣ за чтеніемъ русской корреспонденціи и наскоро обходилъ заключенныхъ, оставаясь еще нѣсколько времени въ канцеляріи въ случаяхъ свиданій въ качествѣ свидѣтеля.

Русскіе военноплѣнные предъявляли къ нему самыя разнообразныя требованія и запросы. Имъ представлялось, что онъ для того и назначенъ, чтобы все узнавать, разъяснять и исполнять, что имъ казалось нужнымъ и важнымъ. Происходило это потому, что никто изъ заключенныхъ не зналъ своихъ правъ и обязанностей. Никакихъ правилъ объявлено не было и каждый жилъ въ глубинѣ своей камеры въ состояніи совершенной неопредѣленности. Постоянныя измѣненія тюремнаго режима поддерживали и усиливали это состояніе, рождая надежды и желанія, которыя оказывались затѣмъ неосуществимыми.

Измѣненія режима во все время моего пребыванія въ военной тюрьмѣ шли, однако, въ сторону облегченія. Сначала мы всѣ находились въ строгомъ одиночномъ заключеніи, не видя никого, кромѣ тюремнаго начальства. Потомъ послѣдовательно намъ дали слѣдующія льготы:

право ежедневной совмѣстной прогулки двухъ опредѣленныхъ лицъ;

право ежедневной такой же прогулки втроемъ;

право еженедѣльнаго свиданія съ родными;

право полученія газеты Локаль-Анцейгеръ;

право взаимнаго посѣщенія въ камерахъ сотоварищей по прогулкѣ;

право совмѣстной прогулки группы изъ четырехъ опредѣленныхъ лицъ;

право пребыванія въ общемъ коридорѣ при открытыхъ дверяхъ камеръ;

право совмѣстной прогулки и продолжительнаго пребыванія во дворѣ тюрьмы группы изъ неопредѣленно большого числа лицъ при открытомъ сообщеніи двора съ коридоромъ камеръ;

право совмѣстной ѣды за общимъ столомъ въ особо назначенномъ для этой цѣли помѣщеніи, сообщающемся съ тюремнымъ коридоромъ.

Въ осуществленіи этихъ послѣдовательныхъ облегченій наблюдалась строгая планомѣрность. Ихъ закулисная сторона мнѣ осталась неизвѣстна. Были ли они вызваны только соображеніями гуманности или сюда же примѣшивались и идеи цѣлесообразности въ томъ или другомъ видѣ, я не знаю. Весьма возможно, что не безъ вліянія было и горячее стремленіе нашего начальника какъ можно лучше „сохранить“ насъ.

Одиночное заключеніе въ тяжелыхъ первоначальныхъ условіяхъ, при всей бдительности надзора этому не способствовало, какъ показалъ случай съ однимъ молодымъ русскимъ изъ числа заключенныхъ вмѣстѣ со мной. Онъ былъ, кажется, прапорщикъ запаса и ему предстоялъ долгій плѣнъ до окончанія военныхъ дѣйствій. Въ своемъ мучительномъ одиночествѣ послѣ двухъ недѣль нашего режима онъ впалъ въ отчаяніе. Жить стало не зачѣмъ. Онъ нанесъ себѣ глубокую рану въ животъ.

Этотъ случай вызвалъ волненіе среди военнаго начальства. Въ тюрьму пріѣхалъ самъ комендантъ города Берлина, генералъ фонъ-Якоби, и долго

совѣщался съ маіоромъ. Совѣщаніе происходило во дворѣ тюрьмы въ то время, которое было назначено для моего гулянья, и я былъ его невольнымъ свидѣтелемъ, хотя ничего изъ сказаннаго не слыхалъ.

На слѣдующій день произошелъ переводъ всѣхъ русскихъ арестантовъ, содержавшихся въ разныхъ этажахъ, въ верхній этажъ, откуда убрали бывшихъ тамъ нѣсколькихъ отбывающихъ наказаніе нѣмцевъ. Верхній этажъ сталъ исключительнымъ достояніемъ русскихъ. Двери камеръ должны были оставаться открытыми на весь день и запираться только на ночь. Для столовой была отведена особая комната, служившая раньше складомъ вещей. Въ ней устроили длинный столъ и наставили табуретовъ.

Арестованнымъ была предоставлена полная свобода въ предѣлахъ всего этажа. Можно было ходить изъ камеры въ камеру, гулять по коридору, разговаривать. Тюремная жизнь совсѣмъ преобразилась.

Исключеніе было сдѣлано только для меня. Меня оставили въ томъ же второмъ этажѣ, единственнаго русскаго среди длиннаго ряда арестованныхъ нѣмцевъ.

Въ это время рѣшеніе вопроса о моемъ скоромъ освобожденіи, повидимому, уже назрѣвало. Дней десять послѣ заключенія въ военную тюрьму, во время моей прогулки во дворѣ съ моими спутниками во дворъ вошелъ маіоръ съ своей обычной связкой ключей въ рукахъ. Безъ такой связки ходить по тюрьмѣ невозможно. Въ ней заперты на ключъ всѣ двери безъ исключенія, а не только двери камеръ. Каждая дверь, куда бы она ни вела, въ коридоръ ли, на лѣстницу, во дворъ, заперта, и тюремное начальство всѣхъ ранговъ до начальника тюрьмы включительно, движется открывая и запирая каждую дверь ключемъ.

— Господинъ тайный совѣтникъ, сказалъ маіоръ, отзывая меня въ сторону, о васъ хлопотали предъ господиномъ комендантомъ г. Берлина, но васъ еще нельзя освободить. Вы должны *еще* оставаться здѣсь (Sie müssen noch hier bleiben!).

Кто хлопоталъ, мнѣ сказано не было. Почему эти хлопоты остались безъ отвѣта—тоже. Для чего я еще долженъ оставаться—не объяснялось. Маіоръ исполнилъ данное ему порученіе и только. Зналъ ли онъ самъ больше,—вѣроятно. Но и въ такомъ видѣ сообщеніе маіора произвело на меня сильное впечатлѣніе.

Мой голосъ изъ глубины тюрьмы достигъ, повидимому, до тѣхъ, къ кому я обращался. Кто-то на него откликнулся. Кто то не побоялся подняться въ защиту меня и выступить предъ всемогущимъ военнымъ начальствомъ. Кто-то настаивалъ, просилъ. Правда, пока безуспѣшно, но не безнадежно.

Я долженъ оставаться *еще* здѣсь. Значитъ, предвидится время, когда я *уже* не буду долженъ оставаться здѣсь, когда эти запертыя двери откроются, когда я уйду изъ этихъ стѣнъ, изъ-подъ этого корректнаго, но непрерывнаго надзора, когда меня перестанутъ „сохранять"... Рѣдко отрицательное извѣстіе можетъ доставить столько удовлетворенія, сколько я получилъ, узнавъ изъ высоко-авторитетнаго источника, что я *еще* долженъ сидѣть въ тюрьмѣ.

Это удовлетвореніе не было, однако, продолжительно. Дни шли за днями и „еще" мнѣ стало казаться невыносимымъ. Не была ли эта про-

стая фикція? Можетъ быть, все дѣло въ томъ, чтобы меня привести къ болѣе спокойному состоянію, усыпить мою блительность, умѣрить мои попытки къ освобожденію чрезъ посредство разныхъ лицъ, пока будетъ итти своимъ чередомъ работа военныхъ властей надъ разслѣдованіемъ созданнаго ихъ воображеніемъ или умысломъ русскаго шпіонажа. Къ чему приведетъ меня это ожиданіе, это дальнѣйшее сидѣніе въ стѣнахъ моей одиночной камеры, это писаніе писемъ, которыхъ можетъ быть никто, кромѣ чиновъ коммендантуры не читаетъ? Неужели же придется провести въ этой тюрьмѣ все длинное время войны? Или, быть можетъ, вся перемѣна будетъ въ томъ, что меня переведутъ въ другую тюрьму, въ крѣпость, въ лагерь?

Среди такихъ размышленій насталъ день, о которомъ я упоминалъ раньше. Одинъ изъ томившихся въ заключеніи русскихъ рѣшилъ прекратить свои страданія. Его попытка самоубійства стала извѣстна въ тюрьмѣ и мнѣ о ней сказалъ сержантъ.

— Сегодня одинъ русскій изъ запаса арміи хотѣлъ зарѣзаться и нанесъ себѣ рану.

— Какъ же это могло случиться?—спросилъ я, когда у всѣхъ отобраны всѣ рѣжущіе предметы; вотъ вы мнѣ даже не даете ножницъ.

— Онъ сдѣлалъ это, когда ему подали обѣдъ, воспользовавшись столовымъ ножемъ. Но, кажется, рана неопасна. Его уже перевязали и перенесли въ госпиталь.

Когда я вышелъ во дворъ для прогулки, генералъ фонъ-Якоби, комендантъ г. Берлина, быстрыми шагами ходилъ тамъ съ нашимъ маіоромъ, оживленно бесѣдуя. Высокій, стройный, элегантный онъ наклонялся къ уху маіора во время разговора. Чувствовалась таинственность и важность бесѣды. Я съ своимъ спутникомъ отказался отъ нашего обычнаго кругового маршрута, чтобы не проходить каждый разъ мимо военнаго начальства и не вызвать подозрѣнія въ подслушиваніи. Наша прогулка ограничивалась хожденіемъ взадъ и впередъ на той сторонѣ дворика, которая въ данную минуту была свободна. Часовой подтянулся и стоялъ въ менѣе небрежной позѣ, чѣмъ обыкновенно. О кормленіи куръ травой не было и рѣчи.

— Господинъ профессоръ!—вдругъ позвалъ меня маіоръ.

Я подошелъ. Генералъ, любезно улыбаясь, приложилъ руку къ козырьку фуражки въ отвѣтъ на мой поклонъ.

— Вы—профессоръ Тимоновъ,—сказалъ онъ. Вы экспертъ по вопросамъ о водяныхъ путяхъ. Мнѣ о васъ говорилъ баронъ фонъ-Кельсъ фонъ-деръ Брюггенъ, товарищъ министра общественныхъ работъ. Онъ былъ у меня и подробно разсказалъ о вашей дѣятельности въ этой области. Мы теперь вполнѣ освѣдомлены о васъ и вы будете освобождены.

Я слушалъ и мое сердце учащенно билось отъ радости, что справедливость могла восторжествовать даже и при такихъ трудныхъ условіяхъ, что вѣра въ людей не будетъ окончательно разбита, что идеалы не будутъ вполнѣ разрушены.

А генералъ продолжалъ:

— Вы понимаете, какое тяжелое время мы переживаемъ. Намъ нужно соблюдать величайшую осторожность. На первомъ планѣ должна стоять защита государства. Каждый случай такъ сложенъ, и чтобы разобраться въ немъ, нуженъ срокъ. Относительно васъ все выяснено, и я уже сегодня под-

писалъ распоряженіе о выпускѣ васъ отсюда. Вамъ разрѣшается жить въ Берлинѣ въ гостиницѣ, конечно, подъ наблюденіемъ полиціи—и генералъ улыбнулся. Вы не должны ничего сообщать въ вашихъ письмахъ о военныхъ дѣлахъ и вообще посылать письма открытыми.

И, обращаясь къ маіору, онъ спросилъ:—Развѣ вы еще не получили извѣщенія объ освобожденіи профессора?

Маіоръ отвѣтилъ отрицательно.

— Но въ такомъ случаѣ, можно запросить по телефону, сказалъ генералъ. Вамъ пришлютъ бумагу изъ коммендантуры. Господинъ профессоръ, сегодня къ вечеру вы будете свободны.

Выслушавъ съ привѣтливымъ вниманіемъ мою благодарность, генералъ отошелъ съ маіоромъ въ сторону и возобновилъ съ нимъ свой конфиденціальный разговоръ. Мы продолжали нашу прогулку. Часовой проявлялъ признаки нѣкотораго возбужденія по случаю небывалой бесѣды коменданта съ военноплѣннымъ. Чрезъ нѣсколько минутъ я опять услышалъ голосъ маіора.

— Господинъ профессоръ!

Я подошелъ вновь. Генералъ сказалъ:

— Видите ли, дѣло о вашемъ освобожденіи должно быть направлено въ генеральный штабъ на заключеніе. Это нѣсколько отсрочитъ вашъ выходъ отсюда. Но я надѣюсь, что завтра все будетъ кончено. Да, я думаю, завтра вы будете свободны. Любезный поклонъ по-военному и генералъ съ маіоромъ ушли въ одну изъ дверей ближайшаго зданія.

Я остался съ своей разбитой надеждой. Не сегодня, а завтра я могу ждать освобожденія. Нѣсколько минутъ я прожилъ съ мыслью, что сегодня я буду уже внѣ этихъ стѣнъ. Этихъ нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы все измѣнить. Что сказалъ маіоръ генералу такое, что могло коренньмъ образомъ повліять на его рѣшеніе? Не могъ же онъ не знать ранѣе, что нужно заключеніе генеральнаго штаба, если оно дѣйствительно нужно? Вѣдь онъ самъ сказалъ, что подписалъ распоряженіе о моемъ освобожденіи. Онъ, комендантъ Берлина, не можетъ вѣдь освобождать военноплѣнныхъ, если затѣмъ ихъ могутъ удерживать другія военныя власти.

Мы кружились по двору по обычной дорожкѣ вокругъ цвѣтника, а въ моей головѣ кружились вихри отчаянія, недоумѣнія и досады, что я могъ повѣрить въ близость свободы, позволивъ себѣ увлечься иллюзіей, миражемъ, фантасмагоріей.

— Господа. Время прошло,—сказалъ появляясь въ дверяхъ сержантъ. Я пришелъ за вами. Пожалуйте въ ваши камеры. Уже спустилась новая партія для прогулки.

Послушные, мы побрели на верхъ и чрезъ минуту захлопнувшаяся за мной тюремная дверь закрыла отъ меня и надежду на скорое освобожденіе. Я уже сотни разъ прошагалъ взадъ и впередъ по узкой полоскѣ пола между стѣной и кроватью и послѣдніе лучи заката погасли за моимъ окномъ, когда мой сержантъ вошелъ ко мнѣ съ вечернимъ кофе и сказалъ:

— Сегодня я опоздалъ. Мы переводили всѣхъ русскихъ въ верхній этажъ. Они тамъ будутъ всѣ вмѣстѣ. Только господинъ профессоръ остается здѣсь. Такъ приказалъ господинъ маіоръ. Онъ говоритъ, что васъ скоро освободятъ. А если не освободятъ, такъ и васъ переведутъ на верхъ.

Освободятъ, а если нѣтъ?.. Игра кошки съ мышью продолжалась. Въ первой тюрьмѣ я былъ освобожденъ, чтобы попасть во вторую. Здѣсь предо мной открылась перспектива скораго освобожденія, чтобы закончиться переводомъ въ другую камеру.

Я провелъ непріятную ночь. Раннимъ утромъ мой корридоръ наполнился шумомъ, далеко превосходившимъ оглашавшій его по утрамъ до сихъ поръ. Произошло это отъ того, что всѣ камеры, кромѣ моей, были теперь заняты отбывавшими наказаніе солдатами. Ихъ всѣхъ будили, на всѣхъ ихъ кричали, всѣ они стучали сапогами по каменнымъ плитамъ...

Благотворное вліяніе солнца и свѣта на человѣческую душу извѣстно. По мѣрѣ того, какъ разгорался день, во мнѣ вновь поднимались надежды. А можетъ быть, все случится такъ, какъ мнѣ говорилъ коммендантъ. Можетъ быть, дѣйствительно, еще сегодня придетъ заключеніе генеральнаго штаба и меня выпустятъ. Я не находилъ себѣ мѣста въ тѣсной камерѣ и не могъ ни читать ни писать. Приходилось бѣгать изъ угла въ уголъ. Такъ шли часы.

— Не хотите ли пойти наверхъ къ русскимъ? — сказалъ сержантъ, появляясь въ дверяхъ. — Маіоръ позволилъ всѣмъ выйти въ коридоръ и сказалъ, что и васъ можно туда отвести.

Пойти или не пойти? — подумалъ я. Если пойти, не значитъ ли это сразу увеличить свою подозрительность въ глазахъ военнаго начальства. Вѣдь оно можетъ предположить, что я узналъ отъ другихъ заключенныхъ разныя важныя свѣдѣнія и послѣ этого совсѣмъ меня не выпустятъ. Пока я—штатскій, далекій отъ всего военнаго, а тогда, послѣ встрѣчи съ нашими генералами, не получу ли я особой окраски, опасной, по мнѣнію германскихъ властей, для ихъ государства.

Но не пойти—это значитъ добровольно отказаться отъ возможности встрѣтиться со своими, узнать о ихъ судьбѣ, успокоить тоскующіе въ одиночествѣ нервы, помочь другимъ.

И я пошелъ за Вильгельмомъ Циммерманомъ по длиннымъ лѣстницамъ въ коридоръ верхняго этажа.

Тамъ царило большое оживленіе. Двери камеръ, въ которыя были переведены наканунѣ поодиночкѣ и заперты русскіе арестанты, стояли открытыми. Пробывшіе нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ русскіе встрѣтились впервые и спѣшили другъ съ другомъ знакомиться или возобновить знакомство. Въ разныхъ углахъ стояли кучки, жадно слушавшія разсказы о злоключеніяхъ товарищей. Старые знакомые, давно не видавшіеся и сведенные здѣсь прихотливой судьбой, гуляли по коридору въ оживленной бесѣдѣ. Въ нѣкоторыхъ камерахъ молодые люди играли въ шахматы. Стоялъ шумъ отъ многихъ голосовъ. Сержанты распоряжались подготовкой комнаты для общей столовой. Переносились столы и табуреты. Переводили еще нѣкоторыхъ военноплѣнныхъ, оставшихся со вчерашняго дня. Маіоръ съ озабоченнымъ лицомъ ходилъ по коридору, заглядывая въ камеры. Г. фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ былъ тутъ же. Его закидывали вопросами о полученіи денегъ изъ Россіи, о посылкѣ телеграммъ, о покупкѣ русскихъ книгъ для чтенія.

— А, профессоръ! Вотъ гдѣ мы съ вами встрѣтились! Предо мною стоялъ адмиралъ С. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы ѣхали въ одномъ купе въ Берлинъ. Онъ спѣшилъ къ своей дочери въ Бельгію на

рождественскіе каникулы, я въ Мюнхенъ на международную конференцію по шоссейно-дорожному дѣлу.

— Какъ вы сюда попали? Вѣдь вы же не военный,—спросилъ адмиралъ.

— Да вѣдь и вы въ отставкѣ, а вѣдь про васъ написано въ газетахъ, что германской полиціи удалось задержать въ Берлинѣ главнаго командира флота и портовъ Чернаго моря.

Адмиралъ сталъ подробно разсказывать исторію своего ареста, заключенія въ тюрьмѣ на Александеръ-Платцъ и привода сюда. Мы прошли въ его камеру. Она была вдвое больше моей, съ двумя окнами, столомъ, стульями, комодомъ. Это офицерская тюремная камера. Такихъ въ нашей тюрьмѣ было нѣсколько и ихъ отвели высшимъ русскимъ военнымъ чинамъ, адмиралу С., генераламъ П., Ф., С. и нѣкоторымъ другимъ.

Полный перечень моихъ сотоварищей по тюремному заключенію мнѣ не извѣстенъ. Кромѣ упомянутыхъ лицъ, одновременно со мной въ Nördliche Militär-Arrest Anstalt были астраханскій губернаторъ С. генералы Г., X и Н.

— Я веду дневникъ,—сказалъ адмиралъ, показывая мнѣ исписанную тетрадь.—Сюда я запошу день за днемъ все, что со мною дѣлаютъ. Когда я вернусь въ Россію, я, вѣроятно, использую этотъ матеріалъ для печати.

И онъ энергично обрушился на нарушителей его покоя, оторвавшихъ его отъ больной жены и юноши сына, которые находились теперь въ Германіи, но неизвѣстно гдѣ и въ какихъ условіяхъ.

— Не нужно ли вамъ бѣлья? У меня всего теперь много, — любезно предложилъ адмиралъ.—Мнѣ привезли изъ гостиницы мои чемоданы.

Я благодарилъ и обѣщалъ воспользоваться, если не удастся получить своихъ вещей.

Мы отправились затѣмъ въ обходъ по коридору, останавливаясь тутъ и тамъ и слушая разсказы.

Почтенный генералъ Ф. говорилъ о перенесенныхъ имъ мученіяхъ. Онъ былъ боленъ. Отъ тюремной пищи у него сдѣлались сильныя боли въ желудкѣ, а его все время держали подъ замкомъ.

Генералъ С. въ энергичныхъ выраженіяхъ говорилъ о томъ, какъ русскіе были покинуты на произволъ германцевъ своими дипломатическими представителями.

— И даже священниками,—вставилъ адмиралъ С.—Представьте себѣ, русскіе священники уѣхали изъ Берлина, когда ихъ присутствіе такъ необходимо.

Генералъ X. разсказывалъ, какъ ему повредило въ глазахъ германскаго военнаго начальства его положеніе состоящаго въ распоряженіи начальника главнаго штаба. Его считаютъ генераломъ, состоящимъ въ распоряженіи русскаго генеральнаго штаба и относятся къ нему очень подозрительно. А между тѣмъ, онъ служитъ безъ жалованья и единственная его обязанность—быть старостой церкви при главномъ штабѣ. Лѣто онъ всегда проводитъ за границей, катаясь мѣсяцами на автомобиляхъ по всей Европѣ. Въ этомъ году онъ имѣлъ два автомобиля, жилъ въ Киссингенѣ, ѣздилъ часто въ Австрію въ Карлсбадъ, гдѣ была его жена. Теперь это все могутъ учитывать и держать его въ плѣну до конца войны. Эта перспектива жизнерадостному генералу совсѣмъ не улыбалась.

Очень большое вниманіе возбуждалъ маленькій чиновникъ русскаго посольства въ Берлинѣ—А. Его арестовали въ видѣ протеста на аресты германскихъ консуловъ въ Россіи, какъ единственнаго оставшагося отъ русской миссіи.

— Вѣдь это просто писецъ, — говорили о немъ въ „русскомъ“ коридорѣ,—а его задержали и заключили въ одиночную камеру подъ очень строгій надзоръ.

Даже гулять онъ долженъ былъ одинъ. Самъ А. намъ разсказывалъ, что онъ съ большимъ трудомъ получилъ разрѣшеніе видѣться со своей женой, нѣмкой, и то только потому, что онъ долженъ былъ подписать чеки для уплаты германскимъ рабочимъ за ремонтъ дома посольства.

Одинъ престарѣлый русскій военный угрюмо повторялъ: — Всю жизнь былъ честнымъ солдатомъ и вотъ попалъ въ тюрьму на старости лѣтъ.

— Ваше превосходительство,—говорилъ ему другой. — Вы знаете пословицу?

— Какую?

— Отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся.

— Ахъ, знаю, знаю. Что же по вашему, попали въ тюрьму, а потомъ и съ сумой пойдемъ?

— А какъ же вы думаете? Вѣдь у васъ отобрали всѣ наличныя деньги и акредитивъ?

— Отобрали.

— Вѣдь вамъ подаютъ каждый день счета на ваши расходы, за столъ и прочее?

— Подаютъ.

— Хорошо, что хоть за квартиру не подаютъ,—вмѣшался третій.—Вотъ я въ гостиницѣ платилъ за комнату по десяти марокъ въ сутки, а здѣсь помѣщеніе даровое.

— Помѣщеніе даровое, а все-таки каждый день вамъ обходится нѣсколько марокъ,—продолжалъ неумолимый пессимистъ. —Вотъ и посчитайте. Когда ваши деньги выйдутъ, вамъ перестанутъ давать кофе, обѣдъ и ужинъ изъ ресторана, а переведутъ на солдатскій тюремный режимъ или вамъ придется просить о денежной помощи—та же сума.

— Никогда я на это не соглашусь. У меня есть акредитивъ. Мнѣ пришлютъ деньги изъ Россіи.

— Но по акредитивамъ не платятъ.

— Говорили, что будутъ платить.

— Съ Россіей нѣтъ сношеній.

— Нѣтъ, а будутъ.

И споръ разгорался, скорѣе для развлеченія долго молчавшихъ людей, чѣмъ подъ вліяніемъ дѣйствительной необходимости.

— Господа, говорятъ, можно послать телеграмму въ Россію о томъ, что мы въ плѣну!—закричалъ кто-то.

— Кто говоритъ? Какъ послать?

Выясняется, что будто бы получено разрѣшеніе извѣстить русское правительство чрезъ испанскаго посла о составѣ военноплѣнныхъ въ Германіи.

— Пошлемте общую телеграмму военному министру, — предлагаютъ генералы.

Преподаватель нѣмецкаго языка получаетъ порученіе составить телеграмму. Въ большой камерѣ за столомъ собирается цѣлая группа. Мягкій свѣтъ струится черезъ окна на оживленныя лица военноплѣнныхъ. Со всѣхъ сторонъ сыплются совѣты, какъ писать и что писать. Учитель садится предъ листомъ бумаги съ перомъ на-готовѣ. Вспоминается картина Рѣпина...

Послѣ обѣда была разрѣшена первая общая прогулка всѣхъ русскихъ во дворѣ. По просьбѣ нѣсколькихъ стариковъ, маіоръ приказалъ поставить большія скамейки для тѣхъ, кто не могъ долго оставаться на ногахъ. Дворъ тюрьмы обратился въ какую-то garden party. На скамьяхъ сидѣли почтенные генералы въ мирной бесѣдѣ. По круговой дорожкѣ гуляли группами. Было тепло. Тонкая пыль поднималась съ дорожки и ложилась на газонъ и цвѣты. Куры съ удивленіемъ смотрѣли сквозь сѣтку своего отдѣленія на необычное движеніе во дворѣ. Часовой, оттѣсненный въ уголъ, переминался съ ноги на ногу, положивъ ружье на плечо, гдѣ предварительно отстегнулъ погонъ, чтобы его не портить. Желтый лоскутокъ погона висѣлъ неподвижной тряпкой.

На такую совмѣстную прогулку дали около двухъ часовъ времени, послѣ чего надо было возвращаться къ себѣ.

Сержантъ заперъ меня въ мою камеру и вмѣстѣ со мной заперъ туда же всѣ несбывшіяся надежды и всѣ сомнѣнія. День кончался. а никакихъ вѣстей о моемъ освобожденіи не приходило. Все оставалось по старому. Тотъ же огарокъ свѣчи на моемъ столѣ, та же глиняная кружка съ водой, тотъ же толстый томъ „Ueber Land und Meer", та же запертая дверь, та же тишина ночи, прерываемая ногами проходящихъ войскъ или отголосками ночного солдатскаго ученія...

Я снова взялся за перо. Изъ-подъ него вылилось письмо къ барону фонъ-Кельсу-фонъ деръ-Брюггену, гдѣ я писалъ о событіяхъ послѣднихъ дней, о данномъ мнѣ по его просьбѣ обѣщаніи освободить меня вчера, сегодня... о томъ, чтобы было сдѣлано что-нибудь для исполненія этого обѣщанія.

Письмо было запечатано въ конвертъ и положено на столъ. Завтра, когда придетъ маіоръ, я передамъ его для отправки дальше. Оно пойдетъ обычнымъ путемъ—и я сталъ подсчитывать срокъ, когда можно будетъ ожидать, что дѣйствіе его скажется въ чемъ-либо.

Сонъ прервалъ мои размышленія на эту неблагодарную тему.

Когда я проснулся на слѣдующее утро, я вспомнилъ, что сегодня полное солнечное затменіе. Дня 8/21 августа ученый міръ дожидался въ этомъ году съ особымъ нетерпѣніемъ. Полное солнечное затменіе должно было быть видимо на огромномъ пространствѣ Россіи въ удобныхъ условіяхъ наблюденія. Спеціальныя экскурсіи посылались къ намъ изъ разныхъ мѣстъ Европы. Что теперь съ ними будетъ? А что будетъ со мной? Мой взглядъ упалъ на столъ, гдѣ въ лучахъ еще пока яркаго солнца бѣлѣлъ конвертъ моего вчерашняго письма. Придетъ ли сегодня маіоръ или придется переслать ему письмо съ сержантомъ?

Утро прошло обычнымъ порядкомъ, но маіоръ не приходилъ. Вѣроятно, хлопоты съ русскими въ ихъ новомъ общежитіи его задерживали, и для нашего коридора нѣмецкихъ арестантовъ съ единственнымъ русскимъ у него не было времени. Отсутствовалъ и мой сержантъ.

— У меня теперь гораздо больше дѣла,—сказалъ онъ мнѣ, явившись гораздо позднѣе обыкновеннаго. — Всѣ камеры полны въ моемъ коридорѣ нѣмецкихъ арестантовъ. Большинство изъ нихъ подъ строгимъ надзоромъ.

Письмо лежало на столѣ.

Въ одиннадцатомъ часу я услышалъ знакомые шаги маіора и его голосъ. Шаги остановились прямо у моихъ дверей. Щелкнулъ замокъ.

— Добраго утра, господинъ тайный совѣтникъ.

— Добрый день, господинъ маіоръ.

И мы стояли другъ противъ друга, раздѣленные порогомъ моей двери: онъ въ коридорѣ, я въ своей камерѣ. Моя рука уже тянулась къ письму.

— Я получилъ распоряженіе доставить васъ въ коммендатуру, — сказалъ маіоръ.—Соберите ваши вещи. Мы отправимся чрезъ часъ. Вы можете быть готовы?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Если вы желаете ѣхать въ автомобилѣ и согласны за него заплатить, я прикажу вызвать сюда автомобиль по телефону.

Я, конечно, согласился, недоумѣвая, однако, какъ я могу заплатить, когда у меня не было ни одного пфеннига въ карманѣ.

— Такъ будьте готовы.

И маіоръ заперъ мою дверь. Меня продолжали „сохранять".

Сборы мои были не сложны. Самое трудное было получить ножницы отъ сержанта, который, впрочемъ, отдалъ мнѣ ихъ на этотъ разъ безъ особыхъ колебаній. Я разорвалъ приготовленное письмо и сталъ ждать. Это былъ одинъ изъ длиннѣйшихъ часовъ моей жизни, но и онъ кончился.

Сержантъ открылъ мою дверь:

— Вы готовы? Можно итти внизъ!

— Да. Мнѣ хотѣлось бы вамъ что-нибудь дать за ваши услуги, но я не имѣю денегъ,—сказалъ я, и мнѣ въ первый разъ въ жизни стало стыдно быть безъ денегъ. Я не зналъ, что меня ожидаетъ за дверями тюрьмы, но я былъ увѣренъ, что назадъ меня не привезутъ. Циммермана я больше не увижу и дать ему денегъ въ благодарность за его заботы не смогу.

— Не могу ли я вамъ прислать потомъ? Дайте мнѣ вашъ точный адресъ.

— Пожалуйста—и сержантъ, уйдя въ свою комнату, быстро принесъ мнѣ конвертъ съ адресомъ.

Мнѣ не скоро пришлось, однако, имъ воспользоваться. Маіоръ категорически воспротивился тому, чтобы что-либо выдавалось его сержантамъ.

— Они только исполняли свои обязанности,—говорилъ онъ.

Впослѣдствіи, уже изъ Швеціи я послалъ маіору нѣкоторую сумму денегъ для Циммермана, съ просьбой, если нельзя будетъ дать ихъ ему, передать ихъ отъ его имени въ Красный Крестъ.

— Идемте,—сказалъ сержантъ и взялъ мой саквояжъ.

Мы спустилились въ канцелярію, гдѣ меня уже ждалъ маіоръ.

— Такъ! Вы готовы. Я только соберу ваши деньги и бумаги.

Чрезъ минуту мы выходили на улицу. У подъѣзда стоялъ автомобиль. Мы сѣли. Сержантъ подалъ мнѣ мои вещи. Въ дверяхъ вытянулись другіе

унтеръ-офицеры. Затрубилъ рожокъ и мы покатили мимо наружной стѣны тюрьмы, гдѣ я провелъ пятнадцать дней, казавшихся мнѣ вѣчностью.

Въ своей книгѣ о современной утопіи Уэльсъ говоритъ объ общественныхъ дѣятеляхъ, или какъ онъ ихъ называетъ—о самураяхъ будущаго, которые каждый годъ обязаны поочереди провести недѣлю въ строгомъ уединеніи, въ постѣ; они удаляются для этого въ особыя одиночныя камеры, лишенныя всякихъ удобствъ, съ самымъ скуднымъ запасомъ пищи, едва достаточнымъ для поддержанія жизни; за эту недѣлю самурай долженъ привести въ порядокъ свои мысли, такъ сказать, самоисповѣдываться.

Мнѣ казалось въ эту минуту, что я отбылъ такой искусъ и теперь возвращался въ міръ, обновленный и укрѣпленный духомъ для новой работы. Автомобиль искусно лавировалъ, огибая встрѣчные экипажи. Влѣво виднѣлось зданіе Лертскаго вокзала. Я узнавалъ окрестные предметы. Дышалось легко. Но иллюзія свободы была непродолжительна. Возлѣ меня сидѣлъ человѣкъ, который меня *везъ*. Онъ былъ безукоризненно вѣжливъ и говорилъ со мной о моемъ недавномъ прошломъ, о пребываніи въ курортѣ, о моей семьѣ, о моихъ работахъ. Намъ попадались навстрѣчу солдаты и офицеры. На отданную честь съ ихъ стороны маіоръ неизмѣнно точно и опредѣленно отвѣчалъ, прикладывая пальцы къ козырьку фуражки. А я чувствовалъ все сильнѣе и сильнѣе, что меня везутъ, хотя и не такъ, какъ въ послѣдній разъ, но все-таки везутъ куда-то, для чего то, о чемъ мнѣ не говорятъ.

День былъ солнечный. Мы проѣхали мимо Тиргартена и оказались на Унтеръ-денъ-Линденъ. Улицы показались мнѣ очень многолюдными. Всюду висѣли флаги. Городъ былъ погруженъ въ радостное настроеніе. Я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, гдѣ находится коммендантура, въ которой должна была рѣшиться моя дальнѣйшая судьба, и былъ удивленъ, когда мы остановились въ самомъ началѣ Унтеръ-денъ-Линденъ на площади предъ Цейхгаузомъ у маленькаго дома старинной архитектуры.

— Вотъ мы и пріѣхали,— сказалъ маіоръ.—Вы, можетъ быть, оставите автомобиль, чтобы васъ отвезти къ вамъ въ гостиницу?

Тонъ былъ увѣренный, спокойный. Значитъ, дѣйствительно меня отсюда отпустятъ. Зажимая мысленно сердце, чтобы не выказать наружно чувствъ, я также спокойно отвѣтилъ согласіемъ.

— Въ такомъ случаѣ вы скажите, куда вы хотите ѣхать и я передамъ шоферу, чтобы онъ какъ-нибудь не ошибся.

И маіоръ точно передалъ названный мною адресъ, указавъ, гдѣ именно находится улица и какъ къ ней проѣхать.

— Оставьте ему ваши вещи и слѣдуйте за мной.

Мы отправились. Любезно пропуская меня впередъ, маіоръ провелъ меня въ небольшую пріемную комнату коммендантуры мимо часовыхъ, отдавшихъ ему честь. Здѣсь работалъ одинъ военный за столомъ, заваленнымъ бумагами. Вправо и влѣво вели запертыя теперь двери. Вся обстановка была въ стилѣ 18 вѣка. Кругомъ царила тишина. Такъ вотъ какой видъ имѣетъ коммендантура, которая въ моемъ воображеніи рисовалось гигантскимъ бюро съ сотнями офицеровъ и чиновниковъ, изучающихъ наши бумаги, письма, дѣла и рѣшающихъ важнѣйшіе вопросы жизни десятковъ тысячъ русскихъ.

Маіоръ, поговоривъ вполголоса съ военнымъ чиновникомъ, прошелъ въ лѣвую комнату, возвратился, а чрезъ минуту оттуда вышелъ элегантный офицеръ и пригласилъ насъ войти въ правую дверь. За ней оказался маленькій кабинетъ въ одно окно.

— Сначала нужно разсчитаться, — сказалъ маіоръ и съ величайшей точностью подвелъ итогъ моимъ расходамъ въ военной тюрьмѣ, вычтя эту цифру изъ взятой у меня при арестѣ суммы денегъ и возвративъ остальное. Все это было сдѣлано съ безукоризненной вѣжливостью.

Я получилъ записки, мой паспортъ и другія бумаги и возвратилъ имѣвшуюся у меня расписку. Тѣмъ временемъ офицеръ принесъ сюда же связку отобранныхъ у меня книгъ и рукописей, гдѣ я съ удовольствіемъ увидѣлъ и то, что у меня было взято въ первой тюрьмѣ на Александеръ-Платцъ. Связка показалась мнѣ слишкомъ большой, но я не сталъ тутъ же искать причину такого страннаго увеличенія объема.

— А вотъ и вашъ пассиршейнъ, — сказалъ офицеръ, передавая мнѣ маленькій листокъ въ четвертушку бумаги.

— Это дастъ вамъ право жить въ Берлинѣ, конечно, подчиняясь извѣстнымъ требованіямъ, которыя тутъ изложены и впредь до измѣненій.—Онъ подалъ мнѣ руку. Я благодарилъ его и, обратясь къ маіору уже не въ качествѣ его арестанта, высказалъ ему чувства признательности за его отношеніе къ русскимъ вообще и ко мнѣ въ частности, полное гуманности и корректности. Пожавъ протянутую мнѣ руку, я ушелъ, унося о маіорѣ Притвицъ-фонъ-Гаффронъ воспоминанія, какъ о человѣкѣ, сумѣвшемъ остаться джентльменомъ на трудномъ посту начальника военной тюрьмы.

Много времени спустя, когда я уже вернулся въ Петроградъ, въ газетахъ появилось извѣстіе, что въ русскій плѣнъ попалъ баронъ Притвицъ-фонъ-Гаффронъ, 19 лѣтъ, вольноопредѣляющійся гусарскаго полка. Въ полкъ онъ поступилъ прямо изъ Геттингенскаго университета; побывалъ съ своимъ полкомъ въ Бельгіи и сѣверной Франціи, а затѣмъ былъ переведенъ на восточный фронтъ. Подъ Конинымъ казаки убили его лошадь. Онъ свалился и ушибъ себѣ ногу. Его тутъ же взяли. Съ нимъ разговаривалъ корреспондентъ одной изъ нашихъ газетъ во время переѣзда по желѣзной дорогѣ и спросилъ, не нужно ли ему чего. Оказалось, больше всего ему хотѣлось, какъ слѣдуетъ, помыться и получить ножницы для ногтей. Корреспондентъ принесъ ему ножницы и они долго бесѣдовали.

Читая эти строки, я вспомнилъ, какъ мнѣ въ тюрьмѣ другимъ Притвицемъ-фонъ-Гаффрономъ была предоставлена возможность получить ножницы, когда мнѣ это было нужно, и многія другія облегченія и удобства, столь цѣнныя для плѣннаго. Нашъ плѣнный сынъ ли берлинскаго маіора или иной его родственникъ—не знаю, но мнѣ во имя вниманія, которое маіоръ оказывалъ многимъ нашимъ военноплѣннымъ въ ввѣренной его попеченію тюрьмѣ, хотѣлось бы, чтобы плѣнъ его родственника былъ возможно легокъ. Я увѣренъ, впрочемъ, что отношенія къ военноплѣннымъ у насъ будутъ вообще вездѣ на высотѣ завѣтовъ человѣколюбія, что никто не сможетъ упрекнуть насъ въ нарушеніи этихъ завѣтовъ, что о нашихъ властяхъ, которымъ поручены заботы о военноплѣнныхъ, у нихъ сохранятся такія же воспоминанія, какъ у меня о берлинскомъ маіорѣ Притвицъ-фонъ-Гаффронѣ...

Автомобиль ждалъ меня у подъѣзда. Я сѣлъ, шоферъ повернулъ регуляторъ и мы понеслись по Унтеръ-денъ-Линденъ. Я ѣхалъ, меня не везли болѣе! Я ѣхалъ туда, гдѣ была моя семья. Въ карманѣ у меня былъ документъ, устанавливавшій мое право на свободу, правда, относительную, правда, съ оговоркой—„впредь до измѣненій“, но все же это была возможность двигаться, дѣйствовать, работать дальше надъ своимъ полнымъ освобожденіемъ и прежде всего обнять своихъ близкихъ и успокоить ихъ наболѣвшія души.

Чрезъ четверть часа я входилъ въ ту квартиру, откуда семнадцать дней тому назадъ глубокой ночью меня увели агенты тайной полиціи.

Nessun maggiore dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

Dante.

ГЛАВА XII.

Подъ полицейскимъ надзоромъ въ столицѣ Германіи.

„Не торопитесь уѣхать".—Полицейскій участокъ.—Комендантура.—Патріотическія манифестаціи.—Ослабленіе преслѣдованій русскихъ.—Газетная пытка.—„Военная литература".—Военныя игры дѣтей. -Германскія эмблемы.—На городскихъ желѣзныхъ дорогахъ. -Испанское посольство.—Банкъ.—„Русскій" комитетъ.—Ограниченіе въ интересахъ русскихъ его функцій германскими властями.—Почта и телеграфъ.—Вѣсти съ родины.

Время, прожитое мною подъ полицейскимъ надзоромъ въ Берлинѣ между выходомъ изъ тюрьмы и отъѣздомъ въ Россію, было все посвящено осторожному и постепенному выпутыванію себя и своихъ близкихъ изъ германскихъ тенетъ. Дѣлать это приходилось ощупью, подъ постояннымъ опасеніемъ не сдѣлать чего-либо, что могло бы ухудшить наше положеніе. Безъ всякихъ правъ, безъ всякой законной защиты, среди моря непріязненно настроенныхъ людей надо было дѣйствовать такъ, чтобы не вызывать новыхъ неосновательныхъ подозрѣній.

„Онъ спѣшитъ уѣхать—значитъ онъ боится. Онъ боится—значитъ за нимъ есть грѣхи. За нимъ есть грѣхи—значитъ его надо попридержать". Эта логическая цѣпь висѣла на мнѣ особой тяжестью. Мой предстатель предъ лицомъ военныхъ властей—баронъ фонъ-Кельсъ фонъ-деръ-Брюггенъ прямо не совѣтовалъ намъ торопиться уѣхать изъ Берлина.

— Не старайтесь уѣхать съ первыми поѣздами. Вѣдь я принялъ гарантію за васъ предъ военными властями,—говорилъ онъ мнѣ.—Ваши попытки уѣхать поскорѣе могутъ вызвать сомнѣніе.

Этому совѣту приходилось слѣдовать, не потому что особыя надежды на освобожденіе насъ изъ плѣна я возлагалъ на самого дѣлавшаго такое указаніе, но въ особенности изъ чувства благодарности за его выдающееся вниманіе и заботливость по отношенію къ „врагу". А между тѣмъ каждый потерянный день могъ принести съ собой новыя осложненія для задержанныхъ русскихъ и затруднить нашъ отъѣздъ еще больше.

Пока, впрочемъ, не было никакихъ предположеній о разрѣшеніи отъѣзда русскимъ. Тѣ изъ нихъ, кто не находился въ тюрьмахъ или концентраціонныхъ лагеряхъ, вродѣ знаменитаго Дёберица, были снабжены особыми свидѣтельствами—пассиршейнами отъ комендантуры. Сначала эти свидѣтельства выдавались въ самой комендантурѣ и только лицамъ, выпускаемымъ изъ-подъ ареста, но потомъ, когда было рѣшено снабдить ими всѣхъ русскихъ, ихъ надо было получать изъ полицейскаго управленія на Александерплацѣ. Текстъ этого документа, безъ котораго нельзя было сдѣлать

шагу въ Берлинѣ, былъ несложенъ, но многозначителенъ. Вотъ воспроизведенiе того, что было выдано мнѣ:

Kommandantur der Residenz Berlin. Berlin den 21 August 1914.

Der Russische Staatsangehörige Professor von Timonoff hat die Erlaubniss, sich bis auf weiteres in Berlin aufzuhalten unter der Bedingung im „Rankehaus", Rankestrasse, 4, Wohnung zu nehmen, sich sofort und sodan jeden dritten Tag bei dem zuständigen Polizeirevier zu melden, ohne Erlaubniss der Polizei die Wohnung nicht zu wechseln und keinerlei Nachrichten über die Kriegsmacht oder kriegerische Vorbereitungen abzusenden, sowie seine gesamte Korrespondenz—auch nach dem Inlande—offen abzusenden. Zuwiderhandlungen haben sofortige Festnahme zur Folge.

Печать: K. Press. Kommandantur von Berlin.

Der Kommandant
gez. v. Jacobi.

General der Infanterie, General à la suite Seiner Majestät des Kaisers und Königs und Kommandant von Berlin.

Русскимъ подданнымъ разрѣшалось временно, впредь до измѣненiй, проживать въ Берлинѣ при условiи занимать помѣщенiе въ опредѣленномъ домѣ, немедленно явиться и затѣмъ являться каждый третiй день въ управленiе соотвѣтственнаго полицейскаго участка, безъ разрѣшенiя полицiи квартиры не мѣнять и никакихъ свѣдѣнiй о военныхъ силахъ или военныхъ приготовленiяхъ не посылать, равно какъ всѣ письма—въ томъ числѣ и внутри страны—посылать незапечатанными. Неисполненiе грозило немедленнымъ арестомъ.

Управленiе участка, куда намъ пришлось являться, находилось въ Марбургерштрассе въ нижнемъ этажѣ большого частнаго дома. Оно занимало помѣщенiе, предназначенное при постройкѣ для магазина и имѣло очень непрезентабельный видъ. Въ первой комнатѣ, куда входили прямо съ улицы, обыкновенно сидѣли за столомъ полицейскiе чиновники въ формѣ и что-то усердно писали. Ихъ широкiя спины были повернуты ко входящимъ и открыванiе дверей не заставляло ихъ поднимать головы. Слѣдующую комнату занималъ болѣе высокiй чинъ—нѣчто вродѣ комиссара, который принималъ заявленiя о случившемся въ участкѣ. Онъ важно сидѣлъ за крашенымъ, заваленнымъ бумагами, столомъ и рѣзко отвѣчалъ на вопросы, съ которыми мы обращались къ нему въ первое время. Потомъ мы проходили прямо въ третью комнату тайной полицiи, гдѣ находились чиновники въ штатскомъ платьѣ, вѣдавшiе наши дѣла. У нихъ была заведена огромная алфавитная книга, куда заносились свѣдѣнiя о всѣхъ поднадзорныхъ русскихъ. Въ ней дѣлались отмѣтки каждый разъ, когда мы являлись въ участокъ, а на нашихъ пассиршейнахъ ставился штемпель съ перемѣннымъ числомъ и мѣсяцемъ. Обратная сторона нашихъ пассиршейновъ быстро покрывалась такими штемпелями.

8 P. R. Ch. 21 Aug. 1914. Akt.—Z.

Разговоры, сопровождавшiе эту операцiю, обыкновенно были очень однообразны и не многосложны.

— Гутморгенъ! говорилъ я.

— Гутморгенъ! отвѣчалъ чиновникъ и, взявъ пассиршейнъ, дѣлалъ описанныя дѣйствія.

— Зо!—говорилъ онъ, возвращая мнѣ пассиршейнъ.

— Адье! произносилъ я, уходя къ дверямъ.

— Адье! слышалось мнѣ вслѣдъ.

Иногда только очередная бесѣда въ участкѣ осложнялась, вслѣдствіе какого-нибудь привходящаго обстоятельства. Такъ, однажды, завѣдывающему столомъ тайной полиціи показалось, что въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ я, живетъ еще другое лицо съ такой же фамиліей. Я былъ вызванъ въ участокъ особой повѣсткой для выясненія дѣла. Не знаю, было ли послано такое же требованіе явиться и моему двойнику, но въ участокъ въ назначенное время явился я одинъ. Здѣсь съ меня былъ снятъ обстоятельный допросъ, кто я, откуда, когда пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ жилъ раньше, изъ кого состоитъ моя семья.

Смыслъ этого допроса, производившагося послѣ того, какъ обо мнѣ давно были доставлены установленныя свѣдѣнія администраціей нашего дома, и я уже нѣсколько разъ являлся въ участокъ, былъ мнѣ непонятенъ. Я самъ видѣлъ листокъ, отправленный хозяйкой нашего пансіона въ полицію въ день моего возвращенія. На немъ въ спеціальныхъ графахъ стояли „Vorname und Name, Stand, Geburtsort (Tag, Monat, Jahr), Staatsangehörigkeit, Genaue Bezeichnung des Wohnortes“ и „Genaue Bezeichnung des Ortes woher der Reisende gekommen ist“. Въ этой послѣдней графѣ было деликатно написано „Berlin, Lehrterstrasse, 59“ безъ дальнѣйшихъ поясненій, какое учрежденіе носитъ этотъ приснопамятный номеръ.

Я не безъ волненія слѣдилъ за ходомъ мыслей моего вопрошателя, думая, что въ результатѣ можетъ оказаться предложеніе взять меня подъ стражу.

— Въ вашемъ домѣ живетъ еще другой господинъ съ той же фамиліей,—вдругъ заявилъ комиссаръ.

— Едва ли.

— А вотъ у насъ есть заявленіе о его прибытіи еще въ началѣ августа,— и комиссаръ показываетъ мнѣ старую запись, сдѣланную обо мнѣ, когда я до ареста поселился въ томъ же пансіонѣ.

Я объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Зо! Ди захе истъ эрледигтъ.

И я, вздохнувъ свободно, могъ уйти во-свояси. Призракъ новаго ареста исчезъ вмѣстѣ съ моимъ двойникомъ.

Сначала мы ходили въ участокъ всей семьей, такъ какъ обязательство являться каждые три дня распространялось на всѣхъ—до дѣтей включительно. Маленькая комнатка тайнаго полицейскаго отдѣла не вмѣщала иногда всѣхъ русскихъ, явившихся одновременно изъ разныхъ уголковъ нашего района. Соотечественники съ любопытствомъ оглядывали другъ друга, встрѣчаясь впервые среди этой небывалой обстановки. Потомъ комиссаръ позволилъ приходить только мужчинамъ съ пассиршейнами всей семьи.

Мои попытки узнать что-нибудь отъ представителя германской полицейской власти, съ которымъ меня сводила судьба регулярно каждые 72 часа,

относительно времени, когда насъ отпустятъ изъ Германіи, кончались полной неудачей.

— Не имѣю понятія,—говорилъ онъ и погружался въ свою работу.

Когда стала выясняться возможность выѣзда русскихъ за-границу, намъ сообщили, что послѣ полученія разрѣшенія на отъѣздъ отъ военнаго начальства и пріобрѣтенія билетовъ—въ участокъ надо явиться еще разъ, въ послѣдній, безъ чего нельзя уѣхать.

Мы явились in согроге. Комиссаръ съ тѣмъ же безучастнымъ видомъ разсмотрѣлъ на нашихъ паспортахъ отмѣтки комендантуры о разрѣшеніи отъѣзда, которыя имѣли въ нашихъ глазахъ величайшую цѣнность, какъ открывшія намъ двери на родину, и произнесъ обычное:

— Зо! Ди захе истъ эрледигтъ!

Полицейскій участокъ Берлина въ общемъ исполнялъ свою нехитрую обязанность по отношенію къ русскимъ съ машинной регулярностью и безразличіемъ, но безъ грубости или дерзости. Ничего подобнаго тому обращенію, которое я встрѣтилъ въ полицейскомъ президіумѣ при моемъ арестѣ, здѣсь не было. Унизительное принципіально осуществленіе полицейскаго надзора въ видѣ обязательной періодической явки предъ очи чиновника тайной полиціи не сопровождалось оскорбленіями. Вообще, послѣ моего выхода изъ тюрьмы и до отъѣзда изъ Берлина оскорбительнаго отношенія къ себѣ или къ своимъ я не встрѣчалъ и о такомъ отношеніи къ русскимъ въ этотъ періодъ не слыхалъ.

Шпіономанія утихла. Страсти первыхъ дней значительно улеглись. Подъ вліяніемъ эксцессовъ толпы, обрушившихся на собственныхъ соотечественниковъ, произошла реакція и правительство само стало умѣрять пылъ своихъ гражданъ. Непрерывный рядъ побѣдъ высоко поднялъ настроеніе. Страхъ смѣнился величайшей самоувѣренностью. Дома покрылись снизу до верху флагами.

Народъ неустанно ликовалъ. На недѣлѣ назначалось по нѣсколько свободныхъ отъ занятій въ школахъ дней, чтобы дѣти могли ходить въ длинныхъ процессіяхъ по городу съ флагами въ рукахъ и праздновать германскія побѣды.

Захваченныя у бельгійцевъ, французовъ и русскихъ нѣсколько орудій были ввезены въ Берлинъ въ торжественной процессіи и поставлены у дворцовъ императора и кронпринца. При каждой вѣсти о новой побѣдѣ толпа шумѣла предъ этими дворцами, требуя появленія императрицы и кронпринцессы. Восторги публики дошли до того, что кронпринцесса вынуждена была просить ее не шумѣть слишкомъ поздно, такъ какъ маленькіе принцы должны спать. И толпа расходилась подъ звуки импровизированнаго гимна.

— „Die kleinen Prinzen müssen schlafen!"

Въ дни такого всеобщаго ликованія плѣнные русскіе отошли на второй планъ. Ими стали гораздо менѣе интересоваться и, кстати, менѣе оскорблять. Избранныхъ изъ нихъ продолжали держать въ концентраціонныхъ лагеряхъ или тюрьмахъ, а остальныхъ подъ наблюденіемъ полиціи, но режимъ нѣсколько смягчился и даже чувствовались попытки доказать, что принятыя мѣры противъ подданныхъ воюющихъ державъ были вынуждены.

Въ оправданіе своей системы заполоненія мирныхъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Германіи въ моментъ объявленія войны, нѣмцы привели рядъ

аргументовъ, изъ которыхъ особенно курьезнымъ — является ссылка на обычаи глубокой древности. Услужливые археологи разыскали въ старыхъ египетскихъ записяхъ доказательства того, что при объявленіи войны египтянами какому-либо изъ ихъ сосѣдей, немедленно дѣлалось распоряженіе о задержаніи жившихъ въ Египтѣ граждань вражеской страны.

Какъ обращались съ этими плѣнниками, археологи не говорили, но въ числѣ причиняемыхъ имъ страданій не могло быть одного, которое широко, хотя и неумышленно, примѣнялось по отношенію къ военноплѣннымъ 1914 г. въ Германіи. Это пытка посредствомъ газетъ.

Лишенные свободы, заключенные въ одиночныя камеры, плѣнники получили съ наступленіемъ періода облегченій право читать зазету Local Anzeiger — оффиціозъ германскаго генеральнаго штаба. За маленькую сумму въ 65 пфенинговъ въ мѣсяцъ имъ доставляли два раза въ день эту газету. Утромъ и вечеромъ она приносила имъ свѣдѣнія о непрерывныхъ побѣдахъ германцевъ и австрійцевъ, о полномъ неуспѣхѣ русскихъ, о десяткахъ тысячъ взятыхъ въ плѣнъ союзниковъ, о сотняхъ захваченныхъ орудій. Въ каждомъ номерѣ говорилось о звѣрствѣ русскихъ, французовъ и бельгійцевъ и благородствѣ нѣмцевъ.

Увѣренный, спокойный и серіозный тонъ всѣхъ этихъ сообщеній не давалъ возможности вполнѣ отрицать ихъ правильность. Хотя ясно чувствовалось очень сильное преувеличеніе и беззастѣнчивая фальшь, но казалось, что все не можетъ быть не вѣрно, и сердце сжималось болью за участь родины и ея защитниковъ. Сопротивляемость обману, за отсутствіемъ всякаго другого источника свѣдѣній, при невозможности обмѣна мыслей по этому предмету съ кѣмъ-либо изъ другихъ заключенныхъ, все болѣе и болѣе понижалась, а чувствительность къ душевнымъ терзаніямъ непрерывно увеличивалась. Только тѣ, кто испыталъ пытку газетой при указанныхъ условіяхъ, знаютъ, что она значитъ.

Положеніе военноплѣнныхъ, бывшихъ на свободѣ въ Берлинѣ и другихъ городахъ Германіи въ отношеніи газетной пытки, было, конечно, лучше, чѣмъ томившихся въ тюрьмахъ, но все же очень плохо. Превосходно организовавъ всѣ стороны своего военнаго дѣла, германцы не упустили изъ вниманія и прессы. Она явилась могучимъ орудіемъ для управленія настроеніемъ народа и обработки общественнаго мнѣнія нейтральныхъ націй. Это орудіе было, въ свою очередь, очень тщательно подготовлено и дано въ опытныя руки.

Завѣдываніе прессой было сосредоточено въ особомъ военномъ комитетѣ, который давалъ вполнѣ опредѣленныя указанія всѣмъ редакціямъ о томъ, что и какъ писать. Главныя же извѣстія, составлявшія основаніе для статей и сужденій, предлагались въ законченной формѣ для напечатанія безъ измѣненій. Благодаря этому газеты разныхъ оттѣнковъ и лагерей сблизились, и какую бы изъ нихъ ни взялъ русскій, онъ находилъ въ ней тѣ же источники для національной обиды и страданія за родину, что и во всякой другой.

Утѣшенія нигдѣ не было. Пытка газетой дѣлала свое дѣло. Наиболѣе чувствительные люди пробовали не читать газетъ, но это нисколько не помогало. На каждомъ шагу много разъ въ день продавцы газетъ выкрикивали новости войны и не слышать ихъ было невозможно. Впрочемъ, никто

обѣта не читать газетъ долго выдержать не могъ, и пытка возобновлялась съ новой силой.

Помимо тенденціознаго и умышленно лживаго освѣщенія военныхъ событій германская пресса этого времени стремилась разжигать низменные инстинкты народа грубыми и пошлыми каррикатурами на враговъ, смакованіемъ массовыхъ убійствъ и другихъ проявленій звѣрства. Сочинялись особыя пѣсни, куплеты, крылатыя слова, которыя настойчиво вбивались газетами въ головы публики. Особенно рекомендовалось помнить слѣдующее „стихотвореніе“:

Jeder Stoss
Ein Franzos!
Jeder Schuss
Ein Russ!
Jeder Tritt
Ein Britt!
Jeder Klaps
Ein Japs!

Вся эта „литература“ пользовалась большимъ и возрастающимъ спросомъ. Газеты читались вездѣ и всюду. Самые бѣдные рабочіе покупали ихъ по нѣсколько разъ въ день. Тѣ, кто не могъ купить, шли къ окнамъ редакцій и ихъ многочисленныхъ отдѣленій и здѣсь простаивали часами, поглощая столбецъ за столбцомъ приготовленную въ закулисномъ комитетѣ „духовную“ пищу.

Иногда эти уличныя сборища принимали курьезный видъ. Къ редакціонному окну десятки нянекъ подвозили колясочки съ дѣтьми, которыхъ онѣ вывезли на прогулку. Колясочки ставились въ сторону, а няньки прилипали къ газетному листу. Маленькіе берлинцы, еще далекіе отъ міровой политики, тщетно старались жестами и звуками привлечь къ себѣ вниманіе своихъ охранительницъ. Берлинеръ-Тагеблатъ или Локаль-Анцейгеръ обладали притягательной силой, которая была выше гражданскаго долга няньки.

Состояніе непрерывнаго ликованія, въ которомъ находился Берлинъ въ августѣ—сентябрѣ 1914 года, отражалось не только на оффиціальной физіономіи улицъ, но и на ихъ интимной жизни. Это было дѣломъ дѣтей. Въ садикахъ, скверахъ и просто на тротуарахъ мальчики и дѣвочки собирались въ банды и, вооружившись игрушечными ружьями, копьями, флагами или просто палками, кидались въ аттаку на воображаемыхъ враговъ. Ихъ крики разносились далеко вокругъ. Иногда врагомъ для нихъ являлись прохожіе.

Спѣшащіе по своимъ дѣламъ дѣловитые нѣмцы или идущіе безъ дѣла иностранцы одинаково подвергались неожиданнымъ нападеніямъ толпы дѣтей. Они подвергались «обстрѣлу» или аттакѣ и нѣкоторое время преслѣдовались, пока дѣтская стратегія и тактика не получали удовлетворенія въ будто бы одержанной побѣдѣ.

Въ праздничные лѣтніе дни, когда большинство берлинскихъ дѣтей живетъ на улицѣ, отъ такихъ нападеній иногда не было прохода. Поднимаемый ребятишками воинственный шумъ въ концѣ концовъ надоѣлъ самимъ нѣмцамъ, и газеты стали требовать, чтобы противъ дѣтей были приняты мѣры. Конечно, изъ этой попытки борьбы побѣдителями вышли дѣти.

Естественное чувство національной гордости по поводу искусно возвѣщавшихся главной квартирой побѣдъ, нашедшее себѣ выраженіе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, очень умѣло было учтено фабрикантами тканей для флаговъ, сыгравшими не послѣднюю роль въ настойчивомъ и безграничномъ переполненіи всѣхъ германскихъ городовъ флагами. Обстоятельство это было добродушно отмѣчено печатью, которая радовалась, что при общемъ застоѣ промышленности нѣкоторыя ея отрасли, связанныя съ національными восторгами, очень поднялись.

Наряду съ флагами стали фабриковаться въ огромномъ количествѣ ленты національныхъ цвѣтовъ, національные значки разныхъ формъ и видовъ, трехцвѣтные зонтики, вѣера и т. п. Не только люди, но даже собаки стали появляться на улицахъ съ украшеніями, доказывающими ихъ принадлежность къ германской расѣ.

Это стремленіе выдѣлить себя быстро росло и можно было ожидать, что настанетъ время, когда всѣ германцы будутъ носить національные значки или ленточки. Иностранцы разныхъ нейтральныхъ націй, повидимому, обезпокоенные этимъ, стали украшать себя лентами своихъ цвѣтовъ. На улицахъ появились звѣздные флаги американцевъ, трехцвѣтныя ленточки испанцевъ, пятицвѣтныя китайцевъ, двухцвѣтныя шведовъ.

Все это еще болѣе обособляло представителей враждебныхъ странъ и я видѣлъ нѣсколькихъ малодушныхъ соотечественниковъ, которые, вѣроятно, для пущей безопасности пришпиливали себѣ прусскіе банты. Такихъ русскихъ было, конечно, очень не много.

Огромное большинство ограничивало свои предосторожности лишь тѣмъ, что на улицахъ не говорило по-русски, не ходило по многолюднымъ улицамъ, особенно Унтеръ-денъ-Линденъ съ ея частыми манифестаціями, и вообще старалось побольше сидѣть дома. Когда же нужда въ разныхъ видахъ гнала русскихъ въ городъ, они избѣгали трамваевъ и тѣсно набитыхъ вагоновъ третьяго класса подземной и городской дороги, гдѣ всегда былъ рискъ обнаружить свою національность.

Ставшіе со времени начала войны особенно экспансивными нѣмцы, читая газеты, обращались къ сосѣдямъ по вагону съ комментаріями событій. Начинались оживленные толки. Радость при вѣстяхъ о новыхъ побѣдахъ охватывала всѣхъ. Молчащій или, еще хуже, плохо говорящій иностранецъ могъ быть здѣсь особенно легко обнаруженъ. А между тѣмъ въ вагонахъ городской дороги продолжали висѣть объявленія, гдѣ публика приглашалась охранять сообщенія страны отъ покушеній враговъ.

Поѣздки въ трамваяхъ и по городскимъ желѣзнымъ дорогамъ представляли, однако, большой интересъ для бытовыхъ наблюденій, такъ что невольно забывалось о рискѣ, когда предъ глазами развертывалась яркія сцены народной жизни. Особенно занимательны были неподдѣльныя восхищенія нѣмцевъ своимъ государемъ, его мудростью, тактомъ, дальновидностью, прозорливостью, военнымъ талантомъ.

„Ахъ! Нашъ Гогенцоллернъ!—кричала при мнѣ одна дама, обращаясь къ вагону вообще и ни къ кому въ особенности.—Кто можетъ съ нимъ сравниться! Какая отвага, какой умъ, какое благородство!“

Зажатые въ полицейскіе тиски, окруженные враждебной средой, русскіе продолжали стремиться къ единственному мѣсту Берлина, гдѣ какъ-будто за

ними сохранились какія-то права,—къ испанскому посольству въ Регентенштрассе. Ворота посольства такъ же усердно охранялись полицейскимъ нарядомъ, какъ и раньше, но на улицѣ болѣе никого не арестовывали и тамъ установилась извѣстная свобода. Съ ранняго утра сюда шли наши соотечественники въ надеждѣ что-либо узнать о возможности отъѣзда въ Россію, или для засвидѣтельствованія паспорта, или для запроса о деньгахъ.

Какъ-то стало извѣстно, что виза паспорта необходима. Никто не зналъ, для чего это нужно, но за визой потянулись тысячи. Наплывъ еще болѣе усилился, когда появилось извѣщеніе, что чрезъ испанское посольство можно выписывать деньги изъ Россіи. Для этого надо было написать телеграмму лицу или учрежденію, отъ котораго разсчитывалось получить деньги изъ Россіи, и неподписанную телеграмму передать въ посольство.

Текстъ такой телеграммы на нѣмецкомъ языкѣ былъ вывѣшенъ на воротахъ посольства. Вѣчно стоящая у воротъ толпа мѣшала видѣть этотъ текстъ заднимъ рядамъ. Происходили замѣшательства. Каждый старался списать себѣ спасительный рецептъ. Для многихъ подступала острая нужда. Деньги были необходимы въ высшей степени. Возможность получить ихъ по телеграфу окрыляла надежды. Тысячи телеграммъ были поданы и всѣ стали считать дни и часы въ ожиданіи отвѣта.

Для визы паспортовъ и подачи телеграммъ русскіе становились въ длинный хвостъ предъ посольствомъ и часами ждали на улицѣ впуска. Телеграммы предоставлялось передавать и швейцару, который съ видомъ министра стоялъ предъ воротами, окруженный городовыми, и опрашивалъ по-нѣмецки каждаго.

— Что вы желаете?—Визировать паспортъ?—Подать телеграмму?

Если вопрошаемый не давалъ сразу опредѣленнаго отвѣта, тонъ нѣсколько усиливался.

— Покажите вашъ паспортъ. На немъ уже есть виза посольства. Значитъ, вамъ входить не нужно. Телеграмму дайте мнѣ.

Телеграмма пріобщалась къ кучкѣ другихъ, лежавшихъ въ огромной папкѣ тутъ же у воротъ.

— Можете итти. Die Sache ist erledigt!

Если обездоленный русскій пытался объяснить, что ему нужно получить справку объ участи уже посланной телеграммы, швейцаръ обрывалъ его еще рѣзче.

— Идите домой. Когда будетъ отвѣтъ, вамъ пришлютъ извѣщеніе по почтѣ.

Немногимъ болѣе настойчивымъ приходилось выслушивать и болѣе строгія замѣчанія.

— Не повторяйте вашихъ вопросовъ. Вамъ сказано уже разъ все, что вамъ надо знать. Я вижу, что вы любите повторять вопросы.

Для визированія паспортовъ впускали группы въ 5—10 человѣкъ по мѣрѣ того, какъ впущенные ранѣе выходили. Домъ посольства имѣетъ маленькій дворъ. Въ углу узкая лѣстница ведетъ въ помѣщеніе канцеляріи, гдѣ для нуждъ пріема десятковъ тысячъ русскихъ была отведена одна комната. При такомъ размѣрѣ помѣщенія, очевидно, нельзя было не держать русскихъ на улицѣ. Въ этой комнатѣ сидѣли секретарь посольства и прикомандированный къ нему русскій чиновникъ. Послѣдній бралъ паспортъ,

ставилъ на немъ штемпель для визы и передавалъ для подписи испанцу. Никакихъ списковъ русскихъ, прошедшихъ чрезъ эту церемонію, не составлялось, и она прерывалась только случайными разговорами на самыя неожиданныя темы.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— 52.

— И вы уже тайный совѣтникъ, восклицалъ чиновникъ, а вотъ мы здѣсь только какіе-нибудь коллежскіе совѣтники.

Въ это же время секретарь на другой сторонѣ стола старался дать понять какой-то взволнованной русской дамѣ всю необоснованность ея распросовъ.

— Мнѣ очень нужно вернуться въ Россію,—говорила она съ заглушенными рыданіями въ голосѣ.—У меня остались тамъ больныя дѣти и я уже мѣсяцъ ничего о нихъ не знаю. Скажите, когда намъ позволятъ уѣхать?

— Сударыня,—отвѣчалъ секретарь,—я могъ бы отвѣтить на вашъ вопросъ, если бы я былъ комендантомъ города Берлина, но я не комендантъ города Берлина и потому ничего не могу вамъ сказать. Обратитесь къ коменданту города Берлина. Онъ вамъ отвѣтитъ на ваши вопросы.

Виза на паспортѣ, сдѣланная въ испанскомъ посольствѣ, выражала только, что этотъ паспортъ видѣли въ посольствѣ такого-то числа: „Gesehen! Berlin, den 11 August 1914. Königliche Spanische Botschaft. Sekretär"... Но въ этихъ строчкахъ русскіе усматривали что-то таинственно-важное, отъ чего зависѣла дальнѣйшая участь плѣнниковъ. И какъ они стремились получить такую надпись!

Толпы за толпами заполняли Регентенштрассе. Кромѣ группы, стоявшей въ очереди у воротъ, русскіе были на всемъ протяженіи улицы. Утомленные долгимъ ожиданіемъ и зноемъ, часто голодные, они старались какъ-нибудь усѣсться на цоколяхъ заборовъ, ограждающихъ садики предъ домами, на порогахъ наружныхъ лѣстницъ, а то и просто на тротуарѣ. Улица получала видъ какого-то лагеря. Въ ожиданіи впуска шли разговоры на интересующую всѣхъ тему объ отъѣздѣ, узнавались и сообщались новости, велись споры. Такъ какъ большинство публики принадлежало къ жителямъ южныхъ и западныхъ губерній Россіи, то дебаты принимали иногда очень оживленный характеръ и велись въ повышенномъ діапазонѣ.

— Ну, скажите, пожалуйста, зачѣмъ нѣмцы насъ тутъ держатъ? Почему насъ не пускаютъ уѣхать?—восклицалъ житель Лодзи, сильно жестикулируя.

— Извѣстно, что они насъ всѣхъ считаютъ шпіонами. Оттого и не пускаютъ,—отвѣчалъ какой-то одесситъ.

— Какіе пустяки. Если бы они считали насъ шпіонами, такъ не выпустили бы изъ Дёберица.

— Я понимаю еще, когда не отпускаютъ молодыхъ, годныхъ для военной службы. Это—другое дѣло. Ну, а насъ, а женщинъ, а дѣтей?

— Я вамъ скажу,—вмѣшивался третій,—это все дѣлается изъ расчета.

— Изъ расчета? Какого расчета?

— Это же ясно. Въ общемъ у русскихъ есть деньги и они платятъ за квартиру, за столъ и прочее. А кто не платитъ теперь, такъ заплатитъ потомъ. Или за него заплатитъ казна или кто-нибудь вообще.

— Ну!

— Такъ нѣмцы разсчитали. У нихъ теперь застой. Гостиницы пустуютъ. Рестораны—тоже. Пансіоны раззоряются. Надо все это поддержать.

— И русскіе должны поддерживать?

— Очевидно.

— Это пустяки. Какая тутъ можетъ быть выгода?

— А вы сосчитайте. Въ Берлинѣ теперь не менѣе 50.000 русскихъ. Каждый тратитъ въ день въ среднемъ 10 марокъ. Это 500.000 марокъ въ день или пятнадцать милліоновъ въ мѣсяцъ. А для всей Германіи русскіе даютъ много десятковъ милліоновъ въ мѣсяцъ. Изъ-за этого стоитъ насъ держать.

Я съ вами несогласенъ. Если бы было такъ, зачѣмъ же они намъ не позволяютъ получать деньги изъ Россіи и не платятъ по аккредитивамъ?

Послѣднее возраженіе казалось вѣскимъ и споръ затихалъ, такъ какъ добываніе денегъ для русскихъ было, дѣйствительно, затруднительно. Единственный путь для полученія ихъ изъ Россіи, разрѣшенный германскимъ правительствомъ былъ путь чрезъ испанское посольство въ Берлинѣ, которое должно было телеграфировать испанскому послу въ Петроградѣ, и этотъ послѣдній сообщить о каждой просьбѣ русскому министерству иностранныхъ дѣлъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ увѣдомляло по принадлежности корреспондента даннаго просителя въ Россіи. Корреспондентъ вносилъ деньги въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и оно давало чрезъ испанскаго посла въ Петроградѣ испанскому послу въ Берлинѣ разрѣшеніе выплатить изъ кредитовъ русскаго правительства просимую сумму.

Я не ручаюсь за полную точность и полноту маршрута просьбы о деньгахъ русскаго плѣнника въ Берлинѣ и отвѣта на эту просьбу изъ Россіи. Изъ отрывковъ разныхъ свѣдѣній, доходившихъ до русскихъ, томившихся въ германскомъ плѣну, у посѣтителей Регентенштрассе сложилось именно такое представленіе о процедурѣ, которой подвергались ихъ телеграммы, подаваемыя въ испанское посольство.

Какъ оказалось впослѣдствіи, это представленіе было во всякомъ случаѣ невѣрно въ той своей части, гдѣ рѣчь шла о посылкѣ телеграммъ изъ Берлина въ Россію. Испанское посольство телеграммъ не отправляло, а списывало полученныя заявленія въ длинныя вѣдомости и посылало эти вѣдомости въ Петроградъ почтой. Результаты такихъ сношеній выражались весьма реально въ томъ, что проходили дни, недѣли и мѣсяцы, а денегъ не получалось.

Говорятъ, что были такіе счастливцы, которымъ удалось получить въ Берлинѣ деньги чрезъ испанское посольство. Изъ множества русскихъ, съ которыми я встрѣчался, ни одинъ не былъ въ числѣ этихъ счастливцевъ. Мой личный опытъ также былъ весьма печаленъ въ этомъ отношеніи. Подавъ свою просьбу въ посольство въ августѣ, я въ концѣ сентября еще не имѣлъ на нее никакого отвѣта и, болѣе того, долженъ былъ по возвращеніи въ Петроградъ ждать до ноября, чтобы получить изъ министерства иностранныхъ дѣлъ внесенныя туда и недоставленныя мнѣ въ Берлинъ деньги.

По всей вѣроятности, все это было вынуждено и не могло быть измѣнено. Но русскіе, бывшіе въ Берлинѣ безъ денегъ, думали иначе. Имъ казалось яснымъ, что со стороны русскаго правительства и особенно испанскаго

посольства, по отношенію къ нимъ не проявляется должная отзывчивость, что ихъ бросили на произволъ судьбы и германцевъ, что имъ, имѣющимъ на родинѣ друзей и деньги, грозитъ голодная смерть, вслѣдствіе пренебреженія ихъ интересами тѣми, кто обязанъ ихъ охранять.

Толпы приходили ежедневно для регулярной осады особняка испанскаго посольства, чтобы узнать что-нибудь объ участи своихъ просьбъ, но ихъ неорганизованная настойчивость разбивалась о суровое сопротивленіе охраны. Внутрь никого для справокъ не пускали. Чрезъ нѣкоторое время осаждаемое посольство приняло еще болѣе радикальную мѣру. На воротахъ его дома появилось объявленіе, гласившее, что всякія дѣла съ русскими здѣсь прекращаются и переносятся въ особое бюро въ Гедеманштрассе. Тамъ на дверяхъ тѣснаго и сквернаго помѣщенія русскаго консульства прежняя дощечка была замѣнена новой съ надписью «Испанское Посольство» и такимъ образомъ создалось филіальное отдѣленіе этого учрежденія спеціально для русскихъ дѣлъ. Для посла, вѣроятно, настали дни относительнаго успокоенія. Изъ своихъ оконъ онъ болѣе не видѣлъ волнующагося моря обиженныхъ русскихъ, которымъ хотѣлъ бы, но не могъ помочь...

Въ новой канцеляріи засѣдалъ только одинъ прикомандированный къ испанскому посольству русскій чиновникъ, безъ испанскаго секретаря, и въ особой комнатѣ находился совѣтникъ испанскаго посольства. Свои русскія функціи испанская миссія здѣсь еще болѣе сократила, ограничивъ ихъ, по преимуществу, визированіемъ паспортовъ отъ 10 часовъ до 1 часу дня. Въ остальное время двери были заперты. Для полученія же денегъ изъ Россіи миссія стала рекомендовать иной путь—чрезъ Торговый банкъ въ Стокгольмѣ и Дейтше-банкъ въ Берлинѣ, о чемъ было повѣшено объявленіе съ указаніемъ порядка сношеній. Свое посредничество въ этомъ дѣлѣ она отклоняла. Еще менѣе испано-русское бюро было активно въ отношеніи содѣйствія къ отъѣзду русскихъ на родину.

— Это насъ не касается. Обратитесь въ комендантуру,—слышался неизмѣнный отвѣтъ отъ русскаго секретаря испанскаго бюро. Мы ничего не знаемъ объ условіяхъ отъѣзда и ничего не можемъ сдѣлать.

И прикладываніе штемпелей къ паспортамъ продолжалось съ завиднымъ спокойствіемъ, прерываясь иногда лишь для минутнаго разговора съ владѣльцемъ паспорта, подобнаго описанному выше. Порой этотъ разговоръ принималъ ироническій оттѣнокъ.

— Когда вы пойдете въ комендантуру, то возьмите съ собой переводчика. Вы отвратительно говорите по-нѣмецки,—заявлялъ русскій секретарь какому-то польскому еврею, который обращался къ нему по-нѣмецки.

Проситель жался и молчалъ.

— Вы понимаете, что въ комендантурѣ надо говорить по-нѣмецки, а не по-китайски,—продолжалъ секретарь.

Совѣтникъ испанскаго посольства въ обыденную дѣятельность канцеляріи повидимому, не вмѣшивался. Какъ говорятъ, онъ занимался выдачей денегъ тѣмъ счастливцамъ, которымъ они присылались чрезъ посольство. Отъ него же можно было получить письмо въ комендантуру для облегченія доступа въ это учрежденіе тѣмъ, кто по старости лѣтъ или слабости здоровья не могъ стоять въ очереди часами. Элегантный, съ яркими признаками благородной расы, испанскій совѣтникъ былъ безукоризненно вѣжливъ и открыто со-

знавался въ своемъ безсилiи оказать какую-нибудь реальную помощь русскимъ плѣнникамъ.

Все это имъ не мѣшало, однако, стремиться къ испанской миссiи въ ея новой русской канцелярiи. Толпа русскихъ заполняла улицу, стояла на лѣстницѣ, сгущалась въ тѣсныхъ комнаткахъ канцелярiи, проводя въ такомъ ожиданiи цѣлые часы для того, чтобы убѣдиться въ полной безполезности этой траты времени.

Среди разныхъ проявленiй горя, печали и отчаянiя, которыя приходилось здѣсь наблюдать, очень странное впечатлѣнiе произвела однажды какая-то русская дама, которая хотѣла во что бы то ни стало остаться въ Берлинѣ. Стоя на тротуарѣ въ длинномъ хвостѣ русскихъ, дожидавшихся впуска въ двери испанской канцелярiи, она разсказывала окружающимъ свою исторiю и искала содѣйствiя.

— Я жила въ одномъ городкѣ возлѣ западной границы Германiи уже давно. Когда началась война, ко мнѣ пришла полицiя и спросила, желаю ли я уѣхать изъ Германiи добровольно, или же я хочу, чтобы меня выселили насильно. Я, конечно, сказала, что я уѣду добровольно, но я не хотѣла уѣзжать. У меня въ Россiи никого нѣтъ и я привыкла жить въ Германiи. Однако, чрезъ два дня я получила вотъ эту бумагу.

И публикѣ показывается нѣмецкiй документъ, въ которомъ сказано — предъявительницѣ сего, такой-то, разрѣшается выѣздъ въ Швецiю. Всѣ смотрятъ съ любопытствомъ и завистью. Такое разрѣшенiе есть цѣль нашихъ стремленiй. Имѣть въ рукахъ право уѣхать въ Швецiю! Да что можетъ быть въ это время лучше! Но энергичная русская дама, привыкшая жить въ Германiи и нежелающая уѣзжать отсюда, продолжаетъ:

— Я не уѣхала, но пришла полицiя, и я должна была отправиться въ Берлинъ. Представьте себѣ, меня здѣсь полицiя тоже не пускаетъ оставаться. Вотъ я хочу перемѣнить какъ-нибудь это разрѣшенiе уѣхать на разрѣшенiе жить въ Берлинѣ. Не знаю, какъ это сдѣлать. Думаю, можетъ быть, посовѣтуютъ въ испанскомъ посольствѣ.

Публика недоумѣваетъ. Кто-то совѣтуетъ обратиться къ коменданту города. Инцидентъ расплывается въ возникшемъ движенiи къ открывшимся дверямъ канцелярiи.

Подводить какiе-либо итоги дѣятельности дипломатическаго учрежденiя въ Берлинѣ, принявшаго на себя заботы о русскихъ, преждевременно — и это не цѣль настоящихъ замѣтокъ. Я пишу о моихъ впечатлѣнiяхъ, относящихся къ вполнѣ опредѣленному времени. Въ теченiе этого времени я много разъ присматривался близко къ дѣятельности посольства въ указанной сферѣ и получилъ убѣжденiе въ ея недостаточности. Можетъ быть, она и не могла быть иной, но контрастъ съ работой с.-американскаго посольства, не только въ интересахъ своихъ соотечественниковъ, но и англичанъ, былъ огромный. Тамъ была энергiя, организацiя, живое участiе...

Истомленные безконечными и безплодными уличными дежурствами предъ дверями испанскаго посольства въ Регентенштрассе или его новой канцелярiи въ Гедеманштрассе въ ожиданiи свѣдѣнiй объ отъѣздѣ и деньгахъ, русскiе неожиданно для себя встрѣтили вниманiе къ своимъ интересамъ со стороны германскихъ банковъ и въ особенности Дейтше-банк'а. Вниманiе это выразилось сначала въ прiемѣ русскихъ денегъ къ размѣну и

въ уплатѣ по аккредитивамъ, а затѣмъ въ организаціи особаго вспомогательнаго комитета для помощи бѣдствующимъ.

Размѣнъ русскихъ денегъ совершался по курсамъ, конечно, неоффиціальнымъ, которые имѣли стремленіе возрастать по мѣрѣ того, какъ обозначались успѣхи германцевъ на нашемъ фронтѣ. Публика думала, что германскому правительству нужны русскія деньги для операцій внутри занятыхъ русскихъ областей и потому цѣна ихъ возрастаетъ по мѣрѣ движенія германскихъ войскъ на востокъ. Эта идея подтверждалась еще тѣмъ, что обратнаго размѣна въ Берлинѣ не разрѣшалось и купить русскихъ денегъ за марки было нельзя.

Размѣнный курсъ нигдѣ не объявлялся и зависѣлъ отъ произвола банковъ и даже ихъ клерковъ. Нерѣдко въ самыхъ большихъ банкахъ въ одно и то же время одни кліенты получали больше, другіе меньше. Въ Дейтше-банкъ произошла, напримѣръ, такая сцена. Русскій предъявляетъ къ размѣну деньги. Курсъ дня ему извѣстенъ по только что бывшему примѣру размѣна денегъ его знакомымъ. Ему предлагаютъ, однако, меньше. Онъ пытается возражать и приводитъ этотъ примѣръ. Клеркъ не поддается. Стоявшій тутъ посторонній зритель, какъ оказалось—австріецъ, возмущается такимъ отношеніемъ къ кліентамъ.

— Такъ нельзя. Вы не должны (Sie dürfen nicht) вносить произвола въ размѣнъ денегъ.

— Wir dürfen jetzt alles!—отвѣчаетъ съ величественной наглостью клеркъ.

Тѣмъ не менѣе онъ повысилъ размѣнную норму.

Въ аккредитивномъ отдѣленіи банковъ нужды русскихъ тоже удовлетворялись не безъ препятствій. Прежде всего требовалось предъявленіе пассиршейна комендантуры на право проживанія въ Берлинѣ. Безъ этого въ деньгахъ отказывали. Затѣмъ, шелъ разговоръ о размѣрѣ суммы. Кліентъ просилъ одну, а получалъ гораздо меньшую—безъ всякаго объясненія причины.

Впослѣдствіи, когда былъ учрежденъ «попечительный комитетъ о русскихъ», можно было купить себѣ право на полученіе изъ собственныхъ денегъ желаемой суммы цѣной пожертвованія въ фондъ этого комитета. Чѣмъ больше кліентъ соглашался уступить для этого фонда, тѣмъ больше ему выдавали денегъ изъ банка.

Пріемныя комнаты банковъ стали въ это время мѣстомъ собранія русскихъ и другихъ иностранцевъ, въ особенности американцевъ, которые стремительно оставляли Германію. По отношенію къ американцамъ проявлялось гораздо болѣе предупредительности, такъ какъ на нихъ возлагалась главная надежда по нравственной поддержкѣ Германіи въ начатой ею войнѣ и сопровождающихъ войну эксцессахъ.

Правительство издало на англійскомъ языкѣ свою бѣлую книгу подъ заглавіемъ „How Russia and her Ruler betrayed Germany's confidence and thereby caused the European War" и дополнительную къ ней брошюру „How the Franco—German conflict might have been avoided". Эти изданія предлагались безплатно каждому американскому кліенту банка съ просьбой ихъ взять и увезти съ собой на родину.

Русскимъ ничего не предлагалось, кромѣ ожиданія, пока ихъ просьбы о деньгахъ и документы будутъ разсмотрѣны въ совѣтѣ банка. Ожиданіе

тянулось каждый разъ часами. Сидя въ прекрасномъ креслѣ въ углу пріемной комнаты, можно было здѣсь наблюдать смѣняющійся потокъ кліентовъ и слушать ихъ разговоры между собой.

Большинство нашихъ соотечественниковъ, посѣщавшихъ банки, были евреи. Многіе изъ нихъ подолгу жили въ Берлинѣ, вели тутъ дѣла, располагали въ обыкновенное время значительнымъ кредитомъ. Теперь и имъ, бывшимъ до сихъ поръ въ Германіи, какъ дома, приходилось не всегда легко, но они выходили изъ затрудненій, благодаря своей міровой солидарности.

— Ну, какъ вы тутъ устроились?—спрашивалъ одинъ изъ такихъ представителей нашей внѣшней торговли другого.

— Ничего себѣ. Мы заняли цѣлую гостиницу и намъ довольно хорошо. Живутъ только наши.

— Сколько же вы платите?

— Недорого. За полный пансіонъ съ человѣка по 5 марокъ въ сутки. А вы какъ?

— Мы сначала тоже жили въ пансіонѣ, а теперь сняли себѣ квартиру. Живутъ вмѣстѣ три семьи. Сами себѣ готовимъ и моемъ бѣлье. Выходитъ дешевле и удобнѣе. А какъ же на счетъ денегъ у васъ?

— У насъ одному уже перевели чрезъ Стокгольмъ 15.000 марокъ. У него тамъ есть знакомый банкиръ. И онъ даетъ другимъ, кому надо. Всѣ идутъ къ нему, какъ въ Мекку. Мнѣ онъ тоже далъ 200 марокъ. Знаете, я обрадовался, какъ если бы выигралъ 200.000 марокъ.

Русскіе такъ устраиваться не умѣли и имъ приходилось платить все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ возрастали цѣны продуктовъ. А денегъ имъ не переводили еще въ это время ни откуда.

Разница въ участи просто русскихъ и русскихъ евреевъ обозначилась еще рѣзче съ образованіемъ комитета, о которомъ упоминалось раньше. Идея его принадлежала, повидимому, еврейскимъ банкирамъ и его центромъ сталъ Дейтше-банкъ. Комитетъ имѣлъ цѣлью только собираніе средствъ для оказанія помощи нуждающимся русскимъ подданнымъ. Въ него вошли подъ предсѣдательствомъ профессора Шимана нѣсколько видныхъ представителей еврейской общины Берлина и нѣсколько русскихъ подданныхъ, избранныхъ, повидимому, случайно. Никто изъ лично извѣстныхъ мнѣ бывшихъ въ Берлинѣ русскихъ въ этомъ избраніи участія не принималъ.

Въ числѣ представителей Россіи въ берлинскомъ комитетѣ оказались въ первое время членъ Государственной Думы, издатель энциклопедическаго словаря, инженеръ путей сообщенія и нѣкоторые другіе.

Наряду съ этимъ комитетомъ былъ образованъ другой по распредѣленію собранныхъ пособій съ еще болѣе особымъ характеромъ. Его предсѣдателемъ былъ юстицратъ Бресслауеръ, предсѣдатель еврейскаго общества взаимопомощи въ Берлинѣ. Въ помѣщеніи этого общества на Штеглицерштрассе второй комитетъ и открылъ свои дѣйствія, направивъ её какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего на пользу своихъ единовѣрцевъ. Ставить этого ему въ особый упрекъ не приходится. Русскіе только лишній разъ пожали плоды своей несолидарности и неорганизованности. Но у нихъ, конечно, и нѣтъ повода чувствовать какую либо признательность къ берлинскому комитету.

Обыкновеннымъ смертнымъ не было дано видѣть близко дѣятельность названныхъ учрежденій. По отношенію къ комитету для сбора пожертвованій наша роль сводилась лишь къ взносамъ денегъ, большимъ и вынужденнымъ, а по отношенію къ комитету по распредѣленію пособій, когда онъ сталъ заботиться и объ отъѣздѣ русскихъ подданныхъ, для многихъ изъ нихъ къ безплоднымъ попыткамъ получить содѣйствіе къ отъѣзду въ Россію.

Двое изъ членовъ перваго комитета, инженеръ Е. и профессоръ К., характеризуютъ дѣятельность второго слѣдующимъ образомъ въ статьѣ, напечатанной въ газетѣ „Рѣчь“:—„Добровольныя пожертвованія были незначительны и составили приблизительно 10.000 марокъ. Затѣмъ, по предложенію банкировъ, изъ суммъ, уплачиваемыхъ по аккредитивамъ, удерживалось въ пользу недостаточныхъ русскихъ отъ 10—15 процентовъ выплачиваемыхъ суммъ. Существенную помощь оказалъ испанскій посланникъ, передавшій комитету на другой день по его образованіи 20.000 марокъ. Впослѣдствіи комитетъ по распредѣленію пособій получилъ необходимыя средства почти исключительно изъ испанскаго посольства, въ распоряженіе котораго для удовлетворенія нуждъ русскихъ подданныхъ было доставлено болѣе 1.000.000 марокъ изъ средствъ русскаго и испанскаго правительствъ. Суммы эти, согласно предложенію нашего правительства, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: прежде всего была оказана помощь сильно нуждающимся; затѣмъ, выдавались пособія на путевыя издержки. Послѣ удовлетворенія этихъ расходовъ оплачивались сдѣланные изъ Россіи переводы“.

Свѣдѣнія эти относятся къ самому первоначальному періоду дѣятельности комитетовъ, такъ какъ лица, которыя ихъ сообщаютъ, уѣхали изъ Берлина съ первымъ поѣздомъ, увезшимъ русскихъ. Въ этомъ же поѣздѣ, на сколько стало извѣстно оставшимся, уѣхали всѣ другіе русскіе члены комитета по сбору пожертвованій для помощи соотечественникамъ, использовавъ для этой цѣли свою близость къ учрежденіямъ, организовавшимъ отъѣздъ.

За это бѣгство на ихъ головы сыпалось не мало обвиненій. Не прибавляя къ нимъ новыхъ, можно сказать только, что съ ихъ отъѣздомъ положеніе русскихъ, интересы коихъ они были призваны защищать въ Берлинѣ, не стало хуже, и отсутствіе ихъ ничего не измѣнило въ этомъ положеніи. Это можетъ служить показателемъ ихъ полезности и нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ случаѣ, если „оставленіе поста“ вызывало бы въ нихъ угрызеніе совѣсти. Русскій комитетъ остался такимъ же, какимъ и былъ и направленіе его дѣятельности продолжало быть столь же одностороннимъ.

Власть этого учрежденія, получившаго совсѣмъ неподобающее названіе Hilfsverein für Russen возрастала быстро, особенно послѣ того, какъ ему удалось захватить въ свои руки право выдачи разрѣшеній на отъѣздъ изъ Берлина. По свидѣтельству тѣхъ же двухъ лицъ, которыхъ я цитировалъ раньше, это случилось такъ.

„Четыре недѣли спустя послѣ объявленія войны, въ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ одного изъ директоровъ Deutsche Bank, Манкевица, въ присутствіи представителей министерства внутреннихъ дѣлъ, военнаго, желѣзныхъ дорогъ, комендантуры и генеральнаго штаба, было окончательно рѣшено допустить отъѣздъ изъ Германіи русскихъ подданныхъ послѣдовательными группами. Для установленія очереди и порядка этой эвакуаціи

былъ составленъ комитетъ изъ трехъ лицъ, а именно: депутата Фукса, депутата Симона и доктора Кана; для участія въ работахъ комитета изъ числа присутствовавшихъ русскихъ были приглашены инженеръ Е. и профессоръ К.

„Съ первыми поѣздами рѣшено было отправить слѣдующія категоріи: больныхъ и сопровождающихъ ихъ лицъ; женщинъ съ дѣтьми; женщинъ, не имѣющихъ достаточныхъ средствъ для дальнѣйшаго пребыванія въ Берлинѣ. Въ первыхъ же поѣздахъ постановлено было отправить въ Россію русскихъ учительницъ. Съ цѣлью изысканія средствъ на расходы по отъѣзду неимущихъ въ Россію, всякій бравшій билетъ въ первомъ классѣ, долженъ былъ заплатить, сверхъ стоимости своего проѣзда, еще за два билета третьяго класса отъ Берлина чрезъ шведскій портъ Евле (Геффле) и финляндскій портъ Раумо до Петрограда; тѣ, кто бралъ билеты второго класса, должны были, сверхъ установленной платы, оплатить одинъ билетъ третьяго класса. Такое обложеніе болѣе состоятельныхъ русскихъ доставило въ распоряженіе комитета весьма значительныя суммы.

„Выдача билетовъ началась 22 августа (4 сентября) въ комендантурѣ города Берлина. Комендантура внесла значительныя измѣненія въ составленные инженеромъ Е. и профессоромъ К. списки, и съ того времени, какъ началась продажа билетовъ, они были совершенно устранены отъ занятій въ комитетѣ. Имъ не было даже предоставлено право входа въ помѣщеніе комитета въ зданіи комендантуры, почему они и не могли получить необходимыя средства для оплаты проѣздовъ бѣднѣйшихъ соотечественниковъ отъ Евле до Петрограда, и эти расходы могли быть покрыты только благодаря оказанному имъ довѣрію испанскаго посланника, передавшаго имъ 8.000 марокъ. Въ общемъ, нѣмецкіе члены комитета взяли дальнѣйшую отправку русскихъ на родину въ свои руки“.

Исторія вопроса о разрѣшеніи русскимъ уѣхать изъ Германіи изложена въ предшествующей цитатѣ едва ли полно. Мнѣ извѣстно, что этотъ вопросъ былъ предметомъ длительнаго обсужденія въ особыхъ совѣщаніяхъ въ имперскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ участіемъ военныхъ властей. Но какъ бы то ни было, конечный результатъ указанъ гг. Е. и К. совершенно вѣрно — участь всѣхъ задержанныхъ въ Берлинѣ русскихъ подданныхъ оказалась въ рукахъ не германскихъ властей, не испанскаго посольства, не смѣшаннаго какого-либо комитета, съ участіемъ представителей Россіи, а полностью въ рукахъ комитета изъ представителей берлинскаго еврейскаго союза. Фактъ этотъ крайне замѣчателенъ и полонъ значенія въ тѣмъ большей мѣрѣ, что этотъ третій комитетъ, повидимому, поглотилъ полностью два другихъ и что денежную помощь нуждающіеся русскіе должны были просить въ той же Штеглицерштрассе, куда они ходили искать возможности вернуться въ Россію.

Мнѣ не пришлось обращаться къ комитету за денежной помощью, и я не знаю, какъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ его механизмъ. Я только видалъ сотни и тысячи людей у дверей комитета въ ожиданіи впуска для подачи просьбъ о такой помощи. Я не знаю ни одного русскаго, который ее получилъ, но это, конечно, не значитъ, чтобы она русскимъ совсѣмъ не была оказана. Евреевъ, получившихъ денежное пособіе, я видѣлъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ объ этомъ въ такой формѣ:

— Мнѣ дали билетъ и еще заплатили, чтобы я уѣхалъ изъ Берлина, а вы сами платите за свои билеты! И онъ показалъ солидную кредитную бумажку, полученную изъ комитета въ пособіе на путевые расходы.

Обойтись безъ денежной помощи еврейскаго союза, получившаго власть надъ суммами, предназначаемыми для русскихъ подданныхъ, было для многихъ возможно, но пріобрѣсти право уѣхать изъ Берлина помимо этого учрежденія долго было нельзя. Ему какими-то неисповѣдимыми путями была передана участь всѣхъ русскихъ, задержанныхъ въ Берлинѣ и съ этимъ надо было считаться.

Испанское посольство и военное начальство Берлина одинаково отсылали всѣхъ въ еврейскій союзъ. И туда шли всѣ. Длинные ряды русскихъ растягивались на Штеглицерштрассе, ожидая впуска по очереди въ канцелярію союза. Ихъ жгло солнце, мочилъ дождь, обдувалъ вѣтеръ, заносила пыль, но они переносили всѣ невзгоды, чтобы какъ-нибудь добраться до двери, за которой скрывалась возможность свободы.

Истомленные мучительнымъ ожиданіемъ, бѣдняги иногда валились съ ногъ. Имъ оказывали помощь сосѣди по ожиданію и, подбодрившись, они продолжали стойку. Я видѣлъ однажды, какъ какой-то сердобольный юноша принесъ ведро воды и поилъ поочередно всѣхъ ожидающихъ. Терпѣніе ихъ вознаграждалось плохо. Нужно было много разъ преодолѣть такую процедуру, чтобы, наконецъ, попасть въ помѣщеніе комитета. То не было пріема, потому что бюро временно перенесено въ комендантуру, то было уже поздно, то бюро было просто закрыто, такъ какъ вмѣсто личнаго пріема требовалось письменное заявленіе. Текстъ его красовался на дверяхъ.

Писать надо было русскимъ въ это русское бюро непремѣнно по-нѣмецки и, написавшему, ждать присылки отъ союза разрѣшенія на входъ въ комендантуру, гдѣ должно было дѣлаться остальное, т. е. ставиться разрѣшительная виза на паспортѣ и продаваться билеты.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе хаотическое, чѣмъ вся эта организація, въ особенности, въ первое время ея дѣйствія. Какими соображеніями руководствовались заправилы комитета, выбирая изъ обращенныхъ къ нимъ просьбъ подлежавшія удовлетворенію въ первыя очереди и откладывая другія на неопредѣленное время, понять болѣе, чѣмъ трудно. Во всякомъ случаѣ не такими, о которыхъ пишутъ гг. Е. и К.

Съ первыми поѣздами уѣхали въ Россію далеко не тѣ спеціальныя категоріи, какія были замѣчены. Съ этими поѣздами отправились и весьма здоровые и состоятельные мужчины и дамы. То же было и въ дальнѣйшихъ поѣздахъ, при чемъ еще рѣзко обозначилась другая тенденція—предоставлять мѣста евреямъ.

Несмотря на то, что я и всѣ мои близкіе и знакомые записались въ очередь при самомъ открытіи дѣйствій комитета, мы не получили мѣста ни въ одномъ изъ 8 поѣздовъ, ушедшихъ до моего отъѣзда, который мнѣ пришлось обезпечить себѣ инымъ путемъ.

Возлѣ комитета образовалась еще цѣлая сѣть барышничества. Къ нему комитетъ, конечно, непричастенъ, но самая возможность этого явленія есть показатель неправильной организаціи дѣла. За 40—50 марокъ какія-то темныя личности стали предлагать добыть разрѣшеніе на отъѣздъ. Потомъ цѣна поднялась и мнѣ говорили уже о 300—400 и болѣе маркахъ.

Сдѣлки происходили даже на улицѣ возлѣ комендантуры, въ боковыхъ переулкахъ, выходящихъ на площадь Предъ Цейхгаузомъ. Какимъ образомъ барышники осуществляли свои обѣщанія, я не знаю. Говорятъ, что многіе стремившіеся уѣхать сдѣлались при этомъ жертвами грубаго обмана. У нихъ брали деньги и не давали ничего, а иногда и не возвращали взятаго паспорта.

Спустя нѣкоторое время, когда особое отношеніе комитета къ русскимъ, не евреямъ, стало очевидностью и имѣло послѣдствіемъ рядъ жертвъ въ видѣ бѣдныхъ русскихъ больныхъ женщинъ и дѣтей, вынужденныхъ сидѣть въ Берлинѣ въ то время, какъ уѣзжали люди болѣе достаточные и здоровые, прусскія правительственныя власти приняли мѣры къ ограниченію этого произвола. Комитету было предоставлено замѣщать только $^1/_5$ всѣхъ мѣстъ въ поѣздахъ, а остальныя замѣщались непосредственнымъ распоряженіемъ комендантуры.

Въ этотъ періодъ многимъ русскимъ оказалъ содѣйствіе молодой петербуржецъ О. П. Петерсонъ, имя котораго они вспоминаютъ съ благодарностью. На фонѣ берлинскаго безвременья эта личность является незаурядной.

Съ нимъ я встрѣтился въ комендантурѣ, когда впослѣдствіи исполнялись формальности по выдачѣ разрѣшенія на отъѣздъ моей семьи и моихъ соотечественниковъ, отпускъ которыхъ испросилъ по моей просьбѣ директоръ департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Высокій, блѣдный съ нарукавной повязкой, гдѣ крупными буквами стояло „Kommandantur“, О. П. Петерсонъ подошелъ къ намъ и заговорилъ по-русски. Онъ сообщилъ, что онъ русскій подданный, живущій постоянно въ Петроградѣ, что у него есть издательское дѣло и учительскія обязанности въ Реформатскомъ училищѣ.

По его словамъ, его съ женой и дочерью застигла война въ Берлинѣ. Онъ, какъ находящійся въ призывномъ возрастѣ, былъ задержанъ и подвергся разнымъ непріятностямъ со стороны полицейскихъ и военныхъ властей. Въ это время онъ увидѣлъ, сколько горя выпадаетъ на долю русскихъ подданныхъ, въ особенности, чисто-русскихъ, не евреевъ: послѣдніе находятъ въ Берлинѣ помощь въ своихъ единовѣрцахъ. Ему захотѣлось помочь русскимъ, защитить ихъ отъ произвола и насилій толпы. Онъ написалъ объ этомъ статью въ газету, гдѣ указывалъ, что страдаютъ невинные и что нужно имъ помочь.

Статья достигла министра внутреннихъ дѣлъ и произвела впечатлѣніе. Имѣла ли она общіе результаты, неизвѣстно, но для автора она имѣла, какъ онъ говорилъ, послѣдствіемъ приглашеніе на службу въ комендантуру въ качествѣ переводчика и, болѣе спеціально, въ качествѣ присутствующаго на вокзалѣ при отправкѣ русскихъ.

Онъ получилъ возможность входа во всякое время въ комендантуру, возможность говорить съ ея властями и эти возможности онъ отдаетъ на пользу русскихъ, чисто-русскихъ, какъ наиболѣе безпомощныхъ. Ему удалось уже помочь многимъ и въ частности ограничить аппетиты „русскаго“ комитета въ его стремленіи доставлять возможность выѣзжать почти исключительно русскимъ евреямъ. Брошенное на произволъ судьбы въ Петроградѣ дѣло, онъ думаетъ, погибнетъ, но онъ радъ, что вынужденное сидѣніе въ Берлинѣ въ качествѣ военноплѣннаго будетъ использовано для соотечественниковъ.

Говорящій свободно по-русски и по-нѣмецки О. П. Петерсонъ сталъ совѣтникомъ слабыхъ и нуждающихся русскихъ—не евреевъ. Онъ просилъ о нихъ, добивался выдачи имъ билетовъ, провожалъ на вокзалъ, устраивалъ ихъ въ поѣздѣ, и посылалъ чрезъ нихъ привѣтъ Петрограду, котораго ему, по его мнѣнію, не придется еще долго увидѣть.

Проникнуть въ комендантуру было, вообще, чрезвычайно трудно. Она охранялась часовыми и огромнымъ нарядомъ полиціи. Пускали только тѣхъ, кто имѣлъ разрѣшеніе, присланное чрезъ еврейскій комитетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было сначала. Но людей и съ такимъ разрѣшеніемъ собирались тысячи, такъ какъ разрѣшенія давали сразу для всѣхъ пассажировъ цѣлой предполагаемой серіи поѣздовъ. Кандидаты становились въ длинную очередь съ ранняго утра и ждали часами. Многіе слабые люди не могли совсѣмъ выдержать этого испытанія и уходили, не достигнувъ завѣтныхъ дверей. Другихъ отталкивали, прорываясь впередъ, неразборчивые въ средствахъ. Говорятъ, что пропускали и за подачки полицейскимъ. Какъ бы то ни было, въ комендантурѣ оказывались не только тѣ, кто получилъ на это право, но и совсѣмъ иные субъекты.

Паспорты всѣхъ ихъ разсматривались и, если не было препятствій въ призывномъ возрастѣ, ставился разрѣшительный на выѣздъ штемпель и выдавался желѣзнодорожный билетъ. Многіе уѣхали такимъ образомъ, отнявъ мѣста у другихъ. Многіе съ разрѣшеніемъ на входъ въ комендантуру для полученія билета, продолжали жить въ Берлинѣ, потерявъ надежду проникнуть внутрь этого учрежденія.

Для второй серіи поѣздовъ, отходившей съ 17 сентября, и эта сторона дѣла была нѣсколько упорядочена. Впускныя разрѣшенія стали давать на опредѣленный день и часъ, раздѣливъ всѣхъ кліентовъ на небольшія группы, и строго провѣряя право каждаго при входѣ.

Въ хожденіяхъ въ полицейскій участокъ, въ банкъ, къ испанскому посольству, еврейскому союзу и комендантурѣ, главнымъ образомъ, текли дни русскихъ военноплѣнныхъ, находившихся на свободѣ въ Берлинѣ. Получить денегъ и уѣхать—таковы были доминирующія мысли всѣхъ. Вырваться, уйти отсюда, все равно какъ, но только скорѣе!.. Казалось, что, разрѣши кто-либо власть имущій уйти въ Россію пѣшкомъ, тысячи согласились бы на это немедленно. Такъ тяжело было жить въ атмосферѣ безправія и непріязни.

Мучительность положенія усугублялась тѣмъ, что никто не имѣлъ никакихъ свѣдѣній изъ Россіи и ничего не могъ сообщить туда о себѣ. Домъ, жены, мужья, дѣти, обязанности, дѣла, имущественные интересы—чрезъ все проходила непроницаемая для сношеній завѣса. По обѣимъ ея сторонамъ было море страданій отъ неосвѣдомленности, но проникнуть сквозь нее было нельзя. Ни писемъ, ни телеграммъ за границу не принимали. Никакой корреспонденціи извнѣ не приходило. Границы Германіи были безусловно закрыты для всякихъ сношеній во все время, пока шло передвиженіе войскъ. Надо было обезпечить полную тайну этого передвиженія отъ враговъ и это было умѣло и искусно достигнуто. Не довѣряя даже своимъ, которые могли бы невольно сообщить кое-что полезное для непріятеля, правительство уничтожило самую возможность сообщенія. Даже для отъѣзда изъ Берлина внутрь страны германскимъ подданнымъ требовалось разрѣшеніе полиціи и военныхъ властей. При мнѣ въ комендантурѣ

не дали такого разрѣшенія одной нѣмецкой дамѣ, которая хотѣла уѣхать въ Познань. И это было спустя три недѣли послѣ начала войны.

Почтовыя и телеграфныя сношенія съ заграницей возобновились медленно и постепенно, конечно, только съ нейтральными странами. Чрезъ нихъ потомъ открылась возможность и сношеній съ Россіей. Посредниками явились знакомыя лица или учрежденія. Впослѣдствіи для этой цѣли организовались особыя бюро въ Даніи и другихъ мѣстахъ. Мы были обязаны въ этомъ отношеніи директору-распорядителю Дунайскаго Общества Пароходства Ермолову, который разрѣшилъ своему агентству въ Румыніи пересылать намъ депеши и даже деньги изъ Россіи. Первая телеграмма, полученная такимъ путемъ, отъ родныхъ послѣ всѣхъ пережитыхъ мученій, произвела неизгладимое впечатлѣніе. Затерянные во вражеской странѣ, мы были отысканы своими близкими. Намъ подавали вѣсть. Мы слышали голосъ родной земли. Сердце билось сильнѣе и слезы застилали глаза.

Les grands esprits peuvent être bilieux et vindicatifs, mais dès qu'ils réflechissent, il leur est impossible d'être injustes et insensibles. Il en faut dire autant, proportion gardée, de tous les gens d'esprit que font profession de juger avec l'esprit. Si leur esprit est de bon aloi, leur coeur ne résistera jamais à un sentiment vrai.

Georges Sand.

ГЛАВА XIII.

Освобожденіе изъ германскаго плѣна.

Безсиліе дипломатіи.—Безучастное отношеніе комитета для помощи русскимъ.—Международное общество испытанія матеріаловъ.—Союзъ германскаго судоходства.—Необходимость выжиданія.—Телефонные разговоры.—Уличныя впечатлѣнія.—Бесѣды со знакомыми.—Международная ассоціація судоходныхъ конгрессовъ. — Неудавшійся экстренный поѣздъ для русскихъ.—Международная ассоціація шоссейно-дорожныхъ конгрессовъ. —Въ комендантурѣ съ высокими рекомендаціями.—Еврейскій союзъ въ германскомъ правительственномъ военномъ учрежденіи.—Разрѣшеніе на отъѣздъ и полученіе билета.

Уѣхать изъ Германіи въ Россію становилось съ каждымъ днемъ все большей и большей потребностью души. Здѣсь все отталкивало. Туда все притягивало. Мучила совѣсть отъ бездѣйствія въ то время, когда вся родина стала на защиту національной чести. Казалось, что тяжелая война, навязанная намъ могучимъ врагомъ, можетъ быть окончена успѣшно, только если всѣ, и военные и невоенные, исполнятъ свой долгъ. Для этого нужно всѣмъ быть на своихъ мѣстахъ. Сознаніе безсилія быстро разорвать оковы, въ которыхъ насъ держалъ врагъ, увеличивало страданія плѣненныхъ.

Моя работа по самоосвобожденію явилась продолженіемъ той, которую я настойчиво велъ въ тюрьмѣ. Первый ея періодъ имѣлъ ближайшей задачей выходъ изъ-подъ замка одиночной камеры. Второй — отъѣздъ въ Россію.

Многократное посѣщеніе улицы предъ испанскимъ посольствомъ еще тогда, когда она была сдѣлана полиціей мѣстомъ для удобнаго улавливанія русскихъ, и впослѣдствіи, когда она была предоставлена не арестованнымъ русскимъ, какъ мѣсто для встрѣчъ, обмѣна новостей и слуховъ и созерцанія охранителей дверей посольства, убѣдило меня, что съ этой стороны ждать помощи нечего.

Дѣйствительное или кажущееся безучастіе, отсутствіе иниціативы, неумѣніе или нежеланіе хоть какъ-нибудь организовать жизнь бѣдствующихъ русскихъ у многихъ отнимали всякую надежду на помощь дипломатіи. Другимъ, однако, казалось невозможнымъ, чтобы представители державы, принявшей защиту подданныхъ другой, не нашли способовъ для выполненія этой благородной задачи во всемъ ея объемѣ, и прежде всего по отношенію къ возвращенію на родину невоенныхъ. Хотѣлось думать, что, если обратиться къ самому послу, переговорить съ нимъ, сообщить ему многое, чего

онъ, быть можетъ, еще не знаетъ, то дѣло наладится и далѣе пойдетъ, какъ слѣдуетъ.

Я написалъ послу и просилъ меня принять, какъ представителя группы русскихъ профессоровъ, застигнутыхъ въ Берлинѣ войной. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что меня приметъ совѣтникъ испанскаго посольства, и это открыло мнѣ двери посольскаго дома. Городовой и швейцаръ меня не задержали. Въ назначенный часъ я сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ у стола испанскаго дипломата. Крайняя любезность характеризовала его рѣчь.

— Вы зависите отъ военныхъ властей. Мы ничего не можемъ сдѣлать. Единственно, что въ нашей власти—это дать вамъ письмо въ комендантуру съ просьбой впустить васъ туда. Дальше хлопочите сами.

Почтенный совѣтникъ соглашался еще принять на храненіе до конца войны наши рукописи, которыя подвергались бы опасности быть секвестрованными германской полиціей въ случаѣ нашего отъѣзда.

Комитетъ для помощи русскимъ или, правильнѣе, еврейскій союзъ также оказался по отношенію ко мнѣ и моимъ близкимъ несостоятельнымъ. Несмотря на хлопоты одного изъ русскихъ участниковъ комитета, проявленныя имъ до своего отъѣзда изъ Берлина съ первымъ отходившимъ „русскимъ“ поѣздомъ, и на многократное исполненіе мною всѣхъ требованій комитета относительно записи въ очередь, подачи заявленій и пр., время шло, не принося намъ никакого разрѣшенія на выѣздъ. Тысячи людей уже уѣхали, а я и мои близкіе оставались все въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Никакого отвѣта изъ союза при еще большей недоступности его бюро для личныхъ объясненій, чѣмъ испанскаго посольства!

Такъ шли дни и недѣли и можно было бы впасть въ отчаяніе, если бы наряду съ дипломатическимъ и общественнымъ путями къ освобожденію у меня не было намѣчено другихъ, которые, правда, не казались мнѣ вполнѣ вѣрными при условіяхъ даннаго времени, но должны были быть все же испытаны. Это были пути международныхъ отношеній, оправдавшіе себя въ первый періодъ моего плѣненія.

По нимъ надо было итти осторожно. Я шелъ осторожно. Надо было итти медленно и осмотрительно. Я шелъ медленно и осмотрительно. Но я все-таки двигался, потому что бездѣйствіе могло привести къ гибели.

Сначала мое вниманіе обратилось еще въ тюрьмѣ на международное общество испытанія матеріаловъ. Въ Берлинѣ жилъ выдающійся дѣятель въ этой области профессоръ Мартенсъ, почетный членъ института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I. Съ нимъ я былъ знакомъ съ 1888 года. Конгрессъ общества намѣчался въ Россіи въ 1915 году. Я являлся однимъ изъ ближайшихъ организаторовъ этого конгресса и участвовалъ въ качествѣ представителя Россіи въ международномъ подготовительномъ совѣщаніи еще въ апрѣлѣ 1914 года. Такое близкое сотрудничество съ Мартенсомъ давало мнѣ право на его содѣйствіе и я написалъ ему изъ военной тюрьмы, прося помочь мнѣ словомъ и дѣломъ. Какъ я узналъ по выходѣ изъ тюрьмы, мое письмо Мартенсъ получить не могъ. Онъ умеръ за нѣсколько времени до начала войны. Письмо попало къ его замѣстителю профессору Gary. Онъ отвѣтилъ на него моей женѣ. Вотъ этотъ отвѣтъ:

„Professor Gary. Berlin.—Lichterfelde West den 16 August 1914. Unter den Linden, 91.

Gnädige Frau!

Ihr Herr Gemahl, Professor Timonoff, wendet sich mit dem Schreiben vom 15 d. M. an Herrn Professor Martens um Beistand. Martens ist kürzlich verstorben; den Brief würde mir ausgehändigt, weil ich hier das älteste Mitglied des Internationalen Verbandes für Material Prüfungen der Technik bin und die Organisationsthätigkeit Ihres Herrn Gemahls für den 1915 in St. Petersburg geplannten Congress kenne.

Ich bin bereit Herr Professor Timonoff zu helfen, so weit es in meinen Macht steht, fürchte aber, dass diese Macht nicht weit reichen wird. denn leider hat das Volk von St.-Petersburg das Völkerrecht mit Füssen zertreten, die deutsche Botschaft zerstört und unschuldige Beamte der Gesandschaft ermordet.

Die hier fest gehaltenen Russen werden unter diesen Umständen auf kein sehr grosses Entgegenkommen der deutschen Behörden rechnen können. deren Langmut jetzt endgültig vorüber ist.

Dennoch will ich versuchen, was sich tun lässt, um Ihren Herrn Gemahl einige Erleichterung zu verschaffen. Besuchen Sie mich, wenn Sie dürfen, oder schreiben Sie mir, was ich tun soll.

Hochachtungsvoll M. Gary".

Прочтя это письмо, я могъ только пожалѣть о легковѣріи профессора Gary и отказаться отъ удовольствія вступить съ нимъ въ какія-либо дальнѣйшія отношенія.

Другой путь къ освобожденію, мнѣ думалось, могъ итти чрезъ центральный союзъ германскаго судоходства. Въ этомъ союзѣ я былъ, повидимому, желаннымъ членомъ. На мою долю въ немъ выпадали рѣдкіе знаки отличія. Къ моему тюремному обращенію его предсѣдатель профессоръ Фламмъ отнесся съ большою заботливостью. Моей семьѣ онъ прислалъ своего генеральнаго секретаря доктора Гротевольда. На дальнѣйшее содѣйствіе союза я могъ, казалось, разсчитывать, но что онъ былъ въ силахъ для меня сдѣлать? Этого я не зналъ.

Я посѣтилъ бюро союза. Предсѣдателя не было. Онъ въ это время участвовалъ въ какихъ-то совѣщаніяхъ особой важности, связанныхъ съ его спеціальностью судостроителя. Меня принялъ генеральный секретарь въ своемъ оффиціальномъ кабинетѣ на Кантштрассе, гдѣ онъ работаетъ ежедневно съ 8 часовъ утра.

— Я пришелъ благодарить предсѣдателя и васъ за оказанное мнѣ содѣйствіе во время моего ареста, — сказалъ я.—Союзъ германскаго судоходства всегда относился съ такимъ вниманіемъ и любезностью къ моимъ работамъ въ области гидротехники и ко мнѣ лично въ мои прежнія посѣщенія Берлина, что я счелъ себя въ вправѣ обратиться къ предсѣдателю съ просьбой оказать содѣйствіе моей семьѣ, оставшейся безъ защиты въ чужомъ городѣ, въ такое тяжелое время, а равно сообщить военному начальству Берлина фактическія свѣдѣнія обо мнѣ и моей дѣятельности.

— Предсѣдатель былъ очень радъ исполнить и то, и другое. Къ сожалѣнію, онъ теперь очень занятъ въ разныхъ спеціальныхъ совѣщаніяхъ, вызванныхъ современными событіями, и лично не могъ быть у вашей жены. Я былъ у нея, по его порученію.

— Мы очень тронуты вашимъ вниманіемъ.

— Затѣмъ предсѣдателель написалъ коменданту Берлина подробно о вашемъ положеніи въ нашемъ союзѣ въ качествѣ представителя корпоративнаго члена союза—отдѣла статистики и картографіи русскаго министерства путей сообщенія. Онъ указалъ коменданту, какіе цѣнные вклады вы сдѣлали уже давно въ нашу библіотеку и переслалъ въ комендантуру имѣвшіеся у насъ ваши печатные труды на иностранныхъ языкахъ, чтобы тамъ могли убѣдиться въ международномъ, научномъ и вполнѣ мирномъ характерѣ вашихъ работъ.

— Я получилъ при освобожденіи въ комендантурѣ цѣлый пакетъ моихъ книгъ и недоумѣвалъ, откуда онѣ могли туда попасть.

— Отъ насъ, отъ насъ! И мы будемъ рады получить ихъ обратно теперь, когда онѣ исполнили свое назначеніе и содѣйствовали вашему освобожденію.

Я, конечно, обѣщалъ прислать эти изданія безъ промедленія. Разговоръ перешелъ на тему объ обстоятельствахъ и причинахъ моего ареста, обращеніи со мной въ тюрьмѣ, порядкѣ полнаго освобожденія.

— Мы неудомѣвали, почему вы могли быть такъ долго задержаны. Арестовать васъ, конечно, могли при нынѣшнихъ условіяхъ, какъ всякаго иностранца. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы не получили никакихъ личныхъ непріятностей, что съ вами были корректны?—говорилъ г. Гротевольдъ.—Что же касается вашего дальнѣйшаго освобожденія и предоставленія вамъ возможности уѣхать за границу, то я считалъ бы наиболѣе правильнымъ дѣйствовать чрезъ испанское посольство.

— Но вѣдь оно такъ обременено теперь заботами о русскихъ, французахъ и бельгійцахъ, вообще, что ему трудно выступать по отдѣльнымъ случаямъ, — сказалъ я, тѣмъ болѣе что русскихъ въ Берлинѣ такъ много.

— Во всякомъ случаѣ не выступайте сами въ комендантурѣ. Это можетъ вамъ скорѣе повредить, чѣмъ принести какую-либо пользу. Пусть о васъ хлопочутъ другіе и лучше всего испанскій посолъ. Онъ пользуется въ Берлинѣ большимъ уваженіемъ и его выступленіе можетъ имѣть наиболѣе благопріятныя послѣдствія. Если надо будетъ сослаться при этомъ на нашъ союзъ и на то, что онъ писалъ о васъ, я могу вамъ дать справку о времени сдѣланнаго нами сношенія съ комендантурой. Наконецъ, если вамъ угодно, я могъ бы лично переговорить о вашемъ дѣлѣ въ испанскомъ посольствѣ.

Это послѣднее предложеніе меня нѣсколько удивило, но г. Гротевольдъ продолжалъ:

— Я свободно владѣю испанскимъ языкомъ, такъ какъ долго жилъ въ Южной Америкѣ. Можетъ быть мои личныя объясненія съ чинами посольства на испанскомъ языкѣ ускорятъ расмотрѣніе вашего дѣла и помогутъ направить его на тотъ путь, который ближе всего къ цѣли — путь личнаго ходатайства посланника предъ комендантомъ Берлина.

Предложеніе г. Гротевольда явилось новымъ доказательствомъ любезнаго вниманія союза германскаго судоходства къ моему положенію военноплѣннаго и готовности помочь мнѣ изъ него выйти. Форма этой помощи была не та, которая мнѣ казалась наиболѣе умѣстной—прямого обращенія союза къ военнымъ властямъ съ просьбой объ освобожденіи меня. Но я не счелъ удобнымъ говорить о такомъ выступленіи, очень хорошо понимая, что хлопоты германскаго союза о своемъ русскомъ сочленѣ въ періодъ военныхъ столкновеній Германіи съ Россіей должны вестись съ большой оглядкой.

Нація, проникнутая сплошь увѣренностью въ наличіи среди нея множества шпіоновъ, должна была относиться съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ къ тѣмъ изъ своихъ согражданъ, которые выступаютъ защитниками иностранцевъ. Это предубѣжденіе могло принять формы, непріятныя для защитниковъ и вредныя для защищаемыхъ. Все это чувствовалось и сознавалось. Сдержанный, хотя и доброжелательный, тонъ рѣчи моего собесѣдника подтверждалъ это. Я находилъ, что наше свиданіе имѣло уже достаточный результатъ въ томъ, что въ той или иной формѣ дальнѣйшее содѣйствіе германскаго союза судоходства было мнѣ обѣщано и счелъ за благо пока на этомъ остановиться.

Побесѣдовавъ съ г. Гротевольдомъ еще довольно долго объ успѣхахъ германскаго судоходства, его ближайшихъ перспективахъ и задачахъ, я простился, унося письменную справку о сдѣланномъ обо мнѣ сношеніи съ комендантурой и убѣжденіе въ возможности дальнѣйшихъ дѣйствій чрезъ союзъ въ цѣляхъ моего освобожденія изъ германскаго плѣна, если не будетъ найдено иныхъ путей, идущихъ мимо дипломатіи.

Мое положеніе на безпристрастный взглядъ казалось очень простымъ. Ученый спеціалистъ въ вопросахъ гидротехники, не имѣющій никакого касательства къ военнымъ дѣламъ, и испытанный, въ теченіе четверти вѣка, дѣятель на поприщѣ международныхъ научныхъ учрежденій, извѣстный лично множеству людей въ разныхъ странахъ Европы и Америки... Едва ли можно было представить себѣ болѣе безвреднаго для участи Германіи человѣка. Удерживать меня въ Берлинѣ не было, очевидно, никакихъ основаній. Предшествующія насильственныя дѣйствія полиціи и военныхъ властей по отношенію ко мнѣ явились результатомъ неосвѣдомленности и недоразумѣнія. Освобожденіе изъ-подъ ареста по свидѣтельству представителей высшаго гражданскаго управленія показывало, что военныя власти придаютъ этому свидѣтельству значеніе. Дальнѣйшіе шаги тѣхъ же лицъ должны были, казалось, привести къ полному моему освобожденію.

Такъ казалось. Но какъ достигнуть того, чтобы эти шаги были сдѣланы? Для этого надо было войти въ болѣе близкія личныя сношенія съ тѣми, кто долженъ былъ бы ихъ сдѣлать. Какъ будутъ приняты такія сношенія въ столь трудное время? Какое впечатлѣніе можетъ произвести появленіе въ томъ или иномъ министерствѣ русскаго профессора, только что вышедшаго изъ военной тюрьмы и обвиняемаго общественной молвой въ томъ, что „онъ много знаетъ“.

Съ какими чувствами встрѣтятъ его высшіе чины этого министерства, хотя и давно связанные съ нимъ взаимнымъ уваженіемъ и расположеніемъ, въ своихъ служебныхъ кабинетахъ, гдѣ теперь идетъ напряженная военная

работа? Какъ отнесутся тѣ же лица къ посѣщенію на дому, которое можетъ быть затѣмъ предметомъ толковъ и пересудовъ со стороны недоброжелателей? Частныя сношенія у себя на квартирѣ съ опаснымъ русскимъ!

Полученныя моими знакомыми непріятности или даже возможность ихъ полученія не повліяютъ ли на самый успѣхъ моихъ стремленій?

Такія мысли невольно напрашивались предъ тѣмъ, какъ дѣйствовать. Приходилось умѣрять свое нетерпѣніе и занимать выжидательное положеніе.

Я написалъ всѣмъ, кто мнѣ помогъ въ періодъ моего тюремнаго заключенія, всѣмъ, кто былъ внимателенъ къ моей семьѣ, чтобы благодарить ихъ за то, что они сдѣлали и сталъ ждать. Чего? Я самъ не могъ бы отвѣтить точно на этотъ вопросъ.

Несмотря на всю горечь разочарованія Германіей подъ вліяніемъ причиненныхъ мнѣ столь незаслуженныхъ обидъ, я продолжалъ думать, что несправедливость такого отношенія ко мнѣ должна непремѣнно произвести сильное впечатлѣніе на власть имущихъ моихъ знакомыхъ. Они должны будутъ по собственной инціативѣ сдѣлать, что нужно, чтобы изгладить дурное впечатлѣніе и смягчить послѣдствія происшедшаго, облегчивъ мнѣ и моимъ близкимъ скорое возвращеніе на родину.

Эта надежда, почти увѣренность, не заглушала, однако, сомнѣній. А что, если никто ничего не сдѣлаетъ? Если ожиданія будутъ безплодны и время потеряно даромъ? Если развернутся новыя событія, которыя вызовутъ опять приступы народной ярости противъ русскихъ? Если появятся новые доносы на меня въ тайныхъ канцеляріяхъ военнаго вѣдомства? Если придется опять лишиться свободы?

Пассивно ожидая улучшенія своей участи, не дождешься ли ея ухудшенія? Что будетъ тогда при второмъ арестѣ съ моей семьей въ озлобленномъ противъ русскихъ городѣ, безъ помощи и денегъ, безъ возможности сношеній съ Россіей?

Жить и ждать при такомъ настроеніи мыслей было тяжело. А между тѣмъ ускорить событія личнымъ вмѣшательствомъ казалось все болѣе и болѣе опаснымъ, чтобы не потерять тѣхъ связей съ оффиціальнымъ прусскимъ міромъ, на которыя возлагались главныя надежды.

Это опасеніе не замедлило подтвердиться и нѣкоторыми фактическими основаніями. Чрезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія изъ тюрьмы въ гостиницу меня позвали къ телефону. Говорилъ одинъ изъ старинныхъ моихъ знакомыхъ инженеръ Гермельманъ, съ которымъ я былъ связанъ воспоминаніями о совмѣстной международной работѣ въ Германіи, Италіи, Бельгіи, Россіи и С. Америкѣ. Талантливый техникъ, руководитель обширныхъ работъ по улучшенію судоходныхъ условій Одера, г. Гермельманъ участвовалъ въ войнѣ 1870—1871 гг. съ Франціей и охотно вспоминалъ объ этой кампаніи во время нашихъ совмѣстныхъ поѣздокъ. Подъ статскимъ сюртукомъ у него билось сердце солдата и вся его фигура выражала мощь и силу, что не мѣшало ему имѣть очень мягкій и нѣжный голосъ. Теперь этотъ человѣкъ говорилъ.

— Я вызвалъ васъ къ телефону, чтобы поздравить съ благополучнымъ освобожденіемъ.

— Благодарю васъ очень. Я писалъ вамъ. Не знаю, дошло ли до васъ мое письмо?

— Дошло, и я самъ два раза былъ по вашему дѣлу въ комендантурѣ. Главные переговоры по нему принялъ на себя товарищъ министра общественныхъ работъ г. фонъ-Кельсъ. Вамъ это извѣстно?

— Конечно, я ему писалъ и благодарилъ его. Мнѣ хотѣлось передать мою благодарность и вамъ лично, когда обстоятельства позволятъ намъ встрѣтиться.

— Я буду радъ васъ видѣть. Теперь мы очень заняты въ министерствѣ. Если вы позволите, я выберу время и назначу вамъ мѣсто встрѣчи.

Мой чуткій слухъ, казалось, улавливалъ колебанія въ голосѣ моего собесѣдника, которыя подтверждали что, каковы ни были личныя отношенія, связывавшія въ прошломъ меня съ представителями Германіи, мои встрѣчи съ ними могутъ быть для нихъ въ настоящее время сопряжены съ неудобствами и нежелательны.

Нашъ разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ въ самомъ любезномъ тонѣ и замеръ на взаимномъ привѣтствіи и надеждѣ на встрѣчу. Она не осуществилась, хотя для этого и было время до моего отъѣзда изъ Берлина. Мои сомнѣнія были въ этомъ случаѣ основательны.

Телефонъ въ періодъ моего тоскливаго сидѣнія въ гостиницѣ въ ожиданіи поворота въ нашей судьбѣ сталъ неоднократно требовать меня къ себѣ. Говорили со мной разныя лица. Говорить въ это время можно было только по-нѣмецки. Телефонной администраціи вмѣнялось въ обязанность слѣдить за разговорами. Сообщеніе какихъ бы то ни было военныхъ свѣдѣній было, конечно, безусловно воспрещено. При малѣйшемъ дѣйствительномъ или воображаемомъ нарушеніи этого правила соединеніе прерывалось. Приходилось быть особенно осторожнымъ, что для меня было впрочемъ и нетрудно, такъ какъ никакихъ тайнъ я не зналъ. Гораздо непріятнѣе было обязательство говорить по-нѣмецки, когда собесѣдникомъ являлся русскій.

Я уже нѣсколько времени пользовался „свободой подъ полицейскимъ надзоромъ“ и успѣлъ отчасти приспособиться къ этому новому состоянію, когда чувствуешь непрерывное наблюденіе за собой со стороны невидимыхъ и невѣдомыхъ глазъ и ушей. Дни уходили одинъ за другимъ, не принося никакихъ перемѣнъ. Я вставалъ рано и посвящалъ утренніе часы своимъ научнымъ работамъ, но потомъ пришлось отказаться отъ удовольствія писать, когда выяснилась невозможность увезти съ собой написанное.

— Я вамъ не совѣтую дѣлать попытку увезти съ собой ваши рукописи, говорилъ мнѣ совѣтникъ испанскаго посольства, когда мнѣ удалось, какъ упоминалось выше, проникнуть въ это малодоступное для русскихъ мѣсто въ Берлинѣ. У васъ ихъ конфискуютъ при отъѣздѣ. Если хотите, вы пришлите ихъ намъ въ запечатанномъ конвертѣ и мы сохранимъ ихъ въ нашихъ архивахъ до конца войны.

Такая перспектива мнѣ мало улыбалась и очень понижала желаніе заносить свои мысли на бумагу, хотя мной все же въ Берлинѣ покинуто не мало рукописей самаго невиннаго содержанія съ военной точки зрѣнія, но русскихъ и потому способныхъ въ военное время создать отъѣзжающему затрудненія.

Ранніе утренніе часы я чаще проводилъ, такимъ образомъ, не за письменнымъ столомъ, а на балконѣ своей комнаты, откуда могъ подолгу обозрѣвать нашу улицу, одну изъ главныхъ артерій Шарлоттенбурга. Разумная, систематическая общественная организація жизни ярко выступала во всемъ. Съ самаго ранняго утра начиналось снабженіе всѣхъ домовъ съѣстными припасами. Прежде другихъ появлялись молочныя кареты съ большими бѣлыми кузовами. По сторонамъ у нихъ устроены краны для разныхъ сортовъ момока. Надъ каждымъ надписанъ сортъ и цѣна. Молоко помѣщено внутри въ закрытыхъ сосудахъ и при наливаніи не запыляется и почти не соприкасается съ воздухомъ. Кучеръ ведетъ журналъ, въ которомъ отмѣчаются всѣ выдачи. Молоко разносятъ въ дома нѣсколько дѣвушекъ въ бѣлыхъ беретахъ.

Свѣжій хлѣбъ привозятъ на велосипедахъ съ особыми корзинами. Провизію доставляютъ кареты-холодильники. Къ 6—6½ часамъ утра хозяйства уже получаютъ все имъ нужное на цѣлый день, безъ какой бы то ни было необходимости для хозяйки или прислуги выходить изъ дому.

Топливо доставляется большими партіями въ повозкахъ, объемъ коихъ удостовѣренъ палатой мѣръ и вѣсовъ.

Еще далеко нѣтъ семи часовъ, а улица наполняется спѣшащими въ школы мальчиками и дѣвочками. Занятія у нихъ начинаются въ семь часовъ. Они оживленно болтаютъ, не замедляя хода. Ясное сознаніе долга, весело и радостно исполняемаго, видно на всѣхъ.

Торговля начинается также очень рано. Занятія въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ въ полномъ ходу тогда, когда у насъ многіе изъ служащихъ еще не просыпаются.

Эта ранняя, энергичная, настойчивая работа всей германской націи, отъ дѣтей до стариковъ, производила на меня всегда сильнѣйшее впечатлѣніе, но никогда я не видалъ въ условіяхъ наибольшей убѣдительности всего ея значенія для страны, какъ въ эти раннія берлинскія утра, когда солнце играло въ складкахъ множества флаговъ, вывѣшенныхъ по случаю одержанныхъ побѣдъ, а только что вышедшія газеты уже возвѣщали о новыхъ.

Среди такихъ утреннихъ наблюденій меня однажды позвалъ къ телефону баронъ фонъ-Кельсъ.

— Какъ вы теперь себя чувствуете? Поправились ли вы? Спросилъ онъ меня. Я хотѣлъ давно быть у васъ, но я такъ занятъ въ министерствѣ. У насъ всѣхъ много дѣла. Я могъ бы зайти къ вамъ сегодня послѣ обѣда. Будете ли вы дома?

Въ назначенный часъ онъ пришелъ къ намъ. Было нѣчто величаво-грустное въ нашей встрѣчѣ. Еще такъ недавно, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы сидѣли за обѣденнымъ столомъ у министра общественныхъ работъ и земледѣлія въ Бельгіи и вели самую дружественную бесѣду, а теперь между нами стояла война со всѣми ея ужасами.

— Мы встрѣчаемся при тяжелыхъ обстоятельствахъ, сказалъ баронъ. Народы, которые такъ долго жили въ искренней дружбѣ, должны воевать другъ съ другомъ, потому что этого захотѣлъ ихъ общій врагъ — Англія. Она, только она, виновата въ нынѣшней войнѣ. Она не можетъ безъ зависти видѣть, что другія націи развиваются и усиливаются. Сначала она

мѣшала Франціи, потомъ нанесла при посредствѣ Японіи огромный ударъ Россіи, теперь она заставила Россію и Францію воевать съ Германіей. Это самая эгоистичная страна въ мірѣ!

Я возражалъ противъ такого утвержденія, но поколебать мнѣніе моего сановнаго собесѣдника не могъ.

Отъ общихъ вопросовъ мы постепенно перешли къ событіямъ послѣднихъ дней. Въ это время въ газетахъ Берлина подробно описывались уличные безпорядки въ Одессѣ,—городѣ, гдѣ живутъ мои самые близкіе родные. Какъ ни невѣроятны были эти разсказы, все же они оставляли тяжелое впечатлѣніе и вызывали безпокойство.

— Вы не вѣрьте всему, что пишутъ теперь газеты, съ тонкой ироніей сказалъ баронъ фонъ-Кельсъ. Я думаю, что извѣстія о безпорядкахъ въ южной Россіи невѣрны.

На вопросъ, какія газеты болѣе точно освѣщаютъ событія онъ отвѣтилъ:

— Я читаю Франкфуртскую газету. Она даетъ наилучшія свѣдѣнія. Ну, конечно, и Локаль-Анцейгеръ, который получаетъ оффиціальныя сообщенія. Изъ странъ, съ которыми ведется война, получить непосредственныя извѣстія теперь очень трудно и то, что доходитъ до насъ, очень опаздываетъ и не всегда заслуживаетъ довѣрія. Объ Одессѣ я наведу справки и вамъ сообщу, но я увѣренъ, что вамъ не о чемъ безпокоиться.

Рѣчь о нашей дальнѣйшей судьбѣ повелъ самъ баронъ фонъ-Кельсъ.

— Вамъ, конечно, хочется скорѣе уѣхать. Но пока еще никого изъ подданныхъ воюющихъ съ Германіей государствъ не выпускаютъ. Когда ихъ начнутъ выпускать, еще неизвѣстно. Конечно, это очень тяжело. Но пока идетъ такая страшная борьба народовъ, страданія отдѣльныхъ лицъ значатъ мало. Съ ними не могутъ считаться такъ, какъ въ обыкновенное время. Вѣроятно, однако, вскорѣ будутъ приняты мѣры къ облегченію участи задержанныхъ русскихъ. Я думаю, что въ этомъ отношеніи ведутся уже какіе-нибудь переговоры, но я не знаю. Я постараюсь узнать и вамъ сообщу. Я, впрочемъ, не совѣтую вамъ торопиться съ отъѣздомъ.

На мой удивленный жестъ онъ нѣсколько развилъ мотивы своего совѣта, о которыхъ я уже упоминалъ въ предшествующей главѣ.

Я понималъ мысль моего собесѣдника. Слишкомъ большая поспѣшность въ отъѣздѣ, если бы даже онъ и удался, могла повести къ неблагопріятнымъ предположеніямъ на счетъ моей непричастности къ военнымъ интересамъ и, косвенно, отразиться на довѣріи къ свидѣтельству фонъ-Кельса. Дать къ этому поводъ было бы, несомнѣнно, проявленіемъ черной неблагодарности къ тому, кто въ столь смутное время рѣшился взять на себя тяжелую задачу хлопотать объ освобожденіи изъ военной тюрьмы иностранца, который „знаетъ слишкомъ много“.

Я обѣщалъ барону фонъ-Кельсу послѣдовать его совѣту и оставить Берлинъ, когда къ этому представится возможность, безъ излишней торопливости, что и было мной впослѣдствіи исполнено. Какъ ни непріятно было оставаться здѣсь, когда уже вполнѣ было возможно уѣхать, въ особенности вслѣдствіе опасенія за участь моихъ близкихъ въ случаѣ, если бы эта возможность была вдругъ отнята,—я, при всей моей непричастности къ

военнымъ событіямъ, счелъ себя обязаннымъ вынести это дополнительное испытаніе, чтобы не дать основанія къ какому-либо упреку по отношенію къ сердечно мнѣ помогшему въ наиболѣе трудный моментъ барону фонъ-Кельсу.

Разставаясь съ нами, баронъ фонъ-Кельсъ сообщилъ мнѣ, что наши германскіе товарищи по постоянной международной комиссіи судоходныхъ конгрессовъ поручили ему привѣтствовать меня. Живо интересуясь моей судьбой и сожалѣя о причиненныхъ мнѣ обстоятельствами военнаго времени огорченіяхъ, они посѣтятъ меня лично.

До моего отъѣзда я никого не видѣлъ изъ этихъ лицъ и больше не видѣлъ и барона фонъ-Кельсъ, такъ какъ въ день, когда онъ пригласилъ насъ къ себѣ, я былъ нездоровъ и не могъ быть у него. Моя жена провела въ семьѣ барона послѣобѣденное время и вынесла самое отрадное впечатлѣніе изъ бесѣды съ этими культурными и доброжелательными людьми. Они много способствовали тому, что пребываніе среди враждебнаго населенія германской столицы безъ всякихъ вѣстей изъ Россіи, безъ видимаго просвѣта въ нашей участи, не вызвало приступовъ недовѣрія къ душевному благородству людей.

Подобное же положеніе занимаетъ въ нашихъ чувствахъ и г. Левальдъ, директоръ въ имперскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, который принялъ на себя по собственному почину активное выступленіе съ цѣлью нашего отпуска изъ Германіи. Это случилось совершенно неожиданно для меня. По моемъ возвращеніи изъ тюрьмы, откуда я ему писалъ, я узналъ, что онъ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ моей просьбѣ оказать содѣйствіе моей семьѣ. Онъ написалъ моей женѣ письмо, въ которомъ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ обѣщалъ ей всякую помощь. На случай надобности въ деньгахъ онъ предлагалъ ей открыть кредитъ въ банкѣ. Вообще г. Левальдъ проявилъ много отзывчивости и истиннаго джентельменства по отношенію къ моей семьѣ во время моего вынужденнаго отсутствія.

Я благодарилъ его письмомъ, предоставляя будущему выяснить, когда мое появленіе въ его служебномъ кабинетѣ не будетъ сопряжено съ тѣми неудобствами, о которыхъ я говорилъ раньше. Но г. Левальдъ самъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу.

— Васъ желаетъ видѣть секретарь изъ комитета для помощи русскимъ, сказалъ швейцаръ нашей гостиницы, входя, послѣ предварительнаго стука въ дверь, въ нашу комнату. Можете ли вы его принять?

Чрезъ минуту къ намъ вошелъ изящно одѣтый молодой человѣкъ.

— Я, сказалъ онъ, и пришелъ къ вамъ по порученію предсѣдателя комитета для помощи русскимъ. Графъ Эгнатіевъ былъ у г. Левальда. Г. Левальдъ ему сказалъ, что вы были арестованы, а ваша семья оставалась здѣсь, и просилъ его помочь ей въ отъѣздѣ на родину.

Все это было мало понятно, несмотря на дальнѣйшія объясненія любезнаго секретаря. Русскія фамиліи давались ему съ трудомъ и мифическій графъ Эгнатіевъ сбивалъ насъ съ толку. Секретарь приглашалъ меня о дальнѣйшемъ переговорить съ этимъ невѣдомымъ господиномъ и далъ мнѣ его адресъ въ одной изъ большихъ гостиницъ Шарлоттенбурга, написавъ

крупнымъ почеркомъ на данномъ мной ему листкѣ бумаги мнѣ для памяти „Egnatieff".

Въ то время, когда я раздумывалъ о странномъ комитетѣ для помощи русскимъ, во главѣ котораго стоитъ невѣроятный графъ Эгнатіевъ и исправлялъ эту фамилію въ Игнатьевъ, что конечно мало подвигало меня впередъ въ пониманіи происхожденія этого новаго комитета и его роли, меня позвали къ телефону.

— Я Игнатьевъ (такъ мнѣ послышалось подъ впечатлѣніемъ предшествовавшаго). Я посылалъ сейчасъ къ вамъ моего секретаря, чтобы узнать, что съ вами. Я товарищъ вашего мужа. Г. Левальдъ, у котораго я былъ сегодня, сказалъ мнѣ, что вашъ мужъ арестованъ. Я ставлю себя въ ваше распоряженіе, чтобы вамъ помочь уѣхать въ Россію. Я организую особый экстренный поѣздъ для отъѣзда русскихъ. Онъ уйдетъ на-дняхъ. Затѣмъ будутъ еще другіе поѣзда. Но я васъ записалъ въ первый поѣздъ, въ которомъ я поѣду самъ съ женой. Она больна и лечилась въ Берлинѣ. Здѣсь ее захватила война. Я пріѣхалъ за ней изъ Петрограда и не могъ уже уѣхать. Я былъ вездѣ, гдѣ нужно, и г. Левальдъ обѣщалъ выхлопотать разрѣшеніе мнѣ на особый поѣздъ. Испанскій посолъ, у котораго я также былъ, обѣщалъ мнѣ денежную помощь для нуждающихся русскихъ. Я здѣсь нашелъ множество голодающихъ русскихъ учительницъ и мы имъ уже помогли. За черный хлѣбъ, которымъ онѣ только и питались, онѣ задолжали 300 марокъ...

Мои попытки прервать эту быструю нѣмецкую рѣчь, обращенную къ моей женѣ, которая въ это время сидѣла наверху въ своей комнатѣ, не сразу увѣнчались успѣхомъ.

— Ахъ, это вы, Всеволодъ Евгеніевичъ, а я думалъ, что вы еще въ тюрьмѣ и хотѣлъ переговорить съ вашей женой.

Я зналъ нѣсколькихъ графовъ Игнатьевыхъ и ни одинъ изъ нихъ не былъ моимъ товарищемъ. Кто говорилъ со мной, становилось все менѣе и менѣе яснымъ, но это былъ нѣкто, меня знавшій лично и весьма дружелюбно желавшій намъ помочь уѣхать, слѣдуя совѣтамъ и указаніямъ г. Левальда. Мы уговорились встрѣтиться въ его гостиницѣ въ тотъ же день.

Недоразумѣніе тянулось вплоть до той минуты, когда онъ открылъ мнѣ дверь своей комнаты. Предо мной стоялъ инженеръ путей сообщенія Е—въ (нынѣ покойный), энергичный, съ блестящими глазами, мой многолѣтній знакомый, хорошо извѣстный Петрограду по его проекту перепланировки столицы. Интересная внѣшность, властныя манеры и крупныя траты въ гостиницѣ, повидимому, возвысили его въ глазахъ окружавшихъ его нѣмцевъ до графскаго достоинства, о чемъ онъ, впрочемъ, самъ и не подозрѣвалъ.

Его кипучая натура не позволяла ему сидѣть въ Берлинѣ въ бездѣйствіи и онъ взялся за хлопоты объ отъѣздѣ. Его идея заключалась въ томъ, чтобы нанять экстренный поѣздъ до Засспица и далѣе до Стокгольма и наполнить его русскими, которые могли бы получить разрѣшеніе на отъѣздъ изъ Берлина. Поѣздъ долженъ былъ стоить 16.000 марокъ и могъ бы взять 800 человѣкъ, что составляло 200 марокъ на человѣка. Эту идею Е. и пытался осуществить.

О поѣздѣ онъ велъ переговоры. Для его контингента онъ составлялъ списки при участіи своихъ знакомыхъ и членовъ комитета для помощи

русскимъ. Его затѣя стала вскорѣ извѣстной во всѣхъ углахъ Берлина и гостиницу Кумберландъ подвергли осадѣ желающіе уѣхать съ этимъ поѣздомъ. Образовалось цѣлое бюро для записи кандидатовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Е. былъ самой популярной фигурой среди страждущихъ русскихъ въ Берлинѣ.

— Вы хотите уѣхать въ Россію? Теперь это очень легко. Обратитесь къ г. Е. въ отель Кумберландъ! говорили другъ другу знакомые и незнакомые, толпясь въ Регентенштрассе предъ закрытыми воротами испанскаго посольства.

И многіе спѣшили въ отель Кумберландъ, гдѣ Е. давно уже приказалъ никого не принимать и гдѣ стоялъ хвостъ для записи предъ импровизированнымъ бюро по отъѣзду. А въ номерѣ Е. происходили совѣщанія русскихъ членовъ берлинскаго комитета для помощи русскимъ. Здѣсь можно было видѣть профессора К. и другихъ.

Затѣя Е. не удалась. Особаго поѣзда ему не дали. Составленные имъ списки лицъ для полученія отпускныхъ и проѣздныхъ билетовъ движенія не получили. Организація отъѣзда русскихъ подданныхъ перешла всецѣло въ руки еврейскаго союза взаимопомощи, который направилъ ее по совсѣмъ инымъ путямъ.

Тѣмъ не менѣе Е. удалось уѣхать самому въ первомъ же поѣздѣ, отходившемъ изъ Берлина съ русскими подданными, и увезти съ собой десятка два своихъ знакомыхъ и родственниковъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петроградѣ а также всѣхъ русскихъ членовъ берлинскаго комитета для помощи русскимъ.

Сотни людей, возложившихъ свои надежды на Е. и занесшихъ свое имя въ его списки, остались не причемъ и его престижъ въ ихъ глазахъ чрезвычайно палъ. Бродя по Берлину, и не зная, что предпринять, они посылали по его адресу громкіе упреки, обвиняя его въ томъ, что все дѣло съ отъѣздомъ русскихъ было затѣяно только въ собственныхъ интересахъ, чтобы. прикрываясь флагомъ общественной пользы, обезпечить себѣ и своимъ, быстрый и удобный отъѣздъ.

Я бы не написалъ этихъ строкъ, если бы сколько-нибудь раздѣлялъ приведенныя мнѣнія. Напротивъ, я думаю, что агитація Е. принесла свою долю пользы всѣмъ русскимъ, ускоривъ рѣшеніе вопроса объ ихъ отъѣздѣ. Но иниціатива была вырвана изъ рукъ Е. могущественнымъ еврейскимъ союзомъ, и онъ тогда естественно могъ обратиться къ заботамъ о себѣ и своихъ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ была тяжело больная жена.

Скорѣе могли бы заслуживать упрека другіе русскіе члены русскаго комитета въ бѣгствѣ съ своихъ постовъ съ первымъ отходящимъ поѣздомъ и, въ особенности, лица съ крупнымъ общественнымъ положеніемъ въ Россіи. Это общественное положеніе въ Россіи обязывало ихъ довести до конца принятое на себя дѣло охраны интересовъ русскихъ гражданъ среди разъяренной нѣмецкой стихіи.

Мнѣ предположенія Е. сразу показались мало осуществимыми и, хотя онъ обѣщалъ, что для меня и моей семьи будутъ отведены одни изъ самыхъ первыхъ мѣстъ, но надежды на отъѣздъ при его посредствѣ у меня было мало. Поэтому, когда я узналъ, что Е. уѣхалъ изъ Берлина, а

сотни лицъ его списка, въ томъ числѣ и я съ семьей, остались, меня не постигло никакое разочарованіе.

Весь инцидентъ съ Е. имѣлъ, притомъ, ту хорошую сторону, что онъ открывалъ мнѣ пути для непосредственныхъ сношеній съ г. Левальдомъ по вопросу объ отъѣздѣ въ Россію и показывалъ все значеніе этого лица въ благопріятномъ разрѣшеніи такого важнаго вопроса.

Становилось яснымъ, что г. Левальдъ не только не видитъ препятствій къ моему оставленію Берлина, но охотно готовъ мнѣ помочь и воспользовался для этого первымъ же случаемъ. Съ другой стороны оказывалось, что дѣла объ отъѣздѣ русскихъ подданныхъ ведутся именно въ томъ учрежденіи, гдѣ столь высокій постъ занимаетъ г. Левальдъ. Эти обстоятельства, конечно, стали бы мнѣ извѣстными во всякомъ случаѣ, но посѣщенія Е. имперскаго министерства внутреннихъ дѣлъ и всѣ послѣдующія его дѣйствія ускорили ходъ событій. За это я былъ ему очень признателенъ.

Моя встрѣча съ г. Левальдомъ произошла въ его служебномъ кабинетѣ на Вильгельмштрассе въ назначенный имъ часъ. Онъ быстро поднялся ко мнѣ съ своего кресла и протягивая руку, сказалъ по-французски:

— Я очень радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ, послѣ всего, что съ вами случилось со времени нашей недавней встрѣчи въ Парижѣ на международной конференціи по шоссейно-дорожнымъ конгрессамъ. Кто могъ предвидѣть тогда, когда мы такъ мирно бесѣдовали среди русскихъ, англійскихъ, французскихъ, бельгійскихъ, германскихъ и австрійскихъ дѣятелей, что намъ грозитъ такъ скоро война. Вы знаете, я получилъ фотографическій снимокъ нашей группы, какъ разъ въ день объявленія войны.

И онъ подошелъ къ шкапу, чтобы достать оттуда большую фотографію, на которой были представлены собравшіеся въ маѣ 1914 года въ Парижѣ члены постоянной комиссіи международныхъ шоссейно-дорожныхъ конгрессовъ. Мы стали ее разсматривать вмѣстѣ.

— Снимокъ не очень хорошъ, но всѣхъ легко узнать, продолжалъ г. Левальдъ. Все это люди, мирная работа которыхъ прервалась такъ неожиданно, такъ ужасно! Сколько жертвъ уже со всѣхъ сторонъ! У одного изъ нашихъ министровъ убиты сыновья. Сколько раненыхъ! Сколько страдаетъ людей, не принадлежащихъ къ военнымъ! Да вотъ и вамъ пришлось перенести немало. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что съ вами обращались корректно.

Я сообщилъ о моихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ полицейскаго президіума и тюрьмы, отдавая дань справедливости вполнѣ корректному отношенію военныхъ властей.

— Въ первые дни, конечно, были ненормальныя отношенія, но я очень радъ, что вы удостовѣряете вполнѣ корректное отношеніе къ вамъ военныхъ властей. Когда я узналъ о вашемъ арестѣ, я сейчасъ же принялъ всѣ мѣры, чтобы содѣйствовать вашему освобожденію. Я счастливъ, что это удалось. Мнѣ также хотѣлось помочь вамъ уѣхать въ Россію, но этого сразу нельзя было сдѣлать. Это очень сложный и общій вопросъ. Русскихъ въ Германіи нѣсколько сотъ тысячъ. Они находятся въ разныхъ государствахъ германскаго союза. Нужно было, съ одной стороны, установить общія мѣры для всѣхъ государствъ германскаго союза, а съ другой

войти въ соглашеніе съ Россіей на началахъ взаимности. И то и другое— требовало времени, тѣмъ болѣе, что соглашеніе съ Россіей могло быть установлено лишь при посредствѣ испанскаго и американскаго правительствъ. У насъ долго работала особая комиссія. Теперь, какъ вы знаете, дѣло налажено и уже нѣсколько поѣздовъ съ русскими ушли изъ Берлина.

— Да, мнѣ извѣстна дѣйствующая организація, но она для многихъ почти недоступна. Я знаю рядъ случаевъ, когда даже получившіе разрѣшеніе не могли уѣхать.

— Несомнѣнно. Это, впрочемъ, прямое слѣдствіе огромнаго числа вашихъ соотечественниковъ, скопившихся въ Берлинѣ. Кромѣ того, отъѣздъ съ спеціальными поѣздами сопряженъ съ весьма большими неудобствами. Они переполнены и идутъ очень медленно. Мнѣ хотѣлось бы доставить вамъ съ женой и сыномъ возможность уѣхать съ обыкновеннымъ пассажирскимъ поѣздомъ, не спеціально „русскимъ". Вы доѣдете скорѣе и удобнѣе.

Я благодарилъ за такое вниманіе и заботливость и объяснилъ, что мнѣ было бы трудно поставить себя въ столь исключительно благопріятныя условія, такъ какъ здѣсь въ Берлинѣ есть еще отецъ и сестра моей жены, а также одинъ знакомый профессоръ съ сыномъ, дѣлившіе съ нами тягости плѣна. Было бы съ моей стороны нехорошо оставить ихъ и уѣхать, тѣмъ болѣе, что у нихъ здѣсь нѣтъ людей, которые могли бы имъ помочь. Нельзя ли было бы поставить и ихъ въ одинаковыя условія со мной?

— Ваши чувства вполнѣ понятны,—сказалъ г. Левальдъ.—Но вы также понимаете, что то, что я хотѣлъ бы сдѣлать для васъ и вашей семьи, вытекаетъ изъ цѣлаго ряда очень серьозныхъ основаній, которыя не могутъ распространяться на другихъ лицъ.

— Я понимаю и цѣню въ высшей степени ваше отношеніе ко мнѣ,— сказалъ я, — но мнѣ было бы трудно воспользоваться льготами, которыхъ были бы лишены лица, названныя мною. Одинъ изъ нихъ уже очень немолодъ и не вполнѣ здоровъ, другой имѣетъ сына, котораго могутъ задержать здѣсь, какъ находящагося въ призывномъ возрастѣ.

— Позвольте, вѣдь это еще новое затрудненіе!

— Конечно, но этотъ молодой человѣкъ признанъ по освидѣтельствованіи здѣсь въ комиссіи изъ военныхъ врачей не годнымъ къ военной службѣ.

— Можетъ быть, въ комендатурѣ найдутъ возможнымъ его освободить,—сказалъ г. Левальдъ,—это дѣло исключительно военныхъ властей,—и онъ нѣсколько задумался, послѣ чего продолжалъ:

— Хорошо! Ради васъ я сдѣлаю такъ. Я сообщу всѣ эти обстоятельства въ комендатуру къ регирунгсекретарю фонъ-Монбару, который представляетъ тамъ наше имперское вѣдомство и буду просить его содѣйствовать отъѣзду вашему, вашей семьи и вашихъ друзей. Я надѣюсь, что онъ это устроитъ. Вы только пришлите мнѣ точный перечень именъ и званій всѣхъ лицъ, о которыхъ вы просите.

Я обѣщалъ сдѣлать это немедленно и, поговоривъ еще о разныхъ обстоятельствахъ, выдвинутыхъ войной, мы разстались.

Чрезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось еще разъ быть у г. Левальда, чтобы взять рекомендательное письмо въ комендатуру и выяснить нѣкоторыя условія моего отъѣзда. Онъ былъ также внимателенъ. Прощаясь съ

нимъ, я уносилъ отрадное впечатлѣніе о высокопоставленномъ правительственномъ чиновникѣ, который въ трудное время величайшихъ международныхъ осложненій не только сохранилъ безукоризненное джентльменское отношеніе къ представителю враждебной націи, но даже проявилъ много простой, безыскусственной доброты и истинной человѣчности.

Съ рекомендательнымъ письмомъ въ ставшую совсѣмъ недоступной для огромнаго большинства русскихъ комендантуру въ карманѣ, письмомъ, гдѣ говорилось не только о моей семьѣ, но п о четырехъ лицахъ, которыхъ я не хотѣлъ оставлять въ Берлинѣ, — я почувствовалъ себя сразу болѣе свободнымъ. До отъѣзда еще надо было сдѣлать многое, разныя препятствія могли возникнуть въ каждое мгновеніе, но замкнутый кругъ, въ которомъ я находился и метался нѣсколько недѣль изо дня въ день, сталъ какъ будто разрываться.

Когда я пришелъ къ комендантурѣ, ея парадный входъ былъ совсѣмъ закрытъ, а задній входъ охранялъ нарядъ полиціи съ комиссаромъ во главѣ. Длинный хвостъ русскихъ, получившихъ при посредствѣ еврейскаго союза приглашеніе явиться за желѣзнодорожными билетами, тянулся по узкому переулку. Вокругъ стояли группы русскихъ, еще не имѣющихъ приглашеній. Они пришли за свѣдѣніями и справками. Но ихъ въ комендантуру не пускали. Въ толпѣ сновали какіе то субъекты подозрительнаго вида и вели таинственные переговоры о доставкѣ билетовъ.

— Есть ли у васъ номеръ?—спросилъ меня городовой при попыткѣ войти въ ворота.

— Нѣтъ.

— Тогда вы не можете войти.

— Но у меня есть письмо къ г. фонъ Монбару.

— Это другое дѣло. Покажите письмо.

Я показалъ.

— Что же можно войти?

— Нѣтъ. Дайте письмо и вашу карточку, я отнесу въ комендантуру, а вы подождите.

Черезъ нѣсколько минутъ городовой вернулся съ преображеннымъ выраженіемъ лица и я былъ любезно впущенъ въ комендантуру. Мой спутникъ профессоръ И. остался дожидаться меня на улицѣ.

Я оказался въ маленькомѣ дворикѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ зданіями, а съ четвертой высокой стѣной. Во дворикъ выходило нѣсколько дверей. У порога одной изъ нихъ играли дѣти. Въ солнечномъ уголкѣ пріютилась кошка. Два-три полицейскихъ чина возились съ какой-то амуниціей. Было тихо.

Отъ всей этой скромной картины вѣяло стариной. Мысль уносила въ то далекое прошлое Пруссіи, когда она, при содѣйствіи нашего непредусмотрительнаго правительства стала вырабатывать свою военную мощь, столь неразрывно связанную съ германской культурой. Удивительное сочетаніе идилліи, науки и жестокости.

Русскіе съ номерами или другими талисманами продолжали проникать во дворикъ черезъ ворота, которыя регулярно захлопывались за каждымъ входящимъ. Дальше насъ не пускали, рекомендуя стоять въ очереди предъ дверью, ведущей во внутреннія помѣщенія. Стоять пришлось долго, пока

вошедшая ранѣе группа не кончила своихъ операцій и не была выпущена через парадный ходъ на площадь. Въ освобождающееся помѣщеніе бюро для иностранцевъ впускали постепенно публику со двора.

Всѣ эти движенія очень строго регулировались городовыми. Въ синихъ мундирахъ, толстые, съ выдающимися животами, они смотрѣли изъ-подъ своихъ касокъ бездушнымъ взглядомъ на волнующуюся массу русскихъ, отъ времени до времени подымая палецъ въ коричневой лайковой перчаткѣ, въ видѣ остерегающаго или удерживающаго жеста или произнося нѣсколько отрывочныхъ словъ.

— Ахъ, Боже мой, почему же онъ насъ не пускаетъ?—говорила дама съ невеликорусскимъ акцентомъ,—вѣдь мнѣ же нужно сегодня попасть на поѣздъ!

— Вы же понимаете, тамъ все полно,—объясняетъ ей сосѣдъ съ тѣми же оттѣнками рѣчи.

— Ну что значитъ полно? Онъ пустилъ только десять человѣкъ и это полно?

— А если тамъ больше нѣтъ мѣста?

— Ахъ, оставьте пожалуйста. Нѣтъ мѣста! Если для десяти есть мѣсто, такъ и для одиннадцатаго тоже есть мѣсто! И зачѣмъ же они тамъ такъ долго сидятъ?

— А вы думаете, что это такъ скоро дѣлается? Надо поставить визу на паспортъ для разрѣшенія отъѣзда, потомъ надо купить билетъ на желѣзную дорогу до Геффля или Стокгольма, потомъ надо купить билетъ на пароходъ...

— Развѣ билеты тоже тутъ продаютъ?

— Извѣстно! А вы не знали?

— Ахъ, Боже мой, я же не взяла съ собой деньги.—И встревоженная дама стремится выйти за ворота, что ей не сразу удается, такъ какъ это нарушаетъ установленный порядокъ—черезъ ворота только входятъ.

Наконецъ, мы внутри комендантуры. Узкая комнатка у подошвы лѣстницы, ведущей во второй этажъ, служитъ пріемной. Здѣсь толпятся вошедшіе, пока выясняется, что имъ дальше дѣлать.

Упитанный сержантъ въ парусиновыхъ штанахъ и сюртукѣ, съ суконной фуражкой на головѣ—рабочій костюмъ для внутренняго обихода—не знаетъ куда дѣваться отъ осаждающихъ его просителей. Они спрашиваютъ, куда итти и что предпринять. Онъ легко и свободно справляется съ тѣми, у кого есть уже предварительное согласіе комендантуры на отъѣздъ. Они отправляются наверхъ, гдѣ выдаются билеты. Болѣе безпокойства причиняютъ ему еще не получившіе разрѣшеній и проникшіе сюда по особымъ основаніямъ, чтобы его получить. У нихъ есть письма или карточки къ тѣмъ или инымъ чинамъ комендантуры.

Имъ рекомендуется подождать, пока соотвѣтствующее лицо освободится. Не многимъ удается присѣсть. Большинство жмется у стѣнъ или подъ лѣстницей, стараясь по возможности не мѣшать движенію, что становится все труднѣе. Толпа густѣетъ.

Появляются двѣ дюжія нѣмки съ огромными подносами, уставленными кофейными чашками. Это часъ вечерняго кофе и служащимъ приносятъ ихъ порціи изъ сосѣдняго кафе. Сержантъ отвлекается отъ своихъ обязанностей

видомъ пышныхъ дѣвицъ и вступаетъ съ ними въ бесѣду. Подносы ставятся на полъ и непринужденный разговоръ льется среди нервничающихъ русскихъ.

Къ сержанту подходитъ какая-то блѣдная дама и начинаетъ его въ чемъ-то убѣждать.

— Но я говорю вамъ, что это нельзя.

Дама настаиваетъ. Раздаются глухія рыданія.

— Чего же вы плачете? Это не поможетъ. Слезы не помогаютъ.

Сержанту эта сцена, видимо, не нравится и онъ уходитъ въ другую комнату, но дама слѣдуетъ за нимъ и рыданія доносятся уже оттуда.

Регирунгссекретарь фонъ-Монбаръ принялъ меня при первой возможности съ отмѣннымъ вниманіемъ и любезностью. Какъ-то не вѣрилось, что я нахожусь въ томъ самомъ учрежденіи, при участіи котораго еще такъ недавно я усердно содержался въ одиночной камерѣ военнаго арестнаго дома. Со мной говорили съ самой изысканной вѣжливостью, я сидѣлъ, меня слушали. Всѣ мои просьбы встрѣчали сочувственное отношеніе.

— Когда вы желаете ѣхать? Послѣ завтра? Прекрасно. Позвольте мнѣ всѣ ваши паспорты и я все устрою,—говорилъ г. фонъ-Монбаръ съ большой живостью.—Вы говорите о сынѣ профессора И. Я знаю объ этомъ. Мнѣ сообщилъ г. Левальдъ. Но вѣдь этотъ молодой человѣкъ боленъ и не годенъ для службы. Неправда ли? Вѣдь вы писали, что онъ былъ освидѣтельствованъ даже нашимъ военнымъ врачемъ. Не такъ ли? У васъ имѣется свидѣтельство врача?

Я едва успѣвалъ отвѣчать на всѣ вопросы и объяснилъ, что свидѣтельства врача у меня нѣтъ, но оно есть у профессора И., который остался за воротами комендантуры, такъ какъ его не впустили.

— Онъ тамъ? Я его позову.—И любезный фонъ-Монбаръ самъ отправился чрезъ дворъ искать за воротами профессора И. Я, конечно, послѣдовалъ за нимъ. Городовые разступились предъ такимъ невиданнымъ еще зрѣлищемъ важнаго чиновника, выходящаго безъ шапки въ сопровожденіи русскаго чрезъ ворота на улицу, чтобы найти кого-то тамъ оставшагося.

Профессоръ И. былъ найденъ, проведенъ чрезъ всѣ охранныя цѣпи въ комендантуру и въ нѣсколько секундъ на предъявленномъ имъ удостовѣреніи врача стояла надпись, разрѣшавшая его сыну уѣхать въ Россію. Дѣло, казавшееся почти безнадежнымъ, получило неожиданно быстрый и благополучный исходъ.

Дальнѣйшія дѣйствія шли въ томъ же быстромъ темпѣ.

На слѣдующій день на всѣхъ паспортахъ моей семьи и лицъ, о которыхъ я просилъ, стояла надпись:

„Ueber Sassnitz—Trelleborg. Die Abreise von Berlin nach Schweden wird genemigt mit allen fahrplanmässigen Zügen.

Königliche Kommandantur der Residenz Berlin. Berlin den 16.9 1914 von Monbart. (Печать: K. Preussische Kommandantur von Berlin)“.

Паспорты принесъ намъ сержантъ и, не отдавая ихъ намъ, пригласилъ насъ въ верхній этажъ комендантуры, гдѣ, по его словамъ, помѣщалось „рейзебюро“. Мы оказываемся въ большомъ залѣ. За длинными столами сидятъ нѣсколько молодыхъ людей и дѣвицъ. Они задаютъ вопросы отъѣзжающимъ русскимъ,

пишутъ, получаютъ деньги. Предъ столами стоитъ порядочная толпа. Говорятъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ по-нѣмецки и по-русски. Шумно. Сержантъ сдаетъ наши паспорты одному изъ молодыхъ людей.

— Куда вы хотите ѣхать?—говоритъ послѣдній.

— Въ Россію чрезъ Евле или Стокгольмъ.

— Конечно, во второмъ классѣ? За каждый билетъ уплатите до Евле или Стокгольма по 160 марокъ?

— Позвольте, но вѣдь билетъ стоитъ только 49 марокъ. Почему же мы должны платить по 160 марокъ?

— Билетъ стоитъ 49 марокъ для обыкновенныхъ путешественниковъ, а для русскихъ комитетъ по оказанію помощи установилъ плату въ 160 марокъ. Излишекъ идетъ на цѣли благотворительности для тѣхъ, кто не можетъ оплатить своего путешествія.

Мы, очевидно, во власти союза. Забравшись въ комендантуру, онъ въ данную минуту держалъ въ рукахъ нашу судьбу. Можно было бы попробовать, конечно, не согласиться, но успѣхъ увѣнчаетъ ли наше дѣло? Притомъ намъ было оказано совсѣмъ исключительное вниманіе со стороны высшихъ гражданскихъ и военныхъ властей. Намъ предоставлено ѣхать не съ „русскими“ поѣздами, а съ „нѣмецкими“, ходящими по расписанію! И при какихъ исключительныхъ условіяхъ! Noblesse oblige. Нельзя создавать исторіи. Нельзя возражать и противъ идеи помощи соотечественникамъ...

Непріятна форма, въ которой отъ насъ требуютъ эту помощь, въ тотъ моментъ, когда мы собираемся сѣсть въ поѣздъ. Чудовищенъ размѣръ благотворительнаго налога, превосходящаго на 225% стоимость проѣзда. Неясна судьба собранныхъ такимъ путемъ средствъ. Но все же въ виду имѣются хорошія цѣли.

Такія соображенія быстро мелькаютъ въ головѣ, не особенно задерживаясь, такъ какъ надо спѣшить принять рѣшеніе, чтобы какъ-нибудь не затруднить свой отъѣздъ. На помощь приходитъ обстоятельство болѣе важное, чѣмъ всѣ предшествующія мысли. У насъ нѣтъ столько денегъ, сколько нужно для уплаты за II классъ по такому тарифу.

— А сколько стоитъ билетъ III класса?—спрашиваемъ мы.

— Сорокъ марокъ.

Это всего на 3 марки выше нормальнаго тарифа и по нашимъ средствамъ, оскудѣвшимъ въ Берлинѣ, за неприсылкой денегъ изъ Россіи и невыдачей изъ банковъ суммъ въ желаемомъ размѣрѣ.

Мы платимъ и на нашихъ паспортахъ появляется новый штемпель: „1 Fahrkarte III Klasse nach Gäffle bezahlt. Heimann Kassierer“.

— А билеты?

— Вы ихъ получите въ другой комнатѣ въ „рейзебюро“. Это бюро оказывается, дѣйствительно, отвѣчающимъ своему названію. Намъ, однако, не выдаютъ въ немъ билетовъ на руки, а при помощи огромной переплетной машины прикрѣпляютъ ихъ шпильками къ каждому паспорту.

Наши паспорта пріобрѣтаютъ весьма странный видъ. Они вздуваются отъ билетныхъ книжекъ и пестрятъ своими штемпелями. Кромѣ всѣхъ уже названныхъ мы, на всякій случай, заблаговременно визировали ихъ еще у шведскаго консула и возлѣ эффектной шведской печати съ надписью: „Kungl. Svenska Konsulatet i Berlin“ растянулась изящная виза:

„Uppvisadt för resa tille Sverige. Kungl. Svenska Konsulatet i Berlin den 12 September 1914 (подпись) Konsul. № 621 M. 4.50“.

Эта простая надпись стоила каждому по 4 марки 50 пфенниговъ.

Мы собираемся уходить, но выдавшій намъ билеты агентъ говоритъ:

— Постойте, куда же вы?

— Что еще?

— Я забылъ вамъ сказать, чтобы вы зашли въ сѣверное „рейзебюро“ на Унтеръ-денъ-Линденъ и предъявили тамъ ваши паспорта и билеты, чтобы вамъ оставили мѣста въ поѣздѣ. Иначе у васъ не будетъ мѣста и вы не уѣдете.

Пришлось побывать и въ этомъ третьемъ „рейзебюро“...

Когда мы оставляли комендантуру намъ было предоставлено взять съ собой великолѣпно иллюстрированную брошюру на польскомъ языкѣ, въ которой поляки Россіи приглашались стать на сторону Германіи. Кучи этихъ брошюръ лежали на столѣ у выхода. Какъ мнѣ говорили, по поводу такой агитаціи въ центрѣ военнаго управленія Берлина кѣмъ-то изъ представителей германской власти былъ заявленъ протестъ, но безъ послѣдствій. Брошюры продолжали предлагать. А можетъ быть протеста и не было.

На первой страницѣ обложки агитаціонной брошюры красовалась нововявленная троица изъ императора Вильгельма, Ченстоховской иконы Божьей Матери и папы Льва XIII, предъ которой на колѣняхъ стояли поляки и польки. Внутри среди текста было нѣсколько картинъ, въ самомъ извращенномъ видѣ изображающихъ отношеніе русскихъ къ полякамъ, истинными защитниками которыхъ, будто бы вездѣ являются пруссаки. Впечатлѣніе отъ этой лжи и способа ея распространенія получилось скверное.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокі
Ложился день на темный долъ,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный путникъ шелъ.
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали русскіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

Пушкинъ.

ГЛАВА XIV.

На родину кружнымъ путемъ.

Отъѣздъ изъ Берлина. — Штральзундъ. — Зассницъ. — На паромѣ между Германіей и Швеціей.—Треллеборгъ.—Мальмё.—Первая ласка.—Оваціи и слезы. — Евле. — Подъ угрозой германскаго нападенія.—Раумо.—По Финляндіи.—Петроградъ.

Въ день отъѣзда 18 сентября, столь долго и нетерпѣливо жданный, я и моя семья встали въ $3^1/_2$ часа утра, хотя поѣздъ уходилъ въ $7^1/_2$. Въ такомъ раннемъ пробужденіи не было никакой надобности, но нетерпѣніе уѣхать и опасеніе, какъ бы не задержаться, мѣшали спать.

Всѣ расчеты съ хозяйкой пансіона были покончены еще наканунѣ. При этомъ съ обѣихъ сторонъ были сказаны слова, выражавшія надежду на встрѣчу при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Хозяйка настаивала на томъ, чтобы я ей не платилъ, если мы не имѣемъ для дороги достаточно денегъ.

— Вы мнѣ пришлете потомъ, когда вамъ будетъ удобно. Я могу ждать. Я дома. А вы ѣдете такимъ кружнымъ путемъ. Мало ли что можетъ случиться! Вы можете ошибиться въ вашихъ расчетахъ. Деньги могутъ вамъ понадобиться.

Я благодарилъ и настоялъ на полной оплатѣ нашего счета. Мы просили хозяйку также не безпокоиться относительно утренняго завтрака, въ виду очень ранняго отъѣзда. Но она не хотѣла и слышать объ этомъ, и мы получили не только кофе, но еще пакетъ бутербродовъ на дорогу. Автомобиль былъ заказанъ заблаговременно и въ шесть часовъ утра уже ждалъ у нашихъ дверей.

Переѣздъ раннимъ утромъ черезъ Тиргартенъ къ Штеттинскому вокзалу былъ очень пріятенъ. Деревья стояли еще въ своемъ полномъ убранствѣ. Въ прогалинахъ аллей виднѣлись статуи и цвѣтники. Было пусто и тихо. Автомобиль несся беззвучно по асфальту.

На выѣздѣ изъ сада мы увидѣли дворецъ Belle Vue, гдѣ въ это время лежалъ раненый на войнѣ принцъ королевскаго дома Іоахимъ. Далѣе шелъ районъ Лертскаго вокзала съ его казармами, столь памятный мнѣ по пребыванію въ военной тюрьмѣ. Вотъ мелькнули силуэты домовъ и воздушныя вывѣски, которыя я видѣлъ тогда изъ тюремнаго коридора.

На Штеттинскій вокзалъ мы пріѣхали слишкомъ рано. До отхода поѣзда оставался еще часъ съ четвертью и публика не начинала собираться.

Мы ожидали, что при отъѣздѣ будетъ происходить досмотръ нашихъ вещей военными властями. Намъ говорили, что со стороны послѣднихъ принимаются мѣры, чтобы помѣшать увезти за границу какія бы то ни было свѣдѣнія относительно войскъ и войны, для чего всѣ рукописи, письма и бумаги отбираются.

Съ нами ничего подобнаго не было. Никто нашего багажа не смотрѣлъ— ни крупнаго, ни мелкаго, и все было водворено въ поѣздъ при самыхъ нормальныхъ условіяхъ.

Мы, впрочемъ, озаботились заранѣе, чтобы у насъ не было книгъ и бумагъ, могущихъ вызвать затрудненія. Ничего, относящагося къ войнѣ, у насъ, конечно, и не было, но всякая русская книга или бумага могла явиться поводомъ къ задержкѣ, пока ее стали бы разсматривать. Единственныя рукописи, которыя я взялъ съ собой, были два оффиціальные доклада, составленные мной за границей, по техническимъ вопросамъ, исключительно касавшимся Россіи. Они лежали въ моемъ карманѣ и я ихъ предъявилъ прибывшему къ отходу поѣзда состоящему въ распоряженіи Берлинской комендантуры О. П. Петерсону, о которомъ я упоминалъ въ предшествующей главѣ.

Мои рукописи онъ просмотрѣлъ, запечаталъ въ конвертъ и сдѣлалъ надпись: „Durchgesehen und nichts verdächtiges vorgefunden. O. Peterson, Mitarbeiter an der Kommandantur in Berlin. Bahnhofdienst. Den 18 September 1914“. Она должна была предохранить меня отъ захвата рукописей, если бы осмотръ вещей былъ произведенъ у насъ нѣмецкими властями гдѣнибудь въ пути.

При отъѣздѣ я видѣлъ, что многіе изъ пассажировъ благодарили О. П. Петерсона за оказанную имъ помощь и вниманіе.

Поѣздъ, на которомъ мы отправлялись, былъ нормальный, пассажирскій, а не спеціальный русскій. Пассажировъ въ немъ было мало; ѣхали нѣсколько шведовъ и около десятка русскихъ, получившихъ особое разрѣшеніе. Въ числѣ послѣднихъ была какая-то очень больная женщина, которая должна была уѣхать наканунѣ въ русскомъ поѣздѣ, но опоздала и потеряла эту возможность, добытую съ такимъ трудомъ. О. П. Петерсонъ получилъ для нея разрѣшеніе выѣхать въ нашемъ поѣздѣ и тѣмъ оказалъ ей большую услугу.

Когда поѣздъ двинулся, оставляя Берлинъ, всѣ оживились. Долго жданная минута отъѣзда наступила и стала реальнымъ фактомъ. Путы плѣна съ его мучительными униженіями падали и свобода приближалась. Но не только свобода, а возможность вернуться туда, куда звало искреннее и глубокое чувство, гдѣ долженъ быть каждый, когда родина переживаетъ дни опасности,—домой.

Тѣ, кто не былъ въ нашемъ положеніи, не могутъ себѣ представить, какое вліяніе оказалъ плѣнъ на всѣхъ, испившихъ его горькую чашу. Люди, жившіе до того времени среди удовольствій, развлеченій или повседневныхъ болѣе или менѣе эгоистичныхъ заботъ, никогда недумавшіе или мало думавшіе о таинственной связи, которая объединяетъ въ великое цѣлое сыновъ единой земли, вдругъ почувствовали эту связь. Полузабытое отечество стало

имъ близкимъ и дорогимъ. Изъ глубины души поднялась волна любви къ этой землѣ.

Мнѣ пришлось наблюдать проявленія этого чувства у русскихъ гражданъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, расы и воспитанія.

— И если бы вы знали, какіе теперь всѣ стали патріоты!—говорилъ мнѣ еврей изъ Варшавы.—Можетъ, кто прежде ругалъ Россію, ну, а теперь, всѣ какъ одинъ человѣкъ за нее.

Прибалтійскій нѣмецъ, повидимому, помѣщикъ, порядкомъ натерпѣвшійся во время плѣненія въ Германіи и воспылавшій непріязнью къ этой странѣ, которая, вѣроятно, въ теченіе всей его жизни казалась ему идеальной, кричалъ:

— Боже мой! Когда же мы пріѣдемъ въ Россію! Нѣмцы — скверный народъ. Только въ Россіи можно жить хорошо!

Поѣздъ несся съ обычной быстротой чрезъ ближайшія окрестности города. Кое-гдѣ въ окнахъ домовъ или по сторонамъ дороги мелькали фигуры женщинъ и дѣтей, традиціонно махавшихъ платками проѣзжающимъ путешественникамъ, не подозрѣвая, конечно, кого они привѣтствуютъ. Вниманіе ѣдущихъ привлекали мощныя пересѣченія нѣсколькихъ рельсовыхъ линій, проходящихъ въ одномъ пунктѣ въ три яруса одна надъ другой и завязывающихся возлѣ Берлина въ очень сложный и тщательно разработанный желѣзнодорожный узелъ.

Теперь всѣ эти дороги, обыкновенно столь оживленныя, были пусты. На всемъ пути до Штральзунда мы не встрѣтили ни одного поѣзда.

Только въ Штральзундѣ на вокзалѣ стоялъ воинскій поѣздъ съ чинами ландштурма, молодыми, безусыми, почти дѣтьми. Они здѣсь, повидимому, начинали свое путешествіе, которое вело многихъ къ скорой смерти. Среди нихъ не было замѣтно ни особаго оживленія, ни угнетеннаго состоянія. Всѣ ѣхали съ спокойнымъ и дѣловитымъ видомъ.

Въ Штральзундѣ нашъ поѣздъ имѣлъ продолжительную остановку, которую мы хотѣли использовать для прогулки по городу, но благоразуміе подсказало, что лучше не рисковать войти въ соприкосновеніе съ мѣстной публикой или полиціей и терпѣливо просидѣть на вокзалѣ. Ожиданіе это было использовано для обѣда, при чемъ я убѣдился, что требованіе о прекращеніи продажи спиртныхъ напитковъ на вокзалахъ Германіи во время войны исполняется.

Штральзундъ лежитъ на берегу пролива, отдѣляющаго материкъ отъ острова Рюгена. Чрезъ проливъ вагоны перевозятся на паромахъ небольшихъ размѣровъ. Для нашего поѣзда ихъ потребовалось три. На другомъ берегу въ Альтефэрѣ части поѣзда соединились вмѣстѣ и мы понеслись чрезъ поля Рюгена.

Для русскихъ прежняго времени этотъ островъ связанъ съ воспоминаніями о ихъ молодости, когда они увлекались чтеніемъ романа Шпильгагена „О чемъ щебетала ласточка". Дѣйствіе романа происходитъ здѣсь. Мое воображеніе рисовало мнѣ иначе природу этого острова нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда я читалъ Шпильгагена. Можетъ быть, она и сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ подъ вліяніемъ сельскохозяйственной дѣятельности островитянъ, которая сильно развита. Мы видѣли много хлѣба на гумнахъ, молотилки, вспаханныя поля, фермы. Островъ имѣетъ собственную сѣть узкоколейныхъ дорогъ.

Для нынѣшнихъ русскихъ Рюгенъ соединенъ съ мрачными мыслями о германскомъ плѣнѣ. Онъ служилъ, повидимому, сборнымъ пунктомъ, куда русскіе свозились для „храненія" изъ разныхъ мѣстъ. Ихъ собралось тутъ, какъ мнѣ сообщали, до 20 тысячъ. Главнымъ мѣстомъ, гдѣ они жили, былъ городъ Засcницъ на берегу моря. Здѣсь, говорятъ, ихъ подвергали серіознымъ непріятностямъ, не дѣлая снисхожденія ни для возраста, ни для пола.

Воспоминанія о пребываніи на Рюгенѣ у всѣхъ русскихъ, съ которыми приходилось бесѣдовать, очень непріятны. Въ то время, какъ изъ другихъ мѣстностей Германіи и особенно изъ Берлина, уже стали выпускать русскихъ и поѣзда везли ихъ въ Засcницъ, чтобы тутъ передать на паромы, поддерживающіе сообщеніе со Швеціей, рюгенскіе русскіе все еще удерживались въ плѣну и ко всѣмъ ихъ страданіямъ прибавлялось еще одно—издали видѣть текущій на родину потокъ соотечественниковъ, къ которому имъ не позволяли примкнуть.

Насъ въ Засcницѣ встрѣтилъ сильный штормъ. Шелъ густой дождь. Вѣтеръ завывалъ вокругъ вокзала, вырывая зонтики и слѣпя дождемъ глаза. Отъ вокзала до парома стояли огромныя грязныя лужи, а предъ входомъ на предназначенный для насъ шведскій паромъ было цѣлое озеро жидкой грязи. Переправлялись кто какъ могъ.

Маленькій полотняный навѣсъ изображалъ шведскую таможню. На низкихъ лавкахъ въ ужасной тѣснотѣ досматривался ручной багажъ. Затѣмъ, пассажиры ныряли въ темную внутренность парома. Здѣсь на одномъ рельсовомъ пути стояли вагоны. Другой былъ пустъ. Шли, спотыкаясь о рельсы и скользя по грязи.

Паромъ, гигантское судно въ тысячи тоннъ водоизмѣщенія, оказался совершенно переполненнымъ народомъ. Все это были русскіе. Они выѣхали изъ Берлина наканунѣ вечеромъ съ спеціальнымъ русскимъ поѣздомъ и пріѣхали сюда за нѣсколько часовъ до насъ. Ихъ долго держали подъ дождемъ прежде чѣмъ впустить на паромъ. Большинство были совершенно измучены. Они сидѣли на полу, на лѣстницахъ, въ коридорахъ среди груды домашнихъ вещей. Всѣ каюты парохода были переполнены.

Различіе между классами исчезло. Пассажирамъ I класса пришлось помѣститься въ какомъ-то темномъ углу вагонной палубы. Намъ новоприбывшимъ не нашлось иного мѣста, кромѣ коридора. На верхней открытой палубѣ хлесталъ дождь, а рѣзкій вѣтеръ все усиливалъ свои порывы. На морѣ ходили крупныя волны и какъ только паромъ вышелъ изъ-за прикрытія порта, началась качка.

Паромъ быстро шелъ мимо высокихъ мѣловыхъ береговъ Рюгена. Сквозь прорывы тучъ по нимъ скользили яркіе лучи заката и зелень лѣсовъ рѣзко выступала красивой бахромой на гребняхъ обрывовъ и сѣромъ фонѣ неба.

Немногіе пассажиры остались, однако, любоваться этой картиной. Утомленные, нервные, непривычные къ морю, они легко поддавались болѣзни. Особенно плохо приходилось тѣмъ, кто не имѣлъ на чемъ прилечь, а такихъ было много. Неслись крики, стоны и другіе звуки, способствовавшіе быстрому распространенію болѣзни и среди относительно здоровыхъ пассажировъ.

На кормѣ парома развѣвался двухцвѣтный шведскій флагъ. Нѣмецкая земля все болѣе уходила вдаль и, казалось, съ ней вмѣстѣ сдвигалась съ

души какая-то тяжесть. Наступилъ долго жданный моментъ, когда между мной и руками, явной и тайной, берлинской и всегерманской полиціи поднялась преграда, за которую онѣ уже не смѣли протянуться. Ощущеніе было настолько необычно послѣ пережитого, что казалось обманомъ чувствъ. Сомнѣнія возникали невольно: нѣтъ ли еще германскихъ агентовъ на паромѣ? Не могутъ ли они еще задержать насъ и вернуть обратно и, во всякомъ случаѣ, затруднить нашъ дальнѣйшій проѣздъ по Швеціи?

Ночь быстро надвигалась среди дождя и вѣтра. Обширная нижняя палуба парома, заставленная отчасти товарными и багажными вагонами, представлялась гигантскимъ темнымъ сараемъ, гдѣ валялись больные, а здоровые толпились вокругъ кассира, продававшаго билеты на проѣздъ отъ Евле или Стокгольма до Раумо въ Финляндіи.

Ихъ было около сотни. Раздавалась брань. Эта перебранка на русскомъ языкѣ въ глубинѣ шведскаго парома производила странное и непріятное впечатлѣніе. Наши соотечественники съумѣли и здѣсь создать безпорядокъ, хотя спѣшить было рѣшительно некуда и времени для покупки билетовъ было сколько угодно.

Въ извиненіе имъ можетъ быть поставлено полное отсутствіе какого бы то ни было руководительства этой массовой перевозкой людей, въ среди которыхъ было много совсѣмъ неинтеллигентныхъ, плохо оріентирующихся на невѣдомомъ пути, запуганныхъ, больныхъ, обремененныхъ семьями, не всегда понимающихъ нѣмецкій языкъ.

Ихъ сначала въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ втиснули въ поѣздъ въ Берлинѣ и медленно протащили до Зассница. Здѣсь ими набили гигантскій паромъ и везли куда-то дальше. Но никто не далъ себѣ труда сообщить имъ впередъ необходимѣйшія свѣдѣнія о маршрутѣ, остановкахъ, таможенныхъ и паспортныхъ досмотрахъ, билетахъ. При всякомъ требованіи или предложеніи—его слышали и сразу понимали немногіе. Остальные кидались изъ стороны въ сторону, сбивая другъ друга съ ногъ и вызывая взаимное раздраженіе.

Узнать что-либо у пароходной команды оказалось совершенно невозможнымъ. Она только перевозила путниковъ на другой берегъ—вотъ и все.

На паромѣ ѣхали чины шведской таможни. Намъ было заявлено, что багажъ будетъ досмотрѣнъ въ пути. Потомъ сообщили, что никакого шведскаго досмотра багажа не будетъ и онъ отправится транзитомъ въ Финляндію. Затѣмъ сказали, что досмотръ будетъ при прибытіи въ Швецію.

Въ дѣйствительности багажъ нѣкоторыхъ лицъ былъ досмотрѣнъ въ пути, у большинства же не былъ досмотрѣнъ вовсе. Изъ-за этого досмотра пришлось пролазить между стоящими на паромѣ вагонами по узкимъ и грязнымъ проходамъ, карабкаться въ вагоны, развязывать въ полумракѣ свои сундуки, раскрывать ихъ въ тѣсномъ пространствѣ вагона, кое-какъ собирать перерытыя вещи и въ концѣ концовъ убѣждаться, что все это совсѣмъ не было нужно.

Не менѣе неудачна была попытка выяснить, какъ и когда произойдетъ отправка насъ въ поѣздѣ изъ Треллеборга чрезъ Швецію. Можно ли ѣхать сейчасъ или надо ждать, можно ли остаться до утра въ гостиницѣ, или надо ѣхать немедленно? На эти вопросы не было никакого отвѣта. Осаждаемые офицеры парохода говорили, что всѣмъ будетъ мѣсто для дальнѣй-

шаго проѣзда, но болѣе этого они ничего не знали. Многимъ пассажирамъ такая неосвѣдомленность давала поводъ сомнѣваться и въ томъ, что мѣсто въ поѣздѣ вообще будетъ. А вдругъ придется застрять! И мысль, что мѣсто можно получить только съ боя, завладѣвала многими.

Еще задолго до подхода парома къ порту назначенія, пассажиры стали стремиться къ выходу. Изъ всѣхъ каютъ потянулись сотни людей съ узлами, чемоданами и картонками. Матери и няньки тащили дѣтей. Всѣ коридоры, лѣстницы и проходы заполнялись людьми. Стоялъ невообразимый шумъ. Дышать было нечѣмъ. Нельзя было двинуться ни взадъ, ни впередъ. Каждую минуту могла произойти катастрофа. Многіе были близки къ обмороку. Тѣхъ, кто не хотѣлъ лѣзть впередъ и стремился остаться въ сторонѣ, толкали сзади. Когда пароходъ сталъ причаливать, суматоха еще увеличилась появленіемъ носильщиковъ изъ пароходной команды съ большими сундуками.

Въ узкостяхъ вагонной палубы образовались настоящіе заторы людей, гдѣ нельзя было шевельнуться, высвободить руку, поднять зацѣпившуюся за рельсъ ногу. Такъ надо было пройти около сотни шаговъ въ раздраженной, полусонной, рвущейся впередъ и себя самое тормозящей толпѣ. На сходняхъ люди чуть не срывались въ воду.

Набережная Треллеборга представляла собой большую пустынную равнину. Кое гдѣ горѣли фонари. Дождь пересталъ, но вездѣ было мокро. Вѣтеръ нѣсколько улегся. Вдали виднѣлись поѣзда съ ярко освѣщенными окнами.

Какъ-то узнали, что лѣвый поѣздъ идетъ въ Стокгольмъ, а правый въ Евле. Публика побѣжала на приступъ къ обоимъ. Мужчины, женщины, дѣти, съ вещами и безъ вещей, бѣжали безпорядочной кучей, стремясь обогнать другъ друга, карабкались на ступени вагоновъ, обрывались, кричали, бранились, втискивались кое-какъ въ самые вагоны.

Большинство мѣстъ оказывались уже занятыми. Изъ-за свободныхъ шла перебранка, мѣстами доходившая до рукопашной схватки между нервными дамами. Не нашедшіе мѣста метались изъ вагона въ вагонъ, загромождая площадки и проходы, оставляя открытыми двери и вызывая неудовольствіе и ропотъ уже осѣвшихъ.

Всего этого, конечно, было очень легко избѣжать при самой малой заботливости о порядкѣ, раздавъ, напримѣръ, на паромѣ во время 4-хъ-часового плаванія плацкарты всѣмъ ѣдущимъ. Но о порядкѣ никто изъ администраціи не думалъ.

Былъ двѣнадцатый часъ ночи, когда, наконецъ, нашъ поѣздъ двинулся. Къ этому времени вагонное населеніе нѣсколько успокоилось. Сосѣди перезнакомились другъ съ другомъ и начались разсказы о перенесенныхъ въ Германіи бѣдствіяхъ и приключеніяхъ.

Чего только ни пришлось переслушать въ долгую безсонную ночь, пока поѣздъ несся чрезъ южную Швецію. Особенно курьезны были злоключенія какого-то состоятельнаго еврея изъ Калиша, который съ большимъ юморомъ разсказывалъ, какъ, проживъ долгую трудовую жизнь и ни разу не путешествуя съ женой за границей, онъ рѣшилъ сдѣлать „свадебное" путешествіе теперь, когда у него было уже восемь дѣтей. Они уѣхали самъ-десять.

Сынъ студентъ взялъ свои руководства, гимназисты учебники. Путешествіе было направлено въ южную Германію въ одинъ изъ курортовъ, гдѣ съ началомъ войны вся семья была сейчасъ же арестована и заперта въ

тюрьму. Много бѣдъ причинилъ при этомъ географическій атласъ гимназиста, служившій въ глазахъ нѣмцевъ доказательствомъ шпіонскихъ намѣреній семьи.

— Какъ они увидѣли атласъ, ну, знаете, самый простой географическій атласъ, который есть у каждаго гимназиста, такъ стали кричать: карты! карты! Сейчасъ схватили атласъ, куда-то понесли, а насъ все держатъ. Я говорю, что такое значитъ карты?! Это простой атласъ. Они говорятъ атласъ, хорошо! Мы вамъ покажемъ атласъ! А карта Германіи тамъ есть?! Ага! Потомъ они вернули намъ атласъ, а карту Германіи вырвали.

Разсказчикъ волнуется и видитъ въ такомъ обращеніи съ русскимъ учебнымъ атласомъ доказательство невѣжества своихъ преслѣдователей. Онъ долго говоритъ о томъ, какъ всю семью водили изъ тюрьмы въ тюрьму, возили изъ города въ городъ, заставляя жить въ скверныхъ помѣщеніяхъ, спать на полу и плохо питаться, но при этомъ неуклонно взыскивали стоимость комнаты, постели, пищи и желѣзнодорожныхъ билетовъ по тарифу, устанавливаемому тюремнымъ или военнымъ начальствомъ.

— И вы знаете что? Они мнѣ прибавили еще двухъ человѣкъ въ мое семейство. Тамъ были какіе-то два ксендза. У нихъ совсѣмъ не было денегъ, чтобы платить. Такъ этотъ нѣмецкій начальникъ говоритъ мнѣ, чтобы я за нихъ платилъ. У меня и такъ уже десять душъ, а онъ требуетъ, чтобы я платилъ за двѣнадцать. И я платилъ. У меня стало двѣнадцать душъ. Такъ насъ мучили двѣ недѣли!

Освободиться изъ рукъ мѣстныхъ властей и уѣхать въ Берлинъ ему удалось только благодаря содѣйствію еврейскаго раввина того городка, куда его съ семьей привезли послѣ ряда перемѣщеній съ мѣста на мѣсто.

— Я ихъ спрашиваю — у васъ есть здѣсь раввинъ? Есть! Ну такъ передайте ему, чтобы онъ къ намъ пришелъ. Я ему все разсказалъ. И черезъ $1^1/_2$ часа намъ позволили уѣхать въ Берлинъ.

Онъ много еще разсказываетъ о своихъ дальнѣйшихъ приключеніяхъ и заканчиваетъ неожиданно:

— Такъ я своимъ дѣтямъ завѣщалъ, чтобы они никогда не ѣздили въ свадебное путешествіе!

Другой господинъ, родомъ, кажется, изъ Лодзи, пріѣхалъ въ Берлинъ въ день объявленія войны. Не зная объ этомъ, онъ обратился къ городовому, прося указать удобную и дешевую гостиницу. Городовой быстро и любезно далъ ему адресъ дома, который оказался ближайшимъ къ вокзалу полицейскимъ участкомъ. Разсказчикъ во-время оглядѣлся, догадался въ чемъ дѣло и ушелъ, но вскорѣ былъ арестованъ въ гостиницѣ, гдѣ остановился.

Особенно плохо пришлось тѣмъ, кого судьба закинула въ Ростокъ; тамъ держали взаперти толпы русскихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей по цѣлымъ недѣлямъ въ очень дурныхъ помѣщеніяхъ.

Одни разсказчики смѣняли другихъ. Ихъ слушали, пока сонъ не смыкалъ глазъ. Невозможность прилечь, за полнымъ отсутствіемъ мѣста, не давала забыться надолго и проснувшіеся снова слушали или начинали сами разсказывать.

Въ глубокую ночь мы пріѣхали въ Мальмё, гдѣ насъ ожидала трогательная встрѣча со стороны мѣстнаго консула и группы русскихъ. На перронѣ вокзала они стояли съ корзинами бутербродовъ, кувшинами молока и газетами. Это неожиданное гостепріимство умилило всѣхъ и вызвало

горячее чувство благодарности. На нашъ вагонъ достался одинъ № газеты и ее читали громко, чтобы всѣ могли узнать новости войны въ русскомъ освѣщеніи.

Трудно представить себѣ, не видѣвши самому, съ какой жадностью прислушивались пассажиры къ этому чтенію. Послѣ долгихъ недѣль страданій на чужбинѣ и той особой пытки при посредствѣ фальсифицированныхъ извѣстій германскихъ газетъ, о которой было упомянуто раньше, наконецъ, послышались иные звуки. Вмѣсто злобы и презрѣнія, которыми были проникнуты извѣстія съ войны, по отношенію къ Россіи и ея союзникамъ, раздался голосъ любви къ родинѣ, бодрящій и вѣрящій въ успѣхъ ея борцовъ.

Пока шло чтеніе газеты, разговоры прекратились и только отдѣльныя восклицанія комментировали сообщаемыя свѣдѣнія. Особенно поражалъ всѣхъ контрастъ между освѣщеніемъ уже извѣстныхъ событій въ русской и нѣмецкой редакціи. Тамъ, гдѣ нѣмцы кричали о необыкновенныхъ побѣдахъ, оказывалось чуть не пораженіе. Наступленіе нашихъ войскъ въ Галицію, которое выставлялось, какъ движеніе въ искусно разставленную имъ австрійцами ловушку, было побѣдоноснымъ боевымъ вторженіемъ.

Нашъ поѣздъ несся, прорѣзывая своими ярко освѣщенными окнами темноту сентябрьской шведской ночи. Въ каждомъ вагонѣ лихорадочно читали газеты, страстно говорили о войнѣ, сообщали другъ другу пережитыя боли. Къ утру послѣ долгой нервной бесѣды пассажиры самыхъ разнообразныхъ положеній были связаны въ большую русскую семью общими чувствами любви къ далекой родинѣ и непріязни къ ея врагу. Поѣздъ русскихъ сталъ русскимъ поѣздомъ и оказался на высотѣ положенія, когда онъ явился предметомъ заботъ и овацій шведовъ.

Признаки такого отношенія мѣстнаго населенія обнаружились раннимъ утромъ съ первыхъ же остановокъ на станціяхъ. Пассажиры выскакивали въ поискахъ кофе или горячей воды для чая. Кофе еще не было, но горячую воду имъ давали или изъ особыхъ сосудовъ, въ которыхъ ее нарочно припасли въ этотъ необычный часъ, или изъ паровоза. Поѣздная прислуга охотно бѣжала въ минуты короткихъ остановокъ къ паровозу, чтобы изъ него добыть воды, и радушно несла ее русскимъ.

На одной изъ станцій самъ начальникъ станціи взялъ чайникъ изъ рукъ пассажирки и принесъ ей кипятку. Затѣмъ стали появляться на станціяхъ, несмотря на раннее утро, женщины съ кувшинами молока и кофе, которыми онѣ безвозмездно одѣляли ѣдущихъ.

Угощеніе и радушіе достигли своего апогея на станціи Гальсбергъ. Здѣсь были накрыты большіе столы съ кофе и бутербродами. За ними стоялъ рядъ городскихъ дамъ, которыя наливали кофе и предлагали желающимъ. Имъ помогали стройные и ловкіе бойскауты въ своихъ характерныхъ костюмахъ. Эти симпатичные мальчики поспѣвали всюду, разнося чашки и хлѣбъ, раздавая открытыя письма и оживленно бесѣдуя съ русскими пассажирами. Особымъ вниманіемъ ихъ пользовались русскіе мальчики.

— Ты тоже бойскаутъ? — спрашивалъ по-нѣмецки маленькій шведъ маленькаго русскаго, хлопая его по плечу.

И нѣмецкая рѣчь быстро связывала цвухъ сѣверянъ. Чрезъ нѣсколько минутъ они обмѣнивались адресами и обѣщаніемъ писать другъ другу. За

первымъ бойскаутомъ приходилъ другой, и маленькій русскій въ теченіе короткаго времени оказался другомъ нѣсколькихъ шведскихъ гимназистовъ.

Молодыя дѣвушки носили вдоль поѣзда корзины цвѣтовъ и шведскихъ флаговъ и раздавали ихъ съ милой улыбкой и словами привѣтствія толпившимся на площадкахъ вагоновъ пассажирамъ. Сотни рукъ тянулись къ этимъ подаркамъ и вскорѣ всѣ въ поѣздѣ были украшены цвѣтами и флагами.

Вниманіе и ласка, встрѣченныя такъ неожиданно на чужбинѣ, послѣ ставшаго уже привычнымъ враждебнаго отношенія нѣмцевъ, дѣйствовали на сердца всѣхъ. У многихъ на глазахъ появлялись слезы. Нѣкоторые плакали навзрыдъ. Наболѣвшее, долго сдерживаемое русское горе прорывалось наружу среди этого яркаго, тихаго солнечнаго утра на далекой шведской желѣзнодорожной станціи въ кружкѣ добрыхъ, спокойныхъ и ласковыхъ шведовъ.

Когда поѣздъ сталъ двигаться, со станціи понеслись привѣтные крики „ура", а навстрѣчу имъ пассажиры на разныхъ языкахъ кричали: „да здравствуетъ Швеція!" Взаимныя оваціи росли съ каждымъ мгновеніемъ. Махали тысячи платковъ и рукъ. Шведскіе и русскіе голоса сливались въ общемъ порывѣ.

Развившаяся въ теченіе ночи въ поѣздѣ солидарность русскихъ нашла себѣ благодарное примѣненіе въ организаціи отвѣтныхъ манифестацій по адресу шведовъ. Въ промежуткахъ между станціями кто-то сумѣлъ составить хоръ и обучить его шведскому національному гимну. Кто это былъ и какъ ему удалось совершить подобный туръ-де-форсъ, я не знаю. Но уже на слѣдующей остановкѣ, въ отвѣтъ на крики и маханіе платками шведовъ, изъ нашего поѣзда понеслись стройные звуки шведскаго гимна.

Крики восторга съ обѣихъ сторонъ. Яркія полосы сверкающихъ на солнцѣ въ быстромъ движеніи платковъ. Синіе съ желтымъ крестомъ шведскіе флаги въ сотняхъ трепетныхъ рукъ. Множество добрыхъ лицъ съ блестящими глазами, въ которыхъ читается и сочувствіе къ пострадавшимъ въ германскомъ плѣну, и радость по поводу ихъ возвращенія на родину, и желаніе имъ помочь, и какая-то болѣе глубокая неразгаданная связь народовъ, страдающихъ отъ одного общаго, хотя и не называемаго врага...

Поѣздъ мчится дальше, чтобы на слѣдующей станціи внести насъ въ подобную же полосу радушія и привѣта. Русскіе, еще такъ недавно подавленные и приниженные германскимъ плѣномъ, быстро растутъ въ своихъ глазахъ. Замученныя души раскрываются. Сердца бьются свободнѣе. Дышится легче.

Солидарность проявляется снова. Безъ всякихъ формальностей оказывается на лицо комитетъ для выработки текста телеграммы, съ которой рѣшено обратиться къ русскому консулу въ Мальмё, прося его засвидѣтельствовать населенію Швеціи чувства проѣзжающихъ русскихъ и ихъ благодарность за радушный и сердечный пріемъ.

Предложенный текстъ принимается во всѣхъ вагонахъ, по мѣрѣ того, какъ комитетъ ихъ обходитъ. Собираются деньги. И телеграмма летитъ по назначенію. Русскій поѣздъ № 7, въ которомъ мы ѣхали, достойно исполнилъ свой долгъ предъ гостепріимной Швеціей.

За часъ съ лишнимъ до прибытія въ Евле въ нашъ вагонъ вошелъ представитель русскаго правительства, завѣдывающій отправленіемъ русскихъ изъ Швеціи въ Финляндію. Онъ сообщилъ, что мѣста на пароходахъ будутъ для всѣхъ, что въ Евле приготовленъ на счетъ казны для желающихъ обѣдъ, и далъ разныя другія нужныя для путешественниковъ указанія.

Его мгновенно обступили и закидали вопросами самаго разнообразнаго характера, на которые онъ вскорѣ оказался внѣ возможности отвѣчать. Особенно онъ былъ озадаченъ, когда два очень почтенные жителя Варшавы, стремившіеся прервать свое путешествіе наканунѣ наступавшаго важнаго еврейскаго праздника, спросили, есть ли въ Евле или въ Раумо синагога.

За этимъ первымъ представителемъ офиціальной Россіи вошелъ въ вагонъ обходившій поѣздъ русскій консулъ въ Евле въ сопровожденіи молодого и энергичнаго русскаго—приватъ-доцента Упсальскаго университета, лектора по русской литературѣ; они тоже говорили объ условіяхъ переѣзда въ Финляндію и Петроградъ.

Но эти сообщенія уже мало кого интересовали. Всѣмъ хотѣлось узнать, какъ ѣхать дальше. Можно ли попасть въ Одессу, Ковно, Варшаву, Лодзь, которыя, по свѣдѣніямъ нѣмецкихъ газетъ, были или въ возстаніи, или въ рукахъ австро-германцевъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы. Громкій голосъ приватъ-доцента покрылъ сразу общій шумъ:

— Господа, не волнуйтесь! Мы взяли Львовъ, Ярославъ, Перемышль! Какіе же нѣмцы могутъ быть въ Ковно или Варшавѣ?! Вы доѣдете туда свободно безъ всякихъ затрудненій.

Перемышль взятъ еще не былъ, но авторитетному заявленію вѣрили и успокоеніе наступило.

Въ Евле поѣздъ сталъ на набережной противъ нѣсколькихъ пароходовъ, готовыхъ къ отплытію въ Финляндію. Шелъ мелкій дождь. Вдали виднѣлась толпа народа, сдерживаемая огражденіемъ изъ канатовъ и городовыми. Подъ обширнымъ навѣсомъ были накрыты десятки длинныхъ столовъ для желающихъ обѣдать. Телеграфная контора и банкирская контора для обмѣна денегъ были открыты для немедленныхъ операцій.

На всемъ лежалъ отпечатокъ обдуманности и планомѣрности. Было видно, что люди, которымъ поручили организацію перевозокъ русскихъ изъ Швеціи въ Россію, отнеслись къ этому дѣлу серіозно и организовали его разумно. При ежедневномъ прибытіи сотенъ людей это было не легко, тѣмъ болѣе, что пароходовъ, которыми можно было располагать для этой цѣли, мало, а плаваніе по Ботническому заливу опасно, какъ доказали недавніе подвиги германцевъ, утопившихъ пароходъ „Улеоборгъ“ и снявшіе съ „Гаутіода“ 57 англичанъ. Къ тому же приходилось имѣть дѣло не съ обыкновенными путешественниками, а съ людьми разстроенными, больными, обиженными и часто безденежными. И все-таки всякій получалъ возможность переѣхать въ Россію сейчасъ же по прибытіи въ Евле. Неимущихъ перевозили даромъ. Голодныхъ кормили. Всѣхъ успокаивали и ободряли.

Я съ своими спутниками рѣшилъ остаться на сутки въ Евле, чтобы отдышаться послѣ длиннаго и труднаго переѣзда отъ Берлина и получить, не торопясь, возможно лучшее мѣсто на ботническомъ пароходѣ. Мы остановились въ Грандъ-Отелѣ на берегу внутренняго порта,—лучшей гостиницѣ города, которая оказалась вполнѣ приличной и удобной.

Изъ оконъ нашихъ комнатъ открывался широкій видъ на городъ, спокойный и чистый. Надъ группами домовъ и кустами зелени поднимались церковные шпицы. Прямо противъ насъ на другой сторонѣ портоваго канала высилось многоэтажное красивое зданіе общественныхъ бань. Желѣзнодорожный мостъ проходилъ надъ каналомъ на значительной высотѣ, оставляя свободные проѣзды вдоль набережныхъ. Нѣсколько мостовъ для экипажей соединяли оба берега. Вдали виднѣлись корпуса и мачты пароходовъ, предназначенныхъ теперь для русскихъ путниковъ. Вечерѣло. День кончался среди мѣрно падающаго дождя. Подъ его звуки тянуло къ отдыху.

Когда, рано проснувшись на слѣдующее утро, я осмотрѣлся въ своемъ номерѣ, меня поразило обиліе телефонныхъ книжекъ возлѣ моего комнатнаго телефона. Я принялъ ихъ сначала за коллекцію, образовавшуюся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но я ошибся. Это были списки телефонныхъ абонентовъ всей шведской правительственной сѣти по провинціямъ. Сидя въ своемъ номерѣ въ Евле, я могъ вызвать кого угодно изъ нихъ и, не выходя изъ комнаты, говорить съ ними чрезъ все пространство Швеціи. Мнѣ давно была знакома телефонная организація международнаго сообщенія Германіи, Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ, но такой простоты и разумности, какую я нашелъ въ Швеціи, я не ожидалъ встрѣтить.

Среди другихъ впечатлѣній, полученныхъ мною въ короткое мое пребываніе въ Евле, у меня остались въ памяти особенно рѣзко два. Первое относится къ посѣщенію портоваго бассейна для стоянки иностранныхъ судовъ, а второе—общественнаго гулянья въ городскомъ скверѣ.

Въ портѣ мы нашли три парохода, стоявшіе рядомъ. Посрединѣ былъ германецъ, а по его сторонамъ русскій и англичанинъ. Флаги ихъ мягко развѣвались въ легкомъ утреннемъ бризѣ и все кругомъ дышало спокойствіемъ. Трудно было представить себѣ, что рядомъ стоятъ враги, подъ флагами которыхъ идетъ теперь смертный бой во многихъ мѣстахъ Европы.

Концертъ на городской площади собралъ много гуляющихъ. Военный оркестръ игралъ увертюру изъ „Паяцевъ" и ее слушали съ вниманіемъ. Преобладали молодыя лица. Было много дѣвушекъ въ столь характерныхъ для Швеціи ярко-красныхъ кофтахъ. Резервисты шведской арміи въ чудесныхъ мягкихъ треуголкахъ своими стройными фигурами и мужественными лицами выдѣлялись на общемъ фонѣ.

Въ этомъ мѣстѣ города скрещиваются нѣсколько трамвайныхъ линій. Когда вагонъ одной изъ нихъ подходилъ къ площади, онъ останавливался, а вагоновожатый и публика погружались въ слушаніе музыки. За первымъ приходилъ второй и вскорѣ вокругъ сквера стояло нѣсколько такихъ слушающихъ музыку вагоновъ. Всѣ были довольны. Никто не торопилъ кондуктора. Спокойная жизнерадостность была разлита вокругъ.

Это впечатлѣніе тишины и мира было доминирующимъ въ Евле и нѣсколько нарушилось только при посадкѣ на пароходы, когда новая партія русскихъ, прибывшая съ сегодняшнимъ поѣздомъ, стремилась размѣститься въ совершенно недостаточныхъ для нея каютахъ и трюмахъ.

Бывшая наканунѣ буря задержала возвратъ пароходовъ въ Евле и на лицо было только два вмѣсто четырехъ, нужныхъ для принятія содержимаго одного поѣзда. Русскій консулъ и другія лица, завѣдывавшія переправой, успокаивали публику, но это давалось съ трудомъ. Изъ поѣзда шли все

новыя и новыя массы, которыя пытались форсировать входъ на пароходъ. Узкія сходни охранялись матросами и помощникомъ капитана. Онъ пропускалъ только имѣвшихъ билеты именно на этотъ пароходъ. Всѣхъ другихъ, съ билетами на другіе пароходы, не пускали, предлагая подождать прихода этихъ пароходовъ.

Публика волновалась, толкалась, лѣзла впередъ, но предъ спокойнымъ противодѣйствіемъ шведовъ отступала. На набережной образовалась большая шумная толпа, которую старался перекричать приватъ-доцентъ Упсальскаго университета, убѣждая терпѣливо подождать до вечера или до слѣдующаго дня, въ крайнемъ случаѣ. Въ то же время русскіе агенты стремились поскорѣе удалить нашъ пароходъ „Гаутіодъ“, ставшій предметомъ соблазна какъ наибольшій, и мы тронулись ранѣе назначеннаго времени.

Раздались привѣтственные крики. Замахали платки и шляпы. Стоявшій въ гавани англичанинъ и норвежецъ салютовали намъ флагами. Привѣтствія сопровождали насъ на всемъ протяженіи гавани и фіорда. Встрѣчныя яхты и лодки съ возвращавшимися въ городъ послѣ вечерней прогулки людьми старались пройти поближе къ пароходу. Плывущіе на нихъ вставали и къ намъ неслись ихъ громкіе крики. Солнце закатывалось въ темныхъ тучахъ. Красные отблески заката горѣли на бѣлыхъ стѣнахъ множества дачъ, усѣявшихъ берега фіорда.

Мы шли по узкому фарватеру, обставленному указательными знаками, огибая острова и отмели. За нами слѣдовалъ другой пароходъ съ русскими. Загорались огни маяковъ. То тамъ, то тутъ появлялись ихъ мигающіе глаза. Дулъ свѣжій вѣтеръ, но въ фіордѣ не было волненія и „Гаутіодъ“ не качался. Пассажиры наполняли всѣ мѣста на палубѣ. Многимъ, боявшимся моря, стало казаться, что они природные моряки и застрахованы отъ болѣзни... Начались разговоры.

— А что, если на насъ нападутъ германскіе миноносцы?

— Это вполнѣ возможно. Вѣдь мы плывемъ на томъ же пароходѣ, который уже разъ задержали нѣмцы.

— Но вѣдь онъ идетъ подъ шведскимъ флагомъ!

— Что же изъ этого? Разница только въ томъ, что пароходъ не утопятъ, а насъ заберутъ и отвезутъ обратно въ плѣнъ. Вмѣсто Берлина мы попадемъ въ Данцигъ, вотъ и все.

Нервные люди приходили въ ужасъ отъ такой перспективы и безпокойство предъ возможной атакой германскаго миноносца разрослось бы до большого предѣла, если бы не явилась вскорѣ болѣе близкая и непосредственная причина страданія, которая сразу отвлекла вниманіе отъ неяснаго будущаго къ реальному и скверному настоящему.

Съ выходомъ изъ фіорда началась качка. Размахи маленькаго парохода быстро росли. Стало темно и холодно. Морская болѣзнь распространялась все болѣе и болѣе. Переполненный пассажирами до послѣдней возможности, и даже сверхъ нея, пароходъ огласился стонами, воплями и криками. На полахъ даже общихъ помѣщеній валялись люди, корчившіеся отъ приступовъ болѣзни. Сила вѣтра наростала. Качка становилась все хуже. Плохо приходилось и здоровымъ отъ грязи, криковъ больныхъ, невозможности помочь. Мало кто спалъ въ эту скверную ночь.

Раннимъ утромъ мы подошли къ Раумо. Еще такъ недавно совсѣмъ невѣдомый, этотъ пунктъ пріобрѣлъ для всѣхъ задержавшихся въ сѣверной Европѣ русскихъ огромное значеніе. Тутъ было начало Россіи. Сойдя на этотъ берегъ съ палубы шведскаго парохода, можно было, наконецъ, вздохнуть свободно и считать себя въ безопасности. Недавніе больные спѣшили выбраться на палубу, чтобы увидѣть скорѣе родную землю. Нервная дрожь овладѣвала многими.

Видъ первыхъ русскихъ солдатъ, стоявшихъ на набережной, вызвалъ восклицанія восторга. Паспортный и таможенный досмотры въ обширномъ сараѣ, возлѣ котораго остановился пароходъ, приняли совершенно необычный характеръ. Немногіе представители русской власти, бывшіе здѣсь вмѣстѣ съ финляндскими таможенными чиновниками, осаждались публикой. Стѣна, которая стояла между полиціей и русскими гражданами въ обыкновенное время, здѣсь не существовала. Тутъ была толпа изстрадавшихся русскихъ съ одной стороны, жандармскій ротмистръ и нѣсколько унтеръ-офицеровъ— съ другой.

Пріѣхавшіе изъ-за границы русскіе видѣли въ жандармахъ друзей, близкихъ, отъ которыхъ можно было получить защиту и помощь, встрѣтили, вмѣсто обычныхъ офиціальностей, добродушное и участливое отношеніе. Особенно внимателенъ былъ ротмистръ Ч., которому не одна утомленная русская дама обязана возможностью получить желѣзнодорожный билетъ и уѣхать дальше.

Вокругъ отдѣльныхъ представителей полиціи образовались группы, гдѣ русскихъ жандармовъ закидывали всякими вопросами относительно времени отхода поѣздовъ, направленій желѣзнодорожнаго движенія, хода войны. Досмотръ багажа обратился въ какую-то второстепенную операцію, которая никого особенно не интересовала.

Публика волновалась, пила чай въ буфетѣ, ѣла бутерброды, заготовленные какими-то финляндскими дамами, платила русскими, шведскими, датскими, норвежскими, финскими или германскими деньгами по какимъ-то непостижимымъ курсамъ, установленнымъ тутъ же, и шумѣла, какъ пчелиный рой.

Шумъ значительно возросъ, когда выяснилось, что большой багажъ, который изъ Евле былъ будто бы отправленъ прямо въ Петроградъ, задержанъ здѣсь въ Раумовскомъ портѣ и неизвѣстно гдѣ находится.

Недремлющій инстинктъ собственности обострился и начались розыски, которые долго не привели бы ни къ какимъ результатамъ въ этомъ Раумо, гдѣ русскимъ гораздо труднѣе объясниться со служащими на желѣзной дорогѣ или въ портѣ, чѣмъ въ Китаѣ или Японіи,—если бы не помощь русской жандармеріи. При ея содѣйствіи было выяснено, что всѣ прибывшія вещи свалены въ какомъ то далекомъ сараѣ и каждый самъ долженъ за ними ходить и ихъ выискивать. Бесѣдуя съ хранителями сарая болѣе при посредствѣ мимическихъ пріемовъ, чѣмъ словъ, операцію вызволенія багажа удавалось, однако, кое-какъ, хотя и съ очень большой потерей времени, совершить.

При этомъ хранитель требовалъ за суточное храненіе плату, которая приблизительно въ два раза превышала стоимость перевозки того же багажа отъ Берлина до Раумо и опредѣлялась имъ по усмотрѣнію, повидимому, въ зависимости отъ настроенія духа. Такъ какъ никакихъ возраженій онъ не

понималъ, а безъ уплаты названной имъ суммы вещей не отдавалъ, то пассажирамъ, стремившимся скорѣе уѣхать дальше, ничего не оставалось, какъ подчиняться.

Среди такихъ и подобныхъ инцидентовъ, которые въ другое время вызвали бы раздраженіе и неудовольствіе русской публики, а теперь служили скорѣе источникомъ забавы; всѣ забрались въ небольшіе вагоны мѣстнаго поѣзда для переѣзда въ нѣсколько верстъ на станцію Раумо. Этотъ мѣстный поѣздъ, набитый до крайнихъ предѣловъ пассажирами, медленно потянулся вдоль порта и очень скоро остановился предъ типичной финляндской станціей, откуда начиналось сквозное движеніе до Петрограда.

Въ лѣсу среди выступающихъ гранитныхъ скалъ одиноко стоитъ станція Раумо вдали отъ города того же имени. Города не видно, хотя онъ и не за горами. Высокія сосны качаются уныло, напоминая всѣмъ петербуржцамъ знакомыя окрестности столицы. Свѣтитъ яркое солнце, но его лучи холодны и мы зябнемъ.

Помѣщеніемъ для пассажировъ является широкая платформа и окружающій лѣсъ. Буфетъ находится въ маленькомъ коридорѣ и четыре человѣка его уже использовали. Другимъ пока туда войти нельзя.

Плотно наполненъ людьми залъ въ пять, шесть квадратныхъ саженъ, гдѣ ютится билетная касса. Это пассажиры вчерашнихъ и болѣе раннихъ поѣздовъ, застрявшіе въ Раумо, за отсутствіемъ мѣстъ въ вагонахъ, заблаговременно пришли сюда и дежурятъ у кассы. Намъ говорятъ, что такихъ пріѣхавшихъ изъ Швеціи и не уѣхавшихъ изъ Раумо въ Россію русскихъ живетъ въ Раумо нѣсколько сотъ.

Занята единственная гостиница, заняты частные дома. Всѣ ждутъ здѣсь давно, такъ какъ вагоновъ не хватаетъ. Слухи растутъ и волненіе увеличивается. Говорятъ, что нѣкоторые ждутъ уже двѣ недѣли возможности уѣхать въ Россію.

На всемъ пространствѣ станціи нѣтъ ни одного человѣка, у котораго можно было бы получить разъясненіе. Нѣтъ ни объявленій, ни указаній. Публика то мечется изъ стороны въ сторону, то толчется на мѣстѣ. Все это производитъ впечатлѣніе какого-то разгрома.

Нѣкоторые садятся въ таратайки и уѣзжаютъ въ городъ, чтобы умыться. На станціи это недоступно. Большинство старается стать въ очередь, чтобы добраться до билетной кассы. Образуется хвостъ очень прихотливой формы въ видѣ спирали, которая закручивается все болѣе и болѣе.

Одинъ предусмотрительный остзеецъ, который наканунѣ на ужасномъ русскомъ языкѣ отчаянно ругалъ германцевъ, добылъ себѣ стулъ и, поставивъ его въ линію хвоста, сидя, подвигается къ кассѣ. Движеніе это чрезвычайно медленно.

Кассиръ, котораго я не вижу, дѣйствуетъ съ неимовѣрнымъ спокойствіемъ. Впрочемъ, кассировъ два. Одинъ выдаетъ билеты для проѣзда, а другой—плацъ-карты для скораго поѣзда. Кому нужно и то другое, тотъ долженъ пройти черезъ два окна. Тоже облегченіе своего рода!

Сдѣлавъ мысленный подсчетъ, убѣждаюсь, что при такой выдачѣ билетовъ она не окончится для нашего поѣзда, уходящаго въ четыре часа

дня, ранѣе трехъ часовъ. Теперь только одиннадцать. Разсчитывая на благосклонную помощь желѣзнодорожнаго начальства въ полученіи билетовъ или рѣшаясь, въ случаѣ невозможности уѣхать скорѣе, остаться на ночь въ Раумо, мы отправляемся гулять въ лѣсъ и осматривать городъ.

Финляндская культурность бросается въ глаза съ первыхъ же шаговъ. Хорошая шоссейная дорога. Огромное зданіе школы садоводства. Ученики подъ руководствомъ учителей на нашихъ глазахъ обрѣзываютъ ягодные кусты въ обширномъ саду при школѣ. Красивые и чистые дома.

Гостиница, кажется, единственная въ городѣ, поражаетъ тѣмъ, что могла развернуть свои дѣйствія настолько, чтобы кормить ежедневно сотни пріѣзжихъ. Когда мы пришли туда, нѣсколько залъ были наполнены обѣдающими. Кушанья стоятъ па большихъ столахъ. Тутъ же тарелки, ножи, вилки, хлѣбъ. Каждый беретъ себѣ, что хочетъ, въ желаемомъ порядкѣ и количествѣ. Прислугъ очень мало и онѣ только убираютъ грязную посуду.

Заходимъ въ банкъ для размѣна шведскихъ денегъ, оставшихся отъ путешествія. Съ методической точностью онѣ размѣниваются сначала на финляндскія марки, а затѣмъ эти послѣднія размѣниваются на русскіе рубли. Наша русско-финляндская монетная неурядица даетъ себя знать на двойныхъ потеряхъ при размѣнѣ. Въ то время, какъ Швеція, Норвегія и Данія, три даже не вполнѣ дружественныя страны, имѣютъ общую монетную единицу и бумажки каждой изъ этихъ странъ свободно ходятъ въ двухъ другихъ, въ то время, какъ Франція, Бельгія, Швейцарія, Италія имѣютъ одинаковый франкъ, свободно обращающійся на всемъ обширномъ пространствѣ латинскаго союза,—мы не можемъ не только объединить финляндскую монету съ своей, но даже установить незыблемое отношеніе цѣнности рубля и марки, обязательное для всѣхъ и неизмѣнное.

Ощущеніе безпомощности, знакомое многимъ русскимъ, бывающимъ въ Финляндіи, все болѣе и болѣе обостряется по мѣрѣ того, какъ тянется время. Его нѣсколько смягчаетъ полученіе, несмотря на всѣ трудности, при содѣйствіи ротмистра Ч., билетовъ на желѣзную дорогу, и когда мы располагаемся въ удобныхъ спальныхъ вагонахъ, мысли совсѣмъ оставляютъ вопросы русско-финляндской политики и уходятъ впередъ къ все еще далекому Петрограду, гдѣ насъ ждутъ близкіе, о которыхъ не получалось никакихъ свѣдѣній около двухъ мѣсяцевъ. Конецъ дня проходитъ въ бесѣдахъ съ новыми спутниками, посланными намъ прихотливой судьбой. Они ѣдутъ изъ разныхъ мѣстъ Германіи послѣ многихъ непріятностей. Одна изъ ѣдущихъ дамъ говоритъ намъ съ рѣдкой откровенностью:

— Когда меня стали притѣснять въ Киссингенѣ, потому что я русская, я пошла въ бюро и говорю: какая я русская, я полька. Русскіе насъ притѣсняютъ у насъ дома, а вы здѣсь! И нѣмцы стали относиться ко мнѣ гораздо лучше.

Разницу между русскими и русскими поляками нѣмцы подчеркивали не только въ Киссингенѣ, но и въ Берлинѣ и въ иныхъ городахъ. Людей съ польскими фамиліями арестовывали рѣже и выпускали скорѣе, чѣмъ русскихъ. Дѣлалось это съ видимымъ расчетомъ на завоеваніе симпатій населенія Польши и, быть можетъ, даже на активное содѣйствіе въ борьбѣ съ Россіей. Слухи о томъ, что русскіе офицеры и солдаты запаса польскаго происхожденія, застигнутые войной въ Германіи, будто бы усиленно просятъ

принять ихъ въ прусскія войска и отправить на русскій фронтъ, распространялись въ Берлинѣ газетами очень усердно.

Ночь наступила, когда мы прибыли въ Таммерфорсъ. Здѣсь оказались продавцы русскихъ газетъ, впрочемъ, одной „Рѣчи“. Я купилъ №, предвкушая удовольствіе чтенія свѣжей петроградской газеты. Каково же было мое разочарованіе, когда, развернувъ ее, я увидѣлъ, что она имѣетъ напечатанныя страницы только въ началѣ и въ концѣ, а всѣ четыре внутреннія сплошь бѣлыя. Я могъ прочесть объявленія и кусокъ передовой статьи. Остальное было скрыто въ бѣлыхъ пеленахъ четырехъ большихъ страницъ.

— Вотъ она, военная цензура,—сказалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.— Сначала они вычеркивали отдѣльныя строки или куски статей, потомъ цѣлыя статьи, а теперь цѣлыя страницы.

Было ли это дѣйствительно такъ или мнѣ дали курьезный дефектный экземпляръ, осталось неразгаданнымъ. Но мысль о томъ, что случилось, быть можетъ, нѣчто страшное, что было признано нужнымъ скрыть отъ публики въ самый послѣдній моментъ предъ выходомъ газеты, тревожила насъ еще долго и вполнѣ разсѣялась только на слѣдующій день утромъ, 22 (9) сентября, въ Выборгѣ, когда намъ удалось добыть новыя газеты.

Здѣсь произошелъ ожесточенный бой изъ-за кофе. Нѣсколько сотъ пассажировъ окружили стойку буфета, гдѣ двѣ скромныя финки съ флегматичной медленностью наливали стаканы. Сотни рукъ тянулись за ними съ разстоянія полной недосягаемости и только ничтожная часть пассажировъ получила желаемое. Остальные отправились далѣе съ пустымъ желудкомъ. давая волю излюбленной русскими темѣ — разноса желѣзнодорожныхъ порядковъ.

Въ Бѣлоостровѣ поѣздъ остановился надолго. Онъ какъ будто хотѣлъ собраться съ силами, прежде чѣмъ перешагнуть нашу внутреннюю границу. Уже былъ досмотрѣнъ вновь весь багажъ, отобраны и возвращены паспорты, съѣдены всѣ видимые запасы провизіи въ буфетѣ, куплены и прочтены газеты, сдѣлана длительная прогулка по станціи, а поѣздъ все не двигался.

По вагонамъ прошелъ жандармскій полковникъ, спрашивая, нѣтъ ли у кого-нибудь нѣмецкихъ газетъ.

Всѣ насторожились, думая, что этотъ видъ контрабанды и задерживаетъ насъ сверхъ урочнаго времени.

— Нѣтъ, нѣтъ!—энергично говорилъ бравый полковникъ.—Газеты проситъ главнокомандующій для себя. Если у кого-нибудь есть, дайте пожалуйста.

Газеты были собраны и даны, при чемъ была сдѣлана попытка взамѣнъ освободиться отъ таможеннаго и паспортнаго досмотра.

— Вѣдь у насъ уже смотрѣли паспорты и вещи въ Раумо,—протестовалъ кто-то. Зачѣмъ же сегодня опять?

— Въ Раумо былъ досмотръ, такъ сказать, политическій,—отвѣчалъ полковникъ,—а здѣсь коммерческій или торгово-промышленный.

Приходилось подчиниться этому коммерческому или торгово-промышленному досмотру, который оказался, впрочемъ, добродушнымъ.

Чрезъ знакомыя дачныя мѣста мы быстро доѣхали затѣмъ до Финляндскаго вокзала, гдѣ насъ встрѣтили груды пассажирскаго багажа, наваленнаго на платформѣ, и нѣсколько десятковъ человѣкъ, извѣщенныхъ о пріѣздѣ родныхъ и знакомыхъ. На столбахъ и внутреннихъ рѣшеткахъ вокзала висѣли многочисленныя объявленія съ запросами о бѣдствующихъ за границей русскихъ. Ходили таможенные чиновники. Суетилась станціонная прислуга. Было тускло и некрасиво, но это былъ свой родной Петербургъ, хотя и переименованный въ наше отсутствіе въ Петроградъ. Навстрѣчу намъ тянулись дружественныя руки, намъ улыбались близкія лица. Родина открывала намъ свои объятія...

Отъ нашего отъѣзда отсюда заграницу насъ отдѣляло всего семьдесятъ шесть дней, но казалось, что прошли годы: такою тяжестью легло на насъ прожитое въ плѣну время.

Милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются.

Псалтирь. Псаломъ 84, ст. 11.

ГЛАВА XV.

Заключеніе—международныя организаціи въ настоящемъ и въ будущемъ.

Уолтеръ Ралей, какъ примѣръ, достойный подражанія.—Свободная воля человѣческихъ обществъ.—Борьба съ причинами войнъ.—Международныя организаціи.—Участіе автора въ международныхъ организаціяхъ по желѣзнымъ дорогамъ, судоходству, шоссейнымъ дорогамъ, промышленному холоду, испытанію матеріаловъ, спасанію, предупрежденію несчастныхъ случаевъ, статистикѣ, гигіенѣ, демографіи и др.—Международный центръ.—Международные языки.—Русскій языкъ.—Взаимныя отношенія представителей разныхъ націй въ международныхъ организаціяхъ.—Помощь военноплѣннымъ русскимъ.—Перспективы и надежды.

Уолтеръ Ралей, запертый въ Тоуэрѣ, началъ писать всеобщую исторію, чтобы наполнить чѣмъ нибудь скуку тюремнаго заключенія. Однажды ему помѣшала работать ссора, происшедшая между его товарищами-узниками. Онъ сталъ разспрашивать участниковъ и постороннихъ свидѣтелей о причинѣ ссоры и о томъ, что произошло, но получилъ совершенно противоположныя свѣдѣнія и отвѣты.

„Я собираюсь, — сказалъ онъ, — представить вѣрное описаніе того, что дѣлали тысячу лѣтъ тому назадъ люди, которыхъ я не зналъ и не видѣлъ, а не могу добиться правдивой передачи знакомыми мнѣ лицами случившагося на моихъ глазахъ“. И онъ бросилъ свою рукопись въ огонь, что впрочемъ не помѣшало ему впослѣдствіи окончить задуманную книгу.

Мнѣ вспомнилась эта легенда, когда заключенный въ военную тюрьму въ Берлинѣ, я вздумалъ записывать переживаемыя событія. Мнѣ не пришлось, однако, бросать свою рукопись въ огонь. Она осталась за границей въ глубинѣ одного изъ покинутыхъ тамъ ящиковъ. Шансы получить когда либо эти скромныя замѣтки, сдѣланныя во время плѣна, такъ слабы, что я могъ бы спокойно глядѣть на будущее и не опасаться обвиненій, которыя пугали Ралея.

Однако послѣ моего возвращенія въ Россію, подъ вліяніемъ настойчивыхъ распросовъ о бѣдствіяхъ русскихъ, захваченныхъ войной въ Германіи и Австріи, мнѣ вновь пришлось написать то, что я объ этомъ знаю.

Я былъ далекъ отъ мысли дать сколько нибудь исчерпывающую картину обстоятельствъ, въ которыхъ оказались русскіе за границей съ объявленіемъ Германіей войны Россіи въ 1914 году. Я только собирался сообщить съ возможной точностью свои личныя впечатлѣнія и факты, касавшіеся меня и моихъ близкихъ. Заинтересуютъ ли они кого либо теперь? Будутъ ли полезны для

какого нибудь будущаго изслѣдователя нашего времени? Не знаю. Можетъ быть, они послужатъ въ какой-либо мѣрѣ дѣлу возстановленія мирнаго общенія представителей разныхъ націй, когда пройдетъ военная гроза? Этому очень хотѣлось бы вѣрить, растравляя воспоминаніями еще незажившія душевныя раны.

Своей личной повѣсти я предпослалъ краткій обзоръ организаціи и дѣятельности Балтійскаго Инженернаго Конгресса, на которомъ міровая война прервала мирную международную работу.

Подобно тому, какъ незамѣтно назрѣваютъ въ толщѣ земной коры грандіозныя геологическія катастрофы, среди населенія земли постепенно наростаютъ явленія, приводящія къ міровымъ войнамъ. Въ тонкихъ струйкахъ воды, текущей послѣ лѣтняго дождя по яркой зелени луговъ, уже кроются зачатки переворотовъ, которые могутъ впослѣдствіи разрушить существующіе континенты и поднять изъ глубины океана новую сушу. Вѣками накопляющіяся зависть, насиліе, обиды, несправедливость приводятъ народы къ такому напряженному состоянію, когда одинъ незначительный толчокъ достаточенъ, чтобы среди яснаго политическаго дня раздался тяжелый ударъ военнаго грома.

Можетъ ли человѣчество предупреждать такія міровыя катастрофы? Или же онѣ такъ же непреодолимы для слабыхъ человѣческихъ силъ, какъ и грандіозные изломы земной коры, выдвигающіе новыя горы и хоронящіе на днѣ моря цвѣтущіе острова? Кто отвѣтитъ съ непререкаемой точностью на такіе вопросы? Они стоятъ на границѣ между знаніемъ и вѣрой. Я вѣрю, что можетъ.

Человѣчество должно во всякомъ случаѣ жить и дѣйствовать такъ, чтобы все, что ему доступно, было сдѣлано для направленія народовъ къ совмѣстной творческой работѣ, а не къ взаимному уничтоженію.

Высказывая такія мысли, нельзя, конечно, не сознавать всей шаткости ихъ философскаго обоснованія. Если существуютъ сомнѣнія въ свободѣ воли отдѣльныхъ индивидуумовъ, то еще менѣе доказуема свобода воли большихъ человѣческихъ обществъ.

Не вдаваясь въ тонкости аргументаціи за и противъ этихъ тезисовъ, можно, однако, привести не мало соображеній о могуществѣ всего живого и, въ частности, человѣка. Въ этомъ отношеніи характерна бесѣда двухъ представителей противуположныхъ теорій — свободной воли и детерминизма.

— Пути и скорости движенія небесныхъ тѣлъ зависятъ, между прочимъ, отъ положенія ихъ центровъ тяжести, говорилъ первый, и всякое измѣненіе центра тяжести одного изъ тѣлъ вліяетъ на обстоятельства движенія всѣхъ находящихся въ небесномъ пространствѣ остальныхъ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ?

— Вы сейчасъ увидите. Вамъ придется признать, что человѣкъ можетъ измѣнять положеніе центра тяжести земного шара въ извѣстныхъ предѣлахъ по своей волѣ.

— Какимъ образомъ?

— Каждое перемѣщеніе по поверхности земли людей или грузовъ влечетъ за собой измѣненіе положенія центра тяжести земли. Переходъ людей съ одного мѣста на другое, пробѣгъ поѣзда или парохода измѣняютъ распредѣленіе матеріальныхъ точекъ земной массы и центръ ея тяжести перемѣщается.

— Допустимъ, но это перемѣщеніе во всякомъ случаѣ ничтожно мало.

— Какъ ни мало это передвиженіе, оно существуетъ; это обстоятельство чрезвычайно важно.

— Въ чемъ же вы видите эту важность?

— Въ томъ, что, производимое по своей волѣ человѣкомъ измѣненіе въ положеніи центра тяжести земли вызываетъ измѣненія въ движеніи небесныхъ тѣлъ. Эти измѣненія ничтожны, но распространяются, говоря теоретически, безпредѣльно на всю вселенную.

— Къ какому же выводу вы приходите?

— Что воля человѣка можетъ вызывать и вызываетъ измѣненія въ движеніи небесныхъ тѣлъ во всей вселенной. Механическія послѣдствія проявленія воли человѣка въ этомъ направленіи чрезвычайно ограничены, но самая фактическая дѣйствительность такихъ проявленій очевидна.

— Скорѣе напротивъ, ваши соображенія доказываютъ несуществованіе свободной воли у человѣка, если предположеніе о ея существованіи приводитъ къ выводу, что человѣкъ по своему усмотрѣнію вліяетъ на жизнь всего мірового пространства.

И споръ разгорался...

Несомнѣнное могущество человѣка въ сферѣ явленій гораздо болѣе сложнаго порядка, чѣмъ тѣ, которыя относятся до взаимоотношеній народовъ, должно окрылять наши надежды и въ этой послѣдней области.

Среди цѣлаго ряда средствъ, которыя позволяютъ успѣшно бороться съ причинами, вызывающими взаимное отчужденіе и вражду народовъ и приводящими къ столкновеніямъ ихъ между собой, большое значеніе будутъ имѣть международныя учрежденія, предназначенныя для совмѣстной работы людей въ разныхъ отрасляхъ дѣятельности человѣчества.

Наряду съ быстрымъ развитіемъ націонализма—этого чуда XIX вѣка, приведшимъ къ яркому обособленію цѣлый рядъ отдѣльныхъ народовъ на расовыхъ началахъ, выдвинулось стремленіе и къ профессіональному интернаціонализму. Лица, посвятившія себя опредѣленной спеціальности, научной или практической, стали стремиться объединять свои силы въ особыхъ международныхъ союзахъ, ассоціаціяхъ, конгрессахъ. Эта международная группировка людей происходитъ не по иниціативѣ отдѣльныхъ правительствъ, но при ихъ близкомъ участіи, которое выражается въ покровительствѣ и матеріальномъ содѣйствіи международнымъ учрежденіямъ.

Послѣдствія такого международнаго движенія очень велики для разныхъ націй не только съ точки зрѣнія спеціальныхъ или профессіональныхъ задачъ каждой международной группы, но и вообще; благодаря ему стремленіе у всѣхъ народовъ къ объединенію въ международныхъ дѣлахъ постоянно возрастаетъ. Не останавливаясь на вопросахъ, чѣмъ вызывается это движеніе, характеризующее собой нашу эпоху, насколько оно устойчиво, приведетъ ли оно къ какой-либо общей постоянной международной организаціи или же съ теченіемъ времени оно намѣтитъ себѣ иныя цѣли,—нельзя сомнѣваться, что теперь это есть путь наиболѣе вѣрнаго сближенія народовъ. Каждая международная профессіональная ассоціація ставитъ отдѣльныя націи въ болѣе близкое и дружественное соприкосновеніе между собой, создаетъ новыя личныя отношенія между ихъ представителями и укрѣпляетъ въ народахъ чувство взаимнаго уваженія.

Въ послѣднюю четверть вѣка человѣчество пошло быстрыми шагами по этому пути международнаго сближенія. Каждый годъ видѣлъ нарожденіе новыхъ международныхъ союзовъ и укрѣпленіе старыхъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ. Эти союзы, преслѣдуя свои опредѣленныя профессіональныя цѣли, въ то же время явились могучимъ средствомъ для непрерывнаго взаимнаго ознакомленія націй и усиленія духовной связи между ними.

Мнѣ пришлось въ теченіе всего названнаго періода времени, начиная съ 1889 года, работать на международномъ поприщѣ въ качествѣ представителя Россіи, участвуя въ разнообразныхъ ассоціацiяхъ, посвященныхъ дѣлу желѣзныхъ дорогъ, судоходства, шоссейныхъ дорогъ, промышленнаго холода, испытанія строительныхъ матеріаловъ, спасанія и предупрежденія несчастныхъ случаевъ, статистики, гигіены, демографіи и др. По моей иниціативѣ или при моемъ близкомъ участіи было создано нѣсколько важныхъ международныхъ организацій. Въ другихъ я занималъ или занимаю различныя руководящія должности до генеральнаго предсѣдателя включительно. Такая международная работа дала мнѣ, по признанію многихъ, возможность содѣйствовать усиленію значенія моей родины въ широкихъ иностранныхъ кругахъ и, нигдѣ не поступаясь ея интересами, вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать общему прогрессу международнаго сотрудничества.

Работы активныхъ участниковъ международныхъ ассоціацій можно раздѣлять на профессіональную, административно-хозяйственную и дипломатическую группы. Первая посвящена спеціальнымъ вопросамъ изъ сферы дѣятельности данной ассоціаціи, докладамъ, публичнымъ обсужденіямъ и постановленіямъ. Вторая стремится создать и совершенствовать прочный правовой и финансовый укладъ ассоціаціи. Наконецъ, третья служитъ для популяризаціи ассоціаціи на почвѣ международнаго общенія.

Послѣдняя цѣль осуществляется посредствомъ большихъ публичныхъ собраній, пріемовъ и экскурсій, съ обмѣномъ рѣчей и привѣтствій. Въ этой области профессіональныя международныя ассоціаціи и оказываютъ, въ наибольшей мѣрѣ, содѣйствіе сближенію народовъ между собой. Строго взвѣшенныя и продуманныя слова, обращенныя въ присутствіи сотенъ и тысячъ людей отъ лица всѣхъ націй къ той, которая принимаетъ у себя конгрессъ, и полные сердечности отвѣты на эти рѣчи—оставляютъ глубокіе слѣды и накопляютъ добрыя чувства.

Чтобы показать на примѣрѣ, какъ обширна эта сторона дѣятельности, международныхъ ассоціацій, я приведу здѣсь перечень городовъ, гдѣ мнѣ самому, наряду съ спеціальной дѣятельностью профессіональнаго характера и независимо отъ нея, приходилось, въ обширныхъ аудиторіяхъ изъ представителей разныхъ націй, выступать въ подобныхъ случаяхъ на международныхъ конгрессахъ съ рѣчами на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ или итальянскомъ языкахъ, и притомъ въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ городовъ многократно:

въ Россіи — Петроградъ, Выборгъ, Рыбинскъ, Ярославль, Кострома, Нижній-Новгородъ, Москва;

въ Германіи — Берлинъ, Мюнхенъ, Нюренбергъ, Кельнъ, Дюссельдорфъ, Драхенфельсъ, Барменъ, Дортмундъ, Бременъ, Рендсбургъ, Киль, Гамбургъ;

въ Австріи—Вѣна, Буда-Пештъ, Оршова;

въ Италіи—Миланъ, Туринъ, Генуя, Неаполь;

во Франціи—Парижъ, Дижонъ, Ліонъ, С.-Этьеннъ, Марсель, Бордо, Ларошель, Рошфоръ, Гавръ, Калэ, Ницца:

въ Бельгіи—Брюссель, Серэнъ, Брюгге, Остенде, Гейстъ, Антверпенъ, Гентъ;

въ Голландіи—Гаага, Схевенингенъ, Гарлемъ, Роттердамъ, Дордрехтъ, Зволле, Амстердамъ;

въ Даніи—Копенгагенъ, Гельзингеръ;

въ Швеціи—Мальмё;

въ Англіи — Лондонъ, Манчестеръ, Ливерпуль, Бельфастъ, Глазго, Эдинбургъ, Нью-Кестль, Сёндерландъ;

въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки—Нью-Іоркъ, Бостонъ, Ньюаркъ, Филадельфія, Вашингтонъ, Гарисбургъ, Питтсбургъ, Сандвичъ, Буффало, Кливелэндъ, Дитройтъ, Су-Сентъ-Мэри.

Умноживъ данныя этого примѣра на число активныхъ дѣятелей международныхъ организацій и на число послѣднихъ, измѣряемое многими сотнями, можно получить масштабъ того значенія, которое международныя организаціи получили въ дѣлѣ сближенія между собой разныхъ націй.

Изъ многихъ международныхъ организацій, въ которыхъ я принимаю активное участіе, здѣсь, въ цѣляхъ большей ясности дальнѣйшаго изложенія, приходится упомянуть о нѣсколькихъ.

Постоянная международная ассоціація судоходныхъ конгрессовъ получила свое начало въ Брюсселѣ въ 1885 году въ первомъ международномъ судоходномъ конгрессѣ, но основаніе къ образованію постояннаго учрежденія было положено въ 1889 году въ Парижѣ по предложенію русскихъ инженеровъ Житкова, Круликевича и моему, согласно идеѣ перваго изъ насъ. Организована была эта международная ассоціація окончательно въ 1902 году. Ея постоянное бюро находится въ Брюсселѣ. Она пользуется широкой поддержкой правительствъ почти всѣхъ странъ и обладаетъ большими средствами. Эта ассоціація имѣла въ 1908 году конгрессъ въ С.-Петербургѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ, сопровождавшійся обширными экскурсіями. Въ 1912 году она собиралась въ конгрессъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ на меня выпало также генеральное предсѣдательство въ сессіи. На 1915 годъ былъ назначенъ очередной конгрессъ судоходной ассоціаціи въ Стокгольмѣ. Каждый годъ ея постоянная международная комиссія засѣдаетъ обыкновенно въ Брюсселѣ. Въ 1914 году такое собраніе было въ маѣ подъ предсѣдательствомъ бельгійскаго министра общественныхъ работъ Гелльпюта. На немъ встрѣтились въ послѣдній разъ предъ міровой войной представители судоходства всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и воюющихъ теперь между собой.

Постоянная международная ассоціація шоссейно-дорожныхъ конгрессовъ была учреждена по моему предложенію и выработанной мной схемѣ въ 1908 году на первомъ международномъ шоссейно-дорожномъ конгрессѣ, созванномъ французскимъ правительствомъ. Она имѣетъ свое постоянное бюро въ Парижѣ и ея постоянная комиссія собирается обыкновенно тамъ же каждый годъ. Послѣднее собраніе комиссіи состоялось подъ предсѣдательствомъ де-Преодо, предсѣдателя инженернаго совѣта Франціи, также въ маѣ 1914 года и въ этомъ собраніи представители нынѣ воюющихъ

державъ были весьма многочисленны. Ближайшій международный шоссейно-дорожный конгрессъ былъ назначенъ на 1916 годъ въ Мюнхенѣ.

Международное общество испытанія матеріаловъ имѣетъ задачей объединеніе методовъ изслѣдованія свойствъ матеріаловъ и существуетъ съ 1884 года. Выдающимся представителемъ его въ Россіи является профессоръ Н. А. Бѣлелюбскій, нынѣшній предсѣдатель общества. Въ 1915 году было предположено созвать въ Россіи международный конгрессъ по испытанію матеріаловъ. Въ организаціонномъ комитетѣ этого конгресса, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ профессора Н. Л. Щукина, мнѣ была отведена роль замѣстителя предсѣдателя. Въ этомъ качествѣ я въ апрѣлѣ 1914 года принималъ участіе въ работахъ сессіи совѣта общества въ Туринѣ, куда съѣхались его члены подъ предсѣдательствомъ бельгійца Грейнера, директора общества заводовъ Коккериль.

Международная ассоціація спасанія и предупрежденія несчастныхъ случаевъ начала свое существованіе въ 1912 году и была образована по моему предложенію на Вѣнскомъ конгрессѣ спасанія и предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Ея статутъ находится еще въ состояніи разработки въ особой международной комиссіи, въ которой члены отъ Россіи сенаторъ А. А. фонъ-Вендрихъ и я. Центръ ассоціаціи есть городъ Вѣна, гдѣ помѣщается временное бюро; наканунѣ войны съ бюро велись отовсюду дѣятельныя сношенія для созыва комиссіи.

Въ связи съ ассоціаціями, имѣющими вполнѣ международный характеръ, стоятъ нѣкоторыя другія съ болѣе ограниченнымъ райономъ дѣятельности, но приближающіяся къ нимъ въ извѣстной степени по результатамъ въ дѣлѣ сближенія представителей разныхъ націй. Таковъ, между прочимъ, центральный союзъ германскаго судоходства, принимающій въ свою среду учрежденія и лицъ другихъ государствъ. Въ немъ на правахъ корпоративнаго члена состоитъ отъ Россіи отдѣлъ статистики и картографіи министерства путей сообщенія и имѣетъ трехъ представителей въ его постоянной комиссіи. Участвуя въ ея засѣданіяхъ въ качествѣ одного изъ нихъ, я встрѣчалъ со стороны германскихъ членовъ всегда отличный пріемъ и широкое содѣйствіе къ изученію интересовавшихъ насъ вопросовъ изъ области германскаго судоходства.

Въ послѣдніе годы возникла мысль объ объединеніи дѣятельности разнообразныхъ международныхъ ассоціацій при посредствѣ особаго мірового международнаго центральнаго института. Мысль эта нашла себѣ благодарную почву въ Бельгіи. Здѣсь образовался союзъ международныхъ ассоціацій. Онъ поставилъ себѣ цѣлью содѣйствовать развитію международнаго общенія, помогать существующимъ организаціямъ въ ихъ работѣ и способствовать возникновенію новыхъ, наблюдая за тѣмъ, чтобы силы націй не растрачивались на преслѣдованіе уже достигнутыхъ цѣлей, а направлялись непрерывно по путямъ прогресса и усовершенствованія. Въ мировомъ центрѣ организовались особыя учрежденія, общія для всѣхъ международныхъ ассоціацій: бюро, музей, библіотека, архивъ документовъ. Подготовлялась постройка международнаго дворца для помѣщенія всѣхъ сокровищъ международныхъ знаній, съ залами для конгрессовъ и аудиторіями, гдѣ ученые всего міра приходили бы учить весь міръ. Союзъ международныхъ ассо-

ціацій стремится къ созданію своихъ отдѣловъ во всѣхъ странахъ и авторъ былъ его уполномоченнымъ для этой цѣли въ Россіи.

При развитіи международнаго общенія на поприщѣ спеціальныхъ союзовъ, обществъ или ассоціацій большія затрудненія возникали изъ-за языковъ. Когда то общепризнанный, какъ международный, языкъ французовъ, долженъ былъ постепенно допустить, чтобы одинаковыя съ нимъ права получили нѣмецкій и англійскій. Теперь большинство международныхъ учрежденій признаетъ своими оффиціальными языками эти три, какъ имѣющіе каждый въ извѣстной мѣрѣ международную сферу примѣненія. Французскій языкъ—языкъ Франціи, Бельгіи, части Швейцаріи и Люксембурга. Нѣмецкій—достояніе Германіи, Австріи и части Швейцаріи. Англійскій служитъ для двухъ такихъ большихъ государствъ, какъ Британская Имперія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки.

Вмѣстѣ съ тѣми измѣненіями, которыя международное общеніе вызываетъ въ разныхъ областяхъ человѣческой жизни, должны измѣняться и условія распространенія разговорныхъ языковъ. Разговорный языкъ того или иного народа распространяется естественно, подъ вліяніемъ необходимости, въ зависимости отъ политическихъ или соціальныхъ условій. У языка народа, живущаго въ ограниченныхъ предѣлахъ своей страны и не имѣющаго колоній, очень мало шансовъ на естественное широкое распространеніе за этими предѣлами. Напротивъ того, языкъ народовъ, имѣющихъ значительныя заморскія владѣнія и ведущихъ торговыя и культурныя сношенія съ разными частями свѣта, распространяется широко.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе интереснымъ примѣромъ является Англія. Небольшое островное государство у береговъ Европы, она владѣетъ богатыми колоніями во всѣхъ частяхъ свѣта и ея языкъ употребляется на всемъ земномъ шарѣ.

Въ подобныхъ условіяхъ находятся еще языки французскій и нѣмецкій, хотя естественное распространеніе ихъ гораздо менѣе значительно, чѣмъ языка англійскаго. Но зато по отношенію къ этимъ двумъ послѣднимъ языкамъ съ особой силой выступаетъ искусственное распространеніе ихъ за предѣлами своихъ странъ.

Это искусственное распространеніе достигается самыми разнообразными средствами, напримѣръ, сѣтью школъ, разсѣянныхъ за границей, литературой, журналистикой, а съ развитіемъ международныхъ конгрессовъ и ассоціацій—включеніемъ этихъ языковъ въ обязательный обиходъ ассоціацій. На французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ обыкновенно печатаются доклады и труды конгрессовъ; на нихъ же происходятъ устныя пренія въ засѣданіяхъ. При этомъ постоянно приходится наблюдать настойчивость, съ которой германцы прокладываютъ вездѣ пути своему языку. Въ большинствѣ случаевъ владѣя удовлетворительно французкимъ и англійскимъ языками, они всегда произносятъ свои рѣчи по нѣмецки, даже тогда, когда въ аудиторіи они рискуютъ остаться непонятыми никѣмъ, и охотно повторяютъ затѣмъ сказанное на другихъ конгрессныхъ языкахъ. Свою переписку съ международными организаціями они ведутъ обязательно на нѣмецкомъ языкѣ и умѣютъ сдѣлать такъ, что отвѣты имъ пишутся по нѣмецки изъ бюро, находящихся въ Бельгіи, Франціи, Италіи и пр.

Въ совершенно иномъ положеніи находится Россія. Несмотря на то, что русскій народъ является самой большой націей въ мірѣ, имѣющей одинъ

государственный языкъ, и что матеріальное участіе Россіи въ поддержаніи международныхъ учрежденій нисколько не меньше, чѣмъ французовъ, англичанъ или германцевъ, русскій языкъ на международныхъ конгрессахъ и въ международныхъ ассоціаціяхъ не имѣетъ должныхъ правъ.

Русскіе обязаны представлять свои доклады на французскомъ, англійскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; они вынуждаются говорить во время преній па одномъ изъ этихъ языковъ; переписку съ администраціями международныхъ учрежденій они должны вести тоже по-французски, англійски или нѣмецки. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, путемъ настойчивой борьбы отдѣльныхъ лицъ удавалось достигнуть нѣкоторыхъ уступокъ.

Такъ, моими усиліями въ статутъ постоянной ассоціаціи судоходныхъ конгрессовъ введено правило, по которому конгреснымъ языкомъ считается и языкъ страны, гдѣ происходитъ конгрессъ. Благодаря этому, на судоходномъ конгрессѣ 1908 года, бывшемъ въ Петербургѣ, можно было на законномъ основаніи говорить по-русски, но труды конгресса администраціей ассоціаціи не были напечатаны на русскомъ языкѣ и появились на немъ въ особомъ изданіи русскаго правительства, сдѣланномъ по моему предложенію на особыя средства.

Мнѣ также удалось отстоять введеніе въ статутъ постоянной ассоціаціи шоссейно-дорожныхъ конгрессовъ право говорить въ засѣданіяхъ по-русски, но лишь съ дополнительнымъ условіемъ, чтобы русскія рѣчи немедленно переводились на одинъ изъ конгрессныхъ языковъ. То же было достигнуто и для отдѣльнаго конгресса Балтійскихъ инженеровъ въ 1914 г.

Но все это, конечно, очень далеко отъ равноправія, которое можетъ быть установлено лишь при энергичной поддержкѣ русскимъ правительствомъ своихъ представителей.

Надо замѣтить, что далеко не всѣ русскіе, участвующіе въ конгрессахъ, раздѣляютъ высказанный взглядъ. Одни находятъ, что знаніе русскими иностранныхъ языковъ дѣлаетъ совершенно ненужнымъ пользованіе въ конгрессахъ русскимъ. Другіе считаютъ, что незнаніе иностранцами русскаго языка сдѣлало бы введеніе его въ обиходъ конгрессовъ безполезнымъ. Есть, къ сожалѣнію, и такіе, которые доказываютъ, что русскимъ по-русски въ присутствіи иностранцевъ говорить въ конгрессахъ невѣжливо. Такой невѣроятный фактъ имѣлъ мѣсто въ Петроградѣ еще въ 1914 году и можетъ быть провѣренъ по оффиціальнымъ документамъ.

Всему этому игнорированію національныхъ задачъ Россіи долженъ быть положенъ конецъ. Величайшая нація міра, охватывающая въ одномъ континентѣ огромную часть поверхности земного шара, носительница древней культуры и обладательница великолѣпнаго языка, Россія не можетъ, не умаляя своего достоинства, отказаться отъ оффиціальныхъ правъ этого языка въ международныхъ собраніяхъ.

Тамъ, гдѣ по взаимному уговору принимается только одинъ, напримѣръ, языкъ французскій или языкъ страны, созывающей конгрессъ, нельзя, конечно претендовать на обязательное введеніе еще и русскаго. Но въ международныхъ ассоціаціяхъ и конгрессахъ, допускающихъ одновременное употребленіе двухъ или трехъ языковъ, языкъ русскій не можетъ быть лишенъ совершенно одинаковыхъ правъ съ англійскимъ, французскимъ или нѣмецкимъ.

Только при условіи такого равноправія представляется возможнымъ оффиціальное участіе русскаго правительства въ ассоціаціяхъ и конгрессахъ чрезъ своихъ представителей и матеріальная поддержка этихъ учрежденій за счетъ казенныхъ русскихъ средствъ. Оказывая такую помощь и посылая своихъ представителей, должно обезпечить имъ право говорить по-русски и получать труды конгрессовъ на русскомъ языкѣ. И это нужно не только для охраненія достоинства Россіи, но и для полученія для нашей страны, отъ международныхъ учрежденій наибольшихъ выгодъ, такъ какъ далеко не всѣ русскіе владѣютъ иностранными языками настолько, чтобы имъ было безразлично говорить и читать на иностранномъ или на русскомъ. Если конгрессы будутъ признавать русскую рѣчь и печатать русскія изданія своихъ трудовъ, то участіе въ нихъ русскихъ увеличится во много разъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастетъ и приносимая намъ этими организаціями польза, и профессіональная, и общая.

Международныя учрежденія должны поэтому и въ своихъ интересахъ дать Россіи скорѣе то, что ей принадлежитъ по праву.

Хотѣлось бы надѣяться, что вынесенныя нашей родиной тяжелыя испытанія наряду съ блестящими успѣхами на поляхъ битвъ, откроютъ ей путь и къ новой побѣдѣ въ области международныхъ мирныхъ отношеній. Этотъ путь тѣмъ вѣрнѣе приведетъ къ цѣли, чѣмъ больше будетъ проявлено нами твердости, спокойствія и предусмотрительности.

Въ общемъ въ настоящее время насчитывается до четырехсотъ постоянныхъ международныхъ ассоціацій, посвящающихъ свою дѣятельность изученію различныхъ спеціальныхъ предметовъ и ихъ практическихъ приложеній. Изъ этихъ 400 ассоціацій $^2/_5$ имѣютъ свои постоянныя бюро, непрерывно дѣйствующія и въ промежуткахъ между международными конгрессами. Другія еще такихъ постоянныхъ учрежденій не имѣютъ и ограничиваютъ свою дѣятельность конгрессами. Какъ тѣ, такъ и другія, но въ особенности первыя, создали прочныя узы между различными странами и ихъ представителями, способныя выдержать даже небывалыя испытанія, пріуготовленныя разразившейся въ 1914 году міровой войной.

Въ членахъ этихъ международныхъ учрежденій, наряду съ самой искренней любовью каждаго изъ нихъ къ своей родинѣ и полной готовностью отдать себя всего, если надо, интересамъ своего отечества, живетъ глубокое убѣжденіе въ цѣльности жизнедѣятельности всего человѣчества, въ томъ, что общее благо будетъ достигнуто въ будущемъ только совмѣстными усиліями всѣхъ націй, что за годами войны наступятъ постепенно вновь времена мирной и дружной работы и что поэтому нельзя гасить тѣ чувства международной солидарности, которыя явились результатомъ многолѣтняго сотрудничества представителей разныхъ странъ въ международныхъ организаціяхъ.

По ихъ понятіямъ, укрѣпленнымъ долгой и сложной работой въ разныхъ сферахъ человѣческихъ знаній, войны проходятъ, но человѣчество остается и взаимныя раны народовъ залечиваются тѣмъ скорѣе и лучше, чѣмъ бережнѣе пронесены чрезъ военныя бури свѣтильники чистыхъ чувствъ уваженія къ творческимъ силамъ и генію отдѣльныхъ націй и ихъ совокупности—человѣчеству.

Сила этого убѣжденія проявилась и на томъ маленькомъ примѣрѣ, центромъ котораго явился авторъ настоящей книги. Какъ ни ничтожны судьбы отдѣльныхъ личностей въ эпоху переживаемыхъ нами міровыхъ событій, но въ смыслѣ доказательства опредѣленной мысли онѣ не могутъ быть лишены своего значенія.

Подобно вихрю, поднимающему въ полѣ лежащія на землѣ соломенки и яростно влекущему ихъ вдаль, военный ураганъ завертѣлъ въ своихъ порывахъ многихъ русскихъ людей, случайно оказавшихся у него на пути. Я, моя семья и другіе близкіе мнѣ люди, посѣтившіе Германію въ 1914 году, вдругъ лишились опоры и насъ понесло навстрѣчу невидимымъ опасностямъ. Изъ гражданъ могучаго отечества, обезпеченныхъ и окруженныхъ благами родной земли, мы въ нѣсколько мгновеній стали паріями безъ крова, безъ пищи, безъ помощи. Насъ каждый могъ схватить обидѣть, уничтожить. На меня рука судьбы уже широко размахнулась и я получилъ тяжелый ударъ. Другихъ, бывшихъ со мною, она еще щадила, довольствуясь сначала одной жертвой, но кто могъ ручаться за самое ближайшее время?

Въ глубокомъ безпокойствѣ за своихъ близкихъ, я сталъ искать поддержки прежде всего тамъ, гдѣ ее намъ долженъ былъ дать оффиціальный міръ. Традиціонный укладъ взаимныхъ отношеній дипломатическихъ органовъ отдалъ насъ подъ покровительство испанскаго посольства. Представитель нейтральной державы долженъ былъ, повидимому, вывести насъ изъ бѣдствія, въ которомъ мы оказались. Но онъ этого не сдѣлалъ, конечно, не по недостатку доброй воли!

Слова утѣшенія обратили къ намъ наши личные друзья, когда они узнали о нашемъ бѣдственномъ положеніи. Это были соотечественники, которымъ случай далъ возможность организовать помощь кое-кому изъ русскихъ. Они предложили ее и намъ, но имъ также не удалось ничего сдѣлать. Было ли этому виной отсутствіе свободной энергіи, такъ какъ прежде всего имъ надо было обезпечить свои интересы, или иныя обстоятельства,— все равно. Мы остались въ той же бѣдѣ, что и раньше.

Наши надежды направились затѣмъ къ новой организаціи, созданной въ Германіи спеціально, чтобы помогать всѣмъ русскимъ, задержаннымъ войной. Особый комитетъ, образованный съ этой цѣлью въ Берлинѣ изъ мѣстныхъ дѣятелей съ участіемъ, правда, кратковременнымъ, нѣсколькихъ русскихъ, казалось, не могъ, безъ нарушенія справедливости, не сдѣлать для насъ того, что онъ взялся дѣлать для всѣхъ. Собирая значительныя денежныя суммы и съ тѣхъ, кому онъ собирался помогать, и особенно съ нашего правительства, онъ, очевидно не долженъ былъ думать объ однихъ русскихъ гражданахъ и забывать другихъ. Онъ долженъ былъ установить порядокъ, построенный на строгихъ принципахъ равноправія, для того, чтобы шагъ за шагомъ обезпечить каждому изъ насъ уходъ изъ плѣна. Но этого не случилось. Руководясь особыми расовыми, религіозными или партійными чувствами, онъ дѣлалъ много для однихъ, мало для другихъ и ничего не сдѣлалъ для насъ. Просьбы и долгіе дни и недѣли ожиданія не подвинули нашу судьбу къ улучшенію. Мы не получили даже отклика на нашъ призывъ. Насъ не замѣчали.

— Нѣмцы держатъ въ плѣну русскихъ генераловъ! Они заперли ихъ въ тюрьмы. И прекрасно! Пусть посидятъ. Пусть испытаютъ на себѣ, что такое тюрьма!—сказалъ, будто-бы, одинъ изъ членовъ комитета.

Дѣйствительность произнесенія этой фразы подтверждали люди, заслуживающіе полнаго довѣрія и о ней много говорили въ Берлинѣ, что достаточно рисуетъ положеніе.

Въ то время, когда мы безуспѣшно старались найти средства къ освобожденію за границей, наши близкіе въ Россіи обращались за помощью къ русскимъ оффиціальнымъ учрежденіямъ и высшимъ представителямъ правительства. Они встрѣтили полное сочувствіе и полную невозможность какого бы то ни было активнаго выступленія. Офиціальная и офиціозная Россія съ началомъ военныхъ дѣйствій ничего не могла сдѣлать для освобожденія застигнутыхъ войной во вражескихъ странахъ своихъ гражданъ, по крайней мѣрѣ въ то время.

Кто знаетъ, что при такихъ обстоятельствахъ сталось бы съ нами, если бы не германскіе представители международныхъ организацій. Эти люди принадлежали къ народу, который объявилъ войну нашей роднпѣ. Ихъ близкіе сражались на нашихъ границахъ или на границахъ нашихъ союзниковъ. Нѣкоторые уже разстались съ жизнью.

Съ чувствомъ благородной деликатности, съ пониманіемъ того, что переживали наши истомленныя души, съ искреннимъ желаніемъ помочь,— германскіе участники международныхъ организацій подошли къ намъ и оказали намъ помощь. Двери тюрьмы раскрылись предо мной ихъ усиліями. Жизнь въ чужомъ и враждебномъ городѣ была ими всѣмъ намъ облегчена. Чрезъ нихъ мы получили свободу вернуться на родину, вернуться туда, куда насъ влекли долгъ и чувство, уйдя изъ опаснаго и тяжелаго плѣна. И это было сдѣлано не только для меня и моей семьи, но и для людей, которыхъ судьба соединилась съ нашей и которымъ германскіе участники международныхъ организацій, по моей просьбѣ, помогли наравнѣ съ нами.

Въ основѣ всей этой помощи лежала близость, создавшаяся на почвѣ международной совмѣстной работы. Я и тѣ, кто меня поддержалъ, даже въ разгаръ войны между нашими странами, не могли не видѣть другъ въ другѣ людей, шедшихъ долгіе годы рука объ руку къ обще-человѣческимъ идеаламъ. Это не мѣшало и не мѣшаетъ каждому изъ насъ исполнить весь долгъ предъ своимъ отечествомъ, но въ то же время позволяетъ и среди борьбы народовъ проявлять къ другъ другу чувства, основанныя на глубокихъ началахъ гуманности.

„Die ernsten Zeiten haben die persönlichen Beziehungen leider unterbrochen, sie sollen sie aber nicht ganz zerstören... Einen Sohn haben Sie noch nicht mit im Felde. Unser Einziger, der Oberleutnant und Adjutant in einem Garde-Feld-Artillerie ist, wurde bisher verschont. Nun leben Sie wohl. und nehmen meine besten Wünsche für Sie und Ihre Familie entgegen..." Такъ писалъ мнѣ послѣ начала войны одинъ изъ моихъ германскихъ коллегъ по международной научной дѣятельности.

Пережитое лично при такихъ условіяхъ укрѣпляетъ меня въ убѣжденіи въ міровомъ значеніи тѣхъ отношеній, которыя создаютъ международныя организаціи, объединяющія дѣятельность отдѣльныхъ націй во имя прогресса науки и практики. Войны не разрушатъ это могучее средство сближенія

народовъ. Войны пройдутъ, а созданныя связи сохранятся для дальнѣйшей мирной работы на пользу всѣхъ. Эти связи будутъ все болѣе и болѣе измѣнять условія жизни человѣчества, способствуя укрѣпленію здоровыхъ отношеній между разными странами.

Залогомъ этого желаннаго будущаго является созданный по инціативѣ Россіи Гаагскій международный судъ. Онъ предотвратилъ уже не мало взаимныхъ столкновеній разныхъ государствъ и его значеніе возрастетъ во много разъ съ окончаніемъ нынѣшней міровой войны. Каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы народовъ, никогда не забудется, что именно Россія положила начало международной организаціи, которая дастъ впослѣдствіи всѣмъ націямъ широкую возможность къ сохраненію долгаго, прочнаго и „мирнаго" мира.

За три дня до объявленія намъ Германіей войны—16 іюля 1914 года русскій императоръ послалъ императору германскому телеграмму величайшаго значенія:

„Благодарю за вашу телеграмму, примирительную и дружескую; между тѣмъ, офиціальное сообщеніе, переданное сегодня вашимъ посломъ моему министру, было совершенно въ другомъ тонѣ. Прошу васъ объяснить это разногласіе. Было бы правильнымъ передать австро-сербскій вопросъ на гаагскую конференцію. Разсчитываю на вашу мудрость и дружбу".

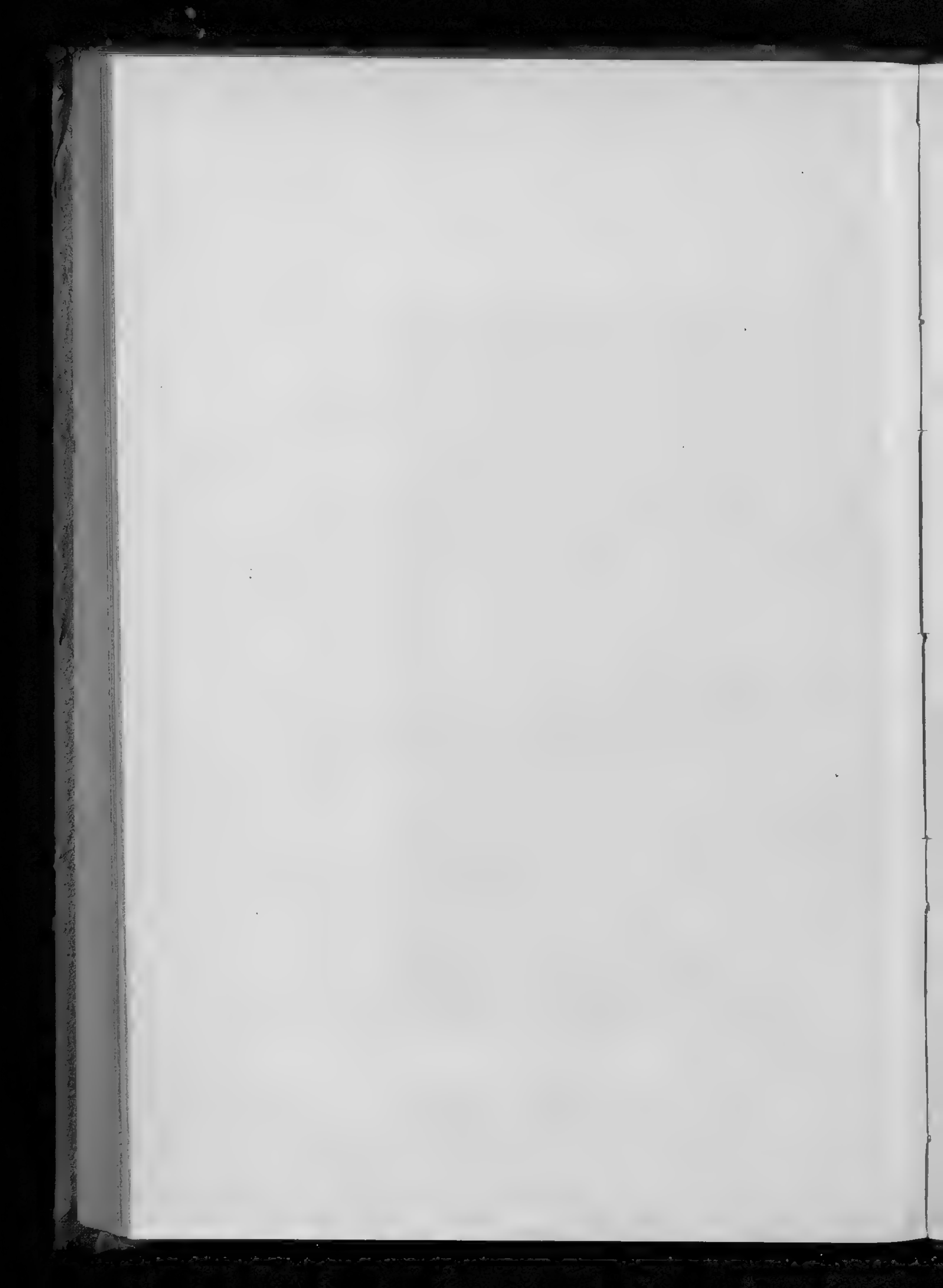
Эти слова, полныя миролюбія, давали благородный исходъ возникшему конфликту и позволяли предотвратить міровую войну. Германское правительство не вняло имъ и тщательно ихъ скрыло отъ своей страны, опасаясь, что народный разумъ помѣшаетъ осуществить замыслы военной партіи. Тяжелое наказаніе, которое постигнетъ въ концѣ концовъ „поднявшаго мечъ", не преминетъ расчистить пути идеямъ міровой справедливости, давно ставшихъ лозунгомъ Россіи. Въ этихъ завоеваніяхъ человѣческаго духа международнымъ организаціямъ, охватившимъ своей мощной и все крѣпнущей сѣтью земной шаръ, предназначена великая роль.

Будучи глубоко демократическими по своимъ основамъ, онѣ непрерывно развиваютъ и углубляютъ идеи народовластія и братства народовъ. Неустанной работой этихъ организацій все болѣе и болѣе ослабляется значеніе правительствъ, угрожающихъ миру и свободѣ тѣмъ, что они опираются въ своихъ выступленіяхъ на организованную силу, всецѣло направляемую ихъ волей, а не волей ихъ народовъ. Своими дружными усиліями международныя организаціи ведутъ къ прочному миру на оплотѣ союза демократическихъ націй.

Петроградъ.
Декабрь 1914 г.

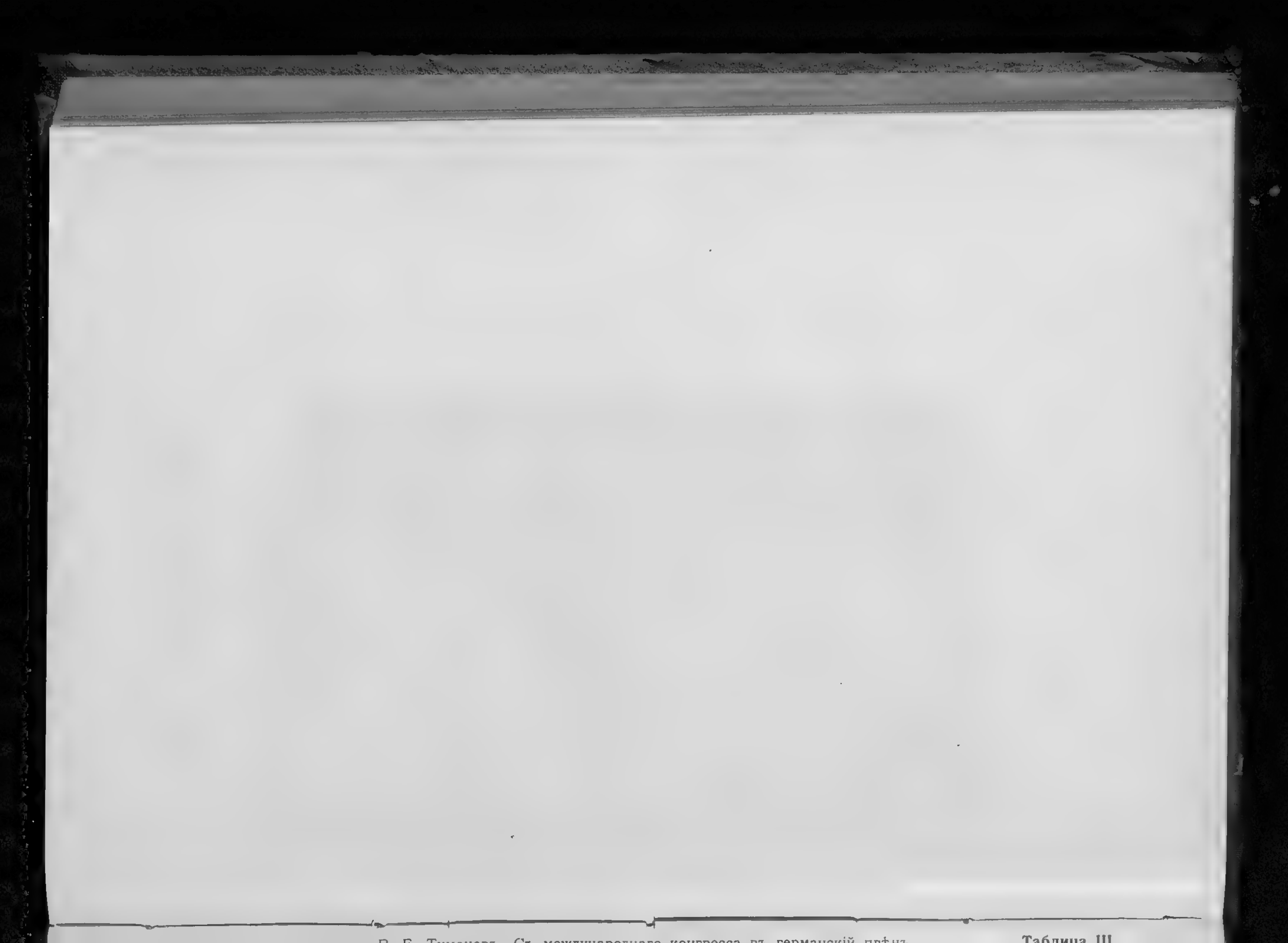

Собраніе Постоянной Международной Комиссіи Международной Ассоціаціи Судоходныхъ Конгрессовъ, послѣднее предъ войной 1914 года, бывшее въ маѣ 1914 года въ Брюсселѣ (1—бельгіецъ Helleputte, предсѣдатель, 2—бельгіецъ Dufourny, предсѣдатель, 3—бельгіецъ Richald, генеральный секретарь, 4—von Coels von der Brügghen, членъ отъ Германіи, 5—Chargueraud, членъ отъ Франціи, 6—Тимоновъ, членъ отъ Россіи).

Собраніе Постоянной Международной Комиссіи Международной Ассоціаціи Шоссейно-дорожныхъ Конгрессовъ, послѣднее передъ войной 1914 года, бывшее въ маѣ 1914 года въ Парижѣ (1—французъ de Préaudeau, предсѣдатель, 2—французъ Mahieu, генеральный секретарь, 3—Lewald, членъ отъ Германіи, 4—Тимоновъ, членъ отъ Россіи, 5—Rees Jeffries, членъ отъ Англіи, 6—Franz, членъ отъ Австріи).

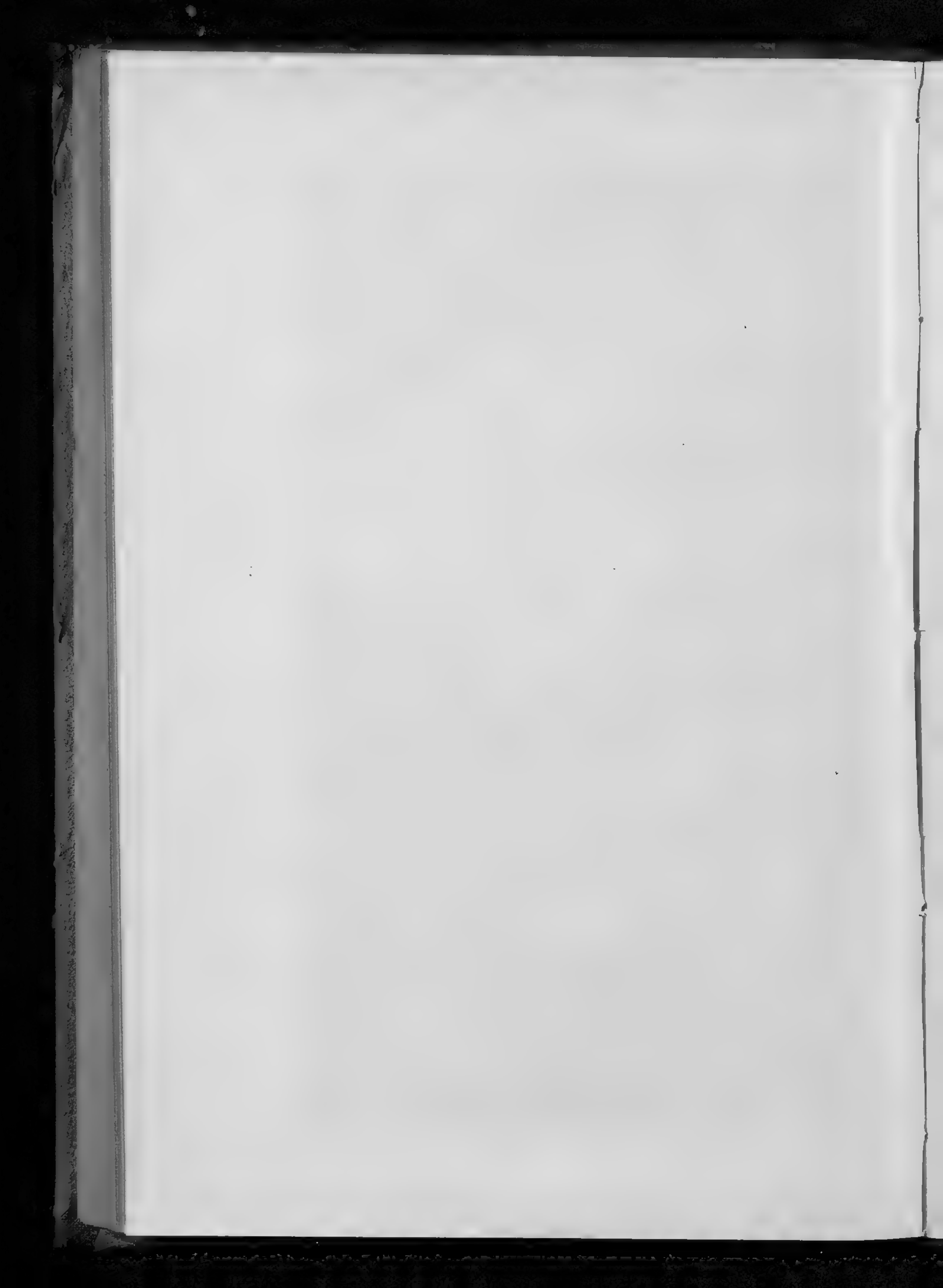
В. Е. Тимоновъ. Съ международнаго конгресса въ германскій лѣсъ.

Таблица III.

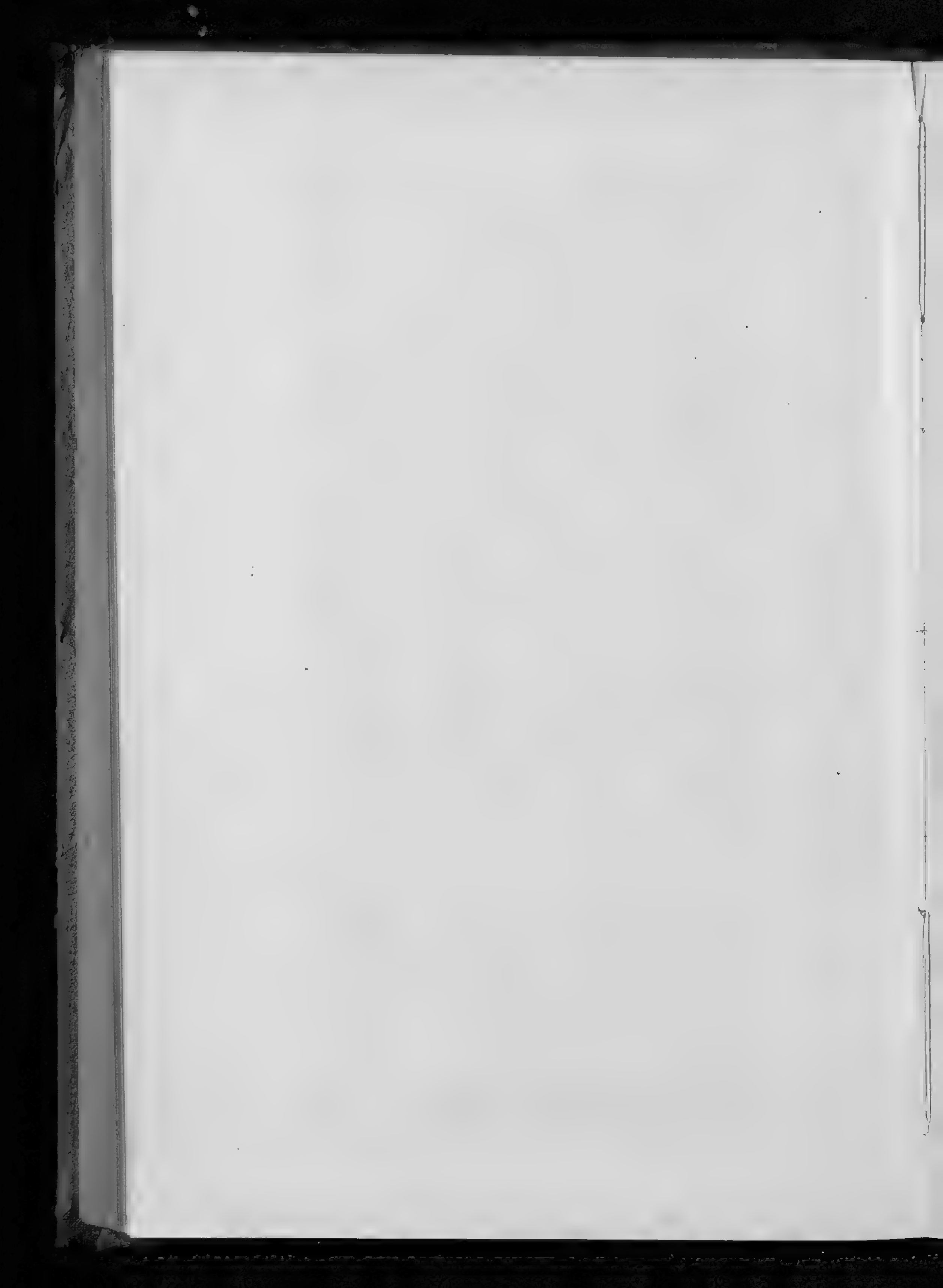
Группа, снятая въ Петроградѣ въ іюнѣ 1914 года на банкетѣ англійской колоніи въ честь адмирала Битти.

1. Адмиралъ сэръ Давидъ Битти (Beatty). — 2. Адмиралъ фонъ Эссенъ. — 3. Лэди Битти. — 4. Вдова адмирала Макарова.—5. Сэръ Джорджъ Бьюкененъ, великобританскій посолъ въ Петроградѣ. — 7. Графъ И. И. Толстой, городской голова Петрограда. — 9. Сенаторъ С. В. Ивановъ, предсѣдатель петроградской городской думы.—8 и 11. Гласные петроградской думы Бодиско (8) и профессоръ В. Е. Тимоновъ (11)—представители петроградскаго общественнаго управленія.

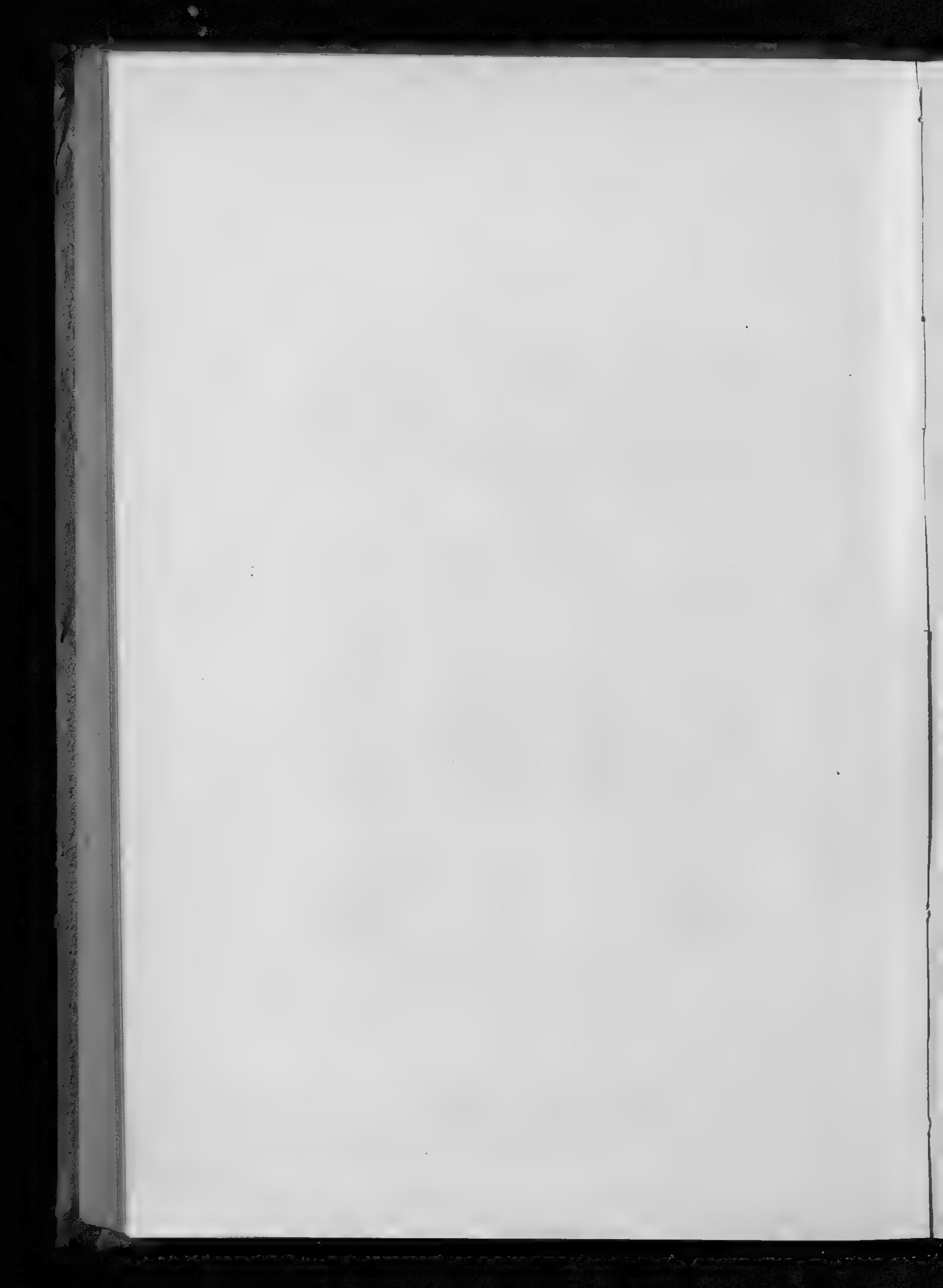

Члены Балтійскаго Инженернаго Конгресса, бывшаго въ г. Мальмё въ 1914 году, передъ входомъ въ помѣщеніе Конгресса въ Реальномъ училищѣ въ г. Мальмё.

Президіумъ Балтійскаго Инженернаго Конгресса, бывшаго въ Мальмё въ 1914 году, по изображенію, опубликованному въ журналѣ Teknisk Tidscrift 4 іюля 1914 года.

SKEPPSBYGGNADSKONST.

Ordf. Öfveringenjör T. THELANDER, v. ordf. Excellensen V. E. DE TIMONOFF, Direktör IVAR KNUDSEN, sekr. Mariningenjör B. T. ZETTERSTRÖM.

Excellens V. E. DE TIMONOFF.

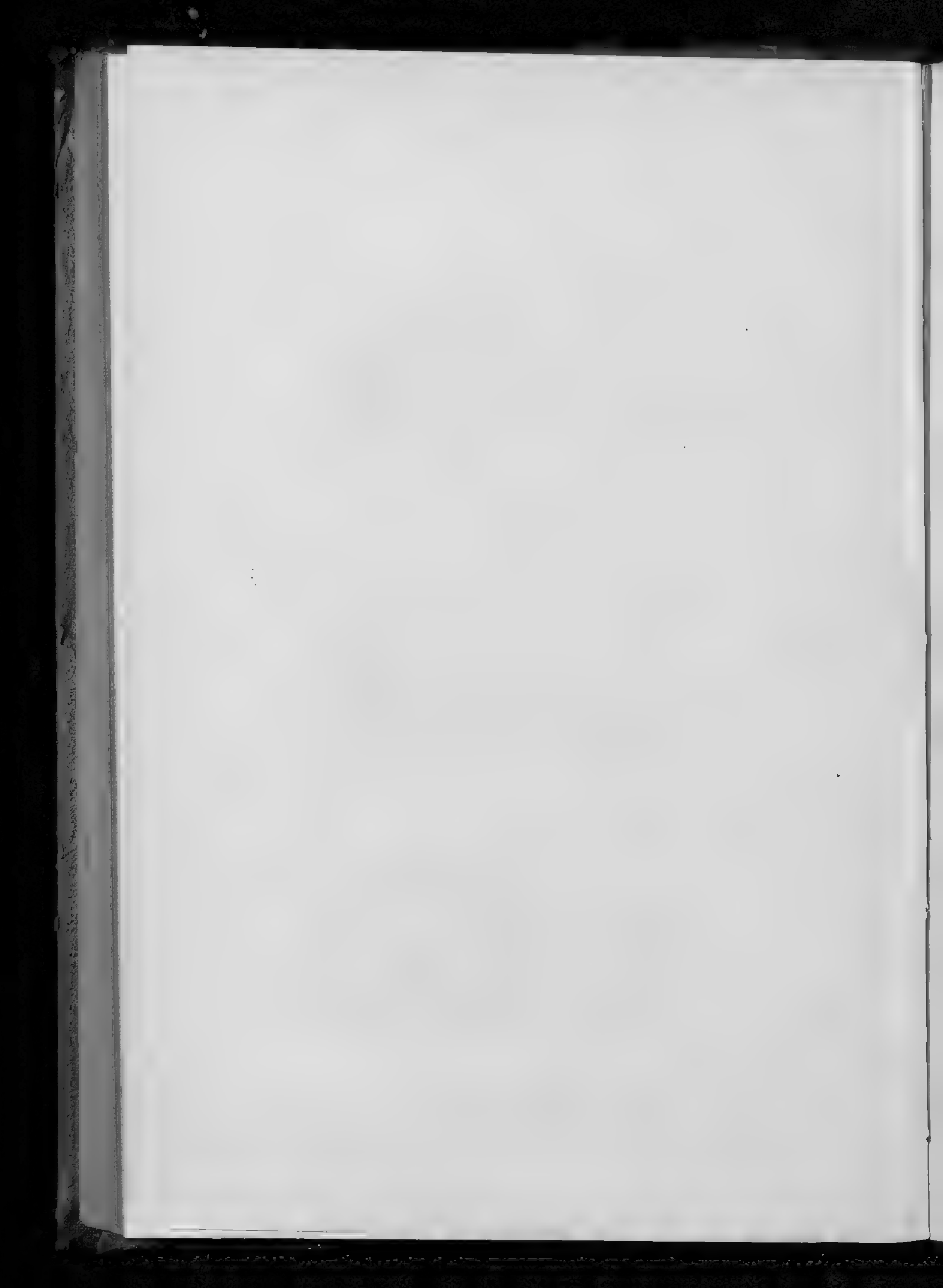

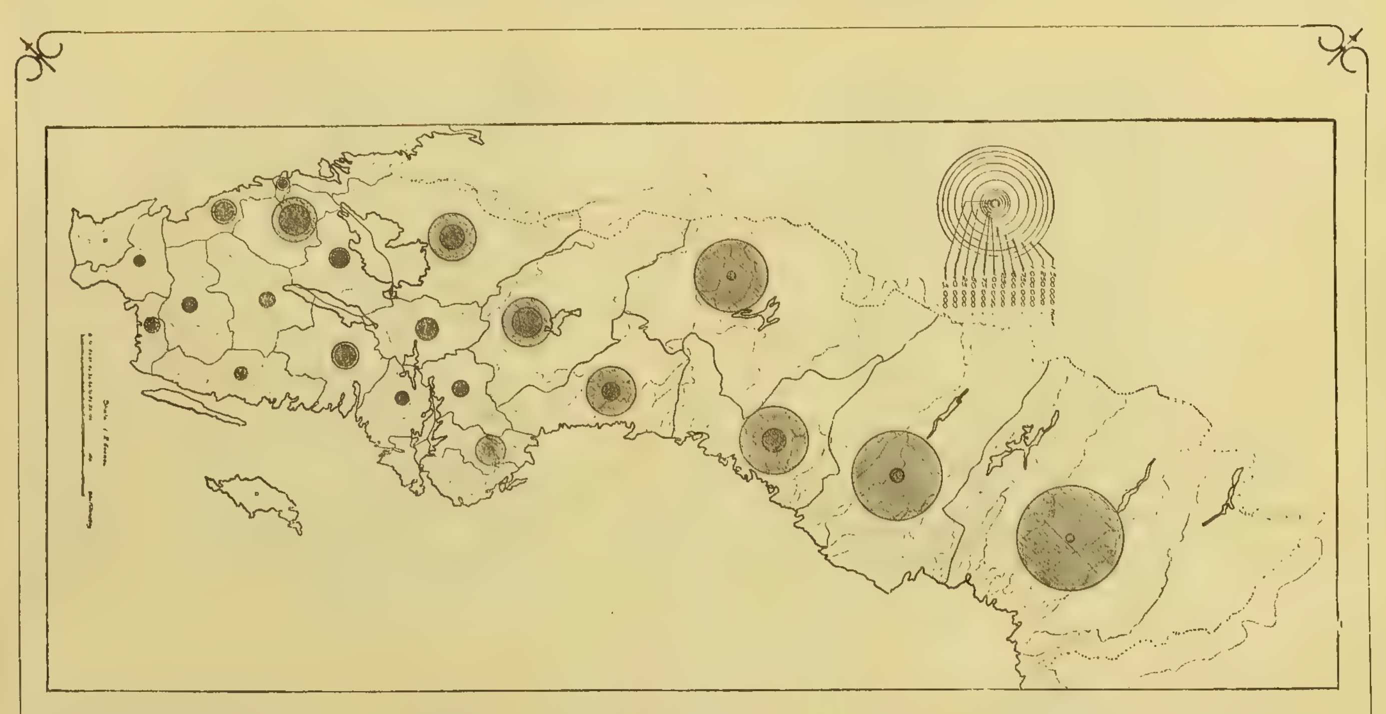
Öfveringenjör T. THELANDER.

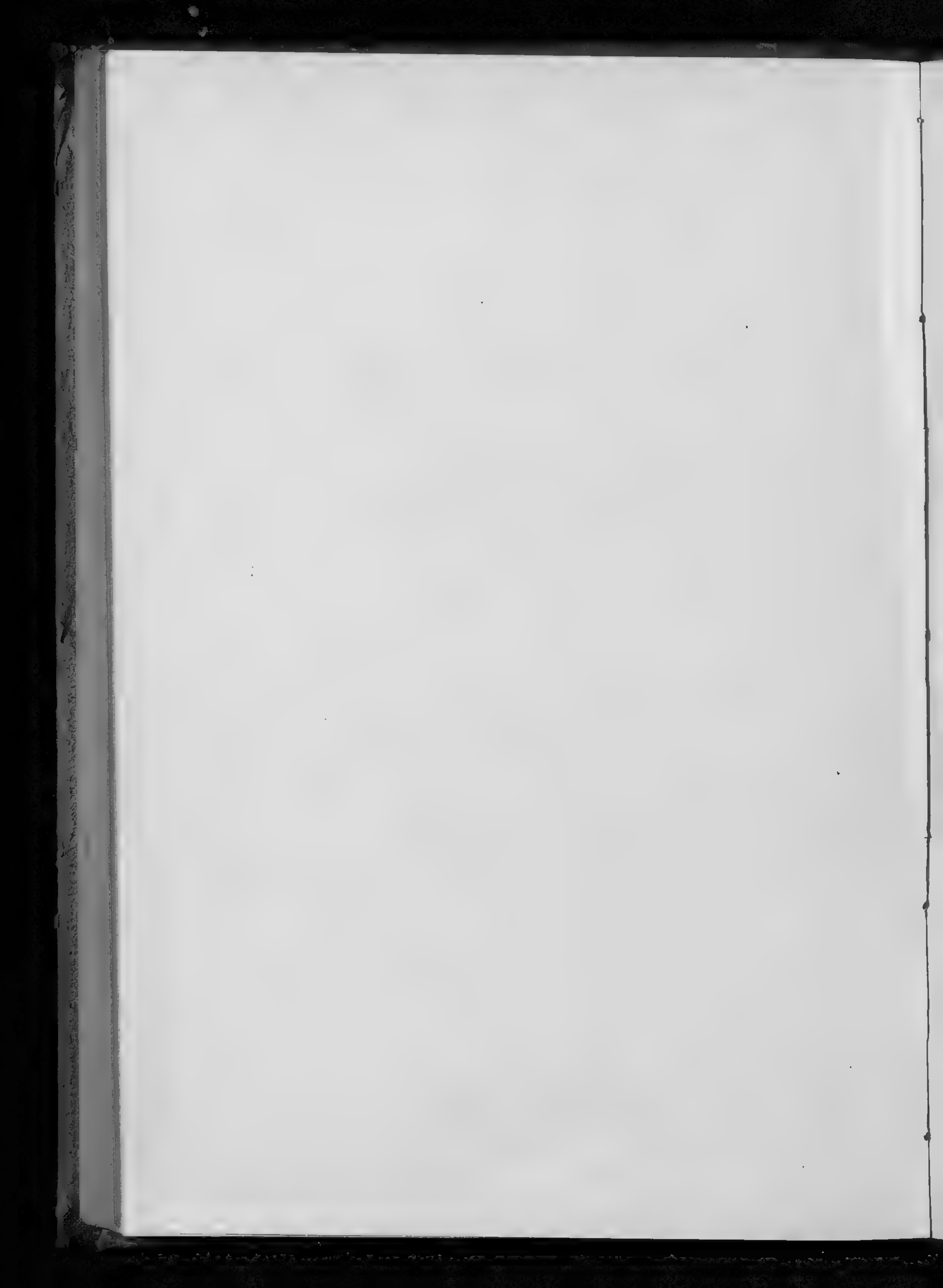
Mariningenjör B. T. ZETTERSTRÖM.

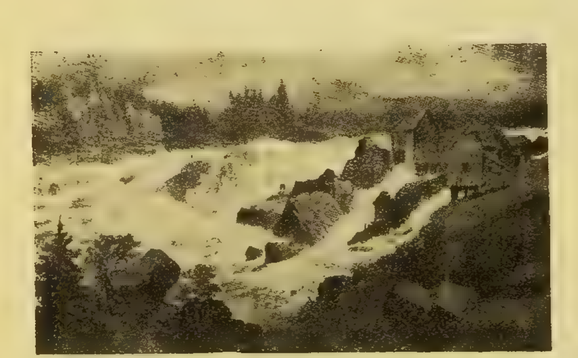
Президіумъ секціи судостроенія на Балтійскомъ Инженерномъ Конгрессѣ въ Мальмё 1914 года по изображенію, опубликованному журналомъ Teknisk Tidskrift 4 іюля 1914 года.

Карта Швеціи съ показаніемъ имѣющихся запасовъ водяныхъ силъ (большіе свѣтлые кружки) и количества использованныхъ силъ (внутренніе темные кружки). Масштабъ чиселъ силъ показанъ въ верхнемъ углу карты.

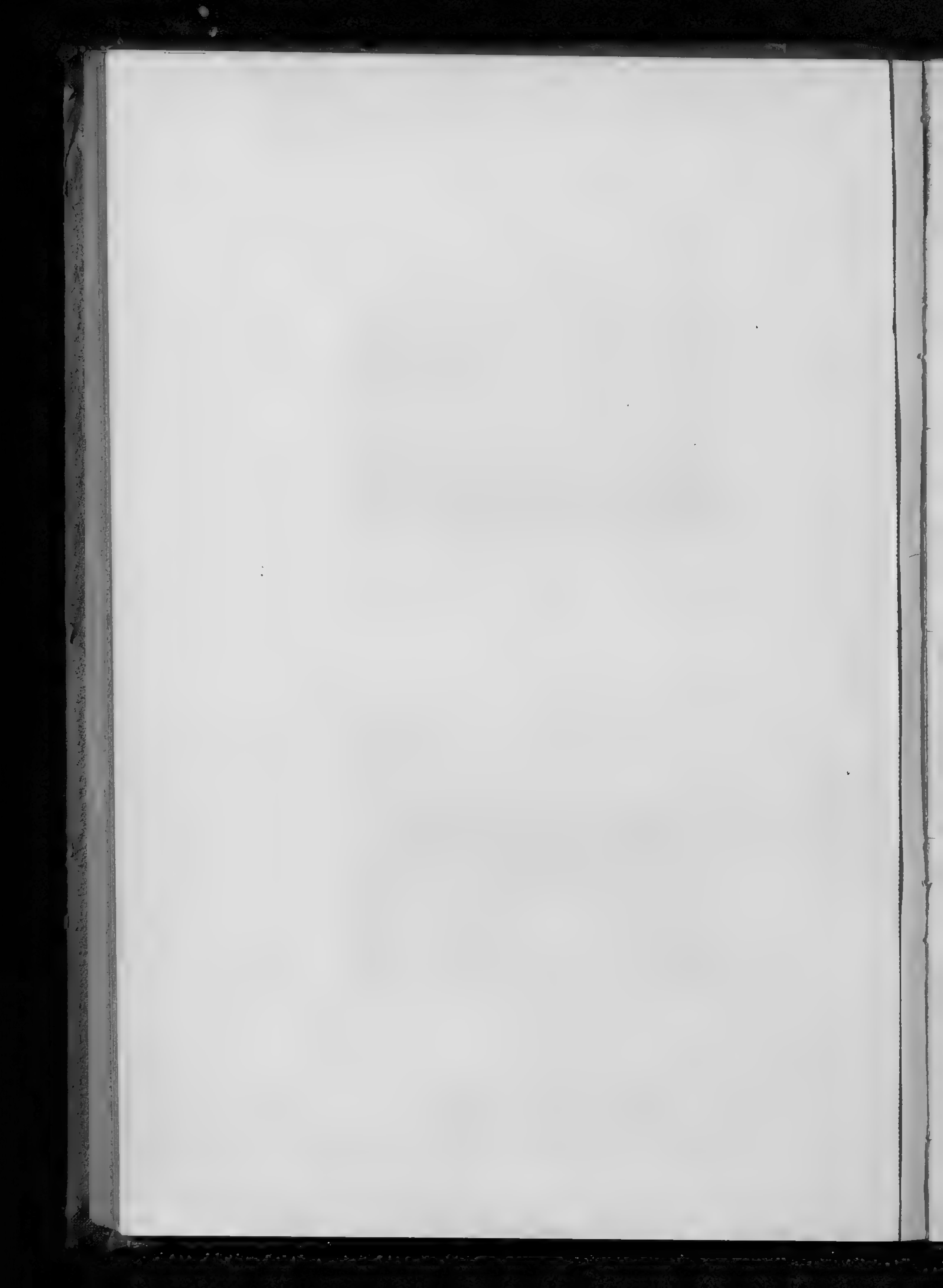

Троллгэттанскій водопадъ въ Швеціи въ серединѣ XIX столѣтія до его застройки вододѣйствующими заведеніями.

Троллгэтанскій водопадъ въ Швеціи въ концѣ XIX столѣтія послѣ его застройки вододѣйствующими заведеніями.

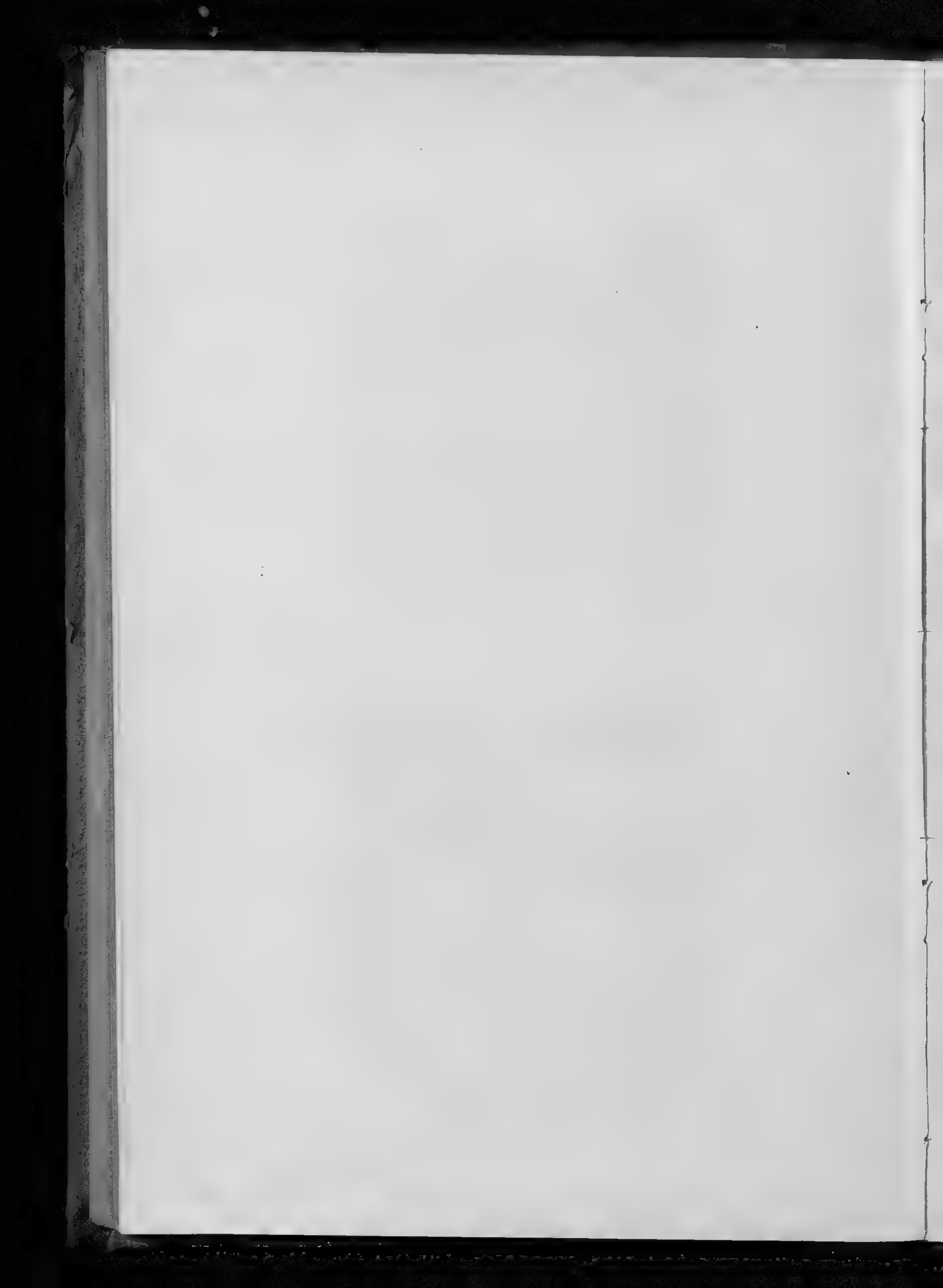

Хорошо указанное щебеночное шоссе (макадамъ), разстроенное автомобильнымъ движеніемъ съ ясно выраженными выбоинами въ разстояніи около одного метра одна отъ другой.

Шоссе изъ асфальтмакадама въ разстояніи 3,75 километра отъ Копенгагена, одинъ годъ спустя по его сооруженіи (снимокъ сдѣланъ послѣ дождя).

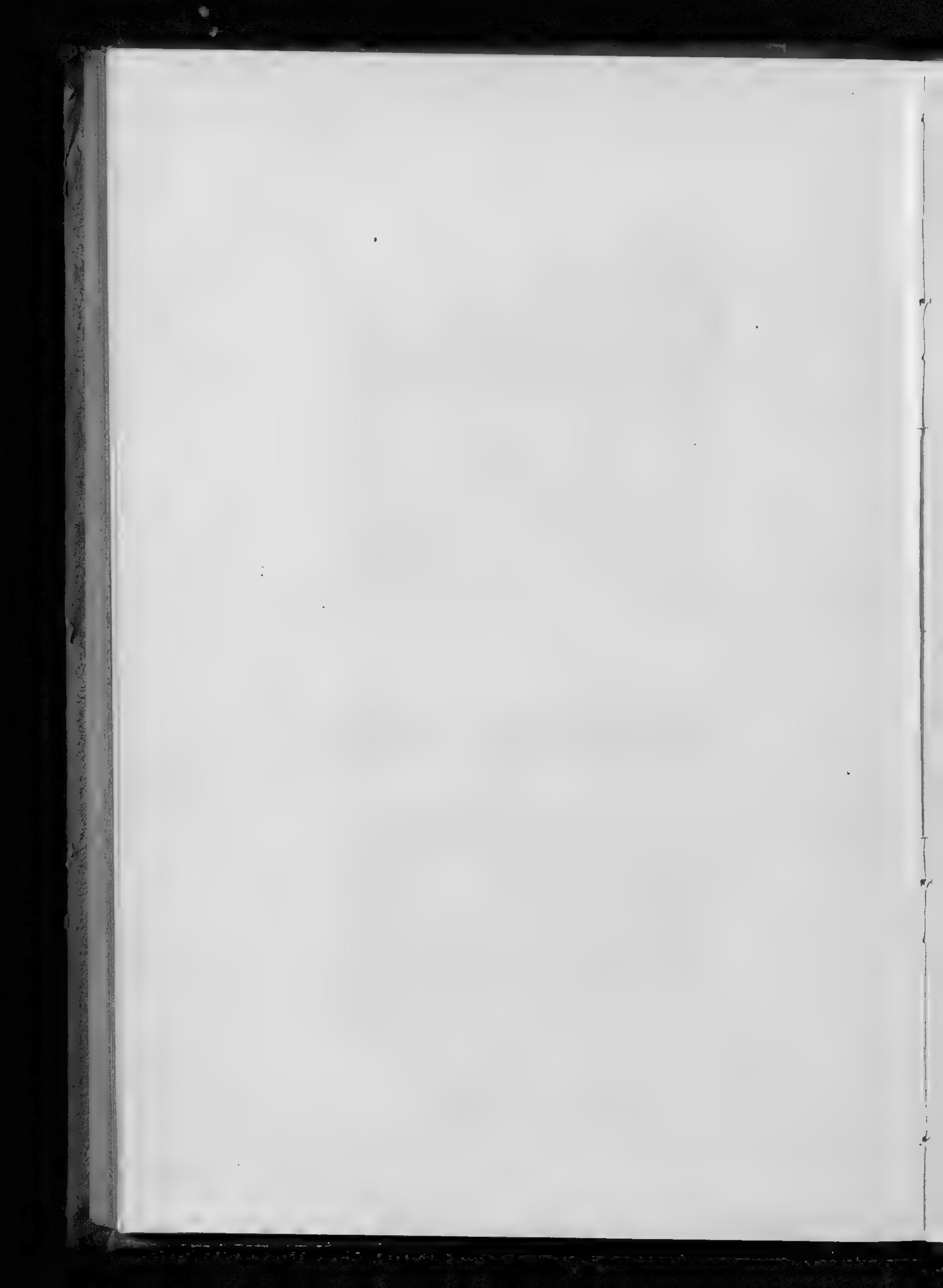

Мостовая изъ малыхъ кубиковъ въ разстояніи 4,5 километровъ отъ Копенгагена, семь лѣтъ спустя по ея сооруженіи.

Мостовая изъ малыхъ кубиковъ въ разстояніи 9,5 километровъ отъ Копенгагена, одинъ годъ спустя по ея сооруженіи.

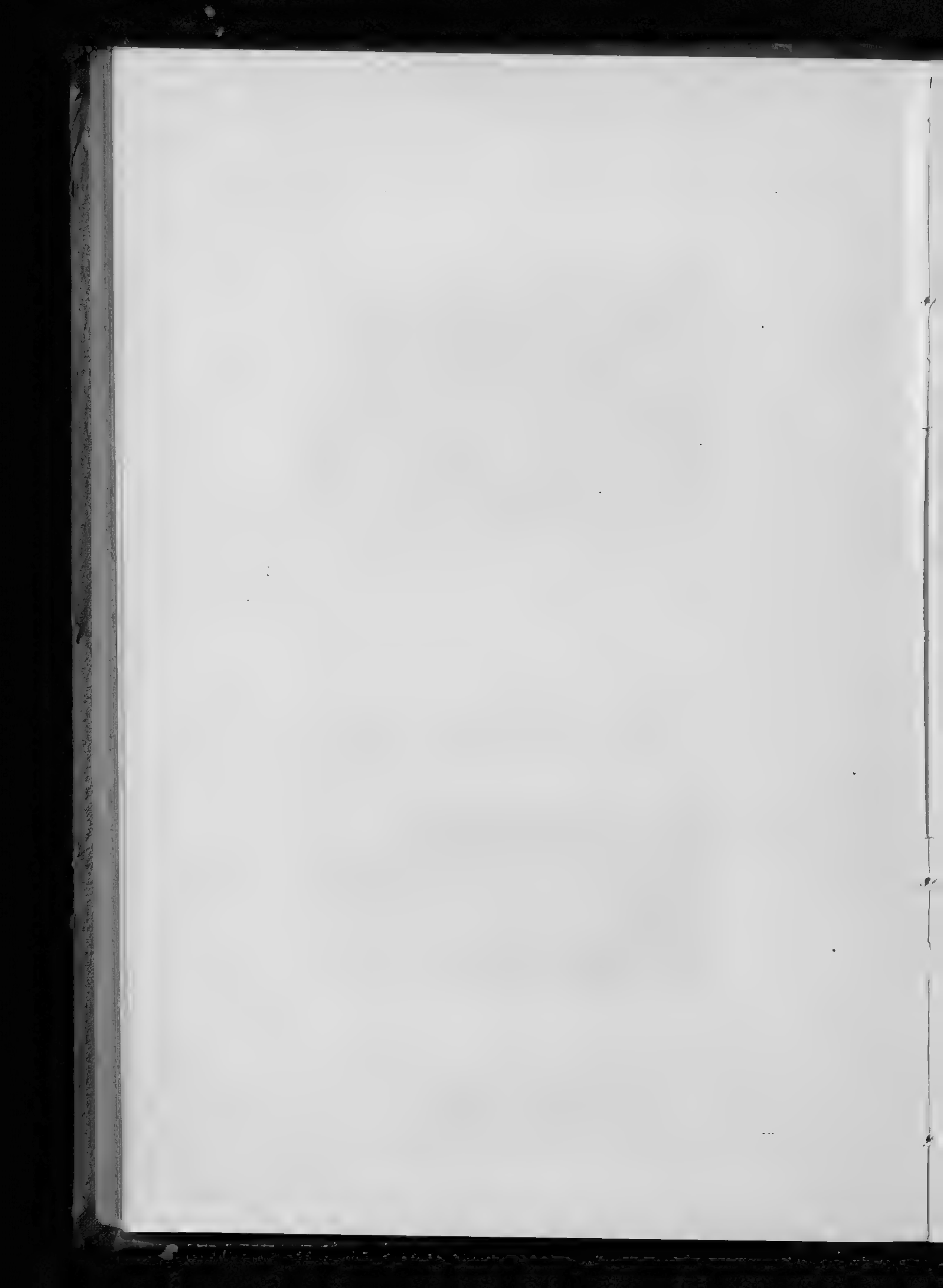

Первые опыты устройства въ Швеціи грунтовыхъ дорогъ съ правильной поперечной профилью—при помощи земледѣльческихъ орудій.

Устройство въ Швеціи грунтовыхъ дорогъ съ правильной поперечной профилью—при помощи усовершенствованныхъ американскихъ дорожныхъ машинъ.
(Машины и 20 рабочихъ дѣлаютъ въ часъ 100 метровъ такой дороги).

Современные теплоходы.

Первый океанскій теплоходъ „Зеелеандія“ въ 7.400 тоннъ и 2.500 I. H. P., принадлежащій Восточно-Азіатскому Обществу.

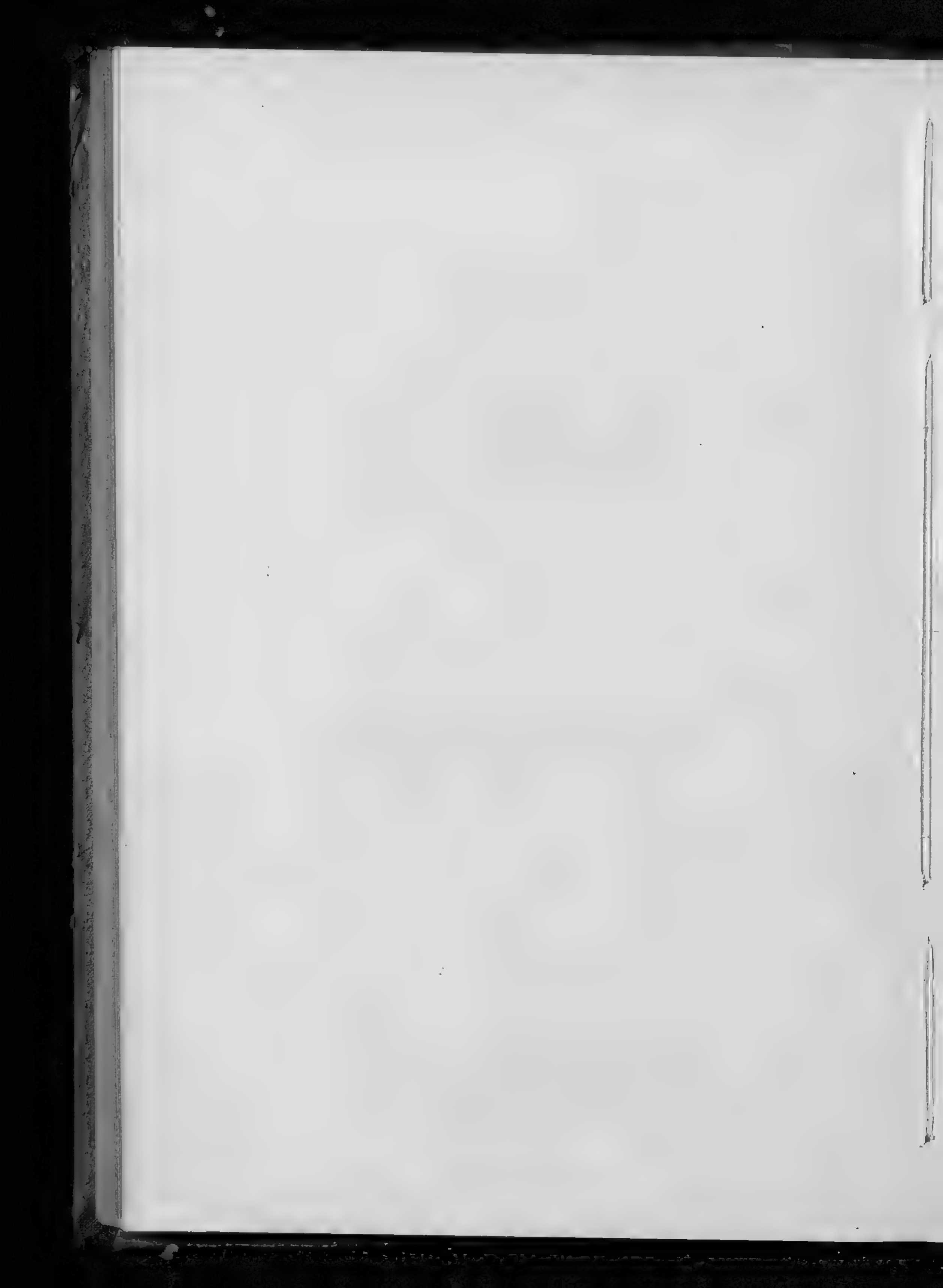

Теплоходъ „Аннамъ“ въ 9.700 тоннъ и 3.000 I. H. P., принадлежащій Восточно-Азіатскому Обществу.

Теплоходъ „Калифорнія“ въ 7.250 тоннъ и 2.600 I. H. P., принадлежащій Соединенному Пароходному Обществу.

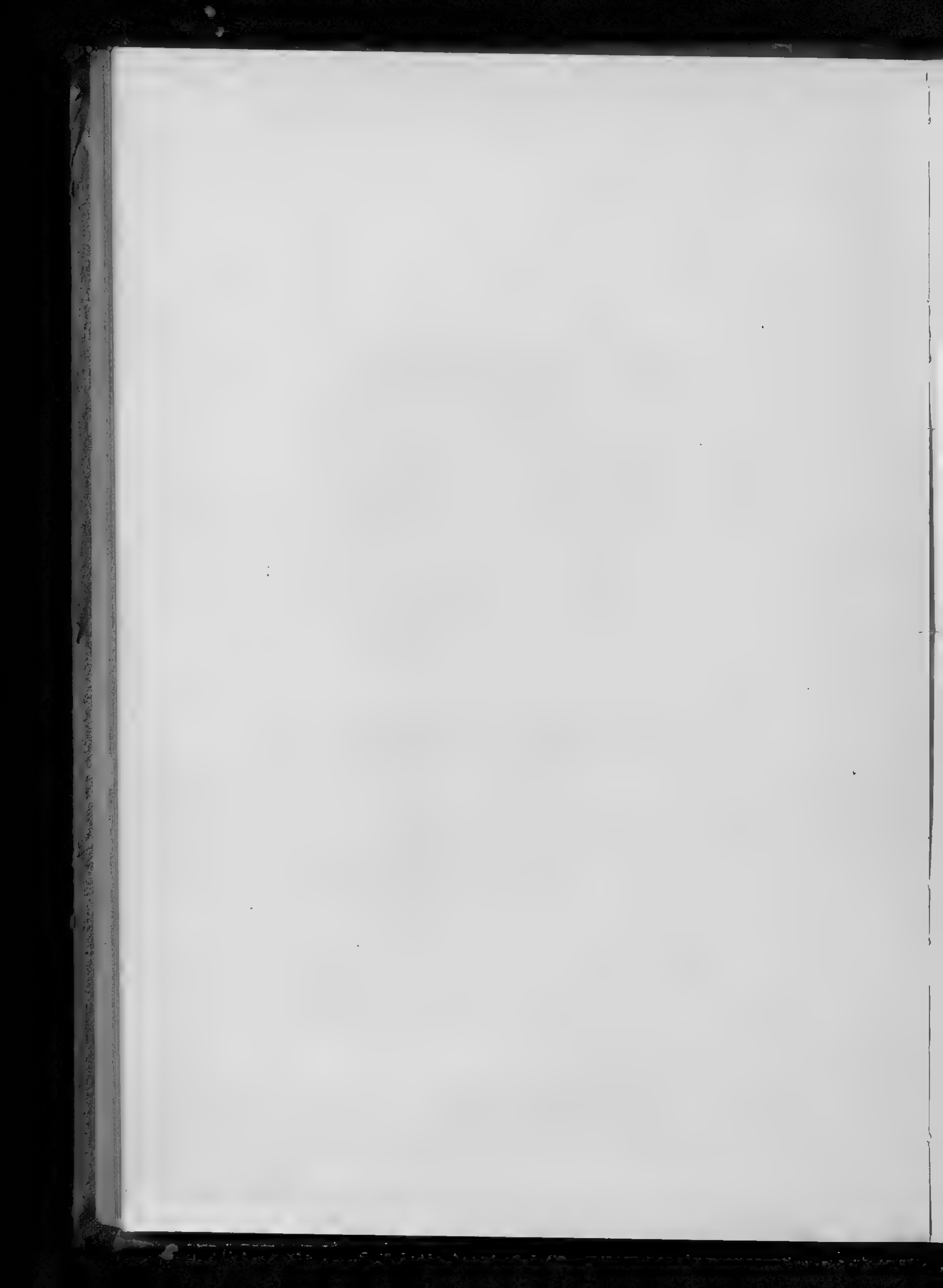

Батопортъ новаго Мальмійскаго дока.

Видъ батопорта предъ спускомъ его со стапеля.

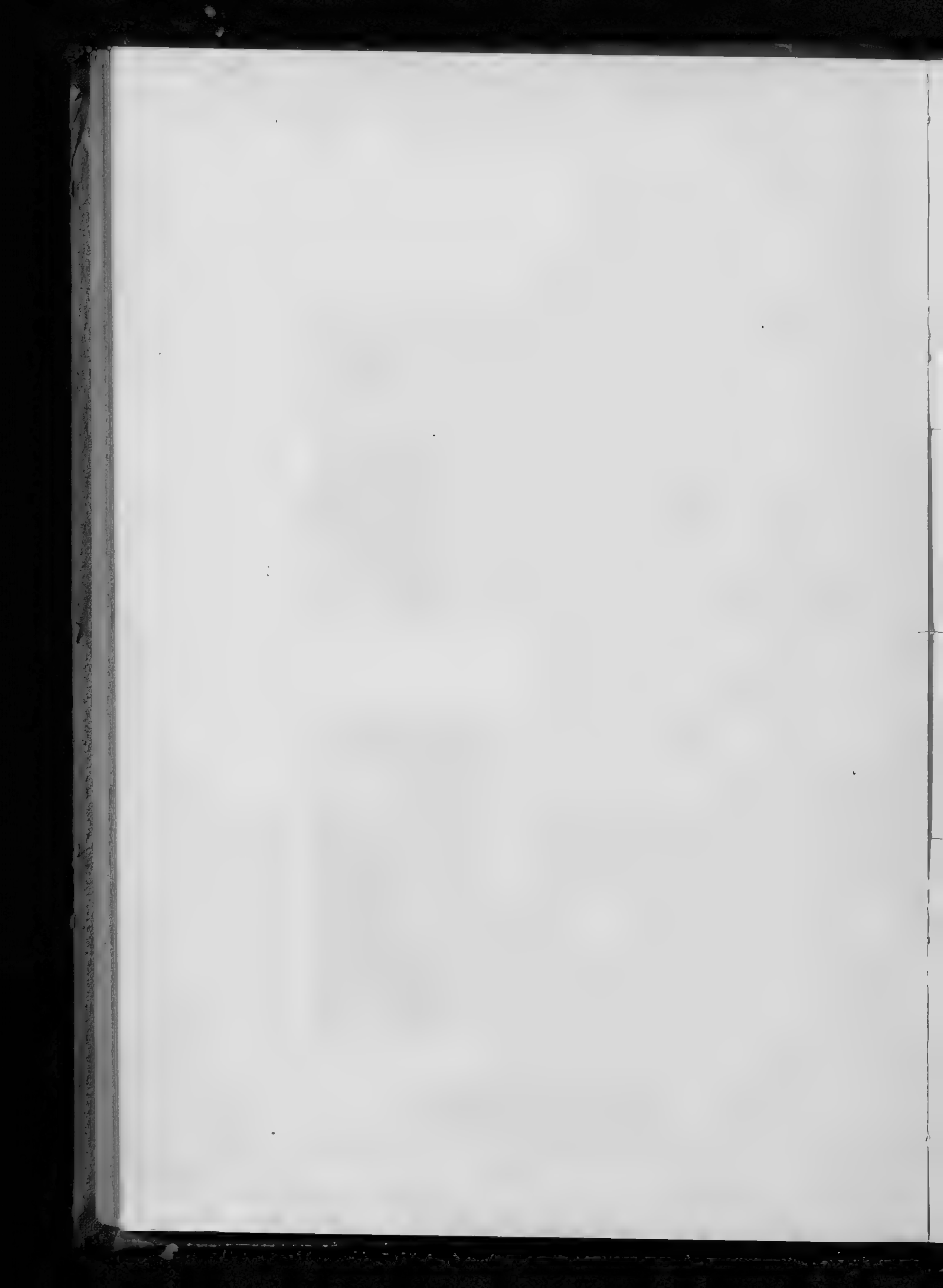
Увеличеніе безопасности желѣзнодорожнаго движенія.

Передовой станціонный сигналъ, указывающій, что главный станціонный сигналъ показываетъ открытымъ боковой путь.

Главный станціонный сигналъ, показывающій остановку.

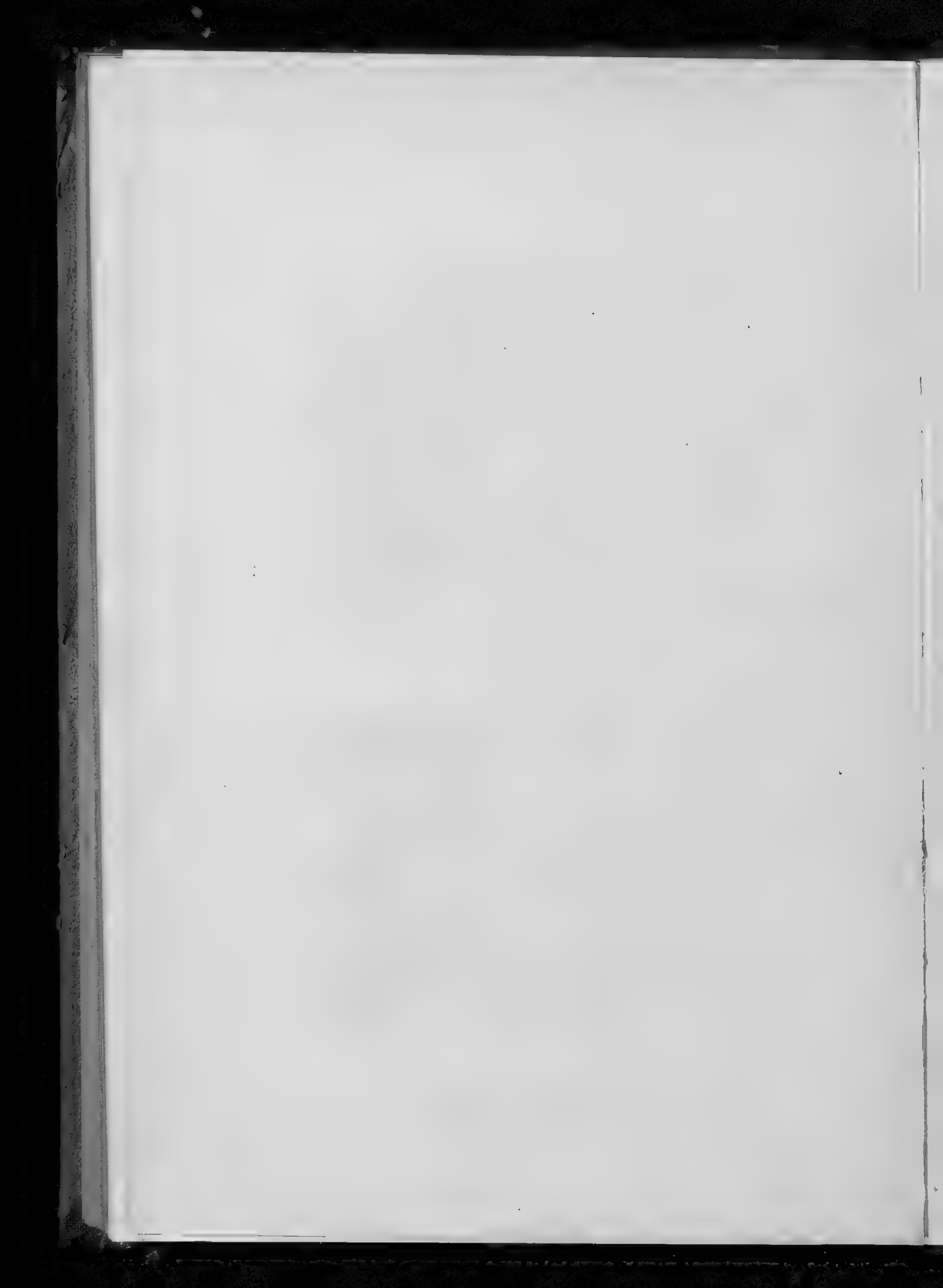
Увеличеніе безопасности желѣзнодорожнаго движенія.

Передовой станціонный сигналъ, указывающій, что главный станціонный сигналъ показываетъ остановку.

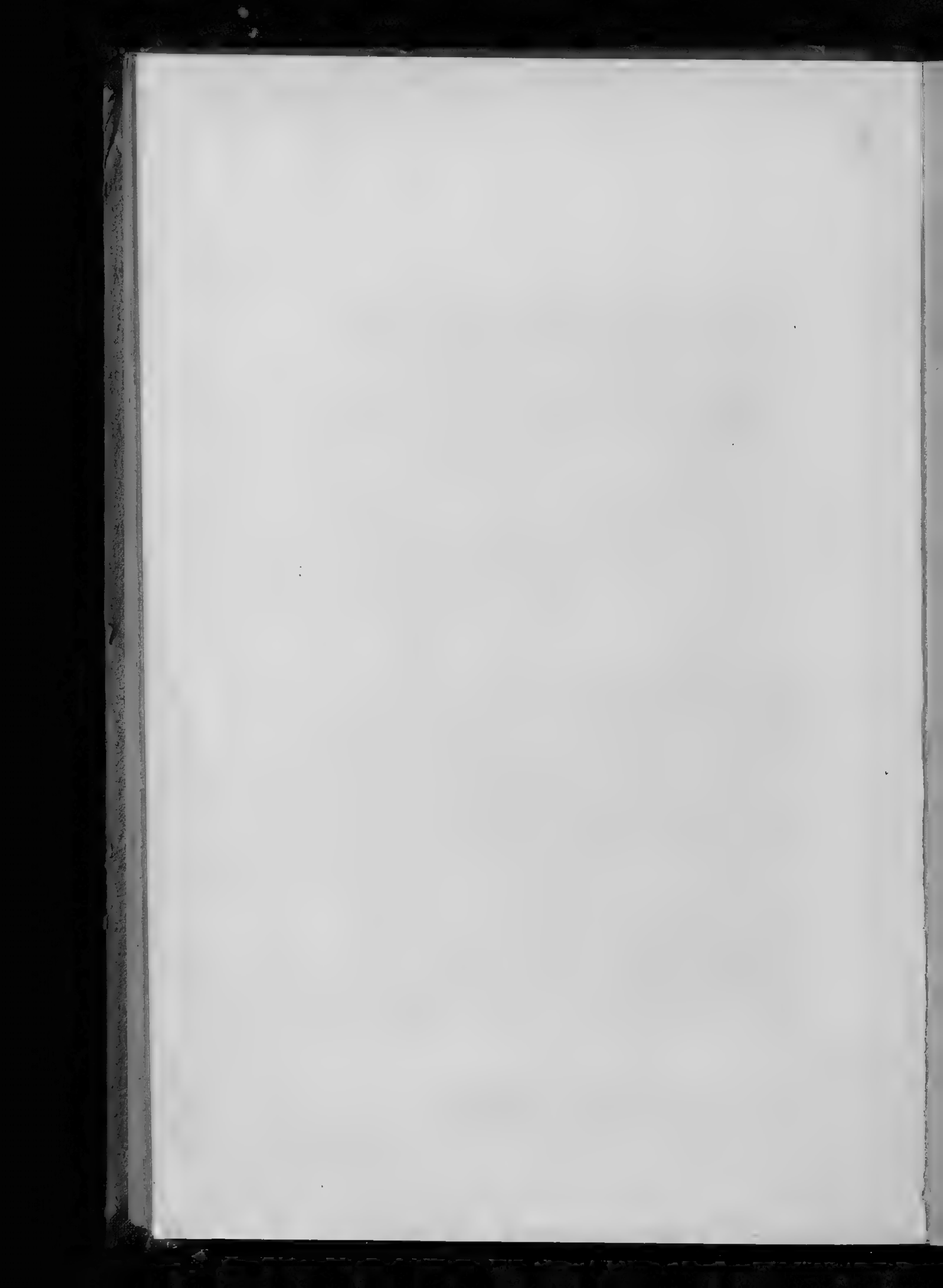
Передовой станціонный сигналъ, указывающій, что главный станціонный сигналъ показываетъ свободнымъ главный путь.

Русскіе въ заграничныхъ курортахъ.

Скамья построенная авторомъ въ Киссингенѣ при православной церкви въ память своего отца Е. В. Тимонова.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

по международнымъ конгрессамъ.

Note sur les travaux du port de Libau. Compte-Rendu du Congrès des Travaux Maritimes de 1889 à Paris. 4 p. planche. Paris. 1889.

О постоянной организаціи международныхъ конгрессовъ по Приморскимъ сооруженіямъ. Докладъ I Международному Конгрессу по Приморскимъ сооруженіямъ въ Парижѣ въ 1889 году (въ сотрудничествѣ съ С. Житковымъ и Б. Круликевичемъ). Напеч. въ Compte-Rendu des Travaux du Congrès, Paris. 1889 г.

Le Volga. Aperçu hydrographique sommaire. Докладъ IV международному конгрессу по внутреннимъ сообщеніямъ въ Манчестерѣ 1890 г. 12 стр. Напеч. въ Трудахъ Конгресса и отдѣльно. Manchester. 1890 г.

О морскомъ строительномъ дѣлѣ на Парижской Всемірной выставкѣ и международномъ конгрессѣ по Приморскимъ сооруженіямъ 1889 г. Напеч. въ Изв. Соб. И. П. С. 1890 г. и отд. 69 стр. Спб. 1890 г.

Морское строительное дѣло на Парижской Всемірной выставкѣ и международномъ конгрессѣ по приморскимъ сооруженіямъ 1889 г. Напеч. въ Жур. М. П. С. 1890 г. и отд. 97 стр. 5 лист. чертежей. Спб. 1891 г.

Манчестерскій морской каналъ на IV-мъ международномъ конгрессѣ по внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ. Напеч. въ Изв. Соб. И. П. С. 1891 г. и отдѣльно. 30 стр. 10 черт. Спб. 1891 г.

С.-Петербургская сессія международнаго желѣзнодорожнаго конгресса. Н. Вр. Спб. 1892 г.

Les embouchures du Volga. Докладъ V-му международному конгрессу по внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ въ Парижѣ 1892 года, 42 стр., 3 листа черт. Напечатано въ трудахъ Конгресса и въ Сборникѣ С.-Петербургскаго Округа путей сообщенія, вып. X, и отдѣльно. Paris. 1892 г. С.-Петербургъ, 1907 г.

Die Wolgamündungen. Bericht dem V Internationalen Binnenschiffahrts-Congress zu Paris. 1892, 44 Seit.. 3 Taf. Paris. 1892 г.

The Mouths of the Volga. Report of the V-th International Congress on Inland Navigation. P. 45. Pl. 3. Paris. 1892 г..

О значеніи французскаго инженернаго искусства. Рѣчь, произнесенная на V Международномъ Судоходномъ Конгрессѣ въ Сентъ-Этьенѣ въ 1882 г. Напечатано въ Compte-Rendu des Travaux du Congrès. Paris 1892 г.

Парижскій международный конгрессъ по внутреннему судоходству. Шведскій и Германскій искусственные водные пути между Балтійскимъ и Нѣмецкими морями. Напечатано въ Изв. С. И. П. С. 1893 г. 117 стр. 70 рис. въ тек. и 2 таб. фототипій. Спб. 1893 г.

The Formation of ports on a sandy Coast in a tideless Sea. Докладъ II международному морскому конгрессу въ Лондонѣ 1893 г. 7 стр. 2 черт. въ текстѣ. London, 1893 г.

Les Cataractes du Dnièpre. Докладъ VI международному конгрессу въ Гаагѣ въ 1894 г. 124 стр., 64 чертежа въ текстѣ и 10 таблицъ фототип. Спб. 1892 г.

Die Katarakten des Dnieper. 79 стр., 64 черт. въ текстѣ. Haag. 1894.

The Cataracts of the Dnieper. 77 стр., 64 черт. въ текстѣ и 10 таб. фототипій. The Haag. 1894.

О VI-мъ международномъ Конгрессѣ по внутреннему судоходству. Докладъ I-му съѣзду русскихъ дѣятелей по воднымъ путямъ. 1894 г. 11 стр. Напечатано въ Трудахъ Съѣзда. Спб. 1894 г.

Общія свѣдѣнія о Лондонскомъ морскомъ международномъ конгрессѣ. Докладъ I-му съѣзду русскихъ дѣятелей по воднымъ путямъ. 1894 г. 11 стр. Напечатано въ Труд. Съѣзда. Спб. 1894 г.

Les dragues à succion. Rapport au VII Congrès de Navigation. Тоже, на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. 20 стр. Bruxelles. 1898.

О значеніи международныхъ конгрессовъ. Рѣчь, произнесенная въ заключительномъ засѣданіи VII международнаго судоходнаго конгресса въ Брюсселѣ въ 1898 г. Напечатано въ Bulletin officiel du VII Congrès International de Navigation № 7 и въ Compte-Rendu des Travaux du Congres. Bruxelles. 1898.

Брюссельскій международный конгрессъ по судоходству. Торг.-Пром. Газ. № 184 и сл. Спб. 1898.

Заключенія и постановленія VII международнаго конгресса по судоходству бывшаго въ Брюсселѣ въ 1898 г. Вѣстн. М. П. С. №№ 43, 49, 50 1898 г., Журн. М. П. С. кн. 9, 1898 г. и отдѣльно. 16 стр. Спб. 1898 г.

Докладъ VI съѣзду русскихъ и дѣятелей по воднымъ путямъ 1899 года о VII международномъ судоходномъ конгрессѣ, бывшемъ въ Брюсселѣ въ 1898 году. Напечатано въ Труд. съѣзда и отд. 29 стр. Спб. 1899.

Dragages. Rapport général présenté à l'assemblée plénière du VII Congrès international de Navigation. 14 стр. Bruxelles. 1899.

Régularisation des grands fleuves par le dragage mécanique des passes et l'appel des eaux. Rapport au VIII Congrès de Navigation. 15 p. 3 planches. Paris. 1900 г.

Regulirung der grossen Flüsse durch mechanische Baggerung der Fahrrinnen und die Wasseranziehung. Bericht dem VIII Schiffahrtcongress. P. 15, 3 Tafel. Paris. 1900 г.

Training of large rivers by the mecanical dredging of channels and attraction of the waters. Report do the VIII International Navigation Congress. P. 15, plates 3. Paris. 1900 г.

Международный судоходный конгрессъ въ Парижѣ въ 1900 году. Вѣстн. Финансовъ, Промышленности и Торговли, Журн. Мин. П. С., кн. 7, 1900 г. и отдѣльно. 10 стр. Спб. 1900.

Замѣчанія, сдѣланныя въ Собраніи И. И. П. С. 3 ноября 1900 г. по поводу сообщенія „VIII Международный судоходный конгрессъ“. Изв. Собр. И. П. С. 1900, № 12, 4 стр. in fol. Спб.

Вопросъ объ улучшеніи судоходныхъ условій большихъ рѣкъ на Парижскомъ конгрессѣ 1900 года. Изв. Собр. И. П. С. 1901 № 10. Спб. 1901.

Création en Russie d'une voie maritime intérieure entre la mer Baltique et la mer Blanche. Rapport au Congrès International du Génie Civil de Glasgow. 8 p., 3 planches. London. 1901.

Proposed inland Waterway between the Baltic Sea and the White Sea. Report to the International Engineering Congress of Glasgow. 8 p. 3 plates. London. 1901.

Программа занятій IX международнаго Судоходнаго конгресса въ Дюссельдорфѣ въ 1902 году. Ж. М. П. С., кн. 6, 1901 г. и отд. 4 стр. Спб. 1901.

Canaux maritimes aux embouchures du Dnièpre et du Boug. Communication au IX Congrès International de Navigation à Dusseldorf, 1902. Напечатано въ Трудахъ конгресса, въ Сборникѣ С.-Петербургскаго Округа путей сообщенія и отдѣльно 17 p. 1 planche. Berlin. 1902. Петербургъ, 1906.

О значеніи единства міровой сѣти водяныхъ путей. Рѣчь, произнесенная на IX международномъ судоходномъ конгрессѣ въ 1902 году. Напечатано въ Трудахъ Конгресса. Berlin. 1903.

Объ улучшеніи условій судоходства на большихъ рѣкахъ по даннымъ Парижскаго Международнаго Судоходнаго Конгресса 1900 года въ связи съ новѣйшими успѣхами судостроенія и гидротехники. 104 стр. 70 черт. въ текстѣ. Напечатано въ Журналѣ Мин. Пут. Сообщ., кн. 8, 9 и 10—1901 г., въ Трудахъ VIII Съѣзда Русскихъ Дѣятелей по Воднымъ путямъ и отдѣльно. Спб. 1902.

О соединеніи внутреннимъ воднымъ путемъ Балтійскаго моря съ Бѣлымъ. Докладъ международному рыбопромышленному конгрессу въ С.-Петербургѣ въ 1902 г. Напечатано въ Трудахъ конгресса на франц. языкѣ. Спб. 1903.

Основы улучшенія условій судоходства на большихъ рѣкахъ въ примѣненіи къ современнымъ потребностямъ Россіи. Стр. 96+359 и 70 рисунковъ въ текстѣ и 3 табл. черт. Спб. 1903.

Temporary Dry Docks for rapid Construction. Докладъ Международному Инженерному Конгрессу въ С.-Луисѣ въ 1904 г. Напечатано въ Transactions of the American Society of Civil Engineers, въ Сборникѣ Спб. Окр. путей сооб., вып. VIII и отдѣльно 12 стр., 4 рис. New-York. 1904 г.

Amélioration de l'embouchure des grands fleuves débouchant dans les mers sans marée. Докладъ Десятому Международному Судоходному Конгрессу, бывшему въ Миланѣ въ 1905 г. Напечатанъ въ трудахъ Конгресса и отдѣльно 24 стр., 2 таб. Bruxelles. 1905.

Публичныя рѣчи, произнесенныя въ собраніяхъ X международнаго конгресса въ 1905 году въ городѣ Миланѣ. Напечатаны въ Compte-Rendu des Travaux du Congrès. Milan. 1905.

Девятый международный судоходный конгрессъ, бывшій въ Дюссельдорфѣ въ 1902 году. Сборн. Спб. Окр. пут. сообщ., вып. IX и отдѣльно. 65 стр., 28 рис. Спб. 1906.

Amélioration de l'embouchure des grands fleuves débouchant dans les mers sans marée. Дополненный докладъ Десятому Международному Судоходному Конгрессу, бывшему въ Миланѣ въ 1905 году. Напечатано въ Сборникѣ Спб. Окр. путей сообщ. вып. X и отдѣльно, 36 стр., 2 табл. чертежей. Спб. 1903 г.

Вопросъ о Балтійско-Бѣломорскомъ русскомъ внутреннемъ водномъ пути на Международномъ Конгрессѣ въ Англіи въ 1901 году. Сборн. Спб. Окр. пут. сообщ. вып. XIII, стр. 18. Спб. 1907 г.

Организація XI Международнаго Судоходнаго Конгресса. Бюллетени Конгресса №№ I—XIV. 1907—1908 г. Спб. 1907—1908.

Національный Конгрессъ общественной гигіены и народнаго здравія, бывшій въ г. Марсели съ 24 сентября (7 октября) по 30 сентября (13 октября) 1906 года. Напечатано въ Журн. Отд. Стат. и Картогр. „Пути Сообщенія Россіи“ кн. XI, 1908 г., въ Журн. Общ. Охр. Нар. Здр. 1908 г. и отдѣльно 8 стр. Спб. 1908 г.

Câles sèches temporaires à construction rapide. Докладъ XI Международному Судоходному Конгрессу, бывшему въ С.-Петербургѣ въ 1908 г. Напечатанъ въ Трудахъ Конгресса и отдѣльно, въ четырехъ изданіяхъ, русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, 6 стр. 1 листъ чертежей. Bruxelles. 1908 г. Спб. 1909.

Dispositions à donner aux barrages de rivières à grande variation de debit, et éventuellement à fort charriage de glace, de manière à ménager les interêts de la navigation et de l'industrie (въ сотрудничествѣ съ М. Ф. Ціонглинскимъ). Докладъ XI Международному Судоходному Конгрессу, бывшему въ С.-Петербургѣ въ 1908 г. Напечатанъ въ Трудахъ Конгресса и отдѣльно, въ четырехъ изданіяхъ, русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Bruxelles. 1908 г. Спб. 1909.

Les ports maritimes le long de la grande voie navigable intérieure entre la mer Baltique et la mer Blanche et leurs moyens d'accès. Докладъ XI-му Международному Судоходному Конгрессу, бывшему въ С.-Петербургѣ въ 1908 году. Напечатанъ въ Трудахъ Конгресса и отдѣльно, въ четырехъ изданіяхъ, русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Bruxelles. 1908 г. Спб. 1909.

L'auto-sauvetage des navires échoués. Докладъ XI-му Международному Судоходному Конгрессу, бывшему въ С.-Петербургѣ въ 1908 году. Напечатанъ въ Трудахъ Конгресса и отдѣльно, въ четырехъ изданіяхъ, русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Bruxelles 1908 г. Спб. 1909.

Публичныя рѣчи, произнесенныя въ собраніяхъ XI Международнаго Судоходнаго Конгресса, въ 1908 году въ г. С.-Петербургѣ, Выборгѣ, Рыбинскѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Москвѣ. Напечатано въ Journal du Congrès, St.-Pétersbourg, 1908 и въ Compte-Rendu des Travaux du Congrès. Bruxelles, 1908.

Объ организаціи Постоянной Международной Ассоціаціи Дорожныхъ Конгрессовъ. Докладъ I Дорожному Конгрессу въ Парижѣ въ 1908 г. Напечатано въ Трудахъ Конгресса, 3 стр. Парижъ. 1909.

О дорожныхъ конгрессахъ. Рѣчь, произнесенная на I Дорожномъ Конгрессѣ въ Версали въ 1908 году. Напечатано въ Compte-Rendu des Travaux du Congrès. Paris. 1909.

О результатахъ XI Международнаго Судоходнаго Конгресса, бывшаго въ С.-Петербургѣ въ 1908 году. Докладъ XI Съѣзду Русскихъ Дѣятелей по Воднымъ Путямъ 8 февраля 1909 года. Напечатанъ въ Трудахъ Съѣзда, Журн. Отд. Стат. и Картогр., кн. XI—1909 г. и отдѣльно, 14 стр. Спб. 1909 г.

Программа занятій II Международнаго Дорожнаго Конгресса, Брюссель 1910. Журн. Отд. Стат. и Картогр. „Пути Сообщенія Россіи", кн. V—1909 г., 2 стр. Спб. 1909.

Постановленія II Международнаго Дорожнаго Конгресса, бывшаго въ Брюсселѣ въ 1910 году. Журн. Отд. Стат. и Картогр. „Пути Сообщенія Россіи", кн. XII—1910 г., 8 стр. Спб.

Краткія свѣдѣнія о XI Международномъ Судоходномъ Конгрессѣ, бывшемъ въ С.-Петербургѣ въ 1908 г. Докладъ Второму Всероссійскому Метеорологическому Съѣзду. 16 стр. Напечатано въ Трудахъ Съѣзда и отдѣльно. Спб. 1910.

Amélioration des rivières par régularisations et par dragage et, le cas échéant, par réservoirs. Détermination du cas où il convient de recourir à des travaux de l'espèce de préférence à l'établissement d'un canal latéral (въ сотрудничествѣ съ В. Г. Клейберомъ). Докладъ XII Международному Судоходному Конгрессу, бывшему въ Филадельфіи въ 1912 году. Напечатанъ въ Трудахъ Конгресса на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и особо приложенъ къ Трудамъ Междувѣдомственной Комиссіи для составленія плана работъ по улучшенію и развитію водяныхъ сообщеній Имперіи. Bruxelles, 1912.

Постановленія Второго Международнаго Дорожнаго Конгресса, бывшаго въ Брюсселѣ въ 1910 году и Программа Конгресса, имѣющаго состояться въ 1913 году. Стр. 31. Напечатано въ Трудахъ XIV Съѣзда Русскихъ Дѣятелей по Воднымъ Путямъ и отдѣльно. Спб. 1912.

Публичныя рѣчи, произнесенныя въ собраніяхъ XII Международнаго Судоходнаго Конгресса въ 1912 году въ Филадельфіи, Кэпъ-Меѣ, Маунтъ-Вернонѣ, Гаррисбургѣ, Питтербургѣ, Ньюаркѣ, Нью-Іоркѣ, Сандвичѣ, Бостонѣ, Кливелэндѣ, Дитройтѣ, и на озерѣ Гуронъ.—Напечатаны въ Compte Rendu des Travaux du Congrès. Bruxelles. 1912.

Международный Конгрессъ спасанія и предупрежденія несчастныхъ случаевъ, бывшій въ Вѣнѣ въ 1913 году. 12 стр., 3 рис. Напечатано въ Журналѣ Отдѣла Статистики и Картографіи „Пути Сообщенія Россіи" № IX—1913 г., Журналѣ Спасанія на Водахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Россійскаго Общества Спасанія на Водахъ, Вѣстникѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Россійскаго Общества Краснаго Креста и отдѣльно. Спб. 1913.

О III Международномъ Конгрессѣ по Холодильному Дѣлу. 18 стр. Напечатано въ Трудахъ XV Съѣзда Русскихъ Дѣятелей по Воднымъ Путямъ и отдѣльно. Спб. 1913.

О III Международномъ Конгрессѣ по Холодильному Дѣлу. 11 стр. Напечатано въ Журналѣ Отдѣла Статистики и Картографіи „Пути Сообщенія Россіи". IV—VII, 1913 г. и отдѣльно. Спб. 1913.

О III Международномъ Шоссейно-Дорожномъ Конгрессѣ, имѣющемъ быть въ Лондонѣ въ 1913 году. 11 стр. Напечатано въ Трудахъ XV Съѣзда Русскихъ Дѣятелей по Воднымъ Путямъ и отдѣльно. Спб. 1913.

Statistique des Dépenses faites pour la Construction et l'Entretien des Routes (въ сотрудничествѣ съ Л. Е. Лебедевымъ). Докладъ III Международному Шоссейно-Дорожному Конгрессу, бывшему въ Лондонѣ въ 1913 году. Напечатано въ Трудахъ Конгресса на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Лондонъ, 1913.

О постановленіяхъ XII Международнаго Судоходнаго Конгресса, бывшаго въ Филадельфіи въ 1912 году. 10 стр. Напечатано въ Трудахъ XV Съѣзда Русскихъ Дѣятелей по Воднымъ Путямъ и отдѣльно. Спб. 1913.

Программа занятій имѣющаго быть въ 1915 году XIII Международнаго Судоходнаго Конгресса съ указаніемъ именъ лицъ, принявшихъ на себя составленіе докладовъ отъ Россіи. Стр. 2. Напечатано въ Журналѣ Отдѣла Статистики и Картографіи „Пути Сообщенія Россіи" и отдѣльно. Спб. 1914.

Программа занятій имѣющаго быть въ 1916 году въ Мюнхенѣ IV Международнаго Шоссейно-Дорожнаго Конгресса. 2 стр. Напечатано въ Журналѣ Отдѣла Статистики и Картографіи „Пути Сообщенія Россіи", № II, 1914 г. и отдѣльно. Спб. 1914.

Постановленія третьяго Международнаго Шоссейно-Дорожнаго Конгресса, бывшаго въ Лондонѣ въ 1913 году. 8 стр. Напечатано въ Журналѣ Отдѣла Статистики и Картографіи „Пути Сообщенія Россіи", № II, 1914 г. и отдѣльно. Спб. 1914.

Постановленія третьяго Международнаго Шоссейно-Дорожнаго Конгресса бывшаго въ Лондонѣ въ 1913 году. 20 стр. Напечатано въ Трудахъ I Съѣзда дѣятелей по Шоссейному дѣлу и отдѣльно. Петроградъ, 1914.

Постановленія третьяго Международнаго Шоссейно-Дорожнаго Конгресса, бывшаго въ Лондонѣ въ 1913 году. 20 стр. Напечатано въ Журналѣ Минист. Путей Сообщенія, кн. 2-я. 1914. Спб. 1914.

Международныя организаціи и русскій языкъ. Напечатано въ Прав. Вѣстн. № 92—1915 г. и отдѣльно, 20 стр. Петроградъ. 1915.

Постоянная Международная Ассоціація Судоходныхъ Конгрессовъ и двѣнадцатый Международный Судоходный Конгрессъ, бывшій въ Филадельфіи въ 1912 году. Напечатано въ Трудахъ Междувѣдомственной Комиссіи для составленія плана работъ по улучшенію и развитію водяныхъ сообщеній Имперіи. Вып. 61 часть I, и отдѣльно. XII+242 стр. 90 рисунковъ и 60 отдѣльныхъ таблицъ. Петроградъ. 1915.

